

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (9)
2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик РФ, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВС СССР;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КАРПЫЧЕВ Александр Анатольевич – генерал-лейтенант, президент Союза ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

ПОПОВ Сергей Владимирович – генеральный директор «ОДК — Пермские моторы»;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

А.М. Василевский
Победа в битве на Волге 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Е. А. Шитиков
Создание полигона на Новой
Земле 36

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Владимир Шкляев
Сталин – преграда на пути
мирового зла 54

Р. К. Баландин
Торжество партократии..... 60

★ ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА, МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Е.И. Смирнов
Управление.
Каким оно было? 80

★ ВОЕННЫЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

80 лет военно-воздушной ака-
демии им.Ю. А. Гагарина..... 107

★ ОНИ СЛУЖИЛИ ОТЧИЗНЕ

Кончина маршала Советского
Союза Д.Т. Язова..... 127

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

А.М. Сергиенко
Миссия в Югославии..... 133

★ ИСТОРИЯ РОДОВ ВОЙСК. ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА

Д.М. Карбышев
Инженерная подготовка границ
СССР 147

★ РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Ю.Н. Тихонов
Как разрешить афганскую
проблему..... 163

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

Владимир Стрюков
Партизанские диверсии 193

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

Владимир Стрюков
Операции ГУКР Смерш НКО
СССР. Окончание..... 214

★ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Борьба с националистическим
подпольем в 1939-1941 гг. ... 249

★ НЕ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Боевой штурман 263

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

А.Е. Голованов
Первая встреча со Сталиным. 266

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, с 1942 года начальник Генерального штаба, заместитель наркома обороны СССР

ПОБЕДА В БИТВЕ НА ВОЛГЕ

В то время, как наши войска на сталинградском направлении все свое внимание сосредоточили на подготовке контрнаступления, положение войск в самом Сталинграде продолжало ухудшаться. 11 ноября, после некоторой паузы, противник вновь возобновил ожесточенные атаки против войск 62-й армии В.И. Чуйкова в городе, вводя туда части, ранее действовавшие против Донского фронта.

К исходу дня ему удалось, несмотря на сопротивление наших войск, занять южную часть завода «Баррикады» и здесь также выйти к Волге. Положение 62-й армии усугубилось начавшимся на Волге ледоставом.

В эти дни по указанию Ставки мне пришлось вернуться на Сталинградский фронт. Мне было приказано завершить работу по подготовке этого фронта к наступлению, а командующий фронтом всецело

переключился на руководство обороной города.

В первые дни операции ведущую роль играл Юго-Западный фронт, штаб которого находился в городе Серафимовиче. Там для меня Генштабом был подготовлен пункт руководства Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами, предназначенными к участию в наступательной операции, куда я и собрался перебраться 17 ноября. Однако

И. В. Сталин по телефону предложил мне прибыть 18 ноября в Москву для обсуждения одного из вопросов, касающихся предстоящей операции. Ничего более конкретного он мне не сообщил. В 18 часов в кремлевском кабинете Сталина проходило заседание Государственного Комитета Оборона. Сталин немедленно принял меня и предложил, пока шло обсуждение ряда крупных хозяйственных вопросов, ознакомиться с поступившим на его имя письмом командира 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольского, предназначенного для выполнения решающей роли в предстоящей операции на участке Сталинградского фронта. Комкор писал в ГКО, что запланированное наступление под Сталинградом при том соотношении сил и средств, которое сложилось к началу наступления, не только не позволяет рассчитывать на успех, но, по его мнению, безусловно обречено на провал со всеми вытекающими отсюда последствиями и что он как честный член партии, зная мнение и других ответственных участников наступления, просит ГКО немедленно и тщательно проверить реальность принятых по операции решений, отложить ее, а быть может, и отказаться от нее совсем.

ГКО, естественно, потребовал от меня дать оценку письму. Я выразил удивление по поводу письма: в течение последних недель его автор активно участвовал в подготовке операции и ни разу не высказывал ни малейшего сомнения как по операции в целом, так и по задачам, поставленным перед войсками вверенного ему корпуса. Более того, 10 ноября на заключительном совещании он заверил представителей Ставки и военный совет фронта, что его корпус готов к выполнению задачи, а затем доложил о полной боеспособности и об отличном, боевом настроении личного состава этого соединения. В заключение я заявил, что никаких оснований не только для отмены подготовленной операции, но и для пересмотра сроков ее начала, на мой взгляд, не существует.

Сталин приказал тут же соединить его по телефону с Вольским и после короткого и отнюдь не резкого разговора с ним порекомендовал мне не обращать внимания на это письмо, а автора письма оставить в корпусе, так как он только что дал ему слово во что бы то ни стало выполнить поставленную корпусу задачу. Окончательно вопрос о нем как о командире корпуса должны были решить по результатам действий корпуса, о которых в первые дни операции Сталин приказал мне доложить ему особо. После этого он предложил мне незамедлительно отправиться на фронт. Утром 19 ноября, то есть в день начала операции, я был в Серафимовиче. Никого из ответственных работников фронта я здесь не застал. К полудню я прибыл в 5-ю танковую армию П. Л. Романенко, которая наносила основной удар на Юго-Западном фронте.

Наступление Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов началось, как и намечалось планом, с утра. Сильный туман и снегопад исключили возможность использовать в период подготовки удара

и в момент самой атаки боевую, особенно штурмовую, авиацию и резко снижали эффективность артиллерийского огня. В первые два часа отдельные дивизии 5-й танковой армии, преодолев первую позицию главной полосы обороны врага, продвинулись в глубину на 2—3 км. Однако некоторые из войсковых соединений, встречая сопротивление противника и отражая его постоянные контратаки, наступали крайне медленно. Чтобы обеспечить обязательный прорыв в этот день всей тактической зоны фашистской обороны, командующий фронтом принял решение немедленно ввести в дело 1-й танковый корпус В. В. Будкова и 26-й танковый корпус А. Г. Родина. Их танковые бригады с ходу прорвали оборону врага и, разгромив попавшие под удар румынские войска, продвинулись за день на 20 км.

Примерно так же разворачивались события и в 21-й армии И. М. Чистякова. Наибольший успех выпал в тот день на долю 4-го танкового корпуса А. Г. Кравченко, продвинувшегося на 30—35 км. 20 ноября в соответствии с планом, причем в еще

▲ Василевский А.М.

более сложных метеорологических условиях, но столь же удачно, начал (контрнаступление Сталинградский фронт. Докладывая Верховному Главнокомандующему об успешном ходе операции, я сообщил я об отличных действиях 4-го мехкорпуса В. Т. Вольского, войска которого проявили в первый же день операции исключительный героизм, мужество, отвагу и продвинулись, ломая сопротивление врага, на 20 км.

В течение 21 ноября войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, нанося противнику огромный урон, выходя в глубокий тыл основной его группировке и дезорганизуя управление фашистских войск, продолжали выполнять боевое задание. 23 ноября в результате искусно выполненных ударов по сходящимся направлениям в сторону Калача Юго-Западный и Сталинградский фронты при активной помощи правого крыла Донского фронта замкнули кольцо окружения вокруг главной группировки немцев, действовавшей в районе Сталинграда.

Это было первое крупное окружение, в котором оказались немецко-фашистские войска с начала войны. Во второй половине дня военные действия на всех трех фронтах, осуществлявших операцию, несмотря на отчаянное, постепенно возраставшее сопротивление ошеломленного внезапностью врага, продолжали развиваться для нас исключительно успешно. Наступавшие вслед за подвижными войсками стрелковые дивизии все теснее и теснее сжимали кольцо, создавая сплошной внутренний фронт окружения. Одновременно командование Юго-Западного и Сталинградского фронтов принимало меры к тому, чтобы как можно быстрее и дальше отодвинуть внешний фронт наступления и тем самым еще более изолировать окруженную группировку врага от его войск. Таким образом, первый, наиболее ответственный этап наступательной операции был блестяще завершен. Стратегическая инициатива на советско-германском фронте вновь перешла к Красной Армии.

▲ Чуйков В.И.

К исходу 23 ноября создать сплошной внешний фронт окружения нам не удалось. Его общая протяженность составляла более 450 км. Из них нашими войсками было прикрыто не более 265 км. Минимальное удаление от внутреннего фронта окружения на самых ответственных направлениях не превышало 15—20 км. Но и у гитлеровцев не имелось сплошной линии обороны против наших войск. Более того, нам стало известно, что в результате столь удачных и абсолютно неожиданных для врага действий советских войск за последние пять суток на таком важнейшем участке, как Лихая — Ростов, образовалась огромная брешь, не занятая фашистами. Отсутствие у противника в непосредственном оперативном тылу резервов усугубляло остроту его положения.

Вечер 23 ноября застал меня в войсках Юго-Западного фронта. Обсудив с фронтовым командованием, а затем по телефону с командующими Сталинградским и Донским фронтами оперативную обстановку и наметив наиболее целесообразный план дальнейших действий, я доложил Верховному Главнокомандующему наши соображения и предложения. Они сводились к следующему. Гитлеровцы в самом срочном порядке, безусловно, примут все

меры к тому, чтобы при максимальной помощи извне выручить свои войска, окруженные под Сталинградом; поэтому важнейшей задачей для нас является скорейшая ликвидация окруженной группировки врага и освобождение своих сил, занятых этой операцией; до решения этой основной задачи нужно как можно надежнее изолировать окруженную группировку от подхода неприятельских войск; в этих целях необходимо быстро создать прочный внешний фронт и иметь за ним достаточные резервы из подвижных войск. Я доложил также, что войска всех трех фронтов, находящиеся на внутреннем фронте окружения, с утра 24 ноября без какой-либо существенной перегруппировки и дополнительной подготовки продолжают решительные действия по ликвидации окруженного противника.

Верховный Главнокомандующий одобрил наши выводы и действия и предложил, исходя из благоприятной, сложившейся для нас на среднем течении Дона обстановки, наметить проведение новой (о ней уже шла речь в Ставке) наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, чтобы расширить фронт нашего наступления и нанести врагу дополнительный и по возможности как

можно более чувствительный удар в общем направлении на Миллерово, Ростов. Предполагалось, что успех этой операции может создать условия для полного разгрома противника на южном крыле советско-германского фронта и вместе с тем, при наличии наших активных действий на тормосинском направлении, надежнее обеспечить с запада ход ликвидации окруженной группировки врага. Верховный Главнокомандующий приказал мне в ближайшие дни вместе с командующими Юго-Западным и Воронежским фронтами рассмотреть этот вопрос на месте и представить в Ставку соответствующие соображения.

В ночь на 24 ноября я дал командующим Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами директиву, в которой излагались их задачи по ликвидации окруженной группировки на ближайшее время (вечером они получили устные распоряжения о действиях на следующий день). К участию в боевых действиях, начавшихся с утра 24 ноября, для удара с запада на восток, привлекалась 21-я армия, усиленная 26-м и 4-м танковыми корпусами Юго-Западного фронта; с севера, от Клетской и Качалинской, вместе с уже наступавшими здесь 65-й и 24-й армиями должна была перейти в наступле-

ние от Дубовки 66-я армия Донского фронта; с востока — 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта. Общим для ударных группировок всех трех фронтов являлось направление на Гумрак: с выходом в этот район наших войск окруженные войска противника будут расчленены на мелкие группировки и не смогут оказать дальнейшего сопротивления.

Для обеспечения операции со стороны внешнего фронта окружения предусматривалось, что Юго-Западный фронт силами 1-й гвардейской и 5-й танковой армий прочно закрепит за собой позиции по восточным берегам рек Кривая и Чир с севера на юг и далее по железной дороге на участке Обливская — Суrowикино — Рычковский с запада на восток, чтобы не допустить контрудара противника с юго-запада. С юга же, по линии Громославка — Аксай — Уманцево, обеспечение операции возлагалось на 4-й кавкорпус и стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта.

С утра 24 ноября войска приступили к выполнению заданий. Но, к сожалению, ожидаемых результатов наступление не принесло. В наших исходных расчетах, на которых основывалось решение об уничтожении окруженного противника

действиями с ходу, была допущена серьезная ошибка. По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулус, определялась в то время в 85—90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс. Значительно преуменьшенными были наши представления и о боевой технике, особенно артиллерии и танках, и вооружении, которыми располагали окруженные фашисты. Мы не учли тех пополнений, которые поступали в соединения 6-й полевой и 4-й танковой немецкой армий в процессе их наступления и обороны, и огромного количества частей и подразделений всякого рода специальных и вспомогательных войск, попавших в «котел». Между тем личный состав этих войск в большинстве своем был использован в дальнейшем для пополнения боевых частей. Так, мы совершенно не принимали в расчет попавшие в окружение дивизию ПВО, более десятка отдельных саперных батальонов, санитарные организации и подразделения, многочисленные строительные батальоны, инженерные отряды из бывшей организации То-

▲ Чистяков И.М.

▲ Ватутин Н.Ф.

дта (возглавленной после его смерти Шпеером), части полевой жандармерии, тайной военной полиции и т. д.

В эти дни мы вместе с командующим Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутиным работали над замыслом будущей Среднедонской операции. 24 ноября командующий артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронов, командующий ВВС А. А. Новиков и я должны были встретиться с утра в штабе Воронежского фронта в районе Бутурлиновки с командованием этого фронта. В назначенный час мы были на ближайшем от Серафимовича аэродроме в районе Кумылженской. Был сильный туман, и предназначенный для полета транспортный самолет не смог прибыть. Как быть? Ведь я обещал Верховному Главнокомандующему 24 ноября работать в войсках Воронежского фронта.

Кроме того, в нашем распоряжении на работу по рекогносцировке и по планированию предстоящей операции оставалось всего три-четыре дня. Пришлось настоять, чтобы нас отправили на фронтовых самолетах У-2. (Так в то время назывался самолет ПО-2.)

Через некоторое время появились самолеты, ведомые опытными летчиками. А. А. Новиков дал экипажам указания, в соответствии с которыми самолеты заняли свои места в строю после взлета. Туман продолжал сгущаться. Самолеты потеряли зрительную связь. К тому же, как и ожидалось, началось сильное обледенение. Машина, на которой я летел, вынуждена была приземлиться прямо в поле, километрах в тридцати юго-восточнее Калача (Воронежского)-на-Подгорной. Пришлось добираться по целине до бли-

жайшего колхоза, затем на санях до шоссе, ведущего на Калач, и наконец на первой попавшейся грузовой воинской машине — к районной телефонной станции. Встретивший меня в Калаче секретарь райкома М. С. Василенко сообщил, что звонили из Москвы и сказали, что обеспокоены происшедшим. Меня более всего тревожила судьба самолета, на котором летел состоявший для поручений при мне А. И. Ручкин: у него находились секретные документы Ставки, предназначенные для командования Воронежского фронта. Связавшись по телефону с командующим фронтом Ф. И. Голиковым, я узнал, что из семи наших самолетов лишь один, как раз тот, на котором летел Ручкин, благополучно долетел до Бутурлиновки. Самолеты, доставлявшие Новикова и Воронова, совершили вынужденную посадку вблизи Калача. Мы условились с Голиковым о плане работы на завтра, после чего я доложил Верховному Главнокомандующему по телефону о случившемся. Ожидал замечаний, но их, к удивлению, не последовало.

Я и теперь вспоминаю этот неблагоприятный перелет, доставивший много забот и тревог летному и руководящему составу, выполнявшему это задание. Пользуясь случаем, мне хотелось бы не только еще раз принести свои извинения командованию 734-го авиаполка и его летчикам, осуществлявшим перелет, М. Р. Баграмову, К. Я. Василевскому, П. А. Ганьшину, В. К. Зайкову, А. П. Назаркину и В. Д. Рыжову за риск, вызванный моим неосторожным приказом, но и сердечно поблагодарить их. Несмотря на исключительно тяжелые условия, эти командиры, обладавшие незаурядным летным мастерством, сделали абсолютно все для того, чтобы полет не закончился трагически. Особую признательность хочу выразить старшему лейтенанту Степану Константиновичу Ковязину, который тогда вел наш самолет. Позднее, работая над этими воспоминаниями, я при содействии штаба ВВС с трудом отыскал его. Правда, ни во время полета, ни даже после войны длительное время никто из летчиков, в том

числе и С. К. Ковязин, не знали, что на борту самолетов находились представители Ставки Верховного Главнокомандования.

На рассвете 25 ноября все мы на автомашинах, присланных из штаба Воронежского фронта, отправились в район Верхнего Мамона и уже через несколько часов совместно с генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым и членом военного совета фронта генерал-лейтенантом Ф. Ф. Кузнецовым приступили к рекогносцировочным работам. Командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов детально знакомил нас с положением дел в полосе действий его армии. Мне особенно приятно было встретиться с ним, так как за его работу я нес перед Верховным Главнокомандующим своеобразную ответственность. После неудачной Харьковско-Барвенковской операции, проводившейся войсками Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 года, генерал-майор Харитонов, командовавший тогда 9-й армией Южного фронта, был отстранен от обязанностей и по настоянию командования Юго-

Западного направления привлечен к судебной ответственности. Подробно зная всю историю этой операции и истинные причины ее неудач, я доложил Сталину, что вина Харитонova в данном случае является относительной, и просил не только не отдавать его под суд, а как хорошего военачальника назначить командующим войсками армии. Товарищ Харитонов в роли командующего 6-й армией хорошо показал себя летом 1942 года и заслуженно получил более высокое воинское звание.

26 ноября такие же рекогносцировочные работы мы с Н. Ф. Ватутиным провели на правом крыле Юго-Западного фронта. Вернувшись на фронтовой КП в Серафимович, я доложил Верховному Главнокомандующему о проделанной работе и о наших предварительных соображениях по замыслу предстоящей операции. Сообщил я, примерно, следующее. Для удобства управления войсками Юго-Западного фронта в предстоящей операции целесообразно войска 1-й гвардейской армии, входившие к тому времени

в оперативную группу генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, реорганизовать в 1-ю гвардейскую армию, назначив Кузнецова ее командующим и создав для него управление. Остальные соединения этой армии, действовавшие юго-восточнее, растянувшиеся на рубежах рек Дон, Кривая и Чир до Чернышевской, выделить в самостоятельную 3-ю гвардейскую армию во главе с генерал-лейтенантом Д. Д. Лелюшенко (фактически он уже командовал в то время этими войсками). Фронт от Чернышевской до устья реки Чир, то есть до стыка с войсками Сталинградского фронта, оставить по-прежнему за 5-й танковой армией генерал-лейтенанта П. Л. Романенко.

Ближайшая цель операции — разгром 8-й итальянской армии и немецкой оперативной группы «Холлидт». Для этого на Юго-Западном фронте создать две ударные группировки: одну — на правом фланге 1-й гвардейской армии (в составе 6 стрелковых дивизий, 3 танковых корпусов и необходимых средств усиления) для нанесения удара с плацдарма южнее Верхне-

▲ Сталин И.В.

го Мамона в южном направлении, на Миллерово; другую — в полосе 3-й гвардейской армии к востоку от Боковской (в составе 5 стрелковых дивизий и одного механизированного корпуса) для одновременного нанесения удара с востока на запад, также на Миллерово, чтобы замкнуть кольцо окружения. В дальнейшем, разгромив итальянцев, подвижные войска фронта выходят на Северский Донец и, захватив переправу в районе станции Лихая, создают благоприятную обстановку для развития дальнейшего наступления на Ростов.

Для обеспечения операции с северо-запада и запада ударная группировка 6-й армии Воронежского фронта (в составе 5 стрелковых дивизий и одного танкового корпуса) должна будет нанести удар из района юго-западнее Верхнего Мамона на Кантемировку, Волошино. Готовность войск к выполнению операции — 10 декабря. Мы считали необходимым к этому времени

дополнительно передать распоряжением Ставки в Юго-Западный фронт 5 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, один механизированный корпус, 6 отдельных полков, а 6-й армии Воронежского фронта — три стрелковые дивизии, один танковый корпус, 7 артиллерийских и минометных полков.

5-й танковой армии предстояло в ближайшее время разгромить противника в районе Чернышевская, Морозовск, Тормосин с целью более прочной изоляции с юго-запада окруженной под Сталинградом группировки врага и развития в дальнейшем наступления на Тацинскую с выходом на рубеж реки Северский Донец. Успех операции означал бы приближение советских войск к Донбассу, начало освобождения Украины.

Верховный Главнокомандующий в основном одобрил наши предложения и обещал дополнительные войска и средства для фронтов. Мне он приказал обязать команду-

ющих Юго-Западным и Воронежским фронтами приступить к разработке детальных планов операции и представить в Ставку окончательные соображения по ней не позднее первых чисел декабря. Согласился Сталин и с моим предложением передать 21-ю армию Юго-Западного фронта, 26-й и 4-й танковые корпуса, действовавшие на внутреннем фронте кольца окружения у Сталинграда, Донскому фронту. Таким образом, все внимание командования Юго-Западного фронта сосредоточивалось на внешней линии борьбы и подготовке операции, получившей кодовое наименование «Сатурн».

В конце разговора И. В. Сталин указал, что в данное время самой важной и основной задачей является быстрая ликвидация окруженной группировки немцев. Это освободит занятые в ней наши войска для выполнения других заданий по окончательному разгрому врага на нашем Южном фронте.

— А потому,— заключил он разговор,— Ставка предлагает вам немедленно сосредоточиться на этом одном деле. Что касается операции «Сатурн», то ею пусть займется Ватутин и Кузнецов, а Москва им будет помогать.

2 декабря Ставка без каких-либо особых изменений утвердила окончательный план операции «Сатурн». Представителем Ставки при Юго-Западном и Воронежском фронтах был назначен Н. Н. Воронов. В начале декабря Ставка окончательно определила войска, необходимые этим фронтам для проведения «Сатурна». К 12 декабря на Юго-Западный фронт прибыли 5 стрелковых дивизий, 18-й, 24-й и 25-й танковые и 1-й гвардейский механизированный корпус, 6 отдельных танковых и 16 артиллерийских и минометных полков. Воронежский фронт получил 3 стрелковые дивизии, одну стрелковую бригаду, 17-й танковый корпус и 7 артиллерийских и минометных полков.

Итак, я опять вплотную занялся Сталинградом. С 24 ноября наши войска вели там ожесточенные бои с окруженными войсками Паулюса, оборонявшимися крайне упорно, переходившими зачастую в контратаки. В течение 28—30 ноября войска всех трех фронтов продолжали ожесточенную борьбу. Войскам 21-й, 65-й и 24-й армий Донского фронта удалось в ходе боев овладеть сильно укрепленными узлами в районе Песковатка, Вертячий, где враг оказывал особо упорное сопротивление. В эти дни я навел войска 65-й армии генерала П. И. Батова. Мне доставляло большое удовольствие вновь встретиться с командармом доблестной армии, к тому же ответственность той задачи, которую решали войска этого направления, обязывала меня к этому.

К тому времени войска армии вели бои в 12—15 км восточнее Вертячего. Даже беглый осмотр захваченных 65-й армией окопных

сооружений противника, с массой хорошо оборудованных, защищенных и замаскированных пулеметных и артиллерийских огневых точек, с прочными и удобным укрытиями для личного состава, надежно прикрытых искусно созданными инженерными противопехотными и противотанковыми, с наличием надолб, заграждениями,— все это уже говорило о том, что фашисты, по-видимому, рассчитывали драться здесь серьезно и долго. Особенно тщательно и прочно были построены и оборудованы пункты наблюдения и управления. Так, блиндаж, принадлежавший, по показанию пленных, командиру одной из пехотных дивизий противника, был защищен сверху двенадцатью накатами солидных бревен.

Поблагодарив военный совет и штаб не только от себя, но и от имени Ставки за отличные действия войск армии и за столь умелое, искусное управление ими в той

▲ Батов П.И.

ответственной операции, ознакомившись со всеми трудностями и нуждами, которые испытывала армия в тот момент, и детально обсудив план дальнейших действий, я убыл в войска соседней 24-й армии И. В. Галанина.

Вспоминая о пребывании в 65-й армии, я не могу не сказать хотя бы несколько добрых слов в адрес опытейшего боевого командарма, великопейнейшей души и скромности человека, каким был и остается Павел Иванович Батов. Первое наше знакомство с ним произошло в начале 30-х годов, когда я работал в Управлении боевой подготовки РККА. Тогда он был командиром батальона в одном из полков Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Наше управление часто привлекало эту дивизию на учения.

Уже тогда в работе П. И. Батова чувствовался опытейный, хороший методист и организатор, отлично знающий свое дело, и заботливый командир.

Павел Иванович воевал добровольцем на стороне революционной Испании и зарекомендовал себя великопейно подготовленным боевым военачальником, умеющим правильно организовать общевойсковой бой и управление им. Настоящее боевое знакомство у нас началось со вре-

мен Великой Отечественной войны, на протяжении которой П. И. Батов бесценно и отлично решал самые ответственные задачи на основных направлениях тех фронтов, в составе которых находилась 65-я армия. Большую часть войны она была во фронте К. К. Рокоссовского, который очень любил, ценил и уважал Павла Ивановича. Высоко ценила его и Ставка Верховного Главного командования.

29 ноября я находился уже в Заварыгине, где размещался КП и штаб Донского фронта. Хочу сказать несколько теплых, сердечных слов о командовавшем этим фронтом, общем любимце Красной Армии Константине Константиновиче Рокоссовском. Имя Маршала Советского Союза Рокоссовского широко известно во всем мире. Это один из выдающихся полководцев наших Вооруженных Сил. Сын варшавского машиниста, унтер-офицер старой армии, дважды краснознаменец в годы Гражданской войны, он получил два военных образования и командовал полком, бригадой, дивизией и корпусом, а также являлся инструктором в армии Монгольской республики. Мои первые встречи с ним относятся к началу 30-х годов, когда он, будучи командиром кавалерийского корпуса, посетил Управление боевой

подготовки РККА, где я тогда работал.

Уже в летние месяцы 1941 года имя Константина Константиновича часто упоминалось в сообщениях фронтовой и центральной печати. Войска, которыми он командовал в жестоких сражениях за Москву, блестяще решали поставленные перед ними задачи. Теперь Донской фронт, руководимый Рокоссовским, не только выстоял на вверенных ему рубежах, но и отлично выполнял вместе с другими фронтами историческую операцию по окружению гитлеровских войск в районе Нижней Волги, а затем по уничтожению и пленению остатков группы Паулюса. Командуя затем рядом фронтов, причем всегда на весьма ответственных направлениях, Константин Константинович своим упорным трудом, большими знаниями, мужеством, храбростью, огромной работоспособностью и неизменной заботой о подчиненных снискал себе исключительное уважение и горячую любовь. Я счастлив, что имел возможность на протяжении Великой Отечественной войны быть свидетелем полководческого таланта Константина Константиновича, его завидного во всех случаях спокойствия, умения найти мудрое решение самого сложного вопроса. Я многократно наблюдал, как войска под управлением Рокоссовского же-

стоко били врага, порою в невероятных трудных для них условиях. Большим военачальником, примерным коммунистом, верным другом и товарищем остается в моей памяти дорогой Константин Константинович...

Как уже было сказано, войска Паулюса держались упорно. Территория, которую они занимали, сократилась за это время почти вдвое. Однако от выполнения основной задачи — расчленения окруженной группировки и тем более окончательной ее ликвидации — мы были еще далеки. Враг (6-я немецкая армия в составе 17 дивизий и еще 5 дивизий 4-й танковой армии) создал плотную оборону к западу и юго-западу от Сталинграда на фронте Орловка — Дмитриевка — Цыбенко — Купоросное общим протяжением около 170 км. Штаб Паулюса располагался в центре группировки, в поселке Гумрак. Как впоследствии стало известно, понимая безнадежность своего положения, командование окруженных войск еще вечером 23 ноября потребовало от Гитлера свободы действий с тем, чтобы пойти на прорыв и пробиться из кольца окружения. Гитлер ответил: «Войска 6-й армии временно окружены рус-

скими... Личный состав армии может быть уверен, что я предприму все для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения...». Аналогичные заверения давал и Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии.

Встречая упорное сопротивление окруженного противника, советские войска вынуждены были приостановить продвижение. Здесь-то и стал очевиден просчет, который мы допустили в определении численности окруженных войск врага. К тому же соотношение этих сил на внутреннем фронте окружения в конце ноября и первых числах декабря продолжало изменяться не в нашу пользу, ибо мы, не имея свободных резервов, вынуждены были укреплять внешний фронт, изолирующий окруженные войска, особенно на Юго-Западном и Южном направлениях, за счет войск, снимаемых с кольца окружения. Это было тем более необходимо, что к нам начали поступать данные о переброске противником на сталинградское направление дополнительных войск с других участков советско-германского фронта и из Западной Европы.

В последних числах ноября мы были вынуждены перегруппировать с внутреннего на внешний фронт, на усиление тормосинского направления, ряд стрелковых дивизий 65-й и 21-й армий Донского фронта, а на котельниковское направление — оставшиеся еще на внутреннем фронте стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта. Вот почему к 1 декабря соотношение стало таким: у нас — 480 тыс. человек, 465 танков, 8490 орудий и минометов (без зенитной артиллерии и 50-мм минометов), а у противника — 330 тыс. человек, 340 танков, 5230 орудий и минометов.

В воздухе враг в последних числах ноября тоже значительно активизировал свои действия. Мы имели на сталинградском направлении около 790 боевых самолетов и еще некоторые соединения Aviации дальнего действия, причем 540 самолетов использовались против окруженной группировки и 250 — в интересах внешнего фронта. Немецко-фашистское командование бросило сюда около 1070 боевых самолетов. Однако значительную часть своих истребителей оно было вынуждено использовать на прикрытие транс-

ных войск с воздуха. Была разработана достаточно стройная система использования авиации, а также артиллерии в борьбе с транспортной авиацией противника. Установили строгую ответственность за порядок уничтожения вражеских самолетов с уточнением обязанностей войск внешнего фаса и внутреннего кольца окружения (самолеты уничтожались при подходе к кольцу и в период погрузки и взлета). Наконец, была обеспечена возможность круглосуточной работы наших истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, а также дальнобойной артиллерии для уничтожения фашистской авиации на аэродромах и посадочных площадках, внутри кольца окружения. Работа различных сил и средств, привлекавшихся для борьбы с транспортной авиацией противника, увязывалась единой системой наблюдения, оповещения и связи. Все это, вместе взятое, резко сократило поток грузов, доставлявшихся противником в «котел», и эвакуацию из него.

Выполняя указания Ставки, мы в первых числах декабря снова попытались расчлнить и уничтожить окруженную группировку. Однако и на этот раз сколько-нибудь значительных результатов не достигли. Противник, опираясь на сеть хорошо подготовленных инженерных оборонительных сооружений, яростно сопротивлялся, отвечая ожесточенными контратаками на каждую нашу попытку продвижения. Безусловно, некоторую отрицательную роль при этом сыграли и допущенные нами ошибки. На них мне указал в телеграмме от 4 декабря Верховный Главнокомандующий. Вот ее содержание:

«Тов. Михайлову. Ваша задача состоит в том, чтобы объединять действия Иванова и Донцова. До сего времени у вас, однако, получается разъединение, а не объединение. Вопреки вашему приказу, 2 и 3 числа наступал Иванов, а Донцов не был в состоянии наступать. Противник получил возможность маневра. 4 будет наступать Донцов, а Иванов окажется не в состоянии наступать. Про-

портной авиации, пытавшейся хоть как-то облегчить положение окруженных войск. Наибольшую активность вражеская бомбардировочная и истребительная авиация проявляла к концу ноября на южном и юго-западном фасах внешнего фронта.

Немалую заботу вызвала у советского командования организация надежной блокады окруженной группировки с воздуха. Скажу прямо, что на первых порах, во всяком случае до декабря 1942 года, мы недооценивали серьезность этой задачи, и ее выполнение носило случайный, разрозненный характер: работа авиации с системой огня зенитной артиллерии не увязывалась, четкого

управления и взаимодействия между ними установлено не было. А ведь в распоряжении противника имелось не менее 5 вполне пригодных аэродромов, принимавших одновременно значительное количество самолетов. Резко уменьшавшиеся с каждым днем запасы продовольствия, боеприпасов и горючего, необходимость эвакуировать огромное количество раненых и больных вынуждали гитлеровское командование привлекать к транспортным перевозкам максимум самолетов, использовать для этого даже бомбардировщики.

Только в первой половине декабря мы стали уделять более серьезное внимание блокированию окружен-

тивник опять получает возможность маневрировать. Прошу вас впредь не допускать таких ошибок. Раньше чем издать приказ о совместном наступлении Иванова и Донцова, нужно проверить, в состоянии ли они наступать. 4.XII.1942 г. 7 час. 06 мин. Васильев».

Но не эти ошибки были основной причиной неудачи операции, а недостаток имевшихся в нашем распоряжении сил. К тому же по сведениям разведки, гитлеровское командование с целью деблокирования окруженной группировки и для восстановления в районе Сталинграда утраченного положения создавало на юго-восточном участке фронта группу армий «Дон» во главе с бывшим заместителем начальника германского генштаба генерал-фельдмаршалом Манштейном. Ему были подчинены оперативная группа «Холлидт», 3-я румынская армия, армейская группа «Гот», в которую входили 4-я немецкая танковая и 4-я румынская армии, а также окруженные в районе Сталинграда войска 6-й и частично 4-й танковой немецкой армий. Нам стало известно, что в составе группы «Гот» для осуществления операции по деблокированию создаются 2 ударные группировки: одна — в районе Котельникова, другая — в районе Тормосина.

Довольно тревожная обстановка на южном и юго-западном фасах нашего внешнего фронта вынуждала нас к дальнейшему усилению его за счет войск внутреннего фронта. В частности, распоряжением командующего Сталинградским фронтом сюда были переданы для 51-й армии 13-й танковый корпус, несколько отдельных танковых и артиллерийских полков.

4 декабря я доложил Верховному Главнокомандующему о создавшейся здесь обстановке. Было принято решение: на Донской фронт в качестве основной ударной силы для ликвидации окруженных войск направить из резерва Ставки 2-ю гвардейскую армию, а также ряд других частей и соединений. Во 2-ю гвардейскую армию входили 1-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора И.И. Миссана, 13-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора П.Г. Чанчибадзе, 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора К.В. Свиридова. Создавая эту армию из отборных соединений в районе Тамбов, Раненбург, Мичуринск и назначив ее командующим такого опытного военачальника, каким был руководивший ранее в эту войну 48-м стрелковым корпусом, 6-й армией, Южным фронтом, Донской груп-

пой армий и 66-й армией генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, Ставка возлагала на нее особые надежды в большом стратегическом плане разгрома южного крыла немецко-фашистских войск. Не отказалась она от этой мысли и теперь, ставя перед 2-й гвардейской армией в качестве предварительной задачи участие в ликвидации окруженных войск Паулюса.

В тот же день через ведавшего организационной структурой родов войск и резервами генерал-лейтенанта А.Г. Карпоносова я дал Генеральному штабу указания принять все меры к тому, чтобы сосредоточение 2-й гвардейской армии в районе Донского фронта было закончено к 18 декабря. 5 декабря Генштаб доложил мне, что для переброски армии привлекаются 165 железнодорожных составов и что армия с 18 часов 4 декабря уже приступила к погрузке. Был доложен также план ее перевозки в целом. Кроме того, тогда же для усиления Юго-Западного направления Ставка решила создать 5-ю ударную армию, развернуть ее к 9 декабря между 5-й танковой армией Юго-Западного фронта и 51-й армией Сталинградского фронта и подчинить командующему последним. В состав 5-й ударной армии должны были войти 2 стрелко-

▲ Малиновский Р.Я.

▲ Попов М.М.

▲ Цветаев В.Д.

вые дивизии и 7-й танковый корпус из резерва Ставки, левофланговые соединения 5-й танковой армии, 4-й механизированный корпус и 3 стрелковые дивизии Сталинградского фронта. Кроме того, я обязан был выделить из войск Сталинградского и Донского фронтов на усиление этой армии 2 противотанковых артополка, 2—3 полка авиации Резерва Главного командования и 2 гвардейских минометных полка.

Командующим армией был назначен генерал-лейтенант М. М. Попов, оставленный одновременно в должности заместителя командующего Сталинградским фронтом. Его заместителем назначили генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева, начальником штаба армии — генерал-майора А. К. Кондратьева. 5-ю ударную армию обязали во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижнечирскую и тормосинскую группировки противника и ни в коем случае не позволить ему прорваться на соединение с окруженной фашистской группировкой. Имелось в виду, что в дальнейшем армия будет продолжать наступление севернее Дона в общем направлении на Усть-Быстрианскую.

И вот в ночь на 5 декабря совместно с К. К. Рокоссовским, посоветовавшись с А. И. Еременко, мы при-

ступили к разработке нового плана ликвидации окруженных войск Паулюса. Должен сказать, что по вопросу о дальнейших действиях советских войск в районе Сталинграда в Ставку был внесен ряд предложений. Как мне стало известно, согласно одному из них, мы должны были прекратить действия по ликвидации осажденной армии Паулюса, оставить вокруг нее лишь охранные войска, поскольку она якобы не представляла угрозы, являлась вроде «зайца на привязи», а все наши основные войска немедленно двинуть на Ростов-на-Дону, чтобы отрезать пути отхода фашистским войскам с Северного Кавказа. Это, по мнению авторов предложения, принесло бы нам большие выгоды, образовав на Северном Кавказе второй крупный «котел» для находившихся там неприятельских войск.

И. В. Сталин поддержал мое отрицательное отношение к этому предложению. Верховное Главнокомандование на основе трезвого расчета не могло стать на этот путь, хотя он был заманчивым. Под Сталинградом находилась хотя и ослабленная, но крупная группировка противника, располагавшая мощной боевой техникой и далеко еще не лишенная боеспособности. Недооценивать ее, особенно в начале декабря, было ни в коем случае нельзя. И. В. Сталин

отверг предложение «открыть ворота» Паулюсу, предложив его авторам оставить эту идею при себе.

Как стало известно потом, немецко-фашистское командование возлагало большие надежды на войска окруженной 6-й армии. Когда Н. Н. Воронов и К. К. Рокоссовский задали Паулюсу вопрос, почему он не сложил оружия сразу после того, как безвыходность положения его армии стала очевидной, и продолжал бесцельно проливать кровь своих солдат, фельдмаршал ответил, что этого требовали стратегические расчеты Германии.

9 декабря я представил план ликвидации окруженных немецко-фашистских войск в Ставку.

Планом предусматривались расчленение и ликвидация окруженной группировки последовательно в три этапа: на первом этапе силами Донского фронта должны быть уничтожены четыре пехотные дивизии западнее реки Россоска; на втором этапе ударом Донского фронта, в основном 2-й гвардейской армии, в юго-восточном направлении на Воропоново и встречным ударом 64-й армии Сталинградского фронта через Песчанку также на Воропоново изолировать, а затем пленить вражеские войска в южной части окруженной группировки; наконец, на третьем этапе

▲ К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, майор Дятленко, плененный Паулюс

▲ Толбухин Ф.И.

▲ Ротмистров П.А.

ударом всех действовавших на внутреннем фронте армий Донского и Сталинградского фронтов, в общем направлении на Гумрак, окончательно сломить сопротивление окруженного противника и покончить с ним.

11 декабря Ставка в основном утвердила план, потребовав только, чтобы задачи, предусмотренные на первых двух этапах операции, были решены на первом этапе, цель которого — войскам обоих фронтов с выходом в район Басаргино — станция Воропоново изолировать, а затем ликвидировать западную и южную группировки врага не позднее 23 декабря. Начать операцию было приказано 18 декабря. Таким образом, Ставка существенных поправок в наш план не внесла.

Однако не замедлил внести свои коррективы противник. В начале декабря, когда мы работали над упомянутым планом, к нам в Заварыгин, где находился штаб Донского фронта, стали поступать данные от Юго-Западного и Сталинградского фронтов о том, что в районе Котельникова и в других сосредотачиваются крупные вражеские силы. Немецкая авиация усиленно прикрывала этот район, проявляя вместе с тем повышенную активность против нашей 51-й армии. По решению командующего Сталинградским фронтом были сделаны попытки захватить

Котельниково. Хотя они и не увенчались успехом, но позволили установить, что туда прибывают крупные силы танковых войск врага, в частности 6-й танковой дивизии, которая в срочном порядке перебрасывалась из Франции. Таким образом, факты говорили о том, что немецко-фашистское командование, по-видимому, в ближайшие же дни попытается осуществить наступление на котельниковском направлении, чтобы деблокировать войска Паулюса.

В то же время на левом фланге Юго-Западного фронта 5-й танковой армии, несмотря на все усилия, никак не удавалось выбить врага с плацдарма на левом берегу Дона, у Нижне-Чирской, а также ликвидировать его плацдарм на восточном берегу Чира. Нас продолжало это беспокоить, тем более что и здесь за последние дни тоже был установлен подход новых вражеских сил, а расстояние от Верхне-Чирского до противника, находившегося в окружении, не превышало 40 км.

Утром 9 декабря я выехал в 51-ю и 5-ю танковую армии, чтобы, во-первых, уточнить обстановку и, во-вторых, проследить выход на стык указанных армий войск 5-й ударной армии. К вечеру я находился на КП 57-й армии Ф.И. Толбухина в Верхне-Царицынском. Здесь по распоряжению Генерального штаба был

организован надежный узел связи, поэтому я имел возможность переговорить с командующими Сталинградским и Юго-Западным фронтами: уточнил, где в тот момент находились 87-я, 300-я и 315-я стрелковые дивизии, выводимые из резерва Сталинградского фронта с восточного берега Волги и предназначенные Ставкой для 5-й ударной армии, переговорил с командующим 5-й ударной и с командирами 7-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. 10 декабря я побывал в войсках 51-й, 5-й ударной и на левом фланге 5-й танковой армии, непосредственно ознакомился с обстановкой на фронте и побеседовал с командующими армиями и командирами соединений.

К тому времени вражеская группа армий «Дон» занимала фронт от Вешенской до реки Маныч. В ее состав входило около 30 дивизий, не считая окруженных войск Паулюса. Из них 17 дивизий противостояли Юго-Западному фронту, а 13—5-й ударной и 51-й армиям Сталинградского фронта. Против 5-й ударной были нацелены одна пехотная, одна авиополевая и одна танковая дивизии; кроме того, по показаниям пленных, в районе Тормосина предполагалась в резерве 17-я танковая дивизия. Перед 51-й армией насчитывалось до 10 дивизий (правда, из них 6 пехотных

и кавалерийских дивизий румын, понесших в ноябре серьезные потери). В наших войсках наиболее плотную группировку мы имели в полосе 5-й ударной армии. Укомплектованность соединений в 51-й армии была низкой. В целом обе эти армии, а также 7-й танковый корпус были недостаточно обеспечены материально; особенно это ощущалось в отношении боеприпасов и горючего.

С утра 11 декабря по моему распоряжению на КП командира 7-го танкового корпуса П. А. Ротмистрова прибыли командующий 5-й ударной армией М. М. Попов и командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса И. А. Плиев. Здесь мы отработали план общих действий в районе Рычковского и Верхне-Чирского, с тем чтобы не допустить соединения котельшковской и нижнечирской группировок врага при их попытках деблокировать войска Паулюса. Прежде всего предусматривалось силами 7-го танкового корпуса и 2 стрелковых дивизий внезапно овладеть рычковским плацдармом.

Утром 12 декабря я находился в Верхне-Царицынском. Там мне стало известно, что на фронте 51-й армии после короткого артиллерийского обстрела позиций 302-й стрелковой дивизии, оседлавшей железную дорогу Котельниково — Сталинград, и 126-й стрелковой дивизии, оборонявшейся несколько восточнее, гитлеровцы перешли из района Котельникова в наступление. Как и предполагалось, в нем принимали участие дивизии 57-го немецкого танкового корпуса из армейской группы «Гот». Боевые порядки наступавших были усилены тяжелыми танками. На флангах действовали пехотные соединения румын. Удар врага отражали наши 3 довольно слабые стрелковые, 2 кавалерийские дивизии 4-го кавалерийского корпуса и одна танковая бригада. 6-я и 23-я танковые дивизии врага, обрушив удар в основном на 302-ю стрелковую дивизию и используя значительное превосходство в силах, при поддержке авиации прорвали фронт обороны и начали теснить нас на северо-восток.

Вместе с членом военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущевым, находившимся также в Верхне-Царицынском, мы поспешили на реку Аксай-Есауловский, к станции Жутово, чтобы уяснить на месте обстановку.

Надо сказать, что Н. С. Хрущев на тех фронтах, где я был представителем Ставки, он, как член военного совета этих фронтов и член Политбюро ЦК партии, всегда держал со мной самую тесную связь и чуть ли не всегда выезжал со мною в войска. И в тех случаях, когда Ставка вызывала меня и командующего фронтом в Москву, а командующего фронтом (где он был членом военного совета) и его не вызывала, он не раз обращался ко мне с просьбой разрешения лететь вместе, так как у него имеются срочные и важные вопросы в ПУР к А. С. Щербакову. И. В. Сталин всегда такие разрешения давал, и мы улетали в Москву и возвращались вместе.

Хорошие отношения были у меня с Н. С. Хрущевым и в первые после-

военные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И. В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом военного совета ряда фронтов, Н. С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой.

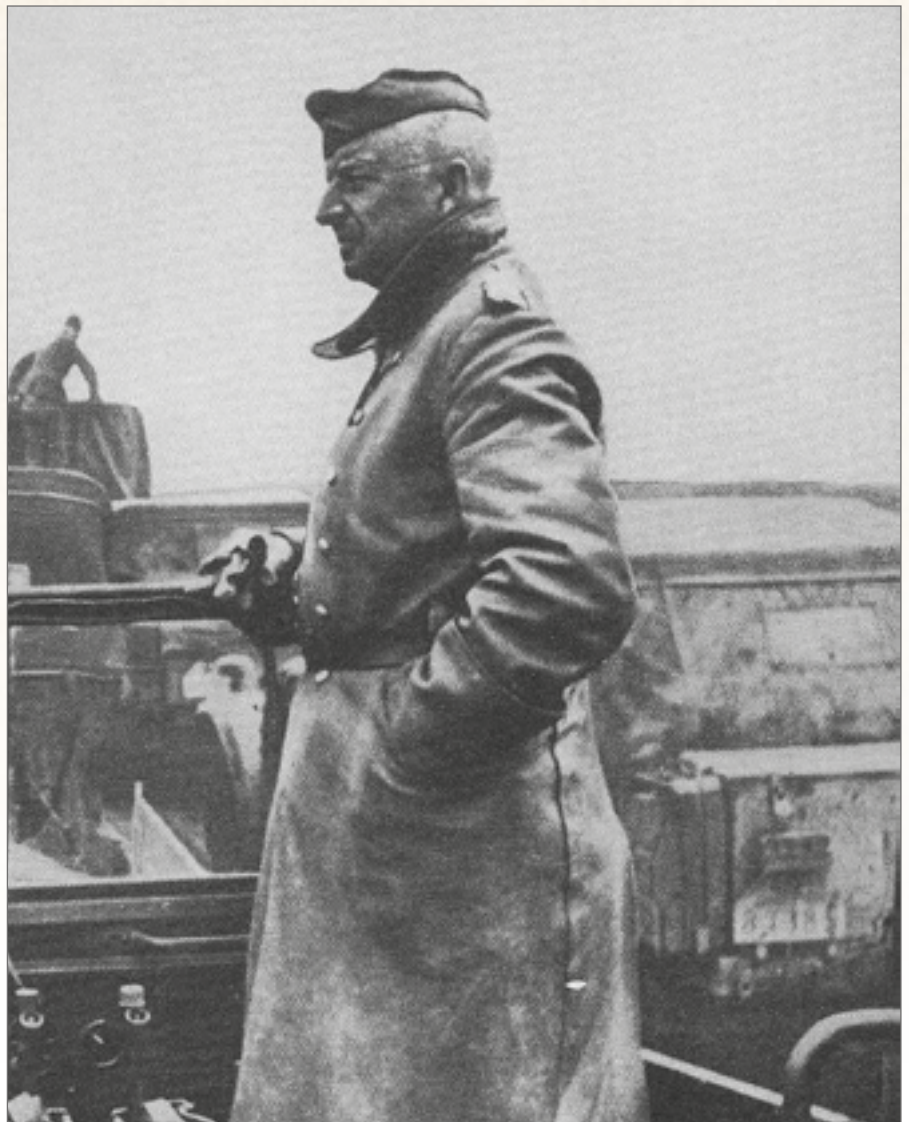
К вечеру 12 декабря передовые части 6-й танковой дивизии противника на отдельных участках уже подошли к южному берегу Аксая, а его 23-я танковая дивизия, наступая вдоль железной дороги, вышла в район, который 10—15 км южнее железнодорожного и шоссейного моста через Аксай у Круглякова. Соотношение сил на фронте 51-й армии было тогда примерно следующим: у нас — 34 тыс. человек, у противника — 76 тыс.; танков — 77 против 500; орудий и минометов (калибром от 76 мм и крупнее) — 147 против 340. Таким образом, наша 51-я армия оказалась в крайне трудном положении.

Вернувшись в Верхне-Царицынский, я связался с командующим Сталинградским фронтом, который находился в Райгороде; мы условились, что он немедленно позаботится об усилении 51-й армии и, кроме того, выделит часть сил для организации обороны по реке Мышкове. После этого я отправился в Заварыгин, чтобы, уведомив Ставку, принять более решительные меры против гитлеровцев, наступавших от Котельникова. Связаться с Верховным Главнокомандующим мне сразу не удалось. Тогда я проинформировал об обстановке на юге командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского и оказавшегося в то время

в его штабе командующего 2-й гвардейской армией Р. Я. Малиновского о том, что намерен просить Ставку по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии немедленно направлять их к югу от Сталинграда, навстречу наступавшим войскам Манштейна. Я предложил Малиновскому тотчас приступить к организации переброски уже готовых частей и соединений его армии форсированным маршем на реку Мышкову, чтобы, упредив противника, дать ему на рубеже Мышкови решительный отпор. Следует заметить, что к тому времени из 165 железнодорожных эшелонов, занятых перевозкой гвардейцев, в район к северо-западу от Сталинграда прибыли и разгрузились только 60. С ними же прибыли

штаб армии и 1-й стрелковый корпус.

В заключение я порекомендовал Р. Я. Малиновскому для скорейшего развертывания управления войсками на новом направлении использовать на первых порах КП 57-й армии, а ее командующего Ф. И. Толбухина попросил оказать 2-й гвардейской армии всемерное содействие в организации управления и снабжения горючим, в котором она особенно нуждалась. Через некоторое время состоялся разговор с Верховным Главнокомандующим. Я доложил о начавшемся крупном наступлении танковых войск противника со стороны Котельникова, а также о том, что с выходом этих войск к реке Аксай из-за отсутствия здесь у нас резервов создавалась серьезная опасность

▲ Манштейн Э. фон

▲ Голиков Ф.И.

прорыва внешнего фронта окружения войск Паулюса. Чтобы ликвидировать эту угрозу, необходимы серьезные и срочные меры как по усилению внешнего фронта, так и по укреплению южного и юго-западного фасов внутреннего фронта. Меры эти принимаются, но их далеко не достаточно. Далее я просил Верховного Главнокомандующего разрешить немедленно начать переброску прибывающей 2-й гвардейской армии на Донской фронт и развернуть ее на реке Мышкове, остановить продвижение войск Манштейна, а в дальнейшем, подчинив 2-ю гвардейскую армию Сталинградскому фронту, разгромить их, а операцию по ликвидации окруженных войск Паулюса временно отложить.

Это предложение вначале встретило довольно резкие возражения со стороны И.В. Сталина. Он сказал, что вопрос о передаче 2-й гвардейской армии из Донского в Сталинградский фронт будет рассмотрен Государственным Комитетом Обороны.

С большим волнением ожидал я решения Ставки в ночь на 13 декабря. Переход противника в наступление против слабых войск Сталинградского фронта на котельниковском направлении и сосредоточение сил 48-го танкового корпуса в районе Рычковского и Нижне-Чирской дик-

▲ Романенко П.Л.

товали необходимость направить основные усилия наших войск прежде всего на разгром деблокирующих группировок. Иначе окруженные войска Паулюса могли бы вырваться из «котла».

Конечно, еще лучше было перебросить сюда дополнительные резервы. Но из-за чрезмерной перегрузки железных дорог своевременно сделать это не представлялось возможным. И Ставка согласилась с предложением использовать против войск Манштейна на котельниковском направлении 2-ю гвардейскую армию. Около 5 часов утра 13 декабря я получил от Верховного соответствующие указания. Он распорядился перевести 2-ю гвардейскую из Донского в Сталинградский фронт 15 декабря, а руководство войсками по ликвидации деблокирующих группировок противника возложил на меня. В ближайшие дни я должен был представить соображения по использованию 2-й гвардейской армии на котельниковском направлении.

Кстати, командующий Донским фронтом мой друг К.К. Рокоссовский не был согласен с передачей 2-й гвардейской армии Сталинградскому фронту. Более того, настойчиво просил не делать этого и пытался склонить на свою сторону И.В. Сталина.

Уже после войны он не раз вспоминал об этом.

— Ты был все же тогда не прав,— говорил Константин Константинович.— Я со 2-й гвардейской еще до подхода Манштейна разгромил бы оголодавшие и замерзающие дивизии Паулюса.

14 декабря в 22 часа 30 минут мы получили официальную директиву о том, чтобы временно отложить осуществление операции «Кольцо», а 2-ю гвардейскую армию двинуть на юг. Ставка требовала при этом продолжать войсками, действовавшими на внутреннем фронте окружения, систематически истреблять войска Паулюса с воздуха и на земле, не давая врагу передышки ни днем, ни ночью, все более сжимать кольцо окружения и в корне пресекать попытки окруженных вырваться из него. Общая идея отражения войск Манштейна была сформулирована в директиве так: главная задача наших южных войск — разбить котельниковскую группу противника силами Труфанова (51-я армия) и Р.Я. Малиновского, в течение ближайших дней занять Котельниково и прочно там закрепиться. 19 декабря в помощь командующим Донским и Сталинградским фронтами в подготовке и в проведении операции по ликвидации окруженных войск Паулюса был командирован находившийся на Юго-Западном фронте командующий артиллерией Красной Армии Н.Н. Воронов. В директиве говорилось: «Товарищ Воронов командует в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя товарища Василевского по делу о ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом... Товарищу Воронову, как представителю Ставки и заместителю Василевского, поручается представить не позднее 21 декабря в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней».

Решение о повороте 2-й гвардейской армии на котельниковское направление в создавшейся к 13 декабря обстановке было наиболее

правильным и целесообразным, ибо даже незначительное промедление в ее выдвигании на юг могло бы поставить нас в довольно невыгодное положение. В ночь на 14 декабря последовало и еще одно очень важное решение Ставки: изменить направление главного удара Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Если по плану операции «Сатурн» оно намечалось прямо на юг, через Миллерово на Ростов, в тыл всей группировке противника на южном крыле советско-германского фронта, то теперь было решено после разгрома итальянской армии на среднем течении Дона направить удар на юго-восток, в сторону Морозовска и Тормосина, то есть в тыл деблокирующей группировке Манштейна.

Поскольку это решение Ставки представляет особый интерес и вызывает у некоторых пишущих об этом сомнения в его правильности, позволю себе остановиться на нем подробнее. Прежде всего, чем же руководствовалась Ставка, отказываясь от проведения в жизнь столь важного и уже подготовленного к выполнению стратегического решения? Ответ на этот вопрос дает директива Верховного Главнокомандующего от 13 декабря, адресованная Воронову, Ватутину и Голикову. В ней отмечалось, что в конце ноября, когда задумывалась операция «Сатурн», обстановка для нее была благоприятная и операция была вполне обоснована. «В дальнейшем, однако, обстановка изменилась не в пользу нас. Романенко и Лелюшенко стоят в обороне и не могут двигаться вперед, так как за это время противник успел подвести с запада ряд пехотных (в документе стрелковых.—Авт.) дивизий и танковых соединений, которые сдерживают их. Следовательно, удар с севера не встретит прямой поддержки с востока от Романенко, ввиду чего наступление в сторону Каменск—Ростов не может получить успеха». Далее Верховный замечал, что 2-я гвардейская армия не может быть использована для операции «Сатурн», так как работает на другом фронте. «Ввиду всего этого не-

обходимо видоизменить операцию «Сатурн». Видоизменение состоит в том, чтобы главный удар направить не на юг, а на юго-восток в сторону Нижний Астасов и с выходом на Морозовский, с тем чтобы боковско-морозовскую группу противника взять в клещи, пройти по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами Романенко и Лелюшенко и с северо-запада силами Кузнецова и приданных ему подвижных частей. Задача Филиппова (Голикова.— Авт.) при этом будет состоять в том, чтобы помочь Кузнецову ликвидировать итальянцев, выйти на реку Богучар в районе Кременков и создать серьезный заслон и против возможного удара противника с запада». Директивой предписывалось прорыв произвести в тех же районах, в которых он был задуман по операции «Сатурн». После прорыва удар переносился на юго-восток в сторону Нижний Астасов — Морозовский, на тылы противника, стоявшего против армий Романенко и Лелюшенко. Операция, получившая наименование «Малый Сатурн», намечалась на 16 декабря. Из директивы же ясно видно, что

основной причиной отказа от проведения «Сатурна» явилось изменение оперативной обстановки на сталинградском направлении. В результате советское командование лишилось возможности поддержать и развить основной удар Юго-Западного фронта на Миллерово — Ростов сильным ударом с востока, для чего Ставкой ранее, как это видно из директивы, предназначалась 2-я гвардейская армия. Сосредоточение немцами в районе Котельникова 57-го танкового корпуса и удержание противником в районе Рычковского и Нижне-Чирского своих позиций создало серьезную угрозу деблокирования войск Паулюса. О некоторых событиях, повлиявших на изменение обстановки, уже было сказано.

Задержка с ликвидацией войск Паулюса и явилась основной причиной, изменившей оперативную обстановку на сталинградском и среднедонском направлениях и повлиявшей на дальнейшее развитие операции «Сатурн».

Сказалось на оперативной обстановке и невыполнение 5-й танковой армией задачи — до начала «Сатурна» разгромить противника

▲ Лелюшенко Д.Д.

▲ Вольский В.Т.

в районе Чернышевской и, отбросив его от Дона, овладеть районом Тормосин — Морозовск. Это было необходимо для прочной изоляции войск Паулюса с юго-запада и создания более благоприятных условий для развития удара на Тацинскую, Лихую и далее на Ростов. Отрицательно повлиял и перенос начала «Сатурна» с 10 на 16 декабря. Начиная операция 10 декабря, то вполне возможно предположить, что тот успех, которого добились войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов 16 декабря, исключил бы переход в наступление войск Манштейна 12 декабря на котельниковском направлении. Шестидневная задержка позволила немецко-фашистскому командованию усилить свои группировки как против правого крыла Юго-Западного фронта, так и особенно на тормосинско-верхнечирском и котельниковском направлениях. Все это убеждает в том, что решение повернуть удар с юга на юго-восток было совершенно правильным.

Переброска прибывавших войск 2-й гвардейской армии на южное крыло Сталинградского фронта шла форсированным маршем. Несмотря на сильные морозы, совершались переходы по 40—50 км за сутки. Благодаря тщательной, до мелочей продуманной организации марша, большой и целеустремленной политической работе, проделанной в войсках, сознательности, дисциплинированности, а также изумительной выносливости всего личного состава армии, все трудности были преодолены. Командующий армией стремился придать ее войскам с выходом на реку Мышкову такую группировку, которая прежде всего остановила бы на этом рубеже врага, не давая ему приближаться к окруженным, и сразу же позволила бы войскам армии перейти в решительное наступление. Командующий фронтом одобрил это решение. Не позднее утра 18 декабря часть головных сил армии должна была развернуться для усиления обороны по северному берегу реки Мышковой, а основные силы, в частности 2-й гвардейский мехкорпус,

спешно сосредоточивались севернее, в районе совхоза «Крепль», для нанесения контрудара по наступающему противнику. До подхода 2-й гвардейской армии к реке Мышковой врага должна была сдерживать 51-я армия, усиленная 13-м танковым корпусом, одной стрелковой дивизией и отдельной танковой бригадой. Сюда были привлечены также части 4-го мехкорпуса, действовавшего на левом фланге 5-й ударной армии. Хотя танковый и механизированный корпус были крайне ослабленного состава, так как им приходилось длительное время вести напряженные бои, они сыграли здесь в дальнейшем исключительную роль.

13 декабря у реки Аксай-Есауловский развернулись ожесточенные бои с превосходящими силами противника. 14 декабря немецко-фашистские войска местами преодолели этот рубеж и заняли населенный пункт Верхне-Кумский. Чтобы сковать гитлеровцев на нижнечирском направлении и обеспечить правый фланг 51-й армии от удара с запада, утром 14 декабря перешла в насту-

пленение 5-я ударная армия. К концу дня 7-му танковому корпусу совместно с 258-й и 4-й гвардейской стрелковыми дивизиями удалось сбросить вражеские силы с рычковского плацдарма и закрепить его за собой. На следующий день 4-й мехкорпус В. Т. Вольского, в котором оставалось всего до 70 танков, совместно с подошедшей из фронтового резерва 87-й стрелковой дивизией выбил противника из Верхне-Кумского и приостановил дальнейшее его продвижение на северо-восток. До войск Паулюса передовым отрядам Манштейна оставалось в тот момент пройти километров пятьдесят. 16 декабря в 1 час 50 минут М. М. Попов радиogramмой сообщил мне: «Восточный берег р. Дон полностью очищен. Переправы исправные. Уточняю грузоподъемность наших монопontoнов. На рассвете 16.XII буду лично в Верхне-Чирской и все доложу».

Здесь шли ожесточенные бои. Центром их по-прежнему был район Верхне-Кумского. Этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки. Наши войска, несмотря на большие потери, проявляли исключительную стойкость и героизм. Особую роль сыграли внезапные контрудары 4-го механизиро-

ванного и 13-го танкового корпусов. С утра 17 декабря противник с еще большей настойчивостью возобновил наступление. 18 декабря две стрелковые дивизии 2-й гвардейской армии развернулись по реке Мышкова, а 2-й гвардейский мехкорпус сосредоточился у совхоза «Крепль». Для удобства управления войсками Малиновскому переподчинили вступившие в бой южнее 4-й кавалерийский, 4-й механизированный корпуса и 87-ю стрелковую дивизию. Бои между реками Аксай и Мышкова и южнее продолжали развертываться с нарастающей силой.

18 декабря я направил Верховному Главнокомандующему донесение, в котором сообщал об обстановке на котельниковском и нижнечирском направлениях и излагал предложения по использованию 2-й гвардейской армии против котельниковской группировки врага. Над этими предложениями вместе со мной работал Р. Я. Малиновский. Согласовали мы их и с командующим Сталинградским фронтом А. И. Еременко. Приведу часть второго пункта донесения, так как мне придется на него ссылаться:

«Прошу утвердить следующий план дальнейшего планирования и действия Яковлева. В ночь на 21-е

и 21-го развернуть гвардейские стрелковые корпуса Яковлева по реке Мышкова на фронте Нияше-Кумский — Капкинский и 2-й гвардейский мехкорпус сосредоточить в районе Перегрузный, Аксай, Шелестов и с утра 22.XII перейти к активным действиям. 22.XII гвардейские стрелковые корпуса, нанося главный удар в направлении Громославка, Шестаков и далее вдоль железной дороги на Котельниково, вместе с корпусом Вольского должны будут окончательно разгромить противника в районе Верхне-Кумский, очистить северный берег реки Аксай и выходом на южный берег реки Аксай закрепить его за собой. 2-й гвардейский мехкорпус из района Аксай, действиями по флангу и тылу противника через Дарганов, к вечеру 22.XII должен будет, захватив сильным передовым отрядом Котельниково, главными силами выйти в район Пимен-Черни, Гремячая и тем самым прочно сесть на тылы группировки противника, действующей к северу от Котельниково. 23.XII — ликвидация противника к северо-востоку от Котельниково, с сильным заслоном от 2-го гвардейского мехкорпуса в сторону Дубовское и с выходом гвардейских стрелковых корпусов к вечеру на ли-

нию Верхне-Яблочный — Пимен-Черни — Дарганов. 24.XII — выход гвардейских стрелковых корпусов на линию Майорский — Котельниково — Поперечный о выброской 2-го гвардейского мехкорпуса и корпуса Вольского на реку Сал, седлая железную дорогу. Обеспечение указанных действий Яковлева с востока возложить на армию Труфанова в составе 38-й, 302-й, 126-й и 91-й стрелковых дивизий, 2 танковых бригад, а в дальнейшем и кавкорпуса Шапкина, который в ближайшие дни начал выходить в район Плодовитое. Попова обязать 20.XII ударом с северо-запада овладеть Нижне-Чирская и в дальнейшем совместными действиями с Романенко в направлении на Тормосин к вечеру 24.XII выйти на реку Цымла...».

19 декабря в 0 час. 50 мин. был получен ответ Верховного Главнокомандующего. Он утвердил наши предложения. Утром противник ввел против 4-го механизированного корпуса, преобразованного 18 декабря в 3-й гвардейский механизированный корпус, свежую 17-ю танковую дивизию и, сосредоточив здесь до 300 танков, местами смял нашу слабую оборону и прорвался к реке Мышкове. Обстановка на поле боя достигла наивысшего напряжения. Соединения и части 2-й гвардейской армии, подходившие к линии фронта, с ходу вступали в бой. Все усилия

врага были направлены к тому, чтобы прорвать нашу оборону на Мышкове. 19 декабря немецко-фашистским войскам местами удалось выйти на северный берег реки и даже занять там некоторые населенные пункты. Но их попытки расширить плацдарм успеха не имели. 20 декабря главные силы 2-й гвардейской заканчивали свое сосредоточение и развертывание по северному берегу Мышковы. В течение двух дней ни на минуту не стихали бои за каждую пядь степи. Населенный пункт Васильевна и другие неоднократно переходили из рук в руки. И все же атаки врага были отбиты с огромными для него потерями. Сражавшиеся у Громославки наши 98-я стрелковая, а у Васильевки 3-я гвардейская стрелковая дивизии потеряли свыше половины личного состава, но выстояли. В те дни и часы здесь, на изрезанных балками Ергеньских буграх, решалась судьба Сталинградской битвы.

23 декабря группировка Манштейна находилась от окруженных войск Паулюса всего в 35—40 км. Однако дальше продвинуться оказалась неспособной. 51-я армия вместе с войсками 2-й гвардейской армии при авиаподдержке со стороны отлично работавшей 8-й воздушной армии генерал-майора Т.Т. Хрюкина остановили врага. Время, необходимое для окончательного развертывания 2-й гвардейской армии генерал-

лейтенанта Р.Я. Малиновского, было выиграно. План гитлеровского командования по освобождению войск Паулюса провалился. Создались благоприятные условия для перехода здесь наших войск в наступление. Основная роль при выполнении этой, еще более ответственной задачи, имевшей целью окончательный разгром группировки Манштейна, в основном возлагалась на ту же 2-ю гвардейскую армию. Одновременно левее готовились к наступлению 51-я армия с 3-м гвардейским механизированным и 13-м танковым корпусами, а правее — 5-я ударная армия. Ожесточенные бои с наседавшим врагом на берегах Мышковы вынудили перенести наступление с 22 на 24 декабря. Пришлось дополнительно усилить 2-ю гвардейскую армию прибывшим из резерва Ставки 6-м мехкорпусом и передать ей же из 5-й ударной армии 7-й танковый корпус; 3-й гвардейский мехкорпус, который предполагалось использовать, 22 декабря был выведен для срочного доукомплектования танками, после чего он в первые же дни операции был передан на усиление 51-й армии.

В течение всего периода подготовки операции я находился в Верхне-Царицынском, на КП 2-й гвардейской армии. Вместе с командармом Малиновским мы внимательно следили за обстановкой, часто бывали в войсках. Анализируя события, мы полагали, что, как только яростные атаки врага будут приостановлены, гвардейские стрелковые корпуса армии в соответствии с утвержденным Ставкой планом с рубежа Шабалинский — Громославка — Капкинский нанесут удар и совместно с правофланговыми войсками 51-й армии разгромят основные силы врага между реками Мышковой и Аксаем. Главная роль отводилась 1-му гвардейскому стрелковому и 7-му танковому корпусам на правом фланге армии. 2-й гвардейский и 6-й механизированный корпус намечалось вывести не позднее вечера 24 декабря в район Аксай — Перегрузный, чтобы нанести удар по слабо прикрытому румынскими войсками флангу 57-го танкового

корпуса немцев, а затем, развивая успех в юго-западном направлении, перекрыть пути отхода противника.

Все наши предположения и намерения своевременно докладывались Ставке. Никаких существенных поправок или тем более изменений в утвержденный Ставкой 19 декабря замысел операции и в план ввода в сражение 2-й гвардейской армии для разгрома войск Манштейна они не вносили и предусматривали лишь усиление охватывающего удара по флангу врага с востока, с выходом на его коммуникации в районе Котельникова.

23 декабря в Верхне-Царицынский прибыл командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко. Мы обсудили с ним план наступления. Сведения, полученные от пленных, свидетельствовали, что с утра 24 декабря можно было ожидать возобновления ожесточенных боев за северный берег Мышковы. Однако наши планы уже ничто не могло изменить: завершение сосредоточения 2-й гвардейской армии на этом направлении и прибытие сюда же

7-го танкового и дополнительно 6-го механизированного корпусов резко меняли соотношение сил в нашу пользу. Это, а также выгодное для нас развитие военных событий на среднем течении Дона создавало благоприятные условия для перехода 2-й гвардейской и 51-й армий в медленное наступление. Разгром 8-й итальянской армии на Юго-Западном фронте и глубокое выдвигание его танковых корпусов в сторону Морозовска и Тацинской говорили о том, что в ближайшие же дни противник вынужден будет не только прекратить попытки освободить окруженные войска Паулюса, но и под угрозой собственного окружения начнет отвод своей группировки.

При обсуждении вопроса о порядке ввода в сражение 2-й гвардейской армии А. И. Еременко настаивал на том, чтобы встречный удар гвардейских стрелковых корпусов с севера усилить не только 7-м танковым, но и 2-м гвардейским механизированным корпусом и сосредоточить здесь же, в районе Зеты, 6-й мехкорпус, изготовив его для

контрудара. Нанесение же флангового удара в тыл 57-му танковому корпусу немцев с востока он предложил возложить лишь на 13-й танковый и 3-й гвардейский мехкорпуса 51-й армии. Я доложил Верховному Главнокомандующему эти предложения. Он порекомендовал нам особенно не настаивать на своем, и мы согласились с настойчивыми требованиями комфронта. Здесь я вновь вынужден сделать отступление, чтобы внести ясность в вопрос, который, по непонятным для меня причинам, получил искаженное освещение в книге А. И. Еременко «Сталинград». Вот как излагается в ней оперативная обстановка на фронте ко второй половине декабря 1942 года:

«Противник осуществляет удар из района Котельниково, с целью освободить окруженных. В первом его эшелоне наступают 17-я, 6-я и 23-я танковые дивизии противника, их фланги уступом назад обеспечивают пехотная и кавалерийская дивизии. Во втором эшелоне следует не менее 2 моторизованных дивизий. Все эти силы входят в 4-ю

▲ Сталинград в огне

танковую армию, которая, по данным разведки, через один-два дня должна нанести окончательный удар с целью соединиться с окруженными. По приказу Гитлера они должны соединиться к 25 декабря, то есть к рождеству. Главное направление удара противника — Крепь, Зеты.

По первоначальному плану предполагалось осуществить прорыв 12—20 декабря, но благодаря героическим действиям войск фронта упорнейшие девятидневные бои не принесли немецко-фашистским войскам желаемого успеха. Обе стороны понесли большие потери.

В результате выиграно время, необходимое для сосредоточения 2-й гвардейской армии.

Задача армии по приказу Ставки — окончательный разгром котельниковской группировки противника. Это также единственное условие разгрома всех немецко-фашистских войск в районе Сталинграда.

Во исполнение этого замысла решаю: не теряя времени, чтобы не дать противнику передышки, 24 декабря нанести силами 4 кор-

пусов удар по левому флангу врага, который он вынужден был подставить нам в результате действий 51-й армии. Котельниковская группировка немецко-фашистских войск должна быть разгромлена в два этапа:

1-й этап — силами 2-й гвардейской армии во взаимодействии с правым флангом 51-й армии прижать врага к реке Аксай, уничтожить танковые дивизии противника и успешно переправиться через реку;

2-й этап — удар по Котельниково; главный удар справа с охватом Котельниково с запада и юго-запада.

51-я армия наносит частный вспомогательный удар на Котельпиново с востока, выдвигая свои, хотя и слабые, механизированные корпуса глубоко на коммуникацию Дубовское — Зимовники.

Приказываю 2-й гвардейской армии начать наступление в 10 часов 24 декабря с ближайшей задачей уничтожить 17-ю, 6-ю и 23-ю танковые дивизии противника в районе Капкинский, Громославка, Верхне-Кумский, Кругляков; в дальнейшем

главный удар правым флангом на Котельниково.

На первом этапе наиболее сильный удар наносят 1-й гвардейский стрелковый, 7-й танковый и 2-й механизированный корпуса — с фронта Шабалинский — Громославка с охватом противника с запада на Бирюков. Операцию с запада на рубеже от Верхне-Рубежного до реки Аксай обеспечивает 300-я стрелковая дивизия.

13-й гвардейский стрелковый корпус наносит удар с фронта (искл.) Громославка — Капкинский на Шестаков и далее вдоль железной дороги на Котельниково.

6-му механизированному корпусу продолжать ускоренным темпом сосредоточиваться в районе Зеты и быть в готовности для контрудара к исходу 24 декабря».

Для воссоздания подлинной исторической картины рассмотрю далее некоторые факты, содержащиеся в книге А. И. Еременко.

«22 декабря,— утверждает он,— от представителя Ставки Верховного Главнокомандования т. Василевского

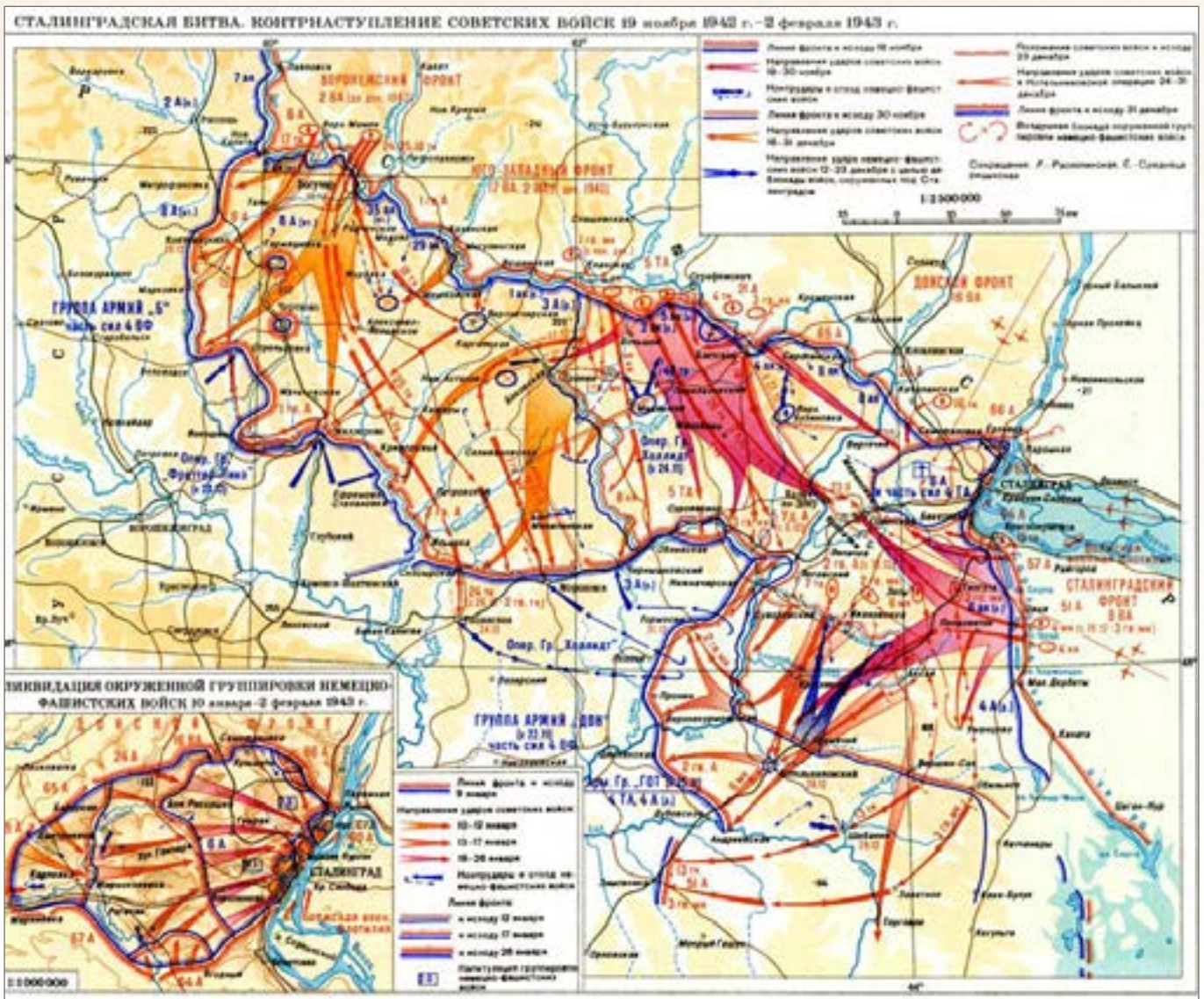

нам был доставлен план операции 2-й гвардейской армии, графически изображенной на карте... Изучая план, я пришел к заключению, что он, к глубокому сожалению, не соответствовал оперативной обстановке момента и ни в какой степени не увязывался со временем, которое предоставлялось нам этой обстановкой». Затем в деталях показывается разница между замыслом командования Сталинградского фронта и «предложением т. Василевского». «По плану, полученному нами,— продолжает Еременко,— 2-я гвардейская армия должна была нанести свой главный удар в направлении Абганерово, Аксай, Дарганов и далее на Котельниково (схема 20). Такое направление

удара вело к сложной перегруппировке войск, которую мы должны были произвести перед фронтом противника... Так, при реализации этого замысла 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса, а также стрелковый корпус должны были вначале передвинуться к востоку до линии железной дороги в районе Абганерово, а затем направиться к югу на Шелестов, Аксай, Перегрузный и далее на Дарганов и лишь после этого повернуть на запад — на Котельниково. В соответствии с таким планом механизированные части при споем передвижении должны были описать дугу, чтобы выйти к слабому флангу противника... При этом оставалось

выгодное направление для удара тоже по уязвимому и притом близкому левому флангу противника. Я уже не говорю о том, что в значительной степени нарушалась почти сосредоточенная группировка, нацеленная для удара с рубежа Черноморов — Громославка в общем направлении на Котельниково.

Для перегруппировки войск 2-й гвардейской армии в этих условиях потребовалось бы дополнительно минимум двое-трое суток, то есть мы смогли бы осуществить удар не ранее 27, а возможно, и 28 декабря. Но, как знать, может быть, этого времени и было бы достаточно противнику, чтобы подтянуть резервы, привести в порядок свои войска, сделать еще

▲ Сталинградская битва

один нажим и соединиться с войсками 6-й армии». И далее: «Кроме того, рокировка 2-й гвардейской армии влево привела бы к перемешиванию войск 2-й гвардейской и 51-й армий, что стеснило бы действия войск этой последней... Все эти соображения были мной изложены т. Василевскому... по прибытии в район сосредоточения 2-й гвардейской армии».

А.И. Еременко замечает, что Василевский «воспринял критику, как подобает коммунисту», отказался от своего ошибочного предложения и одобрил план, выработанный командующим фронтом. После этого он якобы пригласил Р.Я. Малиновского, командиров корпусов и других руководящих лиц армии и поставил задачу в соответствии с принятым им решением, назначив наступление на 24 декабря, вопреки предложению командования 2-й гвардейской армии начать его 25 декабря.

Что следует сказать по поводу всех этих более чем удивительных

утверждений? Мне трудно предположить, чем руководствовался А.И. Еременко, приписывая мне некий мифический план операции, противопоставляя ему столь же мифический свой. Ведь документы убедительно свидетельствуют, что никаких соображений об использовании 2-й гвардейской армии против войск Манштейна, не говоря уже о столь некомпетентном по своему содержанию плане, я командующему Сталинградским фронтом не посылал. Все мои соображения по этому вопросу, которые намечались совместно с Р.Я. Малиновским, изложены в моем донесении Верховному Главнокомандующему от 18 декабря, о чем уже известно читателю. В нем не говорится ни о 7-м танковом, ни о 6-м механизированном корпусах и говорить не могло, так как первый вел 17 декабря серьезные бои в составе 5-й ударной армии в районе Рычковского и прибыл во 2-ю гвардейскую армию только

22—23 декабря. К тому же времени в нее прибыл из резерва Ставки и 6-й мехкорпус. 4-й мехкорпус, о котором идет речь в моем донесении, вел тогда успешные бои в составе 5-й ударной армии перед ее фронтом и на ее фланге и лишь 22 декабря с моего ведома был выведен на доукомплектование в резерв фронта, а затем вместе с 13-м танковым корпусом передан в состав 51-й армии.

План операции, который был представлен мною в Ставку 18 декабря и которого я придерживался до конца, ничего общего не имеет с тем, что приписывается мне в книге «Сталинград». Других же каких-либо принципиальных предложений по этому вопросу от меня не исходило, да и исходить без ведома Ставки, после утверждения ею принятого плана, не могло. Взять хотя бы основной вопрос — о направлении главного удара 2-й гвардейской армии в предстоящем наступлении. Разве направление этого удара, изложенное А.И. Еременко при постановке задачи и выдаваемое им за какой-то особый замысел командующего фронтом, не совпадает с направлением того же удара по плану, утвержденному Ставкой 19 декабря? Точно так же примерно обстоит дело и с другими задачами, связанными с данным наступлением. Они, как это видно из элементарного сравнения приведенных документов, принципиально почти не отличаются от тех соображений, которые докладывались Ставке 1-8 декабря, если не говорить, конечно, о задачах подвижным войскам.

Непонятно также, откуда могла появиться у А.И. Еременко приложенная к его книге «схема 20» с изображением приписываемого мне плана, именуемая как «План операции 2-й гвардейской армии по разгрому котельниковской группировки противника, предложенный начальником Генерального штаба». Неизвестно мне, и кто является ее истинным творцом. Что касается вопроса об использовании в этой операции мощных 2-го гвардейского и 6-го механизированных корпусов, то я доныне уверен, что принятие

командующим фронтом предложения Малиновского и представителя Ставки направить эти корпуса к началу операции в район Аксай, Перегрузный для удара против слабых румынских войск в юго-западном направлении и в тыл танковой группировки противника могло бы поставить 57-й танковый корпус врага в исключительно тяжелое положение, и он едва ли смог бы проскочить при своем отходе через Котельниково. Следовательно, и без того удачно проведенная нами операция на котельниковском направлении приобрела бы еще больший эффект.

Такова истина в вопросе об использовании 2-й гвардейской армии в нанесении контрудара по войскам Манштейна на котельниковском направлении. Разумеется, я был удивлен неточностью, допущенной в книге А.И. Еременко, и написал обо всем этом в статье «Незабываемые дни», опубликованной в «Военно-историческом журнале» (1966 г., №3). С рукописью статьи я ознакомил Р.Я. Малиновского, попросив его, как бывшего командующего 2-й гвардейской армии и непосредственного участника событий, высказать свое отношение к этому вопросу.

Ознакомившись со статьей, Р.Я. Малиновский в соответствующем ее месте сделал следующее примечание, которое привожу дословно и которое было опубликовано в указанном номере журнала. Р.Я. Малиновский писал:

«Как командующий войсками 2-й гвардейской армии, могу полностью подтвердить замечания товарища Василевского А.М. Прочтя освещение действий этой армии в книге товарища Еременко А.И., я был немало удивлен столь неправильным толкованием событий, но в силу занятости не мог это письменно опровергнуть, а оставил за собой право высказаться по данным утверждениям автора книги «Сталинград» в будущем, как и по другим вопросам, неправильно изложенным в ней».

Возвращаясь к основному повествованию. После того как войска Манштейна были остановлены, 2-я гвардейская и 51-я армии

перешли в наступление. Иногда пишут, что оно совпало с преднамеренным отходом войск Манштейна с реки Мышковы за реку Аксай и далее на юг. Я придерживаюсь по этому вопросу другого мнения. В этом меня убеждают прежде всего те напряженнейшие бои, которые вынуждены были вести войска 2-й гвардейской армии в течение 24 и 25 декабря между Мышковой и Аксаем с 23-й и 17-й танковыми дивизиями противника. То был не «отход» его за Аксай и в дальнейшем на Котельниково, а вынужденный переход к жесткой обороне, вызванный огромными потерями, а также осложнившейся для врага обстановкой на нижнечирском направлении в результате оголения фланга 57-го танкового корпуса. Небезынтересны воспоминания самого Манштейна, которые мы находим в его книге «Утерянные победы»: «Итак, теперь и на фронте восточнее реки Дон пробил час, когда инициатива перешла в руки противника. 25 декабря противник, силы которого продолжали расти, атаковал 57-й танковый корпус на реке Мышкова и оттеснил его на р. Аксай. В последующие дни стало ясно, что противник стремится охватить фланги корпуса с востока и запада... Обладая теперь силами, превосходящими наши в несколько раз, противник принудил 4-ю танковую армию в ближайшие дни отойти еще дальше вплоть до Котельниково, откуда она начала свое наступление 12 декабря... Начатая 12 декабря попытка выручить 6-ю армию потерпела неудачу, по крайней мере временную. Имелась ли при сложившейся в то время обстановке еще какая-нибудь надежда на повторение этой попытки? Ныне, когда есть возможность проследить весь ход событий на фронте группы армий «Б», на этот вопрос придется, пожалуй, ответить отрицательно. Но тогда нельзя было предвидеть, что уже в январе за катастрофой итальянской армии последует еще более серьезная катастрофа венгерской армии на Дону. Командование группы армий «Дон» в те дни не считало себя вправе отказать от надежды все же выр-

чить 6-ю армию, несмотря на все связанные с этим трудности».

Итак, 24 декабря 2-я гвардейская и 51-я армии перешли в решительное наступление, тесня противника на Котельниково и развивая удар с севера и северо-востока. В оперативной глубине на этом направлении наиболее успешно действовали 7-й танковый, а затем 6-й механизированный корпус. Перешедшие в наступление 27 декабря 13-й танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса 51-й армии от Садового и Уманцева, прорвав боевые порядки 4-й румынской армии, угрожали глубоким охватом котельниковской группировке с юга. Тогда же началась борьба непосредственно за Котельниково. Противник укрепил оборону города. Но утром 29 декабря в результате упорных уличных боев 7-й танковый корпус полностью очистил город и железнодорожную станцию от врага.

Остатки немецко-фашистских войск, оказывая сопротивление, отходили через Калмыцкую степь и Придонье в западном и юго-западном направлениях. В результате наступления Сталинградского фронта с 24 по 31 декабря была окончательно разгромлена 4-я румынская армия, а 57-й танковый корпус 4-й танковой армии противника с большими потерями отброшен на 150 км.

Несколько слов о событиях на Среднем Дону, сыгравших исключительно важную роль в срыве наступления Манштейна и разгроме его войск. Здесь наступление Юго-Западного и Воронежского фронтов началось 16 декабря. Главный удар наносился 6-й и 1-й гвардейской армиями на их стыке. Встречный удар наносила 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта. Ближайшей целью являлся разгром 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт». После этого в результате нового удара подвижных корпусов по сходящимся направлениям (на Тацинскую и Морозовск) 1-й и 3-й гвардейским армиям предстояло выйти в тыл фашистским войскам, предназначенным для участия в освобождении окруженной

▲ Крейзер Я. Г.

группировки Паулюса. Уже на пятый день операции весь фронт итальянцев был взломан. Управление войсками у врага быстро нарушилось. Началось беспорядочное отступление. Активную роль сыграли наши танковые и механизированные корпуса, смело вклинившиеся глубоко в тыл противника и с ходу ликвидировавшие его отходившие колонны.

Действенную помощь наземным войскам оказывала авиация 17-й (генерал-лейтенанта С. А. Красовского) и 2-й (генерал-майора К. Н. Смирнова) воздушных армий. Из подвижных войск необходимо особо отметить 24-й танковый корпус генерал-майора В. М. Баданова, ставшего у нас первым кавалером ордена Суворова II степени. Оторвавшись от своих войск, этот корпус 24 декабря неожиданно атаковал и захватил станцию Тацинская с огромным количеством трофеев. Успешное развитие наступления войск Юго-Западного фронта вынудило немецко-фашистское командование бросить против них все войска, которые предназначались для создания ударной группировки в районе Тормосина с целью нанесения второго деблокирующего удара. Чтобы ликвидировать угро-

зу, нависшую над группой армий «Дон», в район Миллерово, Тацинской и Морозовска были направлены и находившиеся на подходе четыре танковые и четыре пехотные дивизии, предназначавшиеся ранее для усиления удара на Сталинград со стороны Нижне-Чирской. Гитлеровцам удалось создать оборону севернее Тацинской и Морозовска. 24-й танковый корпус оказался отрезанным от остальных наших войск и четыре дня вел бой в окружении. Получив разрешение на выход, он протаранил боевые порядки противника и без особых потерь вернулся к своим.

Упорное сопротивление оказывал враг в районе Тормосина, создавая угрозу правому флангу ударной группировки 2-й гвардейской армии. В переговорах с Верховным Главнокомандующим я предложил передать 5-ю ударную армию с 3-м гвардейским кавкорпусом из Сталинградского фронта Юго-Западному. Силами 5-й ударной и 5-й танковой армий, включив в состав последней 23-й танковый корпус, Юго-Западный фронт должен ликвидировать противника южнее Суровикина, чтобы спрямить линию фронта и отбросить вражеские

войска от Чира к реке Россось. 26 декабря Ставка дала соответствующее разрешение на эти действия. Руководство ими возлагалось на генерал-лейтенанта М. М. Попова, ставшего заместителем командующего Юго-Западным фронтом, а командующим 5-й ударной армией был назначен генерал-лейтенант В. Д. Цветаев. Сложная обстановка у Тормосина заставила нас направить усилие 2-го гвардейского мехкорпуса, 33-й гвардейской и 387-й стрелковой дивизий на то, чтобы не позднее 29 декабря переправиться через Дон и нанести удар на Тормосин. Руководство этими войсками командующий 2-й гвардейской возложил на своего заместителя генерал-майора Я. Г. Крейзера.

Утром 29 декабря, получив донесение о том, что 7-й танковый корпус полностью очистил от фашистов Котельниково, я тотчас выехал в Верхне-Курмоярскую, чтобы помочь войскам выполнить задание на тормосинском направлении. В Верхне-Курмоярской уже были Я. Г. Крейзер и командир 2-го гвардейского мехкорпуса генерал-майор К. В. Свиридов. Они руководили переправой корпуса через Дон, а 33-я гвардейская дивизия, захватив плацдарм на западном берегу реки, обеспечивала переправу. Двумя днями позже эти соединения во взаимодействии с частями 5-й ударной армии, наступавшими с северо-востока, овладели Тормосином и прилегающим районом.

В ночь под новый год И. В. Сталин поручил мне передать войскам 7-го танкового корпуса благодарность Верховного Главнокомандующего за отличную работу и поздравление с одержанной очень важной победой над врагом. Поручение было приятным, и я с удовольствием выполнил его, пожелав командованию счастливого нового года.

Утром 1 января 1943 года я вернулся на свой КП в Верхне-Царицынское. Здесь меня ожидали переданное из Москвы указанно связаться по телефону со Сталиным и директива Ставки, подписанная

в ночь под новый год Сталиным и Жуковым и адресованная мне и Еременко. В директиве сообщалось, что представленный нами план дальнейших действий фронта утвержден. Вместе с тем дополнительно предписывалось овладеть силами подвижных частей Цимлянкой — 2 января; Константиновкой — к исходу 4 и ни в коем случае не позже 5 января; городами Шахты и Новочеркасском — 7 января; Сальском — 5 января; Тихорецкой — 15—16 января. Организацию взаимодействия Южного (бывшего Сталинградского) и Юго-Западного фронтов приказывалось осуществлять мне. Операции присваивалось кодовое наименование «Дон».

В последовавшем вскоре разговоре Сталин сообщил мне, что Ставка пересмотрела вопрос о моем дальнейшем использовании и предлагает мне немедленно отправиться на Воронежский фронт, чтобы там в качестве представителя Ставки принять участие в подготовке и проведении

запланированных на Верхнем Дону наступательных операций, взяв на себя при этом организацию взаимодействия Воронежского фронта с Брянским и Юго-Западным.

Победа под Сталинградом коренным образом изменила обстановку на всем советско-германском фронте. Наше Верховное Главнокомандование получило возможность развернуть стратегическое наступление на огромном участке фронта в целом и прежде всего на южном его крыле и воронежском направлении. Выдвижение войск Южного фронта на линию Зимовников в Сальские степи, с одновременным развитием наступления Юго-Западного фронта на ворошиловградском направлении, создавало серьезную угрозу всей кавказской группировке врага. Чтобы показать, как Верховное Главнокомандование оценивало создавшуюся на Кавказе обстановку и куда оно стремилось направить дальнейшие усилия наших войск на этом участке фронта,

сошлюсь на телеграмму Сталина, продиктованную им 4 января Генштабу для командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева. Привожу ее еще и потому, что нахожу ее полезной в смысле оценки Сталина как военного деятеля, как Верховного Главнокомандующего, руководившего грандиозной по масштабам борьбой Советских Вооруженных Сил. Подобных документов, исходивших непосредственно от Сталина и касавшихся решения самых важных оперативно-стратегических вопросов, было за время войны немало.

Вот его текст:

«Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черно-

▲ Сталинградский котел

морской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы. Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая болтается у него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу. Первая задача Черноморской группы — выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле Вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия. Вторая и главная задача Ваша состоит в том, чтобы

выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять ее в плен или уничтожить. В этом деле Вам будет помогать левый фланг Южного фронта — Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова.

Третье. Прикажите Петрову, чтобы он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растволкуйте ему, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом.

Четвертое. Немедленно выезжайте... в район Черноморской группы и обеспечьте выполнение настоящей директивы».

Каждому было понятно, что все это означало. Загородить немцам выход с Кавказа и отсечь их соединения, еще вчера нагло лезшие на юг, к Эльбрусу, в Грузию и Азербайджан. Вот вопрос, вставший на повестку дня!

Такую стратегию диктовала военная обстановка после успешного контрнаступления советских войск под Сталинградом. В то же время и прежде всего разгром противника на Среднем Дону, особенно в районе Котельникова, создал благоприятные условия для окончательной ликвидации немецкой группировки, окруженной под Сталинградом. Этим заключительным актом Сталинградской эпопеи, ее победным финалом явилась наступательная операция Донского фронта в междуречье Волги и Дона. Она была подготовлена и успешно проведена в январе 1943 года под руководст-

вом командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского и представителя Ставки Н. Н. Воронова.

Хочу сказать здесь несколько слов о Главном маршале артиллерии И. Н. Воронове. Мое знакомство с ним произошло в Москве в начале 30-х годов, когда он был командиром артиллерийского полка Московской Пролетарской дивизии, а я работал в штабе боевой подготовки РККА. Управление боевой подготовки проводило учения с войсками Московской дивизии по отработке тех или иных тактических или специальных вопросов. На этих учениях мне очень часто приходилось не только встречаться, но и работать с Н. Н. Вороновым. Николай Николаевич часто заглядывал в инспекцию артиллерии, входившую в состав нашего управления, и почти всегда заходил к нам в штаб побеседовать по тем или иным вопросам. Все мы видели в Н. Н. Воронове отличного специалиста, практика-артиллера, прекрасно разбиравшегося и в общевоинских вопросах. Затем он был командирован в Испанию, а по возвращении оттуда был назначен командующим артиллерией Красной Армии.

Особенно близко я познакомился с ним в годы войны. Оставаясь командующим артиллерии, Н. Н. Воронов часто направлялся на различные фронты в качестве представителя Ставки. Верховный Главнокомандующий не без основания доверял ему, считая его крупным военным специалистом, обладающим серьезным боевым опытом. Николай Николаевич внес немалый вклад в разработку и проведение ряда ответственных операций. Большую роль сыграл он и в подготовке кадров командного состава советской артиллерии, в совершенствовании и создании новых образцов артиллерийского вооружения и боевой техники, а также в развитии тактики боевого применения этого могучего рода войск, сыгравшего неоценимую роль в годы Великой Отечественной войны. Н. Н. Воронов пользовался заслуженным авторитетом в Вооруженных Силах.

Все знавшие его относились к нему с огромным уважением...

Операция началась 10 января, после того как противник отверг наше предложение о прекращении сопротивления. С этого времени настроение врага и его надежда на деблокаду значительно снизились. Это проявлялось в апатии и постепенном разложении. Все в большей степени усталые и измотанные солдаты искали себе убежище в подвалах Сталинграда. Все чаще слышались высказывания о бессмысленности сопротивления.

14 дней спустя Паулюс сообщил германскому верховному командованию: «Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию». Его просьба была отклонена.

2 февраля 1943 года прозвучали последние залпы битвы на Волге. Она дала Родине тысячи и тысячи героев — рядовых бойцов, командиров, политработников. Их подвиги — символ нашей воинской славы. Большое количество соединений и частей было удостоено почетных наименований, награждено орденами, преобразовано в гвардейские. Более 700 тыс. участников обороны города-героя и разгрома вражеских полчищ награждены медалью «За оборону Сталинграда». Признанием особых заслуг героев-сталинградцев явилось сооружение на легендарном Мамаевом кургане величественного памятника-ансамбля.

Ставка и Генштаб, как никогда, умело и целеустремленно провели все сражение. Тщательно разработанный план битвы отличают оригинальность замысла и глубина оперативно-стратегического содержания. В нем просматривался почерк зрелой и талантливой полководческой школы. Ставка и Генштаб проделали огромную работу по подготовке и осуществлению операции: доведение задач до исполнителей и конкретизация их с командующими фронтами и армиями, решение вопросов взаимодействия на всех уровнях командования, материально-техническое обеспечение войск.

В общем, они сделали максимум возможного, чтобы успешно выиграть сражение.

Великолепно справились в Сталинградской битве со своими сложными задачами и командующие войсками фронтов — Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко и К. К. Рокоссовский, их военные советы и штабы, проявив при этом возросшее искусство в управлении войсками. Вопросы использования в этой сложной операции крупных подвижных войск, тесное, четкое и своевременное взаимодействие всех родов войск и на всех стадиях операции, организация окружения, создания внешнего фронта, изолировавшего столь крупную вражескую группировку от подходящих резервов, вопросы противовоздушной обороны и материального обеспечения войск были решены с большим знанием дела. Битва показала высокий уровень советского военного искусства и по существу стала достойным, поучительным уроком истории. В то же время победа под Сталинградом явилась и неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства Советских Вооруженных Сил в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне.

Деятельность командующих фронтов и армий неотделима от деятельности их штабов. Возглавляли штабы на Юго-Западном — С. П. Иванов, на Сталинградском — И. С. Варенников и на Донском — М. С. Малинин. Их организаторский талант и мастерство во многом способствовали успешному решению всех задач стратегического, оперативного, тактического и чисто организационного порядка на протяжении всей операции и особенно в период ее подготовки.

Книжные магазины буржуазного Запада продолжают наводняться самыми разномастными «исследованиями», в которых предвзят,

▲ 2 февраля 1943 года

тенденциозно освещаются события, происходившие и на Волге и на других участках советско-германского фронта. Некоторые из авторов таких «исследований», как, например, американский генерал Уокер, договариваются до того, что Сталинградской битвы вообще не было. Сей генерал заявил, что битва на Волге — это всего-навсего пропагандистская выдумка коммунистов. Думается, что такое заявление может сделать лишь человек, страдающий психической неуравновешенностью. Давайте обратимся к тексту одного документа. Он хранится, среди других реликвий, в музее города-героя, именем которого названа битва на Волге. Это грамота президента США Франклина Рузвельта. Вот ее текст: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, силу духа и самоотверженность кото-

рых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

Искать в «исследованиях», подобных тому, которое принадлежит упомянутому Уокеру, объективный анализ хода и исхода второй мировой войны, элементарную научную добросовестность — это все равно, что раздувать погасший пепел в надежде извлечь из него огонь. Ведь их авторы — это верные слуги международной реакции, избравшие своим ремеслом грязную клевету на советский народ и его Вооруженные Силы. Они лезут из кожи вон, чтобы принизить наши боевые успехи. Те самые успехи, которые во всех оккупированных гитлеровцами странах побуждали сотни тысяч людей переходить от пассивного

сопротивления к активной борьбе. Те самые успехи, которые оказались роковыми для фашистской Германии.

Буржуазные фальсификаторы тщатся доказать, будто «решающие битвы» второй мировой войны происходили там, где действовали англо-американские войска. Называется, в частности, район Эль-Аламейна. Еще раз напомним: в октябре 1942 года на сталинградском направлении насчитывалось свыше 50 немецких дивизий, а в районе Эль-Аламейна всего лишь 12. Разница, как видим, весьма существенная. Напомним также, что в то время немецкое командование держало под Сталинградом основные силы танков и авиации. Далее. Буржуазные фальсификаторы, потеряв всякое чувство меры, ставят Сталинградскую битву в один ряд с высадкой американских войск на остров Гуадалканал. Но известно, что численность японского гарнизона, оборо-

нявшего этот остров, не превышала 2 тыс. человек.

В «исследованиях», принадлежащих буржуазным фальсификаторам, ничего не говорится о достижениях советского военного искусства в Сталинградской битве. Зато на все лады перепевается утверждение нацистских генералов о якобы нашем подавляющем превосходстве в силах и средствах.

В военном деле принято различать два вида превосходства в силах и средствах: общее превосходство и превосходство на главных направлениях. Всегда, конечно, желательно иметь общее превосходство, являющееся важнейшим фактором достижения победы. Однако общего превосходства у нас под Сталинградом не было. Вот как выглядело соотношение сил и средств к 19 ноября 1942 года. Советские войска: люди — 1 106,1 тыс., орудия и минометы — 15 501, танки и САУ — 1 463, боевые самолеты — 1 350. Войска противника — соответственно 1 011,5 тыс., 10 290, 675, 1 216. Стало быть, к началу контрнаступления мы располагали только незначитель-

ным превосходством в артиллерии и танках.

Суть дела в том, что советское командование при отсутствии общего превосходства в силах и средствах сумело искусно создать мощные ударные группировки на направлениях главных ударов. В качестве примера можно привести Юго-Западный фронт, ширина полосы которого составляла 170 км. На участке прорыва шириной в 22 км (около 9% общей протяженности фронта) было сосредоточено до 50% стрелковых дивизий, все танковые и кавалерийские корпуса, 85% артиллерии усиления. В интересах этой группировки действовала и вся авиация фронта. Аналогичным образом создавались ударные группировки на Донском и Сталинградском фронтах. Добавим к этому — правильный выбор направлений, выводивших ударные группировки в тыл врага; точное определение момента перехода в контрнаступление; одновременное образование внешнего и внутреннего фронтов окружения; надежную организацию воздушной

блокады войск противника, попавших в гигантский «котел».

Сколько бы ни усердствовали современные буржуазные фальсификаторы в злонамеренном искажении истории, им не удастся вытравить из сознания человечества величия Сталинградской победы. И для нашего и для будущих поколений навсегда остается и останется бесспорным то, что после поражения под Сталинградом гитлеровская клика, несмотря на все усилия, не смогла восстановить былую, боеспособность своей армии, очутилась в полосе глубокого военно-политического кризиса. Сталинградскую битву по праву определяют как крупнейшее военно-политическое событие всей второй мировой войны. Именно Сталинградская победа предопределила начало распада фашистского блока, увеличила размах освободительного движения в странах, подпавших под ярмо нацистской оккупации, воочию показала, что на страже социализма не только правда, но и жизненная сила, что фашизм обречен на неминуемую гибель. ■

Е. А. ШИТИКОВ

СОЗДАНИЕ ПОЛИГОНА НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

▲ Монумент создателям полигона

Первый „пробный“ взрыв атомной бомбы произошёл 16 июля 1945 года на Аламогордском полигоне в США. Второй и третий прогремели в августе того же года над городами Японии. Последующие состоялись 1 и 25 июля 1946 года в районе атолла Бикини для проверки воздействия ядерного оружия на корабли. Американские ядерщики предлагали не спешить с этими испытаниями и подождать окончания разработки

новой конструкции заряда, но командование флота США настояло на скорейшем проведении испытаний кораблей с использованием бомб того же типа, что была сброшена на Нагасаки. Воздушный подрыв заряда позволил американцам получить достаточно полную информацию о действии атомного взрыва в атмосфере на корабли. По условиям второго опыта в Бикини (мощность заряда, глубина взрыва, глубина акватории) испытатели

получили картину малоуглублённого подводного взрыва. В дальнейшем были проведены ещё четыре подводных взрыва с разной глубиной погружения ядерного заряда.

Классы испытывавшихся кораблей США (линкоры, авианосцы, крейсера, десантные корабли и др.) и их конструкции существенно отличались от кораблей отечественного флота. Американцы пригласили наблюдать за испытаниями 1946 года двух физиков и двух журналистов

Шитиков Евгений Александрович (1922-1998) — вице-адмирал (1981), участник Великой Отечественной войны, специалист в области кораблестроения и вооружения ВМФ, испытатель ядерного оружия, кандидат технических наук (1968), лауреат Государственной премии СССР (1982), почетный академик РАЕН (1993). Родился в Детском Селе, ныне район Санкт-Петербурга, в 1940 году поступил на дизельный факультет Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского. В июле 1941 года боец курсантского батальона, в составе 2-й отдельной бригады морской пехоты. Участник боев по предотвращению прорыва немцев к южному берегу Финского залива. В сентябре отозван в училище, 17 сентября при переправе отряда курсантов училища через Ладогу во время шторма баржа перевернулась, он единственный, оставшийся в живых. В период учебы проходил боевую практику на кораблях действующего флота: на канонерской лодке «Ленин» в 1942 году на Каспийской военной флотилии, подводной лодке «М-201» в 1943 году на Северном флоте, на подводной лодке «М-202» в 1944 году на Черноморском флоте. В марте 1945 года с отличием окончил училище, направлен на Тихоокеанский флот инженером-механиком отряда торпедных катеров в бухту Находка. Войну с Японией закончил в Корею. За время войны был несколько раз ранен. С 1945 года

служил в Порт-Артуре. В 1950 году поступил в Военно-морскую академию кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова на факультет ракетного оружия, в 1954 году академию закончил с отличием. Служил в центральном аппарате Военно-Морского Флота — старший офицер, начальник отдела, начальник Управления ядерных вооружений ВМФ (1954-1983). Участник первого ядерного испытания на Новой Земле — испытание ядерного заряда торпеды и взрывостойкости кораблей. В 1975-1982 годах отвечал за проведение подземных ядерных испытаний на Новой Земле, обеспечивая их безаварийность. Участвовал в разработке больших ядерных боеприпасов для корабельных баллистических, крылатых и противолодочных ракет и торпед. Руководил испытаниями боеголовок баллистических ракет. Был председателем ряда комиссий по проверке стойкости военно-морской техники к поражающим факторам ядерного взрыва. Активно участвовал в становлении и развитии ядерно-технического обеспечения флотов, в том числе и разработке технологических проектов стационарных, подвижных и плавучих баз ядерного оружия. Автор научно-исследовательских работ в области вооружений флота, 36 научных трудов по истории кораблестроения и вооружения флота и двух монографий «Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны» и «История ядерного оружия флота». Награжден орденами Мужества, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1 ст., за службу Родине в Вооруженных Силах СССР 3 ст., четырьмя орденами Красной Звезды, боевыми медалями СССР, России, КНДР.

из нашей страны, но никаких материалов, естественно, нам не передали.

Требовалось провести собственные испытания кораблей на воздействие подводного атомного взрыва. Послевоенная кораблестроительная программа была принята в СССР в 1945 году и ещё не учитывала возможность использования ядерного оружия в борьбе на море. Новую программу уже нельзя было принимать без учёта ядерного оружия.

Вопрос приобрёл ещё большую актуальность в связи с разработкой торпеды с ядерным зарядом. Её тоже надо было испытывать. Действовавший Семипалатинский полигон для этих целей не годился. Стали искать место для морского полигона.

Первоначально мыслили выбрать район для разового испытания. В 6-м Управлении рассматривали два возможных региона: Север и Дальний Восток. Остановились на северном направлении, куда послали рекогно-

сцировочную группу в составе заместителя начальника Управления Е. Н. Барковского, офицеров Управления строителя С. И. Зубова, специалиста инженерной службы К. К. Азбукина и оператора И. И. Воронина. Группа на тральщике обследовала побережье Кольского полуострова. Её внимание привлёк небольшой полуостров Нокуев.

Когда П. Ф. Фомин и Е. Н. Барковский доложили соображения о проведении атомного испытания

▲ Сергеев Н.Д.

в районе Кольского полуострова Главнокомандующему ВМФ Н.Г. Кузнецову, ему это предложение не понравилось. Он сказал, что одним испытанием не обойдёмся и Кольскую землю надо беречь. При этом он высказал мысль, что флоту нужно иметь свой полигон для испытаний морского ядерного оружия. Тогда Барковский предложил посмотреть знакомую ему Новую Землю. Главком согласился. Вскоре представили соответствующее предложение в Совет Министров СССР. В.А. Малышев в то время был одновременно министром среднего машиностроения и заместителем Председателя Совмина СССР. Он возражал против испытаний на Кольском полуострове и поддерживал проведение их на Новой Земле. Вскоре им была назначена государственная комиссия по выбору места для полигона.

Комиссию возглавил командующий Беломорской флотилией контр-адмирал Н.Д. Сергеев (Новая Земля входила в оперативную зону флотилии). Его заместителем был П.Ф. Фомин. В комиссию вошел, конечно, и Е.Н. Барковский. Помимо офицеров в ней были ученые: директор Института химической физики АН СССР академик Н.Н. Семёнов, его

▲ Кузнецов Н.Г.

заместитель член-корреспондент АН СССР М.А. Садовский, директор Института прикладной геофизики член-корреспондент АН СССР Е.К. Фёдоров, заместитель начальника сектора КБ-11 Е.А. Негин и др. Впоследствии все стали академиками. Не все учёные выезжали на рекогносцировку, но в обсуждении её результатов принимала участие вся комиссия.

Новая Земля — уникальное место на планете. С одной стороны острова европейское Баренцево море с незамерзающими портами, а с другой — вечно замёрзшее азиатское Карское море. Отсюда — яростные ветры. Морозы здесь по арктическим меркам не такие сильные, но по величине отрицательной температуры, помноженной на силу ветра трудно найти место, приближающееся к Новоземельскому архипелагу. По площади Новая Земля больше, чем Бельгия и Голландия вместе взятые. В предыдущие века длинные полярные ночи и частые снежные бури делали Новую Землю трудной для существования человека. Перебраться насовсем на этот остров жителя материка могла заставить лишь крайняя нужда.

На Новой Земле коренных жителей в нескольких поколениях никогда не было. Первый человек,

родившийся на Новой Земле, был ровесником Сталина (1879 г.). Самым знаменитым из островитян — „президента Новой Земли“, действительно талантливого человека Тыко Вылко (Вылко Илья Константинович) — мы застали в становище Белушья. Илья Константинович Вылко (1886–1960), родившийся и почти всю жизнь проживший на Новой Земле, был видным ненецким общественным деятелем, самобытным художником, исследователем Новой Земли, оказавшим большую помощь экспедициям Русанова В.Д. В год его рождения на всей новоземельской тундре не насчитывалось и сотни жителей (поморов и ненцев).

Именно удалённость острова от крупных населённых пунктов и его малонаселённость имели решающее значение при выборе места нового полигона. Комиссия вышла на тральщике к Новой Земле, намереваясь осмотреть в первую очередь всё, что осталось от существовавшей в годы войны военно-морской базы, а также губу Чёрную, что находится на юго-западном побережье южного острова. Северный остров вообще из рассмотрения исключался.

Впоследствии адмирал флота Н.Д. Сергеев вспоминал: „Прибыли

▲ Негин Е.А.

на Новую Землю. Здесь нам пришлось передвигаться где на собачьих, где на оленьих упряжках, чтобы досконально изучить острова. Естественно большую помощь мы получили от председателя Новоземельского поселкового совета И.К. Тыко Вылко. С его помощью прорабатывался и вопрос об отселении малочисленного местного населения (до десятка семей), проживавшего на берегу предлагаемых мест испытаний. После проведения гидрологических измерений комиссия установила, что губа Чёрная является в своём роде уникальным местом для таких испытаний, ибо водообмен между ней и Баренцевым морем был весьма небольшим, и расчётный выход радиоактивности ожидался крайне незначительным ...".

Бухта Чёрная была закрытой, с высоким скалистым восточным берегом и менее высоким западным. Её форма напоминала бутылку. Ширина бухты в горле около 1,5 км, длина наибольшая порядка 20 км, ширина 7 км. Площадь бухты около 70 км². Немаловажное значение с точки зрения выноса радиоактивности в море имел небольшой перепад уровней воды в губе во время приливов и отливов — до 1 метра, в то

▲ Барковский Е.Н.

время как на материковом побережье перепад мог достигать 7 метров. Единственным недостатком являлась относительно малая глубина акватории. В среднем она составляла 35 метров, а в самом глубоком месте — 70 метров. Для подводных взрывов желательно было иметь большую глубину. Фактически взрывы произошли в районах, имевших глубину 55 — 60 метров.

Государственная комиссия рекомендовала базу полигона разместить в становище Белушья, аэродром — в Рогачёве, а в качестве боевого поля использовать губу Чёрную. Эти предложения и были представлены в правительство, которое их одобрило, и 31 июля 1954 года вышло постановление Совета Министров СССР о создании полигона на Новой Земле. Вновь организуемое строительство получило название „Спецстрой-700“.

В течение года объект 700 подчинялся командующему Беломорской флотилии. Затем приказом Главкома ВМФ №00451 от 12 августа 1955 года этот объект выведен из подчинения флотилии и „во всех отношениях“ подчинён Начальнику 6 Управления ВМФ.

Начальником строительства объекта на Новой Земле был назначен

▲ Семенов Н.Н.

заместитель П.Ф. Фомина полковник Е.Н. Барковский. Даже трудно представить какую тяжёлую ношу принял на себя Евгений Никифорович. Но он имел все данные для того, чтобы возглавить работы на Новой Земле. В войну (с августа 1942 г.) была сформирована Новоземельская военноморская база, в которой инженерную службу возглавлял Е.Н. Барковский (в 1943 — 1944 гг.). Уже тогда он изучил этот регион. Он был „подкован“ и по поражающему действию ядерного оружия. Дело в том, что ещё до образования 6-го отдела при Главкоме ВМФ Барковский работал в системе Инженерного управления ВМФ над проблемой противорадиационной защиты военно-морских баз. Потом работа в 6-м отделе (Управлении) пополнила его знания и способствовала развитию связей с работниками различных министерств, учёными и конструкторами. Надо сказать, что Фомин широко практиковал назначение офицеров Управления руководителями подчинённых ему вновь формируемых войсковых частей.

Е.Н. Барковский отличался глубоким знанием строительного и инженерного дела, кипучей энергией, оперативным решением сложных

▲ Белушья губа

технических и организационных вопросов. Он не терялся в трудных ситуациях и находил выход из них. Барковского тянуло на самостоятельную работу. Из Москвы он переводился дважды: на Новую Землю и на Северный флот. С Управлением он никогда связь не терял, а после выхода в отставку возглавил Совет ветеранов 6-го Управления.

Собственно полигон стал формироваться 17 сентября 1954 года в соответствии с директивой Главного штаба ВМФ, которой была объявлена оргштатная структура нового соединения. Эта дата и считается днём рождения полигона, ежегодным праздником части. Управление полигона в основном укомплектовали к 10 октября, менее чем за месяц. Некоторое время начальник гарнизона Е. Н. Барковский совмещал обязанности начальника Спецстроя и полигона. По строительным делам его первым помощником был полковник Д. И. Френкель.

В распоряжение Барковского выделили 13 батальонов строи-

телей. Требовалось организовать строительство центральной базы в Белушьей, аэродрома и авиационной базы в Рогачёве и подготовить к испытаниям район боевого поля в губе Чёрной, где кроме постоянных объектов надо было создать опытные инженерные сооружения (два ряжевых и один бетонный пирсы, противодесантные заграждения и др.), проверявшиеся на ядерную взрывостойкость.

На Новую Землю пошёл поток материалов и строительных конструкций. Пирсов для разгрузки не было. Тут пригодился опыт Е. Н. Барковского по созданию плавучих причалов. Ранее он разработал плавучий причал с выдвжными опорами, опытный образец которого находился на испытаниях в Молотовске. Причал переправили на буксире в Белушью первым же транспортом „Кубань“. Его пристыковали к имевшемуся небольшому деревянному ряжевому основанию, и получился причал общей длиной 80 метров. Теперь уже можно было разгружать судовыми стрелами

щитовые конструкции, тракторы, металлоконструкции и другие грузы, в том числе много продовольствия. Позже за причал с выдвжными опорами Е. Н. Барковский был удостоен Ленинской премии.

Строить объекты без лесоматериалов невозможно. На Новой Земле лес не растёт. Но на побережье, особенно южного острова, довольно много плавника, попавшего сюда с Северной Двины и Печоры. Такой лес годен для некоторых работ и на дрова. Строители заготавливали его на зиму. Потом из Архангельска пошли лесовозы с хорошим лесом и его требовалось быстро выгрузить. С помощью сцеплённых брёвен сделали боны и оградили часть акватории. В „лесной гавани“ разгрузка шла полным ходом прямо в воду, а после ухода транспорта подтягивали брёвна с помощью бон к берегу. Дальше брёвна шли на лесопильню.

Бетон нужно было готовить на месте строительства. Для этого прямо под шатром соорудили свой бетонный заводик с примитивным подогревом.

Проектная документация могла задержать строительство, поэтому пользовались типовыми проектами с доработкой их на месте с учётом назначения объекта и местных условий. Основной тип постройки — деревянная щитовая казарма и такие же домики. Но некоторые сооружения строили каменными. К таким объектам относились здание для окончательной сборки ядерного заряда (ДАФ), командный пункт и другие.

Строительство сооружений в тундре, в условиях вечной мерзлоты, имеет свои особенности. Если поставить отапливаемое сооружение на обычные фундаменты, то под ним произойдёт растепление грунта и сооружение „поплывёт“. Поэтому на Новой Земле искали выходы скалы на поверхность или на небольшую глубину, чтобы строить здание на твёрдом основании. Застройка велась площадками, каждая из которых имела своё назначение. Такая планировка требовала постройки дорог, что в условиях тундры дело совсем непростое.

Генерал-лейтенант Е. Н. Барковский вспоминает о том горячем времени: „Сроки, поставленные нам правительством на подготовку к подводному ядерному испытанию, были крайне сжаты — год. А всё приходилось начинать с нуля, учитывая к тому же, что зимой из-за суровых климатических условий строительные работы на Новой Земле практически невозможны“. А всё-таки работы велись. И для того, чтобы выжить в зиму, и для создания полигона. Солдаты-строители просили в первую очередь построить баню и организовать по воскресеньям показ кино. На Севере баня с парной — всегда праздник. Так было даже после того, как построили плавательный бассейн.

Пик строительных работ пришёл на лето 1955 года. Лето на Новой Земле начинается поздно, в июне ещё лежит снег. До сих пор приходится удивляться объёму работ, выполненных в то лето.

В правительственных документах точное название полигона упоми-

нается в постановлении „Об обеспечении проведения испытаний изделия Т-5 на Морском Научно-Испытательном полигоне МО“, которое вышло 18 апреля 1955 года. Одновременно было принято решение по местным жителям. Министерство торговли СССР и Исполком Архангельского областного совета депутатов трудящихся обязывались „закрыть к 15 июля 1955 года на острове Новая Земля фактории Белушья, Литке, Краси́но и промышленные участки Абросимово, Лиле, Поморка, Вальково, Пропащяя и Круглое, а население переселить

в посёлок Лагерное в проливе Маточкин Шар“. Министерству обороны надлежало „построить в посёлке Лагерное к 1 июля 1955 года здания общей площадью 3350 кв. метров и отремонтировать существующие здания“. Переселяющимся выплачивали единовременное пособие. При этом охотникам-промысловикам разрешали производить, в свободное от проведения испытаний время, охоту на промысловых участках в зоне полигона, отведённой постановлением Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года №1559–699.

▲ Полигон на Новой Земле

В период своего становления полигон имел три зоны: „А“ — губа Чёрная, „Б“ — губа Белушья, „В“ — Рогачёво. Тогда ещё не чувствовали перспективы полигона, считали, что на север он расширяться не будет. Как позже выяснилось, решение о переселении промысловиков в Лагерное оказалось недалёковидным.

Если фактории представляли собой один или несколько отдельно стоящих домов, то в Лагерном были улицы, стояли электростолбы с лампами, освещавшими посёлок. Дома стандартные, невысокие, но широкие, приземистые. Имелась промышленная контора зверторга, школа, больница. Охотники и рыбаки без восторга переселялись в одно, хотя и более благоустроенное, место — труднее промышлять.

К концу августа 1955 года были построены основные сооружения первой очереди полигона.

В зоне „А“ (г. Чёрная) — командный пункт, штаб, столовая, посёлок для испытателей, 19 береговых приборных пунктов и стендов, 2 ре-

трансляционных пункта автоматики управления, гидротехнические, инженерные и опытовые сооружения противодесантной обороны.

В зоне „Б“ (г. Белушья) строители сдали в эксплуатацию — радиохимическую, физико-техническую, медико-биологическую, кинофототехническую лаборатории; специальное сооружение для сборки заряда; служебные, складские, жилые, бытовые помещения.

В зоне „В“ (Рогачёво) введён в строй аэродром с металлической полосой для базирования полка истребительной реактивной авиации, смешанной эскадрильи специального назначения (для киносъёмки, забора проб воздуха, слежения за радиоактивным облаком и т. д.) и эскадрильи транспортной авиации. Во время испытаний на аэродроме базировались также вертолёты. Для гидросамолётов был старый гидроспуск в Белушьей и новый подопытный в Чёрной. Если в войну гидросамолёты вели разведку, то при атомном испытании они выступали

в качестве мишеней. Всей авиацией на первом испытании командовал генерал-лейтенант П. Н. Лемешко.

На подготовку объекта на Новой Земле к испытаниям было израсходовано 135 млн. рублей, из них на строительство — 72.9, на измерительную аппаратуру — 31.2, на переоборудование кораблей-мишеней — 25.7 и на переоборудование самолётов — 5.2 млн. рублей.

Барковский руководил всеми военными служащими и вольнонаёмными на Новой Земле до прибытия первого начальника полигона известного подводника-североморца капитана 1 ранга В. Г. Старикова, который прославился прорывами на подлодке малютке М-171 в базы противника и расстрелом в упор его транспортов. Звание Героя Советского Союза он получил в апреле 1942 года. После войны окончил две военные академии. На Новой Земле В. Г. Стариков занялся кораблями, транспортом, поставками на зиму продовольствия, топлива и, конечно, организацией частей, входящих в состав полигона.

▲ Аэродром в Рогачёво

Хозяйство было большое. Например, в Белушье и Рогачёве находились 525-й дивизион кораблей и судов специального назначения, 580-й отдельный транспортный авиационный отряд. Шла подготовка к приёму 1950-го истребительного авиационного полка и других частей, в том числе большой бригады опытовых кораблей.

Среди кораблей 525-го дивизиона были базовые тральщики „Старший лейтенант Лекарев“, Т-113, Т-119, Т-116, большие охотники БО-190, БО-192, танкодесантный корабль ДК-378, морской буксир МБ-90, баржи, катера.

В период формирования полигона никаких серьёзных претензий к его начальнику не было. Но когда началась непосредственная подготовка к испытаниям, то он передоверил многие вопросы подчинённым, не нашёл необходимого контакта с испытателями, оставил часть обеспечивающей техники в Белушье. На боевом поле для расстановки измерительной аппаратуры и объектов испытаний требовался транспорт, а его не было. Приходилось всё время выпрашивать машины и тракторы у строителей, а у них свой жёсткий план. Из-за этого срывались графики подготовительных работ. Обстановка была нервной. Испытателям начал помогать прибывший на Новую Землю адмирал Н.Е. Басистый, посылая шифровки тем, кто задерживал поставки. В Чёрной безотлучно находился начальник штаба полигона капитан 1 ранга Н.М. Игнатьев. Организационными вопросами, связанными с предстоящим опытом, много занимался заместитель начальника 6-го Управления ВМФ капитан 1 ранга А.Н. Вошинин. Оперативную группу при командовании Управления возглавлял В.В. Рахманов. Со строителями связь держал Б.П. Жидких.

Когда прибыл на полигон руководитель испытаний адмирал С.Г. Горшков, то по вопросам безопасности испытаний он заслушал не начальника полигона, как всегда было принято на испытательных полигонах Министерства обороны, а москвичей П.Ф. Фомина и В.П. Ахапкина,

▲ Плавающие причалы

начальника отдела 6-го Управления, а в последующем начальника Опытного-научной части полигона. Вскоре Горшков принял решение о снятии Старикова с должности начальника полигона, оставив его временно заместителем командира этой части. На Новой Земле он не задержался. В дальнейшем его служба шла нормально, и он уволился с флота вице-адмиралом.

Четыре с половиной месяца начальником полигона был капитан 1 ранга Н.А. Осовский, не оставивший заметного следа в его истории. После него на Новую Землю назначили опытного военачальника контр-адмирала Н.Л. Луцкого, ранее командовавшего ВМБ в Порт-Артуре, где прошли мои лейтенантские годы. Н.Л. Луцкий много сделал для полигона. А следующий начальник контр-адмирал И.И. Пахомов был отозван досрочно. Частая смена командования говорит о том, что нелегко руководить таким соединением, как атомный полигон на Новой Земле: из четырёх первых командиров трое пробыли в этой должности менее года. Наибольший вклад в развитие полигона внёс вице-адмирал С.П. Кострицкий, командовавший им более семи лет.

Окончательное постановление Совета Министров СССР о проведении первого испытания на Но-

вой Земле было принято 25 августа 1955 года. Задача личного состава полигона состояла в регистрации параметров ядерного взрыва и фиксации поведения военно-морской техники во время взрыва. Обслуживание измерительной аппаратуры велось прикомандированными специалистами и сотрудниками полигона.

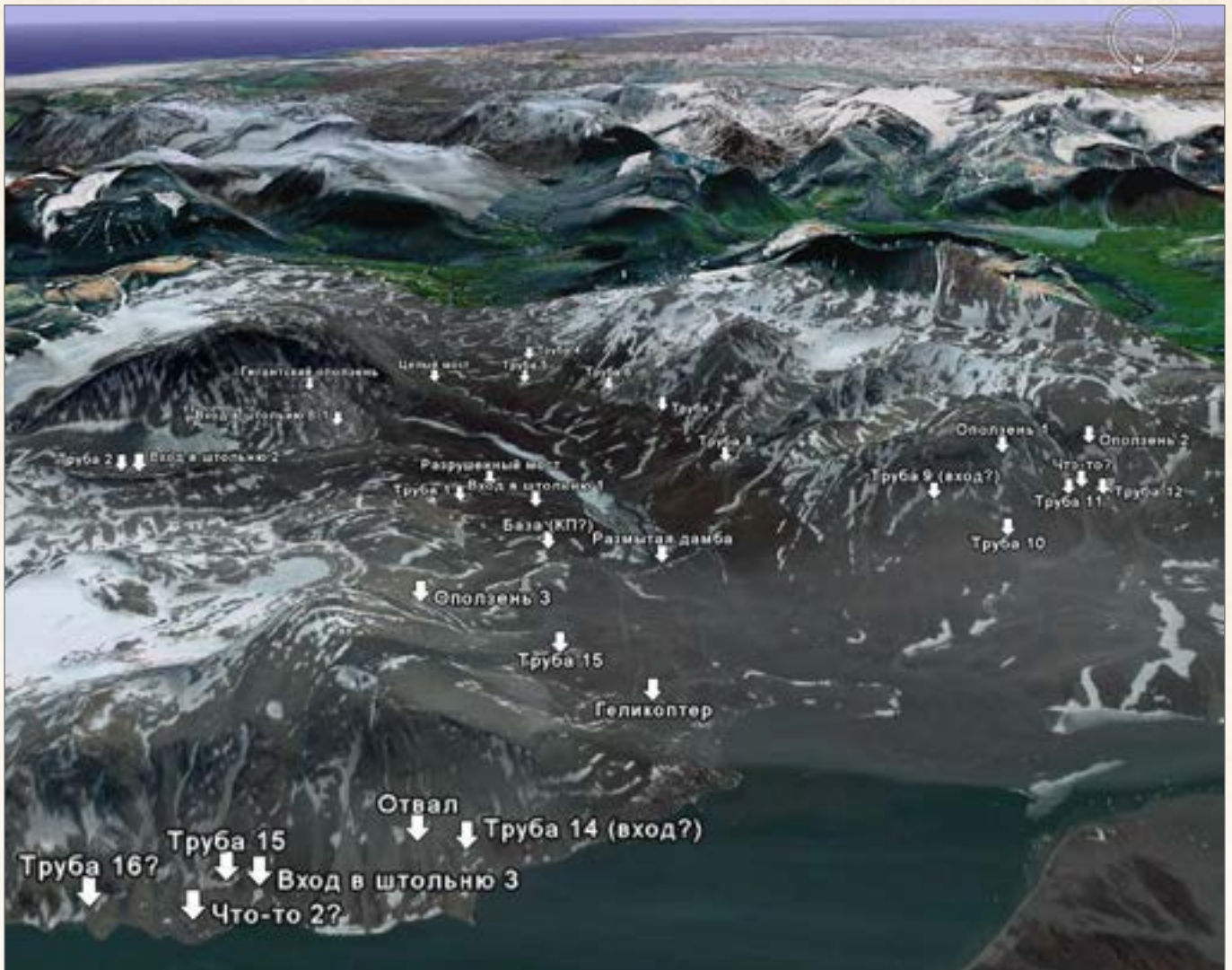
На каждом корабле производились замеры:

- избыточного давления во фронте воздушной и подводной ударных волн (методы и приборы измерения параметров ударных волн в воздухе и в воде совершенно разные);
- времени положительной фазы действия ударной волны;
- импульса давления на разных глубинах;
- светового импульса;
- суммарной дозы радиационного облучения;
- максимального крена корабля от воздушной ударной волны и поверхностных волн на воде.

Если пользоваться терминологией строительной механики корабля, то с помощью этих измерений получали „внешние силы“.

Для определения поведения опытных кораблей во время взрыва

▲ Схема объектов полигона

на них устанавливалась аппаратура: фотоаппараты АФА и скоростной съёмки АКС-1, осциллографы ПОБ-14 и МПО-2, тензометрические станции, тензодатчики, электродинамические прогибомеры, механические царапающие измерители прогибов — для определения величины деформаций и напряжений в конструкциях корпуса; аппаратура для записи величины ускорений на механизмах. Корабельная измерительная аппаратура дала много ценной информации о судовых конструкциях во время взрыва и о самом взрыве. Именно фотоаппараты соседнего корабля с близкого расстояния зафиксировали быстрый подъём в воздух эсминца „Реут“ от воздействия султана, его падение в воду и погружение.

Особо следует отметить аппаратуру, связанную с измерениями в водной среде. Параметры подводной ударной волны записывали: осциллографы ПИД-8, механические индикаторы давления МИД-8, импульсомеры механические ИМ-10, пьезометрические измерители давления ПИД-10, измерители давлений полупроводниковые с запоминанием ИДПЗ-1. В опыте измерялись параметры базисной волны, столь опасной для личного состава кораблей. Записывались и поверхностные волны, оказавшиеся грозным фактором для прибрежных инженерных сооружений.

Специалисты отдела автоматики устанавливали аппаратуру радиуправления, шифраторы, дешифраторы, распределительные устройства.

Чтобы смонтировать всю эту аппаратуру, корабли переоборудовали по специально разработанным проектам. Проект 253 — переоборудование эсминца „Куйбышев“, проект 453 — эсминца „Гремящий“, проект 218 — подлодки Б-9 и т. д. Приборные стенды водоизмещением 120 тонн (больше малого тральщика) были трёх проектов по составу оборудования. Все проектные работы, связанные с измерительной аппаратурой, выполнили ЦКБ-54 и ЦКБ-55 Минсудпрома.

Поделюсь своими впечатлениями о подводном атомном взрыве 21 сентября 1955 года. Я входил в оперативную группу при руководстве испытаниями и, кроме распорядительной деятельности, отвечал

за съёмки кинофильма, выпуск которого был определён постановлением правительства. Киносъёмочная группа из четырёх человек находилась ближе всех к центру взрыва, примерно на расстоянии около 7 км.

Султан встал мгновенно и застыл, за исключением верхней части, где, не спеша, стала образовываться грибовидная шапка. Столб от внутреннего свечения был белый-пребелый. Такой белизны я никогда не видел. Казалось, что столб воды поставлен навечно, вышел джинн из бутылки и замер, не зная, что делать дальше. Потом султан начал медленно разрушаться сверху, опадать. В небе осталось облако, схожее с обычными облаками. Мы не почувствовали ударной волны, прошёл какой-то ветерок. Зато очень хорошо был виден бег подводной ударной волны по поверхности воды. Как только облако взрыва отнесло от акватории испытаний, поспешили успеть на корабли-мишени до их затопления. При взрыве погиб ближайший к эпицентру эсминец. На остальных кораблях удалось сфотографировать все основные повреждения.

Итак, Новоземельский полигон заработал. Все убедились, что ему

под силу сложные задачи по испытанию ядерного оружия.

Вопрос об испытаниях сверхмощных зарядов решался в ЦК КПСС и Совете Министров СССР. Совместным постановлением от 17 марта 1956 года №357–228 предлагалось в том же году испытать на Новой Земле термоядерный заряд большой мощности — рекордной для того времени — 25 мегатонн. До этого 5 марта вышло постановление о формировании Северной экспедиции №7 с задачей оборудования четырёх опытных полей: трёх на восточном берегу губы Чёрной и одного на берегу губы Митюшихи, что на северном острове.

Срочно, к 15 апреля, укомплектовали специалистами Северную экспедицию. Первоочередной стояла задача создания опытного поля на северном острове. Уже 23 апреля 53 человека передового отряда во главе с П. Ф. Фоминым высадились на пустынный берег губы Митюшихи. Никаких факторий, тем более причалов там не было, ближайшая изба находилась много севернее, в губе Крестовой, до неё далеко. В этих краях я выбирал боевое поле для ракетных стрельб.

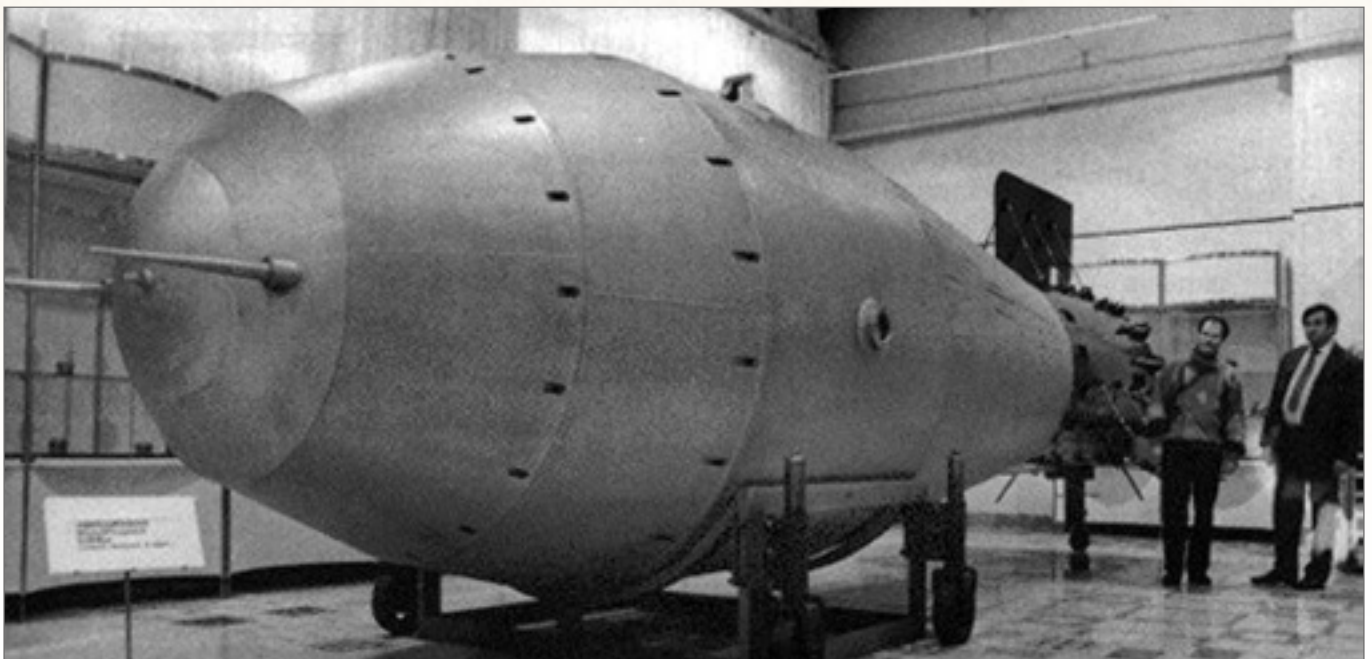
После обследования нового района высадилась и основная часть

экспедиции. Спешили, так как испытание планировалось на III квартал 1956 года. О большой важности этого испытания писали в Президиум ЦК КПСС А. П. Завенягин, Б. Л. Ванников, П. М. Зернов, И. В. Курчатова (Минсредмаш), Г. К. Жуков, М. И. Неделин, С. Г. Горшков, П. Ф. Жигарев (Минобороны). Было известно, что заряд весит 26 тонн, и габариты такие большие, что он не помещается в бомболок самолёта Ту-95.

На боевом поле в районе Митюшихи установили аппаратуру для изучения процесса ядерной реакции (30 приборов), измерения параметров ударной волны (120 приборов СД-725), оптических наблюдений (168 аппаратов и приборов), индикаторы измерения проникающей радиации (164 единицы). Кроме того, установили 180 приборов радиоавтоматики. Место испытаний стали именовать боевым полем Д-2.

Командный пункт оборудовали на полуострове Панькова Земля на расстоянии 90 км от центра боевого поля (пункт Д-8).

Северная экспедиция №7 работала с апреля по июль 1956 года практически круглосуточно и подготовила опытное поле к 20 июля. Всего было доставлено в новые районы

▲ Царь Бомба

▲ Губа Грибовая

испытаний 20 тыс. тонн груза, высажено около 1500 человек. За четыре с половиной месяца экспедиция выполнила огромный объём работ. Провела рекогносцировку местности на северном и южном островах, произвела посадку и привязку на местности спецсооружений боевого поля, построила на боевых полях комплекс защитных сооружений, выполнила монтаж оборудования и приборов. С учётом производственных, жилых, бытовых и вспомогательных сооружений было построено 320 объектов.

Роль 6-го Управления ВМФ в этой работе видна из акта, согласно которому вышестоящий начальник — контр-адмирал П. Ф. Фомин „сдал“, а его подчинённый, начальник полигона контр-адмирал Н. Л. Луцкий „принял“ оборудование и площадки для испытаний в зоне „Д“ полигона. Этот акт утвердил заместитель Главкома ВМФ адмирал Н. Е. Басистый 8 сентября 1956 года. Редко когда начальник сдаёт подчинённому готовые объекты, размещённые на территории его части. В заключение были проведены частные и комплексные репетиции, позволившие своевременно доложить в Москву о готов-

ности полигона к испытанию сверхмощного термоядерного заряда.

Другой пример значимости Управления в работе полигона. Академик Н. Н. Семёнов пожаловался министру обороны и министру среднего машиностроения на затяжку с проведением модельных опытов на Ладозе, предварявшими натурные испытания на Новоземельском полигоне. По этому письму начальник Главка Минсредмаша и председатель Госкомиссии доложил заместителю председателя Совета министров СССР и министру среднего машиностроения А. П. Завенягину: „... решение всех научно-технических вопросов по подготовке к испытаниям ... фактически осуществляет 6 Управление ВМФ“, хотя по постановлению правительства эта работа была возложена на Академию наук СССР.

При испытании мощного изделия планировали расставить и кораблемишени с таким расчётом, чтобы получить разные степени их поражения. На расстоянии порядка 13 км (радиус полного выхода из строя) — эсминец „Разъярённый“ и подлодка С-19. На дистанции 15 км (разрушение надстроек) — эсминец „Грозный“ и лодка С-16. На удалении 20 км

(повреждение надстроек) — лидер „Баку“ и тральщик Т-219. На дистанции 50 — 55 км — два деревянных тральщика (возможное возгорание корпусов). Научным руководителем сектора испытаний кораблей-мишени предлагался академик Ю. А. Шиманский.

Первого мощного взрыва побаивались, так как расчёты показывали ожидаемые избыточные давления: Белушья — 0,04 кг/см², Нарьян-Мар — 0,01 кг/см², Мурманск — 0,008 кг/см², Архангельск — 0,007 кг/см². Более того, в северной части Скандинавии ожидалось давление 0,0062 — 0,0072 кг/см². По ранее проведённым опытам при 0,005 — 0,008 кг/см² возможны случаи разбития плохо закреплённых стёкол. В связи с этим Академия наук и Министерство обороны рекомендовали Министерству среднего машиностроения уменьшить тротильный эквивалент изделия почти в два раза.

На Научно-техническом совете, на котором председательствовал академик Н. Н. Семёнов, доклад делал академик С. А. Христианович. В обсуждении условий проведения этих испытаний участвовали В. А. Бо-

лятко, Б. А. Олисов, М. А. Садовский, О. И. Лейпунский, Ю. С. Яковлев и другие специалисты по поражающему воздействию ядерного взрыва. Речь шла о мероприятиях по безопасности.

Сверхнапряжение полигона летом 1956 года оказалось напрасным. По просьбе Минсредмаша Президиум ЦК КПСС 31 августа 1956 года принял решение отложить проведение испытаний специзделия, не снимая вопроса целесообразности такого испытания (ориентировочно в 1957 году). Планировавшееся отселение жителей из посёлка Лагерное, находящегося в 55 км от боевого поля, было задержано.

В 1957 году решили не гнаться за США, которые тремя годами раньше провели четыре ядерных взрыва мощностью до 15 мегатонн, а постепенно повышать тротильный эквивалент и превзойти американцев через несколько лет. Кроме того, умер инициатор этого проекта А. П. Завенягин. Короче, в 1956 году никаких испытаний на Новой Земле не проводили.

Министры среднего машиностроения и обороны, а также Главнокомандующий ВМФ доложили в августе 1957 года о том, что наметили в ближайшее время провести испы-

тания изделий мегатонного класса на боевом поле полуострова Сухой Нос (район губы Митюшихи). При положительном решении просили опубликовать в газетах «Известия», «Красная звезда» и «Советский Флот» сообщение о районе, опасном для плавания судов и полётов самолётов с 10 сентября по 15 октября 1957 года. Разрешение было дано. Газеты опубликовали текст 3 сентября. К этому времени жители Лагерного были уже переселены на материк.

В новой редакции опыта корабле-мишени отсутствовали, они испытывались в губе Чёрной.

24 сентября 1957 года состоялись испытания опытного изделия мощностью более мегатонны с воздушным ядерным взрывом на высоте 2 км. Так начала действовать зона «Д» полигона. Боевое поле Д-2 стало единственным в стране местом проведения испытаний зарядов мегатонного класса. На Семипалатинском полигоне от них отказались. 6 октября произвели второй взрыв на поле Д-2 изделия повышенной мощности мегатонного класса. Этот отечественный рекорд мощности продержался четыре года.

При освоении северной зоны архипелага Новая Земля и первых

испытаниях в ней полигоном командовал контр-адмирал Николай Львович Луцкий, начальником штаба был капитан 1 ранга Василий Константинович Стешенко. Опытнo-научной частью полигона руководил капитан 1 ранга Виктор Прохорович Ахапкин. Начальниками ведущих отделов ОНЧ и площадок были Александр Фёдорович Пожарицкий, Степан Никитич Саблуков, Николай Михайлович Борисов, Михаил Яковлевич Земчихин и другие офицеры. Начальником Оперативного штаба при руководстве был представитель 6-го Управления ВМФ Василий Васильевич Рахманов. В штаб входили в основном офицеры нашего Управления. Например, за участие во многих испытаниях Виктора Алексеевича Тимофеева наградили орденом Ленина, он стал лауреатом Государственной премии СССР.

1957 год отмечен ещё одним важным событием — произведён наземный взрыв на башне мощностью несколько килотонн на восточном побережье губы Чёрной. Это единственный наземный взрыв на Новой Земле. Он «испортил» биографию полигона. И не только биографию. До сих пор в районе бывшей башни сохраняется уровень до одного мил-

▲ Славский Е.И.

▲ Завенягин А.П.

лирентгена в час. Этот район объявлен санитарно-запретной зоной.

После двух воздушных и одного наземного взрывов опытных зарядов постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 5 марта 1958 года Морскому Научно-испытательному полигону присвоено новое наименование: Государственный центральный полигон №6 МО, с соответствующим изменением штатов. В частности от Главсевморпути были приняты метеостанции в Малых Кармакулах и на мысе Столбовом.

Воздушные взрывы, когда огненный шар не касается поверхности земли, почти не загрязняют место испытаний. Но они всё-таки дают загрязнение атмосферы планеты. При небольшом числе взрывов этот фактор проявляется слабо, а при большим — нарастает пагубное воздействие на всё живое на Земле.

В ноябре 1958 года министр среднего машиностроения Е. П. Славский обратился к Главкому ВМФ С. Г. Горшкову по поводу развития Новоземельского полигона, имея в виду,

в том числе, перенести на него испытания зарядов малой мощности с Семипалатинского полигона. Кроме того, министр считал, что одного боевого поля в зоне „Д“ для испытаний специзделий мощностью от 100 килотонн до 5 мегатонн мало, и просил обеспечить создание в 1959 году дополнительного боевого поля для изделий средней и большой мощности.

Военно-Морской Флот рассмотрел предложения Минсредмаша. К этому времени уже было оборудовано четыре поля: в губе Митюшихе (Д-2) для испытаний изделий мощностью до 5 мегатонн, на берегу губы Чёрной (А-7) для воздушных испытаний изделий до 50 килотонн, в том же районе отдельное поле (А-6) для проведения наземных физических опытов до 50 килотонн и, наконец, опытная акватория губы Чёрной для подводных взрывов мощностью до 50 килотонн. Оснащать дополнительное боевое поле флот не стал и был дан ответ о возможностях полигона с существующими полями. В нём отмечалось, что при нормаль-

ной метеообстановке на Новой Земле можно провести порядка 85 испытаний в год, в том числе на поле Д-2 — около 35 опытов. Для зарядов очень большой мощности желательно было бы переместиться ещё на север, подальше от материка. Однако рельеф местности севернее губы Крестовой резко меняется — более высокие горы с вечными ледниками. Поэтому предлагалось рассматривать только район губы Чёрной и дублирующее поле к северу от губы Митюшихи, на расстоянии 27 км от основного поля Д-2.

После дополнительного обследования зоны „А“ (район губы Чёрной), где уже было достаточно боевых полей, расширять её отказались. Решение было правильным, так как уже в 1964 году вообще закрыли эту зону, а позднее в ней расформировали и подразделение ввиду бесперспективности этого района с учётом повышенных требований к радиационной безопасности испытаний.

В зоне „Д“ пошли по другому пути — организовали боевое поле для ракетных стрельб, оборудовав полигон средствами засечки мест падения головных частей ракет. Новых полей для ядерных взрывов создавать не стали и правильно сделали, так как позже перешли к подземным испытаниям.

Общеизвестен проведённый по инициативе Н. С. Хрущёва 50-мегатонный взрыв 30 октября 1961 года. Положительная особенность рекордного заряда состояла в том, что на термоядерные реакции приходилось 97% его мощности, то есть он отличался высокой „чистотой“ и соответственно минимумом осколков деления, дающих радиоактивное заражение. Этот взрыв являл собой демонстрацию силы и не имел никакой практической пользы для вооружения армии и флота. Полезная информация для физиков и конструкторов зарядов состояла в том, что найден способ практически неограниченного повышения мощности ядерных взрывных устройств.

Перед испытанием супербомбы Министерство среднего машиностроения и Главное управление

▲ Место подрыва Царь Bomбы

Министерства обороны пытались подыскать на северном побережье Сибири подходящее место для такого взрыва, но лучше, чем Новая Земля, не нашли.

Мы долгое время гордились самым мощным в мире взрывом, но для ГЦП-6 он был нежелателен и даже вреден, так как разрушил городок строителей и шахтёров в зоне Д-9 (Маточкин Шар), вывел из строя бронеказемат с аппаратурой на поле Д-2, разрушили посёлок Лагерное и др.

На 1962 год полигону выделили 4,8 млн. рублей. Этих средств было недостаточно, в том числе и для восстановления разрушений в зоне Д-9 от сверхмощного взрыва. Главкомы ВМФ и РВСН адмирал С. Г. Горшков и маршал Советского Союза К. С. Москаленко обратились к министру обороны с просьбой увеличить ассигнования. Как писали военачальники, испытания в 1961 году на Новой Земле показали, что этот полигон является единственным ме-

стом, где можно испытывать ракетное, торпедное и авиационное вооружение с ядерными зарядами как сверхмощных, так и малых калибров. Главкомы просили выделить полигону на 1962 год 10 млн. рублей. Такая сумма запрашивалась из-за разрушений от «сверхбомбы» и начала работ по подготовке к подземным испытаниям, которые значительно дороже воздушных. Просьба была удовлетворена только частично.

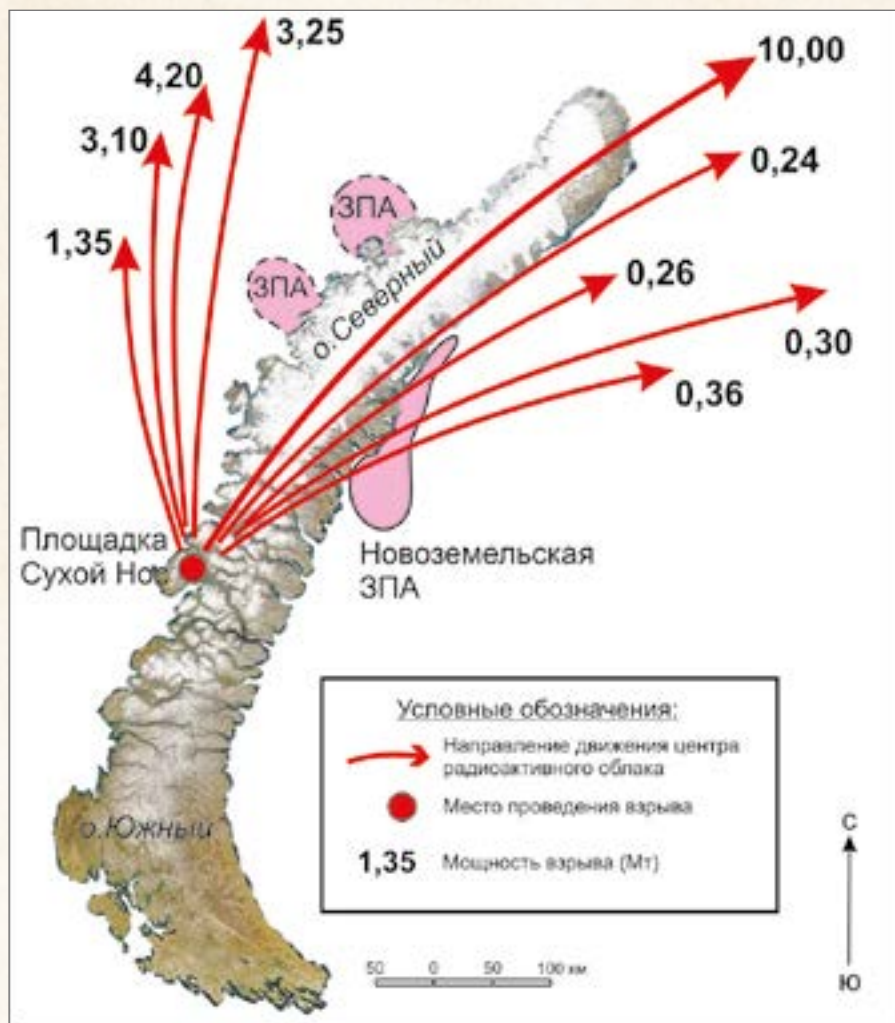
По поводу радиационной опасности в средствах массовой информации стали бить тревогу после Чернобыльской катастрофы. У многих складывается впечатление, что раньше ей вообще не придавали значения. Это не так. На полигоне служба радиационной безопасности всегда давала полноценную информацию командованию, которое принимало соответствующее обстановке решение.

Самыми грязными после наземного были, конечно, подводные взрывы. Степень их «вредности» лучше всего оценить цифрами. Я нашёл

в архиве «Список дозиметрического обследования участников испытаний 21 сентября 1955 г. (суммарные дозы)». В нём только в группе радиационных измерений В. Г. Марковского есть несколько испытателей, получивших дозу, приближающуюся к допустимой (50 рентген), у второй группы этой же специализации В. П. Мошкина максимальная доза — 6,6 рентген, у медиков С. Д. Ивонинского — 2,7 рентген. Против большинства фамилий испытателей стоит цифра 0,1 рентген. Значения доз оказались сравнительно небольшими, если учесть, что при американском аналогичном опыте аварийные команды смогли попасть на некоторые корабли только через несколько суток. Расхождение объясняется различной расстановкой кораблей, у них — круговая, у нас — в секторе, с выбором направления ветра в сторону акватории, свободной от кораблей.

Вместе с тем позже поступил тревожный сигнал со стороны рыбаков.

▲ Карта ядерных взрывов

Руководство Мурманской области обратилось в ЦК КПСС по поводу безопасности ядерных взрывов на Новой Земле для рыболовства. Ответ перед ЦК КПСС держали министр среднего машиностроения Е. П. Славский, заместитель министра здравоохранения А. И. Бурназян и Главком ВМФ С. Г. Горшков. Вот его содержание: „Подводный взрыв атомного оружия был произведён в г. Чёрной в сентябре 1955 г. В результате взрыва вода в г. Чёрной и в прилегающем к ней участке Баренцева моря площадью 50 × 15 км оказалась кратковременно загрязнённой радиоактивными веществами. Данный район входит в зону действия постоянного холодного течения Литке, омывающего острова Новая Земля, которое, с одной стороны, ограничивает распростра-

нение радиоактивных продуктов взрыва в открытом море и, с другой стороны, в силу постоянно низких температур (−0,6... — −0,8°C) препятствует захождению в загрязнённый район промысловой рыбы. Проведённые ВМФ в 1955 — 1957 годах гидробиологические исследования подтвердили факт отсутствия в указанном районе промысловой рыбы.

7 сентября 1957 г. в районе г. Чёрной был произведён наземный атомный взрыв мощностью 32 тыс. тонн. Взрыв вызвал незначительное и кратковременное радиоактивное заражение района Карского моря в восточном направлении до полуострова Ямал... Направляется комиссия специалистов”. Необходимо отметить, что восточное направление соответствовало выбранному сектору распространения возможных ради-

оактивных осадков в небольших количествах. С целью предотвращения радиоактивного загрязнения (за 2–3 дня до взрыва) предусматривались меры, исключая заход судов и кораблей в Карское море через проливы и со стороны острова Диксон, о чём давалось принятое для кораблей оповещение. После проведения опыта специалистами (комиссионно) проводилось обследование южной части Карского моря (самолёт, вертолёт).

Из своего опыта могу сказать, что мы всегда с большим удовольствием ели малосольного новоземельского гольца.

Первые изыскательские геологические работы на предмет возможности проведения подземных ядерных испытаний были проведены с 8 октября по 15 ноября 1959 года группой геологов под руководством А. В. Дернова. Она исследовала район устья реки Шумилихи, впадающей в Маточкин Шар. Горная гряда вдоль южного берега пролива была признана пригодной для подземных испытаний зарядов относительно небольшой мощности. Уже в январе 1960 года началось строительство специальной Геофизической станции. В этот же год должны были обустроиться горняки и начать горнопроходческие работы из расчёта, чтобы к концу года подготовить штольни „Г” и „Б” к испытаниям. Плановый темп проходки штолен 6–8 метров в сутки. Длина штольни 1–2 км в зависимости от высоты горы, крутизны её склонов и, конечно, мощности заряда. Подземные испытания более „управляемые”, чем другие виды испытаний: выбирается гора, исследуется её геология, определяется глубина заложения, место взрыва фиксированное, размещение измерительной аппаратуры оптимальное. Один существенный недостаток — большая стоимость работ.

В 1961 году полигон интенсивно готовился к подземным испытаниям. Одновременно успешно шла проходка пяти штолен. Но в тот год новому виду испытаний не повезло: необычно быстрое таяние снега в июне привело к сходу снежных

▲ Штольня

лавин и разрушению промплощадки, что заставило приостановить горнопроходческие работы. На место аварии вылетела комиссия под руководством П. Ф. Фомина и главного инженера горного управления Минсредмаша В. И. Богатова, которая подготовила предложения по ликвидации последствий стихийного бедствия и возобновлению горнопроходческих работ. Но в это время поступила другая вводная — отменён мораторий на воздушные ядерные испытания и поставлена задача проверить новые мощные опытные заряды и провести боевые стрельбы принятым на вооружение ядерным оружием. От боевого поля Д-2 до объектов в Маточкином Шаре расстояние порядка 50 км, поэтому по условиям безопасности пришлось произвести временную консервацию всех сооружений Геофизической станции.

Мощные взрывы грохотали в зоне «Д» в сентябре — ноябре 1961 года и в августе — декабре 1962 года. Это, конечно, сдерживало подготовку к подземным испытаниям и стало одной из причин того, что первый подземный взрыв на Новой Земле произвели только 18 сентября 1964 года, тогда как на Семипалатинском полигоне он состоялся в 1961 году, а американцы ещё раньше начали испытания под землёй.

Подземные испытания весьма трудоёмки. Горняки должны пройти штольню, монтажники — смонтировать аппаратуру и сотни километров кабеля, строители — сделать мощные забивочные комплексы и гермостенки. Цикл этих работ длится примерно год.

Район подземных испытаний обозначили зоной Д-9 полигона, а лучше было бы ввести совершенно новое обозначение, соответствующее принципиально новому виду испытаний. Посёлку дали название Северный.

Даже подземные испытания зарядов старались использовать

в интересах проверки взрывостойкости военно-морской техники. Так, в 1964 году в отработанной штольне, недалеко от действующей, было оборудовано сборочное помещение ядерной базы (контрольная аппаратура, в том числе несколько комплексных проверочных пультов, стыковочные стенды, узлы автоматики боевых частей и др.). Создавалась обстановка, соответствующая ядерному удару по военно-морской базе. На рабочих местах в момент взрыва некоторые узлы и аппаратура находились во включенном состоянии. На следующий день после ядерного взрыва началась их проверка. Несмотря на сильное сейсмическое воздействие, аппаратура и узлы изделий сохранили работоспособность, хотя были смещения в разных направлениях. Произошло опрокидывание отдельных стендов с высоким расположением центра тяжести. Научным руководителем этой части испытаний являлся Б. В. Замышляев. В группу испытателей входили В. Л. Серебренников (старший), И. Н. Попов, Ю. Ф. Тюрин и др.

Наибольший вклад в организацию подземных испытаний на Новой Земле от Минсредмаша внёс начальник 5-го Главка Георгий Александрович Цырков, многократно возглавлявший комиссии по проведению испытаний. Его заместителем по измерениям часто был Виктор

▲ Разрушенный бронеказемат

Никитович Михайлов. Комиссии по испытаниям опытных зарядов также возглавляли академик Евгений Аркадьевич Негин, Станислав Николаевич Воронин, Евгений Иванович Парфёнов. Облучательные опыты проводились под руководством начальника 6-го Управления ВМФ.

Подземные испытания в сотни тысяч раз уменьшают радиоактивное воздействие на окружающую среду. На Новой Земле 36% подземных ядерных взрывов были полного внутреннего действия (камуфлетные), без истечения радиоактивных газов в атмосферу; 60% — взрывы с просачиванием радиоактивных инертных газов в атмосферу без остаточного загрязнения (радиоактивные изотопы в атмосфере превращаются в нерадиоактивные); 4% — взрывы с попаданием на земную поверхность радиоактивных газообразных и парообразных продуктов (таких

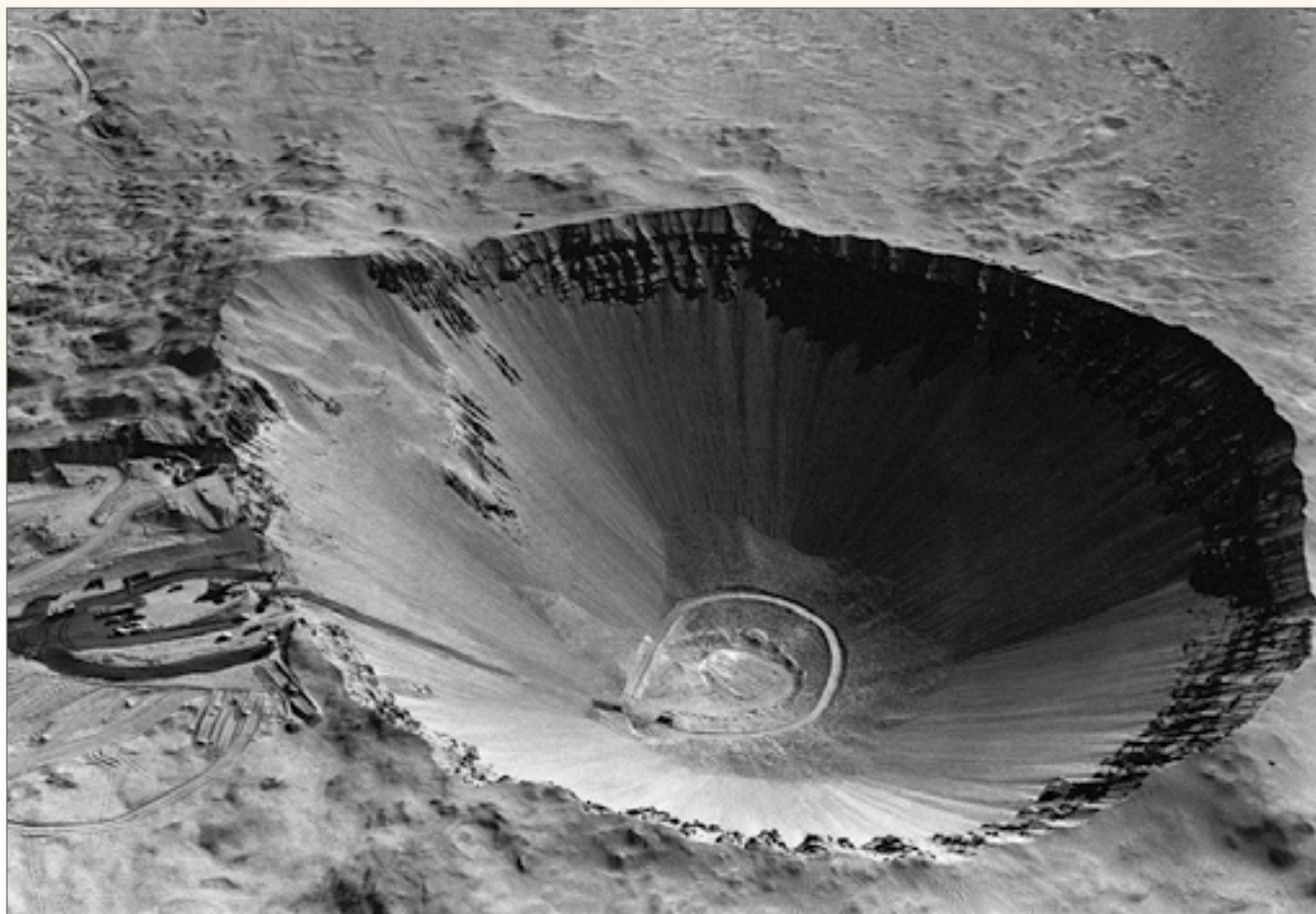
нештатных ситуаций на Новой Земле было две).

При проведении ядерных испытаний большое внимание уделяется выбору направления ветра, точнее — переносу воздушных масс. Главный гидрометеоролог страны академик Юрий Антониевич Израэль 17 раз был на Новой Земле. При испытаниях проводятся круглосуточные консультации полигона с Гидрометеослужбой в Москве. Наблюдение за распространением радиоактивности в атмосфере осуществляли с помощью специально оборудованного самолёта-лаборатории, на котором старшим был высококвалифицированный специалист капитан 1 ранга Георгий Алексеевич Кауров.

Новоземельский полигон освоил пять видов испытаний ядерного оружия: подводные, наземные, подводные, воздушные и подземные

(в штольнях и скважинах). Подводные взрывы окончены в 1961 году, наземный был только в 1957 году, последний приводный — в 1962-м, и в этом же году закончены воздушные испытания. Подземные испытания прекратили в 1990 году (американцы на два года позже).

Каждый вид испытаний требовал своих методик. В их разработке принимали самое активное участие специалисты полигона. Основным подразделением полигона была Опытно-научная часть. Затем она стала называться Научно-испытательной частью (НИЧ). Это не формальное изменение названия, а выдвижение на первый план научной деятельности, не прекращавшейся и при отсутствии натурных испытаний. Особое значение в изучении новых физических явлений и функционирования НИЧ имело сотрудничество с ЦНИИ-16 ВМФ (МФ 12

▲ Воронка от взрыва

▲ Юбилей полигона

ЦНИИ МО). Приведём несколько первых крупных совместных работ.

Совершенно необходимой для полигона была система радиотелеуправления (комплекс „Мрамор“) различными объектами на боевом поле. Такую систему разработал институт, и её освоил полигон. На первом испытании радиоуправление производилось со штабного корабля „Эмба“. Далее система радиоавтоматики была модифицирована и распространена на все опытные поля ГЦП–6 МО.

Экспериментальное исследование подводного взрыва показало весьма сложную картину распространения подводной ударной волны, было выявлено влияние температурного скачка воды по глубине на изменение параметров этого поражающего фактора. Опытные данные позволили уточнить теорию подводного ядерного взрыва.

Радиохимическим методом определён при подводном взрыве коэффициент полезного действия (доля прореагировавших делящихся ма-

териалов) заряда типа РДС, причём определён с достаточно высокой точностью.

По кинематическим характеристикам султана тротильный эквивалент заряда получен с точностью +0,3 килотонны. Полный тротильный эквивалент по измерениям подводной ударной волны вычислен с точностью +0,7 килотонны. Окончательно тротильный эквивалент заряда, испытывавшегося 21 сентября 1955 года, составил 3,5 килотонны. Совпадение результатов, полученных различными методиками, говорит об их качестве, хорошем приборном обеспечении и высокой квалификации специалистов. Правда, третий радиохимический метод дал завышенные результаты.

Полный тротильный эквивалент мегатонного изделия большой мощности определён с точностью до +0,1 Мт, а мощность, пошедшая на образование воздушной ударной волны, получена с ещё большей точностью — +0,06 Мт.

Нельзя не упомянуть об одном почти невероятном случае. При групповом подземном испытании вдруг не получили никаких данных по одному из зарядов. Осмотр поверхности горы с поиском провальной воронки также не дал ответа — сработал этот заряд или нет. Министр среднего машиностроения принял решение прорыть проход к боксу этого заряда. После проходки лаза в бокс полез заместитель начальника 5-го главка председатель комиссии Владимир Иванович Корякин. Оказалось, заряд не мог сработать, так как не был состыкован высоковольтный разъём, что входит в обязанности разработчика опытного заряда. Остальные заряды в этой штольне сработали нормально. Всего на Новой Земле проведено 132 ядерных взрыва, по мощности это составляет, как уже упоминалось, 94% всех взрывов, произведённых в СССР. Таков вклад моряков в ядерный щит Родины. ■

ВЛАДИМИР ШКЛЯЕВ, верующий православный

СТАЛИН – ПРЕГРАДА НА ПУТИ МИРОВОГО ЗЛА

21 декабря 2019 года исполнилось 140 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. В управлении Сталина наша страна, восстав из праха революции, и Гражданской войны, как и в старину, была непреодолимой преградой на пути мирового зла.

Но вот уже более 65 лет в кри-
вом зеркале исторической
науки и публицистики отра-
жаются только грехи той героической
эпохи. И все они списываются на так
называемый культ личности Сталина.

Был культ, но была и личность —
так ответил на этот вопрос рядовой
гражданин России 50-х годов.

Сегодня мы обратимся к некото-
рым документальным свидетельст-
вам, новым работам наших историк-
ков, чтобы познакомиться с иными
знаниями о Сталине и его героиче-
ском времени.

Вот что пишет авторитетнейшее
в мире издание «Британская энци-
клопедия» о Сталине и его времени.

«Сталин Иосиф Виссарионович,
1879-1953 гг., лидер коммунисти-
ческой партии Советского Союза,
премьер-министр, Генералиссимус
и диктатор СССР. Он стал неоспо-
римым хозяином СССР, он проявил
необычайную силу воли, стойкость
и хладнокровие. В основе странно-
го культа были несомненные дости-
жения Сталина. Он был создателем
плановой экономики. Он принял
Россию с деревянными плугами,
а оставил ее с атомными реакторами.
Он был отцом Победы. Но его дости-
жения были искажены деспотизмом
и жестокостью его диктатуры. Одна
из самых сложных, могущественных

▲ И.В. Сталин 30-е годы

▲ Уинстон Черчилль и Иосиф Виссарионович Сталин

и противоречивых фигур в мировой истории».

А вот свидетельство главного его внешнего противника — Адольфа Гитлера.

«Сила Русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит Черчилля и Рузвельта, это единственный мировой политик достойный уважения. Наша задача раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись.»

Давайте подумаем, не совпадают ли наши нынешние взгляды с взглядами тех, кто ненавидел и боялся Сталина при его жизни, не мыслим ли мы так же, как и Гитлер. Каким же Гитлеровским планам помешал Сталин?

«Нашим интересам, — провозглашал Гитлер в 1942-м году, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая русская деревня имела бы свою секту, где развивались бы свои особенные

представления о Боге. Мы будем приветствовать, если русские, подобно неграм и индейцам, станут приверженцами сект и магических культов, поскольку тогда резко усилятся разъединяющие русских тенденции».

Такое в Сталинское время было невозможно. Гитлеровские планы, чтобы нам не говорили, стали реализовываться лишь в эпоху демократии. Посмотрите, сколько сейчас вокруг нас различных сект. Вот что писал Уинстон Черчилль, так и не сумевший перехитрить Сталина.

«Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов. Заставлял даже нас, которых называл открыто империалистами, воевать против империалистов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а так же в момент торжества был одинаково сдержан и ни-

когда не поддавался иллюзиям. Он создал и подчинил себе огромную империю».

Вот что пишет доктор Олег Платонов о репрессиях 30-х годов, которые мы, почему-то, называем «Сталинскими».

«Для Сталина и его окружения не нужно было объяснять, из кого складывались профессиональные революционеры и связанный с ними круг лиц. Возвращаясь в памяти к 1913-18 годам, ему, как никому другому было известно, что большинство профессиональных революционеров ленинской гвардии находилось в преступных отношениях с германской и австрийскими разведками, масонскими и другими антирусскими кругами. Кроме того, все эти люди, в большинстве своем, были нерусской национальности и ненавидели Россию и Православие. Только неслыханная жестокость могла убедить морально глухих большевиков-интернационалистов, с руками по локоть в крови. Совершенно очевидно, что Сталин и его ближайшее окружение решили покончить со значительной

частью своих бывших соратников, продолжавших мыслить разрушительными категориями революционного времени, носившими, прежде всего, антирусский характер».

Надо помнить при этом, что ГУ-Лаг был основан еще в 1920-м году Лениным. А постановление об органах внесудебного преследования, особых совещаниях, готовилось Лазарем Когановичем. Почему же мы эти лагеря тогда должны называть «Сталинскими»? По происхождению они «Ленинские», а первый руководитель этой системы был тоже нерусский человек, русский человек никогда не возглавлял систему ГУЛага. Вот слова Сталина, сказанные им в 1937 году.

«Русские цари сделали хорошее дело — сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство, поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности — он заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, всю его семью.»

Это жестоко, но мы видим, что Гражданская война в 30-е годы продолжалась. Продолжалась между всеми бывшими верными ленинцами, в основном всеми нерусскими, которые установили в итоге Гражданской войны свою диктатуру, и теми людьми, которые действительно хотели строить новое общество. А Иосиф Сталин, кроме того, он был обречен на эту же стойкость, он прекрасно понимал, что результаты Первой Мировой войны все остались со знаком вопроса, и грядет Вторая Мировая война. И он в 1929-м году высказал вещие слова, что если мы за две пятилетки не создадим свою независимую оборонную промышленность, независимое от Запада народное хозяйство, то нас раздавят. Он даже предугадал начало войны в 1939-м году, как раз через десять лет.

И СССР пришлось, не имея ни каких источников финансирования, быстро строить промышленность

за счет «ножниц», то есть ограбления деревни. Причем это ограбление деревни было временным явлением, потому что уже перед Великой Отечественной войной производство и потребление сельхозпродукции в стране превзошло довоенный уровень перед Первой Мировой. Надо так же помнить, что в то время раскулачивали не армия, не милиция, а сами деревенские. Потому что у многих кулаков совесть была нечиста, многие весьма жестоко эксплуатировали своих односельчан. От этого и происходила ненависть бедняков к зажиточной части крестьян, как говорится «Что посеешь, то и пожнешь», доброго человека ненавидеть не будут. И только там, где были восстания, вмешивались вооруженные силы и части особого назначения.

Использовались исключительно внутренние источники финансирования. Это огромный золотой запас,

это продажа хлеба и сырья за границу, это то самое ограбление деревни, за счет «ножниц» в ценах и за счет коллективизации, кстати, колхозы, в конечном итоге, как показала война себя весьма оправдали. И надо отдать должное тому, что хотя деревню и грабили, но ни одного сельского населенного пункта с карты России тогда не исчезло. В эпоху же Брежнев и его реформ исчезли десятки тысяч деревень, это больше чем Гитлер разрушил. Коллективизация восстанавливала в деревне дореволюционную общину. В каждой деревне был свой колхозник, свой председатель, который хотя, безусловно, и находился под диктатурой партии, но все же помимо того что отдавал государству, умудрялся припрятать в своем заглазнике что-то для своего колхоза, для вдов и для сирот. И это я не сам придумал, это рассказывали мне мои родители и деды, которые жили как раз в то время.

▲ Государственный Герб СССР

▲ Соловецкий монастырь

Конечно, нельзя пройти мимо страданий тех сотен тысяч раскулаченных, которые были насильно вывезены из своих деревень на поселения. Но как показывает статистика, большинство, абсолютное большинство из них затем смогло устроить свою жизнь. Те, кто мог, кто хотел работать они прижились на новых местах, и уже перед войной по статистическим данным только одна треть из них все еще проживала в полуземлянках. Остальные к тому времени успели обзавестись жильем. А кто ехал в город, на стройки, получали, в отличие от тех же колхозников, паспорта.

Это время было суровым и жестоким. Политическая борьба была жесткая и к счастью перед войной она закончилась победой тех сил, которые возглавлял Иосиф Виссарионович Сталин, а не Бронштейн Лейба Давидович он же Троцкий Лев Давидович, который из-за границы направлял действия своих соратников и друзей, старых большевиков ленинской гвардии.

Можно обратиться к мнению выдающегося русского духовного мыслителя священника Дмитрия Дудко, который сам прошел через репрессии.

«Если с Божеской точки посмотреть на Сталина, это, в самом деле, был особый человек, Богом данный и Богом хранимый. Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира. Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек, и не случайно, что в Русской Церкви ему пропели, когда он умер, Вечную Память. Так случайно не могло произойти в самое безбожное время. Но самое главное, все таки, что Сталин по-отечески заботился о России».

Когда-то в 1917 году Россия предала доброго святого государя императора Николая II своим врагам. Некому стало защищать государство, и у нас началась кровавая смута Гражданской войны. Иосиф Виссарионович Сталин жесточайшими мерами утвердил мир и порядок в стране и разбил внешних врагов. Его мы

тоже не ценим. Не обернется ли это презрение к прошлому новыми разумительными страданиями, если мы не одумаемся, и не будем смотреть свою историю не глазами иностранных судей, а любящими глазами сынов России?

Мы не являемся сталинистами, мы — православные христиане. И мы должны точно знать свою историю не умаляя достоинств тех, кто в трудную годину строил, защищал наше Отечество, и передал нам целую, огромную, сильнейшую в мире державу. Мы должны знать не только черную краску, которую до сих пор, вот уже шестьдесят пять лет мажут на эпоху Сталина и на его личность. Мы должны знать вес краски, какие цвели в то время.

Для меня было в свое время простым откровением — один выдавший виды человек сказал: «Вот подумай, кто больше всего в двадцатом веке ненавидел Иосифа Сталина? Гитлер и Троцкий... Оба с ним боролись и обоих он уничтожил. И почему ты должен быть с ними?» И дейст-

▲ Победа

вительно, почему мы должны быть с ними, а не со своими отцами, которые защищали Отечество под руководством Сталина, вставали в атаки с возгласами «За Родину! За Сталина!»... Я еще помню, как его хоронили, когда он умер, вся страна его оплакивала. И это были искренние слезы, которых подделать невозможно.

Это помнят старшие поколения, младшим же сейчас уже в школе вбивают термин «Сталинские лагеря». Когда мы были на Соловках, нам некоторые вещи объяснили. СЛОН (Соловецкие лагеря особого

назначения) были открыты в 20-м году по декрету Ленина. В 1939-м году они были по приказу Сталина закрыты, и там была открыта школа юнг для северного флота...

В 20-е, особенно в 30-е годы, когда оформилась уже диктатура Сталина, среди партийного аппарата была высочайшая ответственность — попробуй только что-то не выполни, попробуй только что-то укради. Называли вплоть до расстрела.

Сейчас, конечно, о репрессиях много чего пишут, но статистику уже публиковали, ни каких десятков миллионов жертв не было. В сороковом

году, после всех репрессий, какие уже были, в ГУЛаге было 1 миллион 800 тысяч человек. Очень большие расстрелы были в 37-38 годах, там, в общей сложности, около 600 тысяч было расстреляно, и, безусловно, там была масса безвинных людей, но надо помнить, что это была гражданская война, причем скрытая. Наши враги бросали под гильотину НКВД своих противников, патриоты России бросали под нож того же НКВД своих.

При Сталине была восстановлена традиционная система русской школы. Он даже восстановил школьную форму, восстановил раздельное обучение мальчиков и девочек. Из искусства была изгнана порнография, он ее ненавидел. Было восстановлено традиционное устройство армии. Троцкисты предлагали, например, чтобы были раздельные воинские части — латышские, русские, татарские, грузинские. Что это? Очень удобная схема для мятежей и организации новой гражданской войны... И сейчас эта схема уже практически воссоздана на территории бывшего российского государства.

Теперь давайте взглянем на валюту. Мировое сообщество предлагало Сталину в 1944 году в Бретон-Вудсе присоединиться к послевоенной системе финансов, где вместе с золотом будет международной валютой доллар. Сталин от этого отказался, он сказал, что у нас есть свой рубль, обеспеченный золотым запасом, многими драгоценностями и платиной. Платины было вообще столько, Молотов в своих воспоминаниях говорит, что боялись разглашать ее количество, чтобы она на мировых рынках не обесценилась. И этот рубль, который мы сейчас презрительно называем «деревянным» стоил больше доллара — 72 копейки за доллар давали. Он не пустил американские бумажки, которыми США рассчитывается со всем миром, в нашу экономику.

Взглянем на географию. Все что было отнято в результате Гражданской и Первой мировой войн у России, это Прибалтика, Украина, Кавказ,

▲ Верховный Главнокомандующий

Средняя Азия, Курилы и часть Сахалина, все это было возвращено. Он говорил: «Нам чужой земли не надо, но своей ни пяди не отдадим». Когда его после войны стали пугать атомной бомбой, он не испугался, а сделал свою бомбу в кратчайшие сроки. Потом чудом было послевоенное восстановление народного хозяйства за 5 лет. Он сумел создать систему плановой экономики, которая показала удивительную эффективность. Во время войны ни одна страна не смогла бы перебросить на восток производства и при потерях уже двух третей производственных мощностей, к 42-му году выдавать военной продукции больше чем Германия. После войны просто поменяли самоходки на сковородки, и за пять лет восстановить разрушенное, и отменить карточки в 1947-м году, и многократно снижать цены в государственном порядке... Кстати, после

его кончины цены вообще ни разу не снижались. Производительность труда, один из главнейших показателей. Даже по сравнению с благополучными годами царской России, с предвоенными, она была намного выше. Действительно, Россия обновилась.

Кроме Дмитрия Дудко, можно вспомнить одного Оптинского старца. Его спрашивали: «Для чего же Господь попустил коммуны?». И он ответил примерно так — поскольку люди в России стали тянуть в разные стороны, единство веры стало слабеть, и они могли разорвать Россию на части, то Господь попустил коммуны, с ее железными обручами, чтобы перед лицом внешнего врага сохранить ее единство.

Самое главное, за что ненавидят Сталина — он восстановил из пепла почти убитую Церковь. Мы помним начало войны, если патриарший ме-

стоблюститель митрополит Сергей Страдоновский назвал войну Отечественной, Священной, а Сталин, когда обратился к людям, обратился к ним как к братьям и сестрам.

Откуда брались силы у него на все это? Вот историк Юрий Качановский пишет: «Объяснить это можно, во-первых, гениальностью Сталина, это все подчеркивали, во-вторых, беспощадной требовательностью Сталина к аппарату, кадрам, вплоть до расстрела, и в-третьих, поддержкой Сталина снизу — со стороны большинства народа».

А закончить хочу цитатой Юрия Власова из книги «Временщики».

«Самая большая по охвату земли была большая Россия Сталина. Самая мощная армия была при Сталине. Лучшие дома для людей были выстроены при Сталине. И никто не смел издеваться над русским народом при Сталине». ■

Р.К. БАЛАНДИН

ТОРЖЕСТВО ПАРТОКРАТИИ

▲ 1993 год

Постыдны лицемерие и цинизм партийной верхушки: имя Сталина, которое Хрущев, ее лидер, недавно проклял, при необходимости эти же люди использовали как орудие против «антипартийной группы».

Никакой «реабилитации» Сталина подобная политическая интрига, судя по всему, не предусматривала. Возможно, Г. К. Жуков, которого так ловко использовал Хрущев, предполагал, что имя Сталина вновь станет идеологическим оружием, укрепляющим патриотизм, единство армии

и народа, символом былых побед и достижений. Последующие события — вынос тела Сталина из Мавзолея и тайное захоронение, переименование Сталинграда — ясно показали, что новый правящий класс боится этого славного имени, избирает иную политическую линию: на «коммунизм» для отдельно взятых социальных групп, обеспечивших свое господство над народом.

Торжеством партократии можно с полным основанием называть тот период, который начался с воцарением Хрущева. Его легкое свержение

показало, что он являлся марионеткой — хотя и не всегда управляемой — в руках новой правящей элиты. Когда поведение Первого секретаря стало непредсказуемым и чересчур своевольным, его убрали «без шума и пыли». То, что Хрущев уцелел, показывает не столько либерализм и гуманность его противников, сколько незначительность его фигуры, никто не опасался его возвращения во власть или разоблачительных выступлений. Пожалуй, Никита Сергеевич так и не понял, что был выдвинут партократией, испол-

Баландин Рудольф Константинович — советский геолог и гидрогеолог, популяризатор науки, писатель. Родился в Москве в семье профессионального военного, участника Великой Отечественной войны, командира авиационной штурмовой дивизии ИЛ-2. Главные темы научно-популярных исследований: история Земли и жизни, взаимодействие общества с природой, судьбы материальной и духовной культуры. Член Комиссии РАН по творческому наследию В. И. Вернадского. Автор концепции техносферы, техноэкологии, эволюции и деградации цивилизаций в связи с состоянием природы и духовной культуры.

нял ее волю и был сброшен ею же за ненужностью.

Наступило время партократии — время деградации социалистической системы хозяйства и коммунистической идеологии.

Из этой среды партократов и вышли «капиталистические перерожденцы»: Горбачев и Ельцин. Они, в сущности, были столь же не самостоятельными, как Хрущев, хотя управляли ими не только номенклатурные партаппаратчики, но и зарубежные «хозяева». В результате рухнул СССР.

Торжество партократии — нового своеобразного эксплуататорского класса — означало подавление народа и оболванивание значительной части населения с помощью психотехнологий и использования электронных средств массовой пропаганды. Расстрел ельцинистами Верховного Совета показал, что наступила эпоха диктатуры переродившийся партократии.

Но почему так произошло? После тяжелейших испытаний, преодолев все трудности и опасности, построив ценой колоссального напряжения сил и немалых жертв великую державу, наш народ в благоприятных для жизни, труда и творчества условиях, без войны ее утратил. Как такое возможно? И что сулит будущее?

Для ответа на подобные вопросы надо исходить из некоторых общих закономерностей. Главное для каждого из нас — задуматься о судьбе Родины в недавнем прошлом, настоящем и, быть может, в будущем.

ИЗВРАЩЕНИЕ И ОПОШЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В морально здоровой среде не смогут проявлять свои худшие качества личности хрущевского типа. Следовательно, созданная в СССР система имела существенные изъяны, несла в себе ген саморазрушения. Чтобы разобраться в этой проблеме, следует обратить внимание на самые общие теоретические представления о жизни общества.

Пользуется широкой популярностью, а во времена Советского Союза был распространен и официально насаждался упрощенный взгляд на исторический процесс. Его «раскручивали» в виде спирали. На последнем этапе капитализм порождал социализм, а в перспективе сияло коммунистическое будущее.

Как в некоторых религиозных учениях предполагается, будто все уже предопределено каким-то высшим законом природы или Бога. Остается, как говорил герой Достоевского, есть,

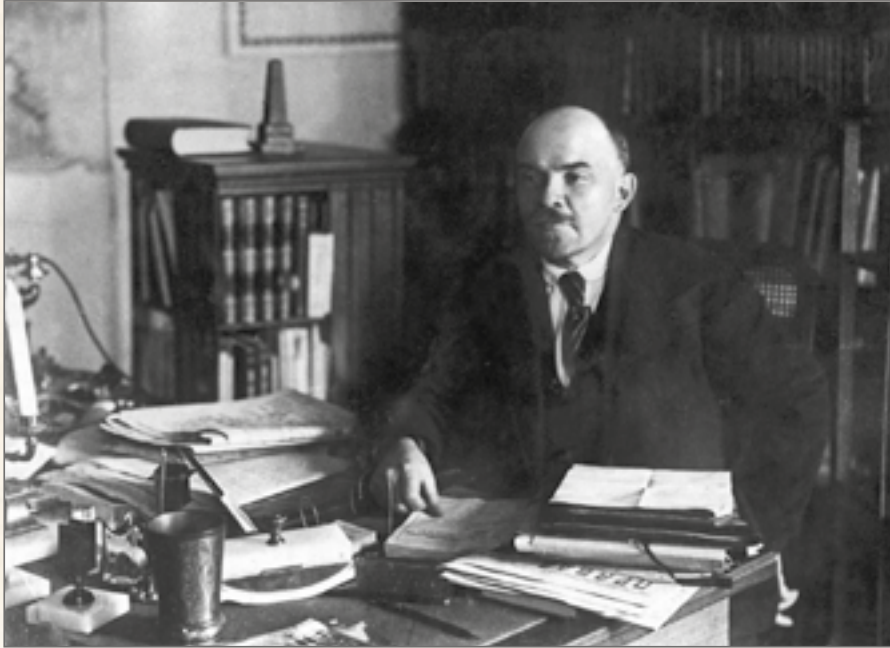
пить да заботиться о продолжении рода человеческого. Процесс идет и рано или поздно завершится... По древней версии — концом света и Страшным судом, а по более поздней — всеобщим благоденствием и коммунизмом. А в романе Андрея Платонова «Чевенгур» идейный мыслитель Дванов так выразился о тех, кто пытается по своей воле изменить будущее:

— Эти люди хотят потушить зарю, но заря не свеча, а великое небо, где на далеких тайных звездах скрыто благородное и могучее будущее потомков человечества. Ибо несомненно — после завоевания земного шара — наступит час судьбы всей Вселенной, настанет момент Страшного суда человека над ней...

Подобная схема, выраженная более сухо и деловито, отражает веру в беспредельный прогресс. Она имеет определенное основание, обобщает множество фактов, исходит из некоторых философских предпосылок. Ее называют историческим материализмом. С ней можно соглашаться во всем или частично, ее можно опровергать. Но следует признать, что она привносит научные принципы в историософию.

Однако при таком подходе, как мне представляется, недооценивается духовная жизнь общества,

▲ Ленин в рабочем кабинете

не учитываются трансформации человеческой личности в разные эпохи, взаимосвязь природы и цивилизации, свобода воли человека. В результате получается схема, далекая от реальности. В принципе ничего плохого в этом нет (схематизация неизбежна). Беда лишь в том, что ее считали ретивые идеологи единственно верной, что повредило более всего самому историческому материализму. Он превратился в окаменелость, лишившись возможности развиваться.

С крушением СССР и коммунистической идеологии у нас произошло нечто значительно более печальное и опасное: началось тотальное опошление истории культуры, цивилизаций, природы.

Делается под видом популяризации знаний. Примитивнейшие, вульгарные идеи преподносятся с большим апломбом многомиллионной аудитории, в сопровождении кино и фотоиллюстраций, со ссылками на документы, порой извлеченные из секретных архивов, с высказываниями свидетелей. Создается полная иллюзия достоверности. И только заинтересованный специалист способен заметить, что преподносится тенденциозная выборка, замалчиваются важнейшие сведения, порой

показывают фальшивки, а выводы не соответствуют фактам.

Главный вопрос: для чего это делается, ради каких целей и в чьих интересах»

Ответ на последний вопрос в нынешних условиях капиталистической, буржуазной и коррумпированной России не представляет труда: в интересах имущих власть и капиталы.

Ради каких целей? Естественно, для того, чтобы данные группы, кланы, социальные прослойки укрепляли свою власть и увеличивали капиталы.

Можно возразить: но ведь данный контингент заинтересован в том, чтобы сохранялась, укреплялась Россия, а ее народ, который они эксплуатируют, воспринимал свое положение спокойно или даже с удовольствием. Для этого следует позаботиться о его благосостоянии. Разве не так?

В идеале любой собственник не заинтересован, чтобы его «дойная корова» худела, чахла и могла отбросить копыта или взбеситься. О тех, кого эксплуатируешь, целесообразно хотя бы минимально заботиться. На это и рассчитывали те «россияне», которые голосовали за капитализм, передачу национальных богатств в частные руки. Они готовы были служить хозяевам, надеясь получить

от них больше благ, чем предоставляла им социалистическая система.

На деле вышло иначе (о чем трудно было догадаться заранее, если бы массы не подверглись основательному «промыыванию мозгов»). Ловкие хозяева, воспользовавшись случаем, позаботились о том, чтобы в кратчайшие сроки стать миллионерами и миллиардерами. За счет кого? За счет, естественно, народа. В результате появились массы безработных или месяцами не получающих зарплату, бомжи, нищие, беспризорные дети, самоубийцы в невиданных нигде и никогда масштабах, а народ стал вымирать.

Так почему же новоявленные эксплуататоры ведут себя столь непредусмотрительно? Почему они не боятся народного гнева, забастовок, бунтов, новой революции. Разве они не чувствуют, что пилят сук, на котором сидят, режут курицу, несущую золотые яйца, уничтожают собственную дойную корову?!

А чего бы им бояться, если народ предпочитает влачить жалкое существование и вымирать, но не восставать против несправедливости, ради собственного будущего? Впрочем, и восставать ему не надо. Ведь установлена в России буржуазная демократия. Значит, вполне достаточно на выборах проголосовать против тех, кто обманом навязал этот губительный для большинства режим.

Например, были недовольны Ельциным. Почему бы не «прокатить» его на выборах, как это сделали белорусы с его сообщником Шушкевичем? Нет, избрали Ельцина президентом второй раз даже после того, как по его приказу расстреляли Верховный Совет и убили несколько сот граждан. Он в очередной раз обманул ожидания избирателей, вызвал общее недовольство... На следующих выборах избрали того, кого он назначил своим преемником.

Подавляющее число граждан возмущены обокравшими их гайдарями, чубайсами, абрамовичами и пр. А в результате голосуют за партию власти и за тех президентов, при которых продолжается «гайдариномика» и на высших должностях на-

ходятся нелюбимые, а то и ненавистные деятели.

Казалось бы, уму непостижимое явление: спокойная реакция большинства населения России на то, что произошло и происходит с Отчиной, на свое униженное жалкое положение на собственной земле. Массовое безумие?

В книге одного из крупнейших современных социологов С. Г. Карамурзы «Потерянный разум» подзаголовок: «Утрата здравого смысла. Утрата логики. Утрата меры». На огромном количестве примеров он показал, как чудовищно умственно деградировали современные интеллектуалы, которых удалось обмануть с помощью нехитрых приемов западной агитации и пропаганды. Им внушили веру в несусветные блага капитализма — открытого общества, правового государства, священной частной собственности — и неисправимые пороки социалистического закрытого бесправного общества. Это удалось сделать легко и просто, прежде всего, потому, что эти люди имели одинаково скудные представления и о западном, и о советском обществе (наиболее яркий пример — академик А. Сахаров), а также об истории Отечества и человечества.

Здравый смысл и логику люди забывают обычно тогда, когда им это выгодно. Ибо их утрату нетрудно при желании восполнить: достаточно оглядеться вокруг, поразмыслить, почитать книги умных и честных авторов. Было бы только желание понять, обдумать всерьез.

Потеря совести, сострадания, чувства взаимопомощи и справедливости — безнадежна. Подавив в себе эти чувства, люди совершают любые самые скверные, мерзкие поступки, презренные и проклятые с давних пор: предательство, измену воинской присяге, обман, казнокрадство, ложь... Послушный эмоциям рассудок подыщет им оправдание. Такова структура человеческой психики.

В том-то, пожалуй, и беда, что не утратили «враги народа» (назовем так тех, кто исполнен нечистого буржуазного духа личной выго-

ды, алчности, лжи, изворотливости, стремления получить максимум денег за минимум работы) ни рассудка, ни здравого смысла, ни логики. Они быстро нашли оправдание. Оно основывается главным образом на «обновленном» освещении истории России в XX веке. В кратком изложении эта версия такова.

Российская империя при Николае II была процветающим государством. Ленин на германские деньги осуществил революцию, развязал Гражданскую войну, выдворил из страны всех носителей высокой культуры, устроил геноцид русского народа. Подлинными героями и патриотами России были белогвардейцы, а носителями культуры — эмигранты. Тех и других надо прославлять.

Сталин продолжил черное дело Ленина: скрыл от народа его завещание; убил своего лучшего друга Кирова, установив режим массового террора; расстреливал или загонял в лагеря миллионы ни в чем не повинных людей; на костях рабов воздвиг «стройки коммунизма», а благодаря штрафным батальонам и заградотрядам победил фашистов; по маниакальным побуждениям репрессировал целые народы (чеченцев, крымских татар и пр.), не успев

сделать то же с евреями. Подлинными патриотами России были генерал Власов, бандеровцы и все те, кто выступал против русских оккупантов и сталинщины. После Сталина его черное дело продолжил Маленков. Только Хрущев осмелился проклясть «вождя народов» и провести демократические преобразования. Но ему не дали развернуться, Брежнев и прочие довели страну до полного кризиса, особенно страшного — колбасного, и только горбачевская перестройка и ельцинские рыночные реформы ввели государство Российское в мировое сообщество процветающих капиталистических держав...

Короче говоря, коммунисты — изверги, Ленин и Сталин — величайшие злодеи всех времен и народов. Они создали империю зла — Советскую Россию — СССР. Вывод очевиден: такую страну необходимо было разрушить до основания. Ленину, Сталину и их сообщникам — проклятье во веки веков. Русскому народу, пособнику этих злодеев, надо всемирно покаяться. Необходимо воспитать новых русских, россиян, отрешившихся от 70 лет гнусного и презренного советского прошлого и приобщенных к западной цивилизации.

▲ Смольный 1917 год

▲ За Ленина

Вполне логичная конструкция, не правда ли? Далеко не всякий обыватель сможет установить, что вся она построена на лжи, клевете, подлогах. Ну а если его такая конструкция устраивает, то и принять ее можно без сомнений. Когда говорят, что ложь грязная, смердящая, отравленная и отвратительная, все это субъективные определения. Та же самая ложь может быть увлекательной, привлекательной, желанной, кисло-сладкой.

При советской власти многие историки, называвшие себя марксистами, старались изображать историю царской России в мрачных красках. Понять это можно: требовалось оправдать свержение царизма и укреплять доверие к советской власти. Только во второй половине 1930-х годов, когда Сталин стал диктатором, положение постепенно стало меняться: он понимал, что патриотизм предполагает любовь к Отечеству, а не только к существующему государственному устройству.

Проникновенно сказано замечательным русским философом, вынужденным эмигрантом Сергеем Николаевичем Булгаковым:

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Такими же таинственны-

ми и неисследованными связями, которыми соединяется она через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божьим творением. Человек существует в человечестве и природе... Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий...»

Не следует искать смысл последней фразы: мол, атеистическая советская власть боролась с религией, а потому не позволяла человеку узнавать в себе образ Божий. Такое толкование слишком убого. Ведь все дело в том, во что человек верит, как он живет, как относится к ближним и дальним, к Родине.

Не в отмаливании грехов своих, не в стоянии со свечкой, не в поклонении иконам, не в исполнении церковных обрядов и правил заключается твердыня веры. Она — в душе человека и его поступках. Иисус Христос учил распознавать лжепророков: «По делам их узнаете их»...

ДОСЬЕ ЭПОХИ — О КУЛЬТЕ И ЛИЧНОСТЯХ

Извращение и опoшление истории начинается с исторических личностей. Этот процесс протекает у нас и на Западе в русле общего опoшления культуры, отрешения от высоких духовных ценностей и самобытности наций.

Достаточно обратить внимание на то, как — за редчайшими исключениями — преподносятся нам сведения о мыслителях, религиозных и государственных деятелях, ученых и прочих представителях культуры. Выуживают из биографий факты для сплетен, «пикантные» эпизоды.

Одной из первых «ласточек» такого полета была книжка писателя и поэта В. Солоухина «При свете дня», изданная в Москве в 1992 году. Но в ней — то беспроекторный мрак, то сумерки (по Велемиру Хлебникову — «сумерки дня»). Деликатную, но уничтожающую критику этой поделки дал хорошо знавший Солоухина В. Кожин в книге «Россия. Век XX (1901 — 1939)». Он не сдержал своего недоумения: «Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести — откуда такое берется?!».

Подобные «историки» пишут о десятках миллионов жертв ленинского и столько же — сталинского террора. Не говоря уже о непомерном преувеличении числа погибших или погубленных, удручает, помимо явной лжи, все то же опoшление исторического процесса. Кожин тщетно пояснял: «Необходимо иметь в виду всеохватывающий и всеограшающий «ураган» революции, а не «агрессивную психику» Ленина или кого-либо еще».

Но вот в 1995 году вышла статья кандидата исторических наук И. В. Соколова с уничтожающим заглавием: «Ленин — палач русского народа и обычный педераст». Данный специалист и вовсе отличился. Он углубился в специфическую тему, упоминая о «марксистской попoчке»... Впрочем, об этом — чуть позже.

Все-таки мы сейчас говорим об историософии, а не о сексопатологии.

Революционный ураган — явление объективное, мощное и страшное. Противопоставлять ему одну какую-то личность означает, помимо всего прочего, придание ей нечеловеческого могущества. Самый настоящий, да еще безмерно утрированный, исполненный злобы культ личности!

Впрочем, подобные авторы могли явно или неявно иметь в виду ту или иную фигуру как воплощение массового явления. И тогда Ленин выступает олицетворением большевиков, захвативших власть, создавших ЧК, сражавшихся с белогвардейцами и Антантой, учинивших «красный террор».

Правда, власть они взяли практически бескровно у дряблого Временного правительства демократов, утративших доверие народа. Орган

госбезопасности учредили по необходимости (так делают руководители любого государства), а слово «чекист» пугало только врагов народа. Безусловно, этим не оправдываются сотни и тысячи невинных жертв, расстрелы заложников.

Пожалуй, в жестокости против собственного народа всех превзошла тройка: командующий войсками в Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский, начальник его штаба и активный пропагандист его культа бывший царский офицер Н. Е. Какурин, председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсененко. В их приказе от 23 июня 1921 года говорилось:

«Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу... По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60-100

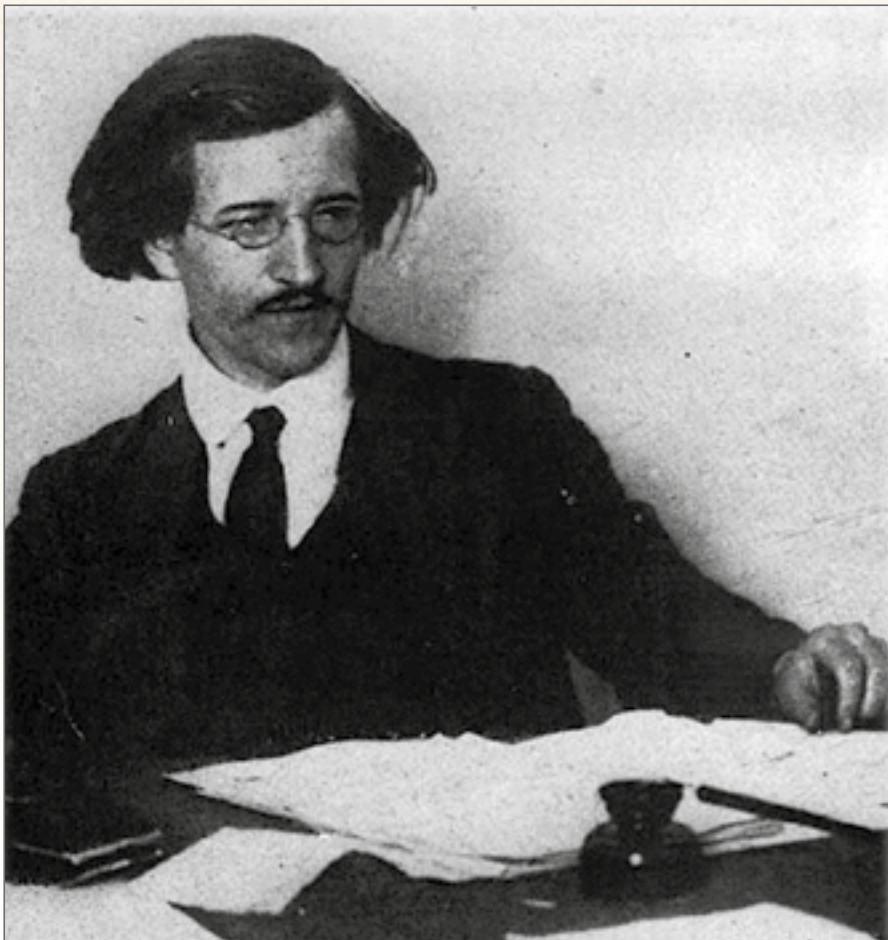
наиболее видных лиц в качестве заложников... жителям дается два часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей... Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока... взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и вторично предлагается выдать бандитов и оружие... В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д.»

По приказу Тухачевского против восставших крестьян использовали даже химическое оружие: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Приведя эти сведения, В. В. Кожинов заключает: «Все трое в 1930-х годах погибли, и их участь рассматривается как одно из проявлений варварского сталинского террора. Но согласитесь: их гибель — чем бы она ни была вызвана — меркнет перед их злодеяниями 1921 года по отношению к множеству людей».

Тухачевский, Какурин, Антонов-Овсененко были, как говорили в те времена, «редисками»: красными снаружи, белыми внутри. Все трое служили в царской армии и перешли на сторону большевиков совсем не из любви к русскому народу и тем более пролетариям.

Но разве белогвардейцы воевали в белых перчатках? Об их злодеяниях писал Михаил Булгаков, бывший белогвардейский военврач. Михаил Пришвин, долго не признававший советскую власть, сделал в июне 1920 года запись в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных». О том же писал беспристрастный свидетель В. И. Вернадский, проехавший по тылам деникинцев и не пожелавший эмигрировать в Англию, где ему предоставляли политическое убежище. Даже деятель Белого движения В. В. Шульгин вынужден был признать, что если белые начинали

▲ Антонов-Овсененко

▲ Тухачевский

воевать почти как ангелы, то кончили почти как дьяволы, тогда как красные — наоборот.

Сергей Кара-Мурза в книге «Советская цивилизация», словно возражая клеветникам, написал о Ленине: «Не палач, а спаситель». И сослался на слова Сергея Есенина, так отозвавшегося на смерть вождя:

*Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.*

Нужно знать: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Остается последний довод: а как же расценивать «расстрелы большевиками православных монахов. Чем они-то провинились». Можно ли было так насаждать воинствующий атеизм?

Однако начался конфликт большевиков с православной церковью не по их вине. Сергей Есенин рассказывал о своем разговоре с монахами в родной своей деревне:

*И говорят,
Забыв о днях опасных:
Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук
я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».
Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость,
подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.*

Был ли Есенин одинок в этом своем переживании. Нет. Церковь, не пожелавшая встать над схваткой противоборствующих сторон, лишь усугубляла междоусобицу. Только по этой причине развязанная позже антицерковная кампания большевиков (под руководством, напомним, Троцкого) не встретила значительно го сопротивления.

В марте 1922 года была опубликована статья Ленина «О значении воинствующего материализма». В ней он полностью соглашается с Троцким, призывавшим развернуть широкую и решительную борьбу с традиционной религией. Сталин не выполнил этого ленинского завета.

Яростным и неугомонным борцом против Русской православной церкви был Хрущев, любимец либеральной интеллигенции. Но и при Сталине воинствующий атеизм некоторое время процветал. И это было вполне естественно. Иосиф Виссарионович выступал как продолжатель дела Ленина, при котором «секта» воинствующих атеистов превратилась в серьезную и авторитетную политическую организацию, действующую в рамках ВКП(б). Выступать против нее было бы по меньшей мере глупо, а возможно и самоубийственно.

И все-таки Сталин 16 августа 1923 года, вопреки мнению Троцкого и, пожалуй, пользуясь болезнью Ленина, направил всем партийным организациям строго секретный циркуляр, в котором сразу же было заявлено:

«ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и вообще в области отношений к верующим и к их культам.

Партийная программа говорит: «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувства верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Резолюция XII партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения — не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков...»

Были приведены многочисленные примеры подобного отношения к верующим, попам, предметам культа. Приказывалось:

«1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений... по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое закрытие имело место — отменить немедленно;

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов, поскольку такая ликвидация допущена не в строгом соответствии с инструкцией НКЮ 1918 г. п. II;

4) воспретить аресты «религиозного характера», поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями «служителей церкви» и верующих;

5) при сдаче помещений религиозным обществам и определении ставок строжайше соблюдать постановление ВЦИК от 29/111-23 г.;

6) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих — гонения только укрепляют религиозные предрассудки, — а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.;

7) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично.

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

Секретарь ЦК И. Сталин. 16/VIII-23 г.»

Постановление строго секретное. Почему? Разве не в интересах партии провозгласить во всеуслышание эти пункты, чтобы заручиться симпатиями верующих. Какие могут быть секреты, если имеются открытые ссылки на партийную программу?

Наиболее логичное объяснение такое. Политбюро по предложению Троцкого приняло строго секретное постановление о суровых репрессиях в отношении церкви и священнослужителей. На попытку М. И. Калинина ослабить это давление (он обратился за помощью к Сталину) последовало в начале августа 1922 года строго секретное постановление Пленума ЦК, подтверждающее антицерковную политику.

Однако через год ситуация изменилась: Ленин оказался не у дел, авторитет Сталина значительно вырос, а Троцкого — снизился. Вот и появилась возможность отменить прежние секретные указания, ко-

торые и раньше не отвечали соответствующим местам официальной партийной программы (тайно от них конечно же, отступали).

Все это не означает, будто Сталин был приверженцем православного культа. Он не лукавил. Это вообще было не в его правилах. Еще в молодости стал материалистом и атеистом. Но не воинствующим, во-первых. И не примитивным (что обычно для атеистов), во-вторых. Судя по всему, он сознавал: в мире присутствует нечто высшее, умом человеческим не постигаемое,

но осязаемое глубинными струнами души. То, без чего материя мертва... На склоне лет, давая письменные указания расставить по порядку книги в своей обширной личной библиотеке, последним пунктом он назвал: «Атеистическая макулатура».

В конце прошлого века с победой второй буржуазной революции в России, казалось бы, грянуло религиозное возрождение. Под покровительством Ельцина и новых русских повсюду стали восстанавливать и строить церкви, часовни, монастыри, мечети. Члены правительства,

▲ Сталин И.В.

▲ Могила Сталина

недавние воинствующие атеисты, встали рядами со свечками.

Суть этой идеологии «открытого общества» верно раскрыл Сергей Кара-Мурза: «В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождения от человечности, разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко антихристианское,

несмотря на его внешнюю набожность».

Вообще, спекуляция на понятии свободы — один из приемов пропаганды самых подлых и пошлых нравов, воспитания потребленца и приспособленца. Ибо ни в природе, ни в обществе никакой человек не может быть абсолютно свободен. Ему дарована лишь духовная свобода.

Надо ясно сознавать, какая свобода имеется в виду, для кого и с какими целями. Пора бы отличать свободу паразита от свободы трудящегося, свободу подлеца и лжеца от свободы искателя истины, свободу подонка от свободы личности. Когда

глаголют о правах человека, надо поинтересоваться: кого имеют в виду? Если иному индивиду предоставить свободу, тем самым могут быть попраны права других людей, а то и всего народа.

Итак, сделаем вывод. Извращение и опошление истории — один из наиболее надежных способов оправдания самых гнусных человеческих качеств, подавления свободы мысли, формирования убогих стандартных индивидов, которых с полным правом можно называть недочеловеками.

Как бы мы ни относились к большевикам, их победа в Гражданской войне — неопровержимый исторический факт. Они победили в конечном счете благодаря поддержке народа. Как бы мы ни относились к Ленину, он был и остается великой и даже героической исторической личностью. Он был вознесен к вершине власти на волне революционного подъема и оставался там по воле народа. Как бы мы ни относились к Сталину, но именно он стал создателем великой державы, под его руководством наш народ победил в Отечественной войне.

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

Принято считать, что история не терпит сослагательного наклонения. Мол, в прошлом ничего нельзя изменить. Надо его осмысливать, извлекая полезные уроки.

Все это верно, но лишь отчасти. Да, свершившегося не изменишь. Но оно может стать полезным уроком. Однако понимать прошлое, даже если известны одни и те же факты, можно по-разному. Вдобавок со временем открываются новые сведения. Меняется окружающая обстановка, открываются новые исторические перспективы.

Принципиально важно и то, кто пытается осмыслить историю, с какой целью и в расчете на какую аудиторию. Вот и получается, что события прошлого пребывают неизменными только в абстракции, в каком-то умозрительном всемирном хранилище

информации, проникнуть в которое не способна мысль человека.

Пожалуй, в таком смысле надо понимать слова Сталина, обращенные к Черчиллю и приведшие того в недоумение: «Прошлое принадлежит Богу». По-видимому, имелся в виду Разум Вселенной, нечто превышающее умственные возможности человека.

Однако история как область научных знаний и философских рассуждений вполне приемлет сослазательное наклонение. Это называется моделированием. Можно представить себе определенный исторический период и предположить, что могло произойти в тех или иных обстоятельствах.

Подобные «путешествия в прошлое» чаще всего позволяли себе писатели-фантасты. Они не имели в виду исследовательские задачи, не претендовали на научные выводы. «Машина времени» фантастов — выдумка. Как справедливо писал замечательный религиозный философ Августин, прошлое и будущее существуют в настоящем (или иначе: настоящее, прошлое и будущее пребывают в вечности, подобно тому, как многие виды пространства находятся в едином пространстве Вселенной).

Тем не менее, теоретические модели «альтернативных» исторических процессов могут принести определенную пользу в тех случаях, когда мы пытаемся понять смысл, значение и последствия тех или иных исторических решений, значение поступков исторических личностей.

Во времена Хрущева, а еще чаще при Горбачеве нередко можно было услышать: вот если бы жив был Ленин, все было бы в СССР прекрасно, не было репрессий, а то и войны с фашистской Германией, расцветала бы многопартийная демократия и банковская деятельность, не было бы колхозов, торжествовали бы частная собственность и конкуренция, население бы богатели, рухнул бы «железный занавес», граждане СССР могли бы посещать любые страны...

Примерно об этом, если не ошибаюсь, мечтали диссиденты, ака-

демик Сахаров и пр. Например, крупный партийный работник, один из «прорабов перестройки Федор Бурлацкий писал: «Зададимся простейшим вопросом: проживи Ленин еще 10- 20 лет — разве страна прошла бы через те жестокие испытания, которые выпали на ее долю».. Да никогда в жизни!»

Подобные предположения выглядят по меньшей мере наивными. Если вспомнить, в каком состоянии находилась Россия после Гражданской войны, они покажутся нелепыми.

Представим себе, что могло произойти, если бы Ленин продолжил реализовать свои идеи. Никаких либеральных реформ он бы не проводил (таких планов у него и в помине не было), но почти наверняка постарался бы лишить Сталина его высокого партийного поста, а также поддержать авторитет Троцкого. Владимир Ильич не любил, когда кто-то из его соратников обретал слишком большую власть.

Впрочем, зная характер его болезни, предположение о возможности выздоровления — чистая фантастика. Вполне реалистичен другой вариант. XIII съезд РКП(б) мог принять предложение Ленина и снять Сталина с поста Генерального секретаря.

Никаких весомых аргументов против такого решения у Иосифа Виссарионовича не было. Ему пришлось бы уйти в отставку. Он и сам не раз вносил такое предложение. Кто мог занять его место? Наиболее вероятная кандидатура — Троцкий.

Его сторонники могут решить, что в таком случае если не все, то многое в мечтаниях диссидентов могло реализоваться. Во всяком случае, было бы покончено с диктатурой партии, бюрократизмом, зажимом критики и прочими дефектами «сталинизма». Разве не об этом писал Лев Давидович?

Увы, его выступления против сталинской системы была чистой воды демагогией. Он критиковал своего более сильного или, как он полагал, удачливого противника, которого поддерживали, в частности, русские националисты.

Взяв власть в свои руки, Троцкий постарался бы ее удержать. А для этого был только один путь: поставить своих сторонников на все ключевые посты в партии, правительстве, армии, НКВД. Ведь у него среди основной массы членов партии было сравнительно мало сторонников.

Чтобы произвести такую радикальную чистку и значительное обновление управленческого аппара-

▲ Троцкий с личной охраной

▲ Пол Пот

та, где преобладали приверженцы сталинского курса (ведь он подбирал кадры), Троцкому пришлось бы устранять — правдами и неправдами — своих противников. Начались бы острейшие внутривнутрипартийные конфликты. Этим непременно должны были воспользоваться враги РКП(б) и СССР.

Троцкий вряд ли отказался бы от установки на мировую революцию, ограничившись построением социализма в одной стране (такой была стратегия Сталина). Для него даже мирное строительство означало превращение страны в военный

и трудовой лагерь. Он предполагал использовать русский народ как средство разжигания мирового пожара (с какой тайной целью — приходится только догадываться). Такая внутренняя и внешняя политика была бы губительной для России — СССР.

Есть один пример торжества революционной концепции Троцкого: Кампучия (Камбоджа), где в 1975 году к власти пришла Ангка, руководимая Пол Потом. Он прошел курс обучения в Париже вместе с выходцем из богатой семьи Кхиеу Самфаном. Оба этих интеллектуала попали под воздействие идей французских троцкистов.

Кхиеу Самфан в своей магистерской диссертации разработал теорию общества, которым руководит небольшая часть «передовой» элиты, обладающая неограниченной властью над остальным населением — «абстрактными существами». Народ в такой схеме представлен как средство построения идеального государства, в сущности, как строительный материал, наряду с прочими живыми и неживыми объектами.

Вернувшись в Кампучию, эти интеллектуалы приступили к реализации своих теоретических схем. Они создали тайную организацию Ангка, а затем армию красных кхмеров. Ее основу составляли юноши не старше 24 лет. По убеждению Пол Пота, «не-зараженные буржуазными идеями подростки, впитавшие в себя ненависть к угнетателям, — лучший материал для партии истинных революционеров».

(Как тут не вспомнить ставку Троцкого на молодежь, не зараженную предрассудками прошлого; он ее называл верным барометром партии, противопоставляя старшему поколению. Для разрушительных действий наиболее пригодна именно молодежь, не научившаяся трудиться и легко поддающаяся ультрареволюционной агитации.)

Что произошло с Кампучией, когда к власти пришли интеллектуалы Пол Пот и Кхиеу Самфан? Это похоже на страшный сон. Менее чем за четыре года, по некоторым данным, была уничтожена треть населения страны, разрушена традиционная культура, подорваны устои прежде всего крестьянства.

Итак, мы приходим к выводу: скорее всего, во время проблематичного «правления Троцкого» в партии произошел бы серьезный раскол, а в стране вспыхнула бы новая кровавая междоусобица. Этим непременно постарались бы воспользоваться западные державы. С помощью остатков белой армии и внутренних врагов советской власти они почти наверняка смогли бы «навести порядок» и установить «демократическое правление».

▲ Красные кхмеры

Но, может быть, такой поворот событий стал бы для России спасением? Из эмиграции вернулись бы представители интеллигенции, аристократы, белогвардейцы, банкиры, промышленники, помещики, представители царствовавшей династии...

К чему это могло привести?

Судить по примеру современной капиталистической России нельзя, ибо она возникла в предельно благоприятных экономических и социальных условиях, которые обеспечила советская власть. В 1923 году страна находилась в разрухе, экономика только лишь начала восстанавливаться, в народе продолжалось брожение, вызванное революциями, Гражданской войной, нэпом. Отказ от генеральной линии партии, предложенной Сталиным и его соратниками, означал бы начало новых социальных потрясений, междоусобицы в партии и стране, усиление сепаратизма, развал только что образованного Советского Союза, а значит, Великой России.

Свергнутая народом царская или буржуазно-демократическая власть не имели никаких шансов противостоять процессу распада. Он был неизбежен, какими бы иллюзиями ни тешили себя монархисты или демократы. Для удержания власти им потребовалась бы помощь извне все той же Антанты. А восстановление

Великой России не входило в планы руководства крупнейших держав: Англии, Франции, Германии, Японии, США (можно добавить еще Польшу, Финляндию, Турцию). Они, как положено хищникам, не упустили бы благоприятную ситуацию для того, чтобы расчленив СССР, а затем РСФСР, установив свое господство.

Разделяй и властвуй! Разве не такую политику воинствующего империализма демонстрируют они поныне?

Для советской власти в обстановке внутренней нестабильности при враждебном окружении (расчет на мировую революцию и поддержку пролетариев всех стран не оправдался) требовалась консолидация всех сил. Устойчивость нового общества могла обеспечить только правящая партия — как центр кристаллизации прочной государственной системы. Ради этого приходилось действовать жестко, а то и жестоко.

Из подобных соображений исходил Сталин. И не только он один. Это же если не понимали с полной определенностью, то интуитивно чувствовали не только делегаты партийных съездов и большинство членов партии. В народе, измученном социальными и экономическими потрясениями, тоже преобладали такие настроения.

Постарайтесь мысленно перенестись в Россию начала 1920-х годов, только еще начавшую восстанавливать народное хозяйство и налаживать мирную жизнь. Как можно определеннее и объективнее представьте себе состояние культуры и экономики, настроения, господствовавшие в разных социальных слоях, брожение в партийном руководстве и растерянность в рядах членов партии. Необходимо решить, куда двигаться дальше. Как поступить в этом случае? Какую «генеральную линию» предпочесть?

На мой взгляд, тогда партия сделала верный выбор. Он был спасительным для России.

Теперь продолжим мысленный эксперимент и представим себе, что могло произойти, останься Маленков главой Правительства СССР на десять или более лет. Осуществилось бы коллегиальное руководство. Функционеры КПСС не имели бы абсолютной власти. Продолжились либеральные реформы...

Что означает либерализация экономики? Ослабление контроля над предпринимателями, торговцами, разного рода бизнесменами со стороны государства. Создание совместных предприятий с зарубежными партнерами. Внедрение так называемой рыночной экономики. Частная собственность на средства производства, земельные угодья, добычу природных ресурсов. Стремление получать максимальную прибыль при минимальных затратах.

Все это означает полную смену внутренней политики и фактически отказ от марксистско-ленинской коммунистической идеологии. Осуществился бы переход, пускай не резкий, к капиталистическим отношениям.

Что в таких условиях могли предпринять «твердокаменные» ленинцы и тем более сталинцы? Борьба за свои идеалы. Но к тому времени стали набирать вес и влияние другие представители партийной номенклатуры, относящиеся к типу приспособленцев. Они бы постарались использовать изменившуюся ситуацию в своих корыстных целях. Для этого требовалось совсем немного:

▲ Маленков (в центре)

налаженные связи в условиях переходного периода и принцип «Обогащайся!»

Возможно, в то время, когда значительная часть народа еще не была оболванена буржуазной пропагандой, произошли бы острые схватки в руководстве страны и партии. Реально возникли бы две партии, условно говоря, коммунистическая и капиталистическая...

Однако в условиях либеральной экономики явное преимущество получили бы владельцы капиталов, имеющие налаженные коррупционные связи. Они бы воздействовали всеми способами на обывателя, доказывая верность своего политического курса по направлению к буржуазному раю...

Нетрудно заметить, что примерно так происходили события в нашей стране начиная с середины 1980-х годов под лозунгами «перестройки». Возник бы если не Горбачев, то еще какой-либо лидер, действовавший примерно так же, как он. Брежневский период лживо и безо всякого обоснования называют «застойным», хотя тогда народное хозяйство страны развивалось быстрее, чем в большинстве индустриально развитых государств.

Следовательно, тогда если и был «застой», то не экономический, аполитический, идеологический, духовный. На два десятилетия растянулся «переходный» период, когда набравшая силу партийная номенклатура приступила к осуществлению буржуазной революции. Она была инициирована «сверху», с помощью реформ и массового внушения с помощью покупных и продажных деятелей СМИ.

Объективные процессы, преобладающие в общественной жизни, в условиях техносферы благоприятствуют распространению буржуазных идеалов, процветанию типов приспособленцев, имеющих целью наживу (об этом мы уже говорили). Чтобы всему этому противостоять, требуются значительные усилия, целенаправленные и достаточно жесткие действия, приоритет духовных идеалов над материальными ценностями.

Г.М. Маленков не был тем человеком, который смог бы, подобно Сталину, управлять обществом. То же, пожалуй, относится и к В.М. Молотову. Так проявляется роль личности в истории. Рассуждать о том, что могло бы произойти, если бы Сталин прожил еще десятилетие, не имеет

смысла. Такой срок в жизни общества слишком мал. На «культурную революцию», как поступил Мао Цзедун, он вряд ли бы решился. Он не был сторонником резких преобразований.

Получается тупиковая ситуация. Вроде бы Советский Союз был изначально обречен. Такая мысль выглядит убедительной еще и потому, что так и произошло.

Если дать волю фантазии, то выход есть. Но для этого необходимо было активное вмешательство научной мысли. Прогностические исследования, не преследующие никаких иных целей, кроме поисков истины, могли продемонстрировать разрушительный характер «либеральных реформ» и перехода с более высокого в социальном, культурном, нравственном и экономическом плане уровня (социалистическая система, при всех ее недостатках) на низкий, примитивно капиталистический, давно пройденный индустриально развитыми странами...

Спору нет, наши рассуждения предельно упрощены. У нас же не научное исследование. И все-таки они, как мне представляется, дают более или менее верную схему возможных путей развития нашей страны.

... История не терпит сослагательного наклонения. Реальный исторический процесс протекает в реальном времени, он необратим и неповторим. Но наша мысль способна преодолевать подобные ограничения, выходя за пределы реальности для того, чтобы лучше ее понять.

ИСТОРИЯ НАС РАССУДИТ?

Такую фразу любили повторять деятели, вынужденные сойти с исторической арены. Возможно, в их числе был и Г.М. Маленков. Он убедился, что победа его недруга Хрущева обернулась для последнего полным поражением. Но и Георгию Максимилиановичу уже не суждено было вернуться в руководство страной.

Суд истории суров, беспощаден и отмене не подлежит.

Теперь многие историки, не говоря уже о журналистах, вершат суд над историей. Честные и квалифицированные специалисты стремятся осознать прошлое. Однако их работы издаются небольшими тиражами, создавая видимость свободы слова. За последние десятилетия подлинно массовыми являются только электронные СМРАП (средства массовой рекламы, агитации, пропаганды). Их совершенно неправомерно и хитро называют СМИ (средствами массовой информации). Хотя в действительности важнейшая их роль для имущих капиталы и власть — использование психотехнологий для интеллектуального и духовного закабаления народа, внедрения в сознание миллионов дезинформации.

Это не означает, будто СМРАП постоянно изливают грязную ложь. На то и психотехнологии, чтобы в необходимых дозах предоставлять правду, приправляя ее дозами лжи.

Создают информационный шум с помощью постоянных рекламных и музыкальных перебивок. В мелко раздробленных новостях важные сведения теряются в пустяках. Бьют по нервам материалами о катастрофах, убийствах. Главное — не давать возможности задуматься, сопоставить факты, сделать самостоятельные выводы.

Простейший и безотказный прием — повторять как бы между прочим, как само собой разумеющееся определенное утверждение. Или сослаться на какой-либо авторитет. И тогда в сознании людей имена Иван Грозный или Сталин тотчас порождают внедренный штамп: «тиран и коварный злодей», тридцать седьмой год — «массовые репрессии», Советский Союз — «тоталитарное государство», ГУЛАГ — «система концлагерей для инакомыслящих», советский человек — «тупой совок», русский — «оккупант», а теперь еще и «фашист»...

Эти лживые определения от постоянных повторений внедряются в подсознание как неоспоримые истины. Надо лишь действовать напористо и нагло. Ссылаться на слухи, воспользоваться единичными и ничего по сути дела не доказывающими фактами, фальсифицировать некоторые материалы, не гнушаться клеветой.

Так, говоря о репрессиях, называют несусветные цифры в десятки миллионов. Утверждают, будто Сталин был параноиком, а его соратники, тупицами и трусами. В частности, Георгия Маленкова уличают в беспробудном пьянстве. Намекают, будто в ГУЛАГе находились лишь невинные жертвы режима и политзаключенные...

Не стану продолжать. Всю эту ложь и клевету много раз буквально убийственно критиковали В. Кожин, С. Кара-Мурза, В. Бушин и немало других знающих и честных

▲ Отставка Хрущева

▲ Серов, Молотов, Хрущев, Жуков

людей. Разве что-нибудь от этого изменилось? Грязную ложь на Советский Союз, советский народ, Сталина продолжают изливать отечественные СМРАП, как ни в чем не бывало, изобильно и непрерывно. А чистая правда поступает ничтожными порциями, обычно попадая к тем людям, которые и без того ее знают или о ней догадываются.

Как же обманывают массы людей, если в реальности все иначе? Для этого надо прежде всего представить историю так, как требуется определенной категории влиятельных деятелей. Я называю их государственными или, шире, глобальными владыками (ГВ). В их распоряжении находятся рычаги власти, включая СМРАП.

Почему требуется исказить именно историю? Потому что представления о прошлом формируют картину настоящего.

Вот, например, в интервью по ТВ 9 июня 2001 года Солженицын с возмущением признал, что Ельцин, Гайдар и Чубайс ограбили народ. А затем обмолвился: мол, в советское время расстреливали миллионы людей. Такой вот лукавый прием: подумайте, что для вас лучше, быть огра-

бленным или убитым? Но известно, что с 1921 по 1953 год у нас было расстреляно около 800 тыс. человек. Среди них были, в частности, военные преступники.

Какое впечатление сложится у вас о человеке, про которого будут рассказывать только одно плохое, преувеличивая его недостатки, смакуя ошибки, выдумывая пороки, сообщая сомнительные сведения как достоверные. Естественно, самое негативное.

Помнится, великая балерина Галина Уланова незадолго до смерти призналась, что даже не подозревала, в каком ужасном обществе жила при Сталине. Другая великая балерина Майя Плисецкая утверждала, что ее третировала советская власть, как бы забыв, что еще в 1959 году она стала народной артисткой СССР, а в 1985 году была удостоена почетного звания Героя Социалистического Труда.

(Кстати, лишь одну эту награду носил Сталин, которого выставляют маниакальным честолюбцем. Он возражал против присвоения ему звания Героя Советского Союза, ссылаясь на то, что не совершал геройского подвига. Но разве не беспример-

ным его подвигом в эти годы было руководство не только действующей армией, но и тылом, партизанским движением и разведкой, внешней и внутренней политикой страны?!)

За последние 20 лет принадлежность к семье бывших узников ГУЛАГа или к «репрессированным народам» стала преподноситься как своеобразная «родовитость», печать избранности. И никто толком не пояснит, а за что же были высланы представители некоторых национальностей? А сколько в действительности их погибло из-за, как говорят, невыносимых условий? И почему они не вымерли, как ныне вымирает русский народ? И разве в ГУЛАГе пребывали одни невинные? Я, например, был знаком с десятком «лагерников», и никто из них не был без вины виноватым. Конечно, были исключения, но только не в массовых масштабах.

... Слишком легко, просто и комфортно быть гуманистом, борцом за права человека и критиком тоталитарного режима. При этом прошлое представляется, обсуждается и осуждается с позиций современных. Напрочь отбрасывается исторический метод, предполагающий предельно точное воссоздание обстановки определенного периода и стремление исходить из нее, как бы переносясь в ту пору, ставя себя на место людей той эпохи.

Еще в 1915 году поэт-философ Максимилиан Волошин писал:

*Ложь заволакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.
И гнилотной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши, как,
Обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.*

Можно возразить: а разве советская пропаганда не искажала историю? Да, искажала. Вопрос лишь в том, до какой степени и в каких целях.

Например, Кожин во возмущался словами Сталина, выступавшего в феврале 1931 года на первой Всесоюзной конференции

работников социалистической промышленности: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били...» Тут Владимир Валерьянович сделал пропуск. Запомним это обстоятельство. И учтем, что там же у Сталина высказана еще более возмутительная мысль: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества».

Вот вам и русский великодержавный шовинист, вот вам и руководитель Великой России — СССР!

Правда, надо бы учесть обстановку того времени, цель доклада и прочесть высказывание вождя без пропусков. Тут он объясняет, в частности, почему не может последовать совету Ленина не торопиться.

Иногда спрашивают, — говорил Сталин, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...»

Общий посыл понятен: убедить слушателей в необходимости мобилизовать все ресурсы для индустриализации страны. Используются не только риторические, но и демагогические приемы. Не упомянуто, например, что русские били и монгольских ханов, и турецких беев, и шведских феодалов, и польско-литовских панов... Правда, поражения в Крымской и Японской войнах остались безответными. Казалось бы, только о них бы и следовало гово-

рить. Тут явное желание очернить всю историю страны.

Сталин сделал оговорку: «между прочим». Можно это понять как намек на то, что о наших победах не будет сказано. Он ведь не сослался на разгром французской армии в Отечественной войне 1812 года. Но все-таки оговорка не может затушевать явно несправедливое — «непрерывно били». Зачем это сделано? Ради унижения старой России» Да. Но с тем, чтобы подчеркнуть, пусть и в утрированном виде, ее отсталость. Это, по его мнению, должно вдохновить слушателей на строительство новой индустриальной России.

Он продолжил: «Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная», стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить от-

▲ Брежнев Никсон

▲ У госпожи Тетчер

сталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать».

Как видим, он даже отчасти неправдами стремится доказать главную мысль своего доклада. Его может оправдать лишь то, что он делает не научный доклад, а политический, и позволяет себе ложь или, точнее, не всю правду ради укрепления СССР, новой Великой России.

С той же целью он высказал сомнительную мысль о том, что «у нас не было и не могло быть отечества». Если понимать отечество в привычном для нас значении «родина», «место рождения», то получается нелепость. Родина есть у каждого, кто рожден, и отрицать это глупо.

Значит, он имел в виду другой смысл этого слова: «государство, в отношении к подданным своим» (так пояснено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля). И он пояснил: «Но теперь, когда мы свергли капитализм,

а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость»..

Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Так поставлена проблема. Прав Сталин? Да, прав. Через десять лет началась Великая Отечественная война. Успели мы до этого срока провести индустриализацию? Да, почти успели. И только поэтому победили в войне, где решали все техника, общее состояние страны и духовная мощь народа.

Вот характерное признание В.И. Вернадского, убежденного индивидуалиста и поборника прав личности, свидетеля двух мировых войн и революций. Сравнивая Первую мировую с Отечественной, он сделал вывод: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офи-

церами и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

Правда Сталина заключалась в том, что к трудящимся прежней России государство и руководство не относились по-отечески. Выражение «царь-батюшка» звучало аллегорически. Какой это батюшка, если его надо почитать как наместника Бога на земле? Если ему надо кланяться в ноги? Если к нему нельзя обратиться, как к отцу родному?

В этом отношении новый «Хозяин», безусловно, значительно больше походил на отца. Новая государственная власть относилась к трудящимся по-отечески, товарищески, а не свысока, по-барски или с показной «демократической» простотой.

Сталин был прав даже тогда, когда говорил не полную правду. Потому что он не только говорил, но действовал. Не ради себя, — ради Великой России, советского народа, русской и, шире, советской многонациональной культуры. Он поднял страну на трудовой подвиг. Он не дал врагам смять нас.

Такова правда истории. Она распустила именно так, а не иначе.

О ТОТАЛИТАРНОМ РЕЖИМЕ

Утверждение об исторической правде деяний Сталина и его соратников, в частности Маленкова, может показаться преувеличением или чудовищной попыткой оправдать создание тоталитарного государства, подавляющего свободу личности и попирающего права человека.

Но следует учесть одно важное обстоятельство. Государственные режимы, если они устойчивы (а Сталин 30 лет находился на вершине власти), складываются под воздействием многих объективных факторов и отражают преимущественно характер народа, а не личные качества вождя.

При Ленине, Сталине, Маленкове и позже наше государство было тоталитарным. Это понятие (согласно словарю иностранных слов) означа-

ет политический строй, при котором власть сосредоточена в руках какой-либо одной партии (группы), уничтожившей демократические свободы и возможность возникновения оппозиции, полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть насильем, террором, духовным порабощением народа. Над всеми сферами жизни общества осуществляется полный контроль со стороны государственной власти.

Но ведь политический строй еще не тождествен общественному устройству. Господство одной-единственной партии означает, безусловно, тоталитарность режима. Но разве обязательно при этом осуществляется экономическое и духовное порабощение народа в пользу каких-либо привилегированных групп?

Например, в США многопартийность — это чистая демагогия, а не демократия. Во-первых, реально борьба за власть идет только между двумя партиями. Во-вторых, обе они являются двумя крыльями правящей

в стране буржуазной элиты. В-третьих, в руках или под контролем этой элиты находятся практически все финансы и СМИ.

Гражданам внушают, будто у них есть выбор. Однако пространство политического выбора у них предельно узкое. В сущности, это две параллельные дорожки с незначительными различиями. Обман примитивный, давно разоблаченный, но действующий безотказно. За иллюзию выбора граждане платят колоссальные деньги. А результат предсказуем: победит партия, осуществляющая тоталитарную буржуазную демократию.

В XX веке сформировались три типа тоталитарных обществ: тоталитарная буржуазная демократия капиталистического типа (США, Великобритания и т.п.); тоталитарная народная демократия социалистического типа (СССР, КНР и др.); тоталитарная военизированная фашистская демократия национал-социалистического типа по названию и национал-капиталистическая по сути (фа-

шистские Италия, Германия, Япония и пр.).

К сожалению, даже в теоретических трудах отсутствует подобное четкое разделение, схематично отражающее характерные черты общественного устройства. А политизированные идеологи постарались предельно запутать проблему. Теперь даже у нас господство частного капитала стали называть торжеством подлинной свободы и демократии. Хотя на примере развала СССР в результате победы буржуазной революции совершенно очевидно, какое это несчастье для народа и его культуры.

Тоталитарная буржуазная демократия наиболее близка к фашизму. Она разрушительна для духовной культуры и человеческой личности. Об этом в 1923 году писал Николай Бердяев:

В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценно-

▲ Собчак и Ельцин

▲ Расстрел Верховного Совета, 1993

сти. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к их духовному уровню. Эта идея хотела бы отвлечь внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления... Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину».

В дальнейшем его мысль полностью подтвердилась. Цивилизация, где главенствует принцип выгоды, подавляет культуру, техника определяет развитие науки, материальные ценности безраздельно господствуют над духовными.

Буржуазная демократия тоталитарна и агрессивна (подобно фашистской диктатуре), ибо ориентирована на постоянное увеличение материальных потребностей, которые не может удовлетворить, используя собственные ресурсы. Сталин отказался от идеи мировой коммунистической революции. Однако США и их союзники во второй половине XX века стали негласно осуществлять мировую капиталистическую революцию. Они бросили

огромные средства на развал социалистической системы, на расчленение СССР, Чехословакии, Югославии.

Сталин окружил СССР дружескими странами народной демократии, создав единое экономическое пространство. При этом «старший брат» не эксплуатировал более слабые государства, а осуществлял взаимовыгодное сотрудничество нередко в убыток себе.

США тоже помогали странам Западной Европы. Но, во-первых, нажившись на войне; во-вторых, предварительно ограбив эти страны; в-третьих, препятствуя влиянию социалистических идей и развязав информационную войну.

С позиций марксизма-ленинизма хищнический характер капитализма объясняется классовыми интересами буржуазии и шкурными — их услуги, включая интеллектуальную. Однако причины значительно глубже и серьезнее.

Сказывается общая принципиальная установка технической цивилизации на создание, умножение, распространение и усовершенствование технических систем.

Происходит это за счет деградации окружающей среды, биосферы. В. И. Вернадский надеялся на переход ее на более высокий уровень ноосферы, области господства научной мысли. В действительности она превращается в техносферу, область господства техники.

Тоталитарная буржуазная демократия в наибольшей степени, так же как фашистская диктатура, соответствует техносфере. Она механична в своей основе. Некоторые ее защитники и пропагандисты утверждают, будто она представляет собой «открытое общество». В реальности все как раз наоборот. Никогда еще не было столь закрытого общественного устройства, где разобщение людей так велико.

Что произошло в России при установлении в конце прошлого века тоталитарной буржуазной демократии, «открытого общества»? Мы уже говорили: металлические двери, огромные глухие заборы, строго охраняемые виллы, многочисленные охранники повсюду, камеры видеонаблюдения, заказные убийства, пронизывающие всю государст-

венную систему метастазы коррупции, у людей страх быть уволенным, «черный нал» и тройная бухгалтерия... Открытыми для расхищения оказались национальные богатства, открыт их вывоз за рубеж, открыты для врагов многие государственные тайны, открыта утечка в другие страны отечественных специалистов, открыта безудержная кампания лжи и клеветы на Советский Союз, советских вождей, советского народа.

Это и есть реальное, а не на рекламное, западное «открытое общество». Многих у нас оно устраивает. Это нынешняя правящая элита и их обслуга, «новые русские», ловкие дельцы, приспособленцы и ненасытные потребленцы. Они — мутанты, возникшие под воздействием интенсивного облучения западной пропагандой. Это и есть торжество буржуазной демократии. Она губительна для настоящих русских людей — открытых миру и друг другу, товарищей.

Могу свидетельствовать как очевидец: даже в суровые, порой трагические сталинские времена не было у нас такого духовного и экономического тоталитаризма, такого упадка культуры, такого массового снижения интеллектуального и нравственного уровня, такой деградации личности, как за последние 20 лет. Победа буржуазной идеологии обернулась потерей русской национальной идеи, в основе которой — любовь к Родине, и утратой отечества как страны для народа, а не для «избранных», не достойных ничего, кроме презрения.

... Любая устойчивая государственная система тоталитарна. Мне, например, в принципе не нравится государственная власть, ибо она неизбежно одних подавляет, другим предоставляет привилегии. Тем более если она отражает волю и желание оболваненного с помощью СМРАП большинства. Я — анархист.

Но мне довелось командовать отделением, быть начальником геологического отряда, экспедиции. Порой, особенно в экстремальных ситуациях, я действовал как диктатор. Только поэтому удавалось избегать жертв.

Не исключаю, что и Сталин в душе был коммунистом-анархистом. Но во главе государства в период тяжелейших испытаний, когда судьба России-СССР висела на волоске, он был должен, обязан быть диктатором и устанавливать тоталитарный режим. Вопрос лишь в том, в какой обстановке и с какими целями он установлен.

Расцветает в стране культура? Растет благосостояние народа? Сокращается смертность, число самоубийств, преступность? Растет численность населения? Увеличивается продолжительность жизни. Справедливо распределяются национальные богатства? Обеспечено достойное будущее народу, поднимается его интеллектуальный, нравственный, эстетический уровень?

Если ответы на эти вопросы положительные, значит, общественная система действительно народно-демократическая, достойная свободного человека. Если ответы отрицательны, значит, общество нездоровое, уродливое, подавляющее человека и разрушающее природу. Вот и решайте, какое общество было у нас при Сталине и какое установилось после развала СССР и под воздействием антисоветской пропаганды.

Буржуазная тоталитарная демократия — это социальная организация, поощряющая худшие человеческие качества. Она формирует убогую личность, ориентированную на получение прибыли, приспособление к окружающей среде и на максимальное потребление материальных ценностей. В таком обществе гасятся творческие порывы и опошляются высокие идеалы. Возможно, это путь к позорному финалу современной глобальной технической цивилизации. ■

▲ Что вы хотите?

Е.И. СМИРНОВ

Генерал-полковник медицинской службы, Герой Социалистического Труда

УПРАВЛЕНИЕ. КАКИМ ОНО БЫЛО?

Развертывание медицинских учреждений было нарушено ходом боевых действий войск с первых дней Великой Отечественной войны. Особо отрицательно это сказалось на доукомплектовании войсковой медицинской службы и на формировании медицинских учреждений армейского подчинения. В первые три дня боевых действий некоторые пункты формирования ППГ были захвачены вражескими войсками, а медицинское и санитарно-хозяйственное имущество,

хранившееся для них, погибло. Приписанный к формируемым учреждениям медицинский, административно-хозяйственный и обслуживающий персонал волею судеб оказался вынужден искать место приложения своим силам в медицинских органах армейского и фронтового подчинения, где его не ожидали.

В сложившейся обстановке ВСУ было вынуждено создать резерв медицинских работников в Москве, чтобы медицинский персонал, первоначально предназначавшийся

Киевскому и Западному особым военным округам, направлялся туда. Сложнее обстояло дело с изменениями направлений эшелонов с медицинскими кадрами.

Приостановить направление медицинского персонала в эти округа мне помогла встреча с известным скульптором С. Д. Меркуровым. Он обратился ко мне по поводу жертв среди медицинских работников, следовавших на Западный фронт в одном из воинских эшелонов, который подвергся бомбежке на стан-

▲ Военно-санитарный поезд (ВСП)

ции Смоленск. В эшелоне были его близкие знакомые. Сергей Дмитриевич считал меня виновным во всем происшедшем. В силу своего характера он не стеснялся в выборе выражений. Я был вынужден выслушать от него много горьких, но справедливых упреков. Вместо оправданий пришлось взять телефонную трубку и набрать номер начальника мобилизационного управления Генерального штаба комбрига Н.Л. Никитина, с которым я был знаком и по работе и по последнему курсу учебы в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Я пересказал ему все, что выслушал в свой адрес, при этом особо подчеркивал имевшую место договоренность о прекращении направления врачей запаса в эти округа. Закончив разговор с Никитиным настоятельной просьбой максимально ускорить решение вопроса, я поблагодарил Меркурова за сообщение, которое имело не частное, а общее значение. Все происшедшее в кабинете произвело необычное впечатление на моего далеко не дружелюбного собеседника. Он не знал, да и не мог знать задач управлений Наркомата обороны, так же как прав, обязанностей и ответственности должностных лиц. Я же, выслушав его резкие по форме и содержанию упреки, не сделал их предметом нашей дальнейшей беседы, а продолжил разговор уже с человеком, от рас-

поряжения которого зависело ускорение решения вопроса. С Сергеем Дмитриевичем мы распрощались теплее, чем встретились. В дальнейшем наши встречи были дружескими.

В ГВСУ имелось три управления: лечебно-эвакуационное, кадров и подготовки, а также снабжения медицинским и санитарно-хозяйственным имуществом.

Лечебно-эвакуационное управление возглавил военврач 1 ранга Л.А. Ходорков. Ему были присущи такие крайне необходимые для этой должности качества, как оперативность в работе, умение быстро устанавливать служебные контакты, способствующие выполнению текущих дел, не терпящих отсрочек, нахождение способов установления связи для получения необходимой информации и передачи указаний, имеющих важное значение в решении неотложных задач. Срочные поручения, полученные им, не требовали напоминаний о необходимости их выполнения. Его непоседливость и крайняя подвижность не уживались с усидчивостью, которая также необходима в работе управления при анализе данных оперативного учета и отчетности о движении раненых и больных. Однако это не сказывалось отрицательно на решении принципиальных вопросов организации лечения и эвакуации раненых и больных и вполне ком-

пенсировалось быстротой реакции на события, разнообразные по содержанию, порой трудные для решения, неожиданно возникавшие и сопровождавшие работу ГВСУ в период Великой Отечественной войны. Отделы управления были укомплектованы хорошо знавшими дело офицерами, которые с большим усердием и умением исполняли свои задачи. Главным в их работе было руководство: А.И. Ходоровского — эвакуацией раненых и больных, В.М. Шустова — лечебным делом, Ф.И. Фондзминского — учетом и отчетностью о движении раненых и больных.

Работа лечебно-эвакуационного управления включала в себя повседневное изучение данных оперативной информации о движении раненых и больных. Без тщательного анализа этих данных, а также без относительного учета существующей и ожидаемой боевой обстановки на фронтах Великой Отечественной войны нельзя было должным образом управлять эвакуацией раненых и больных. Коечная сеть тыла страны была вполне определенной. Она не должна была заниматься ранеными, больными с тех фронтов, где имелась незанятая коечная сеть и нужда в ее увеличении в ближайшее время не ожидалась. Когда об этом говорится, то имеются в виду и те раненые и больные, восстановление боеспособности которых более чем сомнительно. Это обуславливалось напряженностью с коечной сетью в тылу страны, особенно в отдельные периоды Великой Отечественной войны.

Руководители ГВСУ и лечебно-эвакуационного управления, а также главные специалисты живо интересовались данными медицинской отчетности, которая поступала в установленные нами сроки в отдел медицинской статистики лечебно-эвакуационного управления. Она содержала сведения, крайне необходимые для оценки эффективности руководства медицинской службой и качества оказываемой медицинской помощи в тыловых районах действующей армии и в тылу страны, деятельность госпиталей в ко-

торых контролировалась местными и распределительными эвакуопунктами. Анализ медицинской отчетности и вытекавшие из него выводы служили для нас, как говорится, пищей, водой и воздухом, определяя служебный климат и основную нашу деятельность. Они вместе с оперативной статистикой позволяли определять, куда, когда и кто из нас должен выехать для оказания помощи и устранения имевшихся недостатков. Это совершенно не означало, что ГВСУ не располагало и не руководствовалось другими данными, необходимыми для совершенствования медицинского обеспечения боевых действий войск. Говоря о медицинском учете и отчетности, я хочу только подчеркнуть, что этому разделу работы придавалось очень большое значение.

Лечебно-эвакуационное управление руководило доставкой фронтам крови и кровезаменителей. Этот вид медицинского снабжения, возложенный на лечебный отдел, осуществлялся по оперативным заявкам с фронтов. Непосредственно им

занимался заместитель начальника лечебного отдела, опытный и высокообразованный офицер управления Г. А. Борисов. Оперативность, своевременность и сообразность с действительными потребностями фронтов обеспечивались созданным в Москве при распределительном эвакуационном пункте №33 (РЭП) внештатным отделом переливания крови (ОПК). В его распоряжение безотказно предоставлялся автомобильный, железнодорожный и авиационный транспорт. Лечебный отдел и ОПК работали в тесном взаимодействии с Центральным институтом переливания крови, руководившим заготовкой крови и производством кровезаменителей. О масштабах этой работы можно судить хотя бы по тому, что фронтам ежедневно в контейнерах-термосах отправлялось только крови от 200 до 2000 литров. Я уже подчеркивал, что мне неоднократно приходилось поручать лечебно-эвакуационному управлению и лично его руководителю Л. А. Ходоркову срочно доставлять то или иное медицинское имущество боевого переч-

ня фронтам. Эти поручения всегда выполнялись в самые кратчайшие сроки. Аппарат управления работал четко, как требовала война с ее быстро менявшейся на многочисленных фронтах боевой обстановкой.

Управление снабжения медицинским и санитарно-хозяйственным имуществом возглавил мой заместитель военврач 1 ранга П. М. Журавлев. Здесь следует подчеркнуть, что он хорошо справлялся с работой, пользовался уважением и авторитетом у подчиненных, при этом был требовательным и рачительным начальником. Заказывая, получая, распределяя и доставляя фронтам и армиям огромный перечень разнообразного имущества, он не забывал о контроле за его сохранностью и об экономном расходовании. Его ближайшие помощники в совершенстве знали свое дело. Петр Миронович давал им простор в работе, а они делали все возможное, чтобы выполнить задания в срок и в самом лучшем виде. Это имело большое значение, особенно если учесть гибель большого количества имущества не-

▲ Эвакуация раненого с поля боя

прикосновенного запаса в приграничных округах в первые дни войны и необходимость его восстановления для обеспечения формирований полевых медицинских учреждений и снабжения имуществом боевого перечня боевых действий войск.

Заместитель П. М. Журавлева военврач 2 ранга К. Д. Тиманьков еще до войны был начальником отдела заказов и заготовок имущества. Кроме медицинского, он имел фармацевтическое образование. В связи с этим сразу же после окончания Военно-медицинской академии он был назначен в ВСУ. Константин Дмитриевич хорошо знал руководителей предприятий и главных управлений промышленности, лично поддерживал с ними деловые связи. Сведения о делах на заводах он получал также от работников контрольно-приемного аппарата, который возглавлялся энергичным работником И. А. Паршиковым. Аппарат контрольной приемки подчинялся ему.

Военврач 2 ранга Н. Г. Поляков был назначен начальником отдела заказов и заготовок. Он также еще до войны возглавлял отдел снаб-

жения и совмещал эту должность с должностью помощника начальника ВСУ по снабжению. Николай Георгиевич в 1936 году окончил адъюнктуру на кафедре фармакологии Военно-медицинской академии, защитил кандидатскую диссертацию и два года преподавал фармакологию слушателям академии. В 1938 году он был назначен на указанную выше должность. Своё дело он знал хорошо, работал с увлечением.

Исключительно большая ответственность ложилась на медицинские склады центрального подчинения по формированию комплектов медицинского имущества для полевых учреждений. Начальником отдела снабжения и складов был назначен опытный военный фармацевт с большим стажем работы по специальности Я. И. Рогинко.

Плановым отделом руководил военный врач С. И. Шевцов. Семен Иосифович обладал большим трудолюбием, усидчивостью и педантичностью в работе. Эти качества были крайне необходимы, чтобы обеспечивать потребности фронтов в иму-

ществе боевого перечня в условиях, когда скромные запасы его не позволяли допускать шаблонного подхода к снабжению и доставке имущества фронтам.

В управлении были опытные военные фармацевты, на которых опирались в работе П. М. Журавлев и его ближайшие помощники Г. Н. Папиш, В. П. Тарацин, В. Н. Кудояров и др.

Петр Миронович Журавлев трагически погиб под Орлом в 1943 году, подорвавшись на минном поле, еще не разминированном нашими саперами. Его машина, как и многие другие, была вынуждена остановиться у переправы через небольшую речку. Журавлев вышел из машины и в сторонке, недалеко от обочины дороги, увидел тела убитых советских солдат, лежавшие на поле. Он считал ненормальным, что погибшие не похоронены, пошел посмотреть на них, и его постигла участь бойцов, подорвавшихся на минах. Всех нас, сослуживцев Журавлева по ГВСУ, потрясло известие о его гибели. Мы перевезли тело Журавлева в Москву и с воинскими почестями похоронили на Введенском кладбище. Его дос-

▲ На передовой

▲ Хрулев Андрей Васильевич, 1941 год

тойным преемником стал полковник, впоследствии генерал-майор медицинской службы К. Д. Тиманьков.

Работу, проделанную этим управлением, можно охарактеризовать как большую и сложную по содержанию и, в силу необычного начала Великой Отечественной войны, трудную по выполнению. В первые дни войны мы лишились большого количества медицинского и санитарно-хозяйственного имущества, душевых и дезинфекционных установок. Особенно большого напряжения от органов и учреждений медицинского снабжения потребовало восполнение потерь имущества боевого перечня. На день начала войны военно-медицинская служба располагала 92

150 комплектами имущества боевого перечня (кроме комплектов перевязочных средств). Потеря комплектов имела место на фронтах, особенно Западном и Юго-Западном. На этих направлениях разыгрались ожесточенные бои. Наши войска, оказывавшие упорное сопротивление немецко-фашистским полчищам, нуждались в систематическом обеспечении медицинским имуществом боевого перечня. Нужно отдать должное Центральному медицинскому складу и его личному составу. Его руководство в лице начальника интенданта 1 ранга Зиновия Александровича Гольдинера и батальонного комиссара Петра Алексеевича Егорова мобилизовало личный состав

на круглосуточную работу. За период с 22 июня по 29 сентября 1941 года было сформировано за счет имевшихся на складе запасов 27 104 различных комплекта и 17 550 сумок санитаров и санитарных инструкторов.

За первый год войны Центральный склад, несмотря на вынужденное рассредоточение запасов имущества и образование своих филиалов с выделением части личного состава, сформировал 82 332 комплекта имущества боевого перечня, а окружные склады — 13462. Всего, таким образом, было сформировано 95 794 комплекта, то есть больше, чем за все предвоенные годы. Это был воистину трудовой подвиг.

Кроме перечисленных комплектов, действующим фронтам и армиям за этот же период было отправлено множество бинтов разных размеров, марли, эфира для наркоза, морфина, глюкозы, сульфидина, стрептоцида, кристаллического йода.

Наибольшая часть заводов химико-фармацевтической промышленности была вынуждена эвакуироваться в восточные районы страны. Поставки медицинского имущества в третьем и четвертом кварталах 1941 года резко сократились. Выпуск продукции химико-фармацевтической промышленности в это время упал до 8% по сравнению с январем 1941 года. ГВСУ помогало Наркомздраву СССР в эвакуации заводов и в организации их работы в новых пунктах дислокации. Мы подготовили докладную записку за подписью заместителя наркома обороны начальника Тыла А. В. Хрулева на имя заместителя Председателя Совнаркома СССР Алексея Николаевича Косыгина с просьбой выделить 220 вагонов для эвакуации 6 московских заводов. В октябре 1941 года эта просьба была удовлетворена.

Продукцию для нужд военно-медицинской службы поставляли 250 заводов. Они принадлежали многим наркоматам. Большая часть этих заводов не меняла своей дислокации, наращивая выпуск продукции, которую медицинские части и учреждения получали через фронтовые и армейские склады по мере поступления.

▲ Полевой госпиталь

Получение сводок-отчетов от медицинских управлений фронтов служило одним из элементов медицинского и санитарно-хозяйственного снабжения и помогало рационально обеспечивать потребности войск, несмотря на незначительные имевшиеся резервы имущества.

В восстановления, здоровья раненых и больных солдат и офицеров исключительно большую роль играет наличие необходимого перечня лекарственных и перевязочных средств, а также хирургического инструментария. Медицинские работники без них не могут сделать ни одного успешного шага в своей деятельности, особенно хирурги, размах борьбы которых с травматической эпидемией нельзя сравнить с работой врачей других специальностей. ГВСУ проявляло большую

заботу об удовлетворении потребностей в медицинском имуществе в первую очередь фронтов и армий, войска которых вели боевые действия или готовились к их проведению. Нам в этом помогали запасы медицинского имущества, находившиеся на окружных складах, за счет которых мы и формировали комплекты имущества боевого перечня. В четвертом квартале 1941 года и первом квартале 1942 года промышленность удовлетворяла наши потребности еще в мизерном количестве. В первом квартале 1942 года заявки были удовлетворены только на 10–50%.

Во втором квартале 1942 года дело с производством медицинского имущества стало резко исправляться. Эвакуированные на восток заводы приступили к производству. Так, в Тюмени стали выпускать йод,

хлорид натрия. В Новосибирске наладили производство ампульных препаратов, в Свердловске и Анжеро-Судженске стали производить стрептоцид и сульфидин, а в Томске — эфир для наркоза.

Одним из самых сложных вопросов в работе управления медицинского и санитарно-хозяйственного снабжения являлся вопрос обоснования заказов на медицинское имущество боевого перечня. Планы производства составлялись квартальные. Заявку на следующий квартал в плановые органы нужно было представлять за 50 дней до начала квартала. Какие потери ранеными будут в предстоящем квартале, никто не мог сказать. Расчет на 1000 раненых, который лежал в основе заявки, нельзя назвать ошибочным, но правильно определить, сколько тысяч

раненых будет в следующем квартале, весьма и весьма затруднительно.

Боевые санитарные потери колебались в большом диапазоне. В ноябре 1941 года они были ниже 50%, а в августе 1943 года превышали 170%. А если учесть, что они исчислялись миллионами в год, то этот вопрос принимал важное государственное значение. Это потребовало от ГВСУ разработки более рационального подхода к определению и обеспечению потребности полевых медицинских учреждений в медицинском имуществе боевого перечня для лечения раненых, контуженых и обожженных, при котором учитывались также и возможности промышленности, на обязанности которой лежали еще и задачи удовлетворения медицинским имуществом населения, особенно работников заводов, обеспечивающих нужды

фронта. В первую очередь оно концентрировалось на фронтовых складах тех фронтов, войска которых вели или должны были в ближайшее время вести крупные боевые действия. Маневр медицинским имуществом боевого перечня помог нам обходиться тем его количеством, которое выделялось нам промышленностью.

В ходе войны наряду с донорской кровью готовились, доставлялись в войска и применялись в больших количествах кровезамещающие жидкости, в том числе жидкость Сельцовского, Петрова, Асратяна.

Кровезамещающие жидкости, как и кровь, широко применялись в учреждениях полевой медицинской службы, начиная с медсанбатов. Нередко переливание производилось и в ПМП. Я лично наблюдал переливание крови на медицинском пункте 453-го стрелкового полка 78-й стрел-

ковой дивизии в боях под Ржевом в 1942 году. Старший врач этого полка военврач 3 ранга Г.Б. Пакуло, ныне генерал-майор медицинской службы, начальник медицинской службы войск противовоздушной обороны Московского военного округа, с чувством законной гордости докладывал об организации и освоении метода переливания крови в условиях полевой медицинской службы.

Для оказания медицинской помощи пораженным в боях и организации их лечения требовалось большое количество различного рода медикаментов, хирургического инструментария, санитарно-хозяйственного, банно-прачечного имущества, а также обмывочно-дезинсекционной и дезинфекционной техники. Целесообразно привести некоторые виды имущества и техники, полученные военно-медицинской

▲ Набор полковой

▲ Окуневский Яков Леонтьевич

службой за годы войны. Так, например, нами было получено: гипса — 18 700 т, эфира для наркоза — 392 700 кг, мыла хозяйственного — 166 700 т, палаток разных размеров — 46 000 шт., душевых и дезинфекционных установок — 9 630 шт.

В ходе войны медицинская служба была вынуждена организовать у себя ремонт техники, аппаратуры и хирургического инструментария. Было отремонтировано 4 700 дезинфекционных камер, 2 360 душевых установок, 620 автоклавов, 119 рентгеновских аппаратов, 181 000 хирургических инструментов. Военно-медицинская служба обзаводилась складами санитарно-хозяйственного и вещевого имущества,

а также ремонтными базами. Без этого нельзя было обойтись. И все это диктовалось особенностями Великой Отечественной войны, небывалой по размаху, напряженности и ожесточенности сражений, сопровождавшихся большими боевыми санитарными потерями. В целях экономии расхода перевязочных средств медицинские учреждения подвергали стирке марлевые бинты для повторного их использования.

Управление кадров вскоре после организации ГВСУ возглавил военврач 1 ранга Ю. М. Волынкин. Его спокойный характер, выдержка, вежливость и тактичность в обращении с людьми позволяли ему вести работу, не поступаясь требовани-

ями официальных положений при назначениях и перемещениях медицинского и административно-хозяйственного состава медицинской службы. Личный состав управления работал напряженно и с должным прилежанием. Сравнительно быстро были налажены учет и отчетность. Это облегчило работу и способствовало лучшей расстановке медицинских кадров, их подготовке, обеспечению ими многочисленных формирований медицинских учреждений и органов управления, а также выполнению указаний руководства Наркомата обороны о подборе и направлении медицинских кадров польской национальности для формирования польских войск, сражавшихся на Западном направлении, и об оказании помощи медицинскими кадрами партизанским отрядам и Народно-освободительной армии Югославии, а также Чехословацкой бригаде, а в дальнейшем корпусу, действовавшему на Юго-Западном направлении в составе одного из Украинских фронтов.

После передачи 28 августа 1941 года банно-прачечного отдела ГВСУ встал вопрос о создании в нем противоэпидемического и банно-прачечного управления. В январе 1942 года такое управление было создано. Были введены должности главного эпидемиолога и главного инфекциониста. Первая была совмещена с должностью начальника управления. Этим в известной мере предопределялся и подход к подбору кандидата на нее.

Противоэпидемическое управление возглавил профессор бригадный врач Т. Е. Болдырев. Воспитанник Военно-медицинской академии, ученик Я. Л. Окуневского, он обладал глубокими знаниями и области дезинфекции и дезинсекции, военной эпидемиологии и паразитологии. Совместно с Яковом Леонтьевичем Окуневским он написал и выпустил в свет в 1934 году «Практическое руководство по войсковой дезинфекции». После окончания в 1926 году академии и трех лет службы в войсках он стал адъюнктом, потом преподавателем самостоятельного курса

дезинфекции, который возглавлял многие годы Окуневский. В 1934 году вышла в свет и другая его работа — «Банно-прачечное дело в РККА». Фундаментальные знания Т.Е. Болдырева в этих областях были жизненно необходимы для успешной борьбы с сыпным тифом — неизбежным спутником войн, представляющим главную опасность для запасных частей и особенно частей и соединений действующей армии. В связи с этим он был освобожден от должности начальника кафедры эпидемиологии Куйбышевской военно-медицинской академии и назначен начальником этого управления. Я должен остановиться несколько подробнее на выборе данной кандидатуры еще и потому, что управление должен был возглавить не только высококвалифицированный эпидемиолог, прекрасно знающий дезинфекцию, дезинсекцию и банно-прачечное дело, но и стойкий, несгибаемый энтузиаст этого дела, способный за-

речь огонек в людях, волею судеб принявших участие в профилактике эпидемиологических заболеваний. Меня не покидала мысль о недооценке банно-прачечного дела руководящим составом медицинской службы, которая откровенно проявилась на апрельском совещании 1940 года в Ленинграде. Моя точка зрения об единстве банно-прачечного дела с противоэпидемической защитой войск в условиях войны тогда оставалась гласом вопиющего в пустыне, а предложение взять это дело из обозно-вещевого управления в руки санитарной службы было встречено гробовым молчанием и на совещании и после него, когда на нашу просьбу прислать в ВСУ свои соображения и рекомендации по этому вопросу не последовало ответа. Читая стенограмму совещания, я не допускал мысли, что его участники не понимали важности банно-прачечного дела в санитарном благополучии войск. Склонен ут-

верждать, что они оценивали его как исключительно важный раздел противоэпидемической защиты войск, но считали его самостоятельным разделом, а не составной частью противоэпидемической службы. Как видно, аналогия с гражданским здравоохранением и мирной жизнью войск тяготела над ними, порождала ложную мысль о несовместимости этого важного, но не требующего специальных медицинских знаний дела с врачебной профессией. Хотя логика здесь и есть, но логика эта формальная.

В свое время нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко был вынужден заниматься банно-прачечным делом в стране и армии. Но это дело в дальнейшем было предано забвению как исключительное в своем роде явление, обусловленное последствиями империалистической войны и усугубленное Гражданской войной и иностранной интервенцией. Сейчас же стоит подчеркнуть, что Т.Е. Болдырев, как никто другой

▲ Стационар

▲ Бурденко Николай Нилович

из специалистов этой области, с достоинством занимал пост начальника противоэпидемического управления. Пост негромкий, работа на нем не бросается в глаза подобно работе хирурга, спасающего операцией жизнь больного. Для людей, не посвященных в тайны работы эпидемиолога, она остается в тени.

Личный состав управления, представленный преимущественно эпидемиологами и гигиенистами-практиками, любовно и с душой относился к своему делу, считая

его важным и нужным. В числе сотрудников управления, положивших не один кирпич в здание противоэпидемической защиты войск, были военврач 1 ранга, впоследствии генерал-майор медицинской службы В. Д. Бершадский, военврач 1 ранга, затем полковник медицинской службы Г. С. Липкий, военврач 2 ранга, впоследствии полковник медицинской службы В. М. Рождественский.

В задачи этого управления входила и гигиена войск. Диапазон объектов изучения и практики гигиени-

стов широк и разнообразен. Среди разделов военной гигиены ведущее место занимали научные основы питания различных родов войск, предупреждение авитаминозов и уборка полей сражения. Начальником отдела гигиены и главным гигиенистом был назначен бригадный врач Федор Григорьевич Кротков, воспитанник Военно-медицинской академии и ученик одного из основоположников советской гигиены Григория Витальевича Хлопина, возглавлявшего кафедру гигиены Военно-медицинской академии.

В структуре ГВСУ был создан институт главных специалистов и специалистов-инспекторов. По знаниям и опыту руководящей работы в своих областях, авторитету среди ученого мира они характеризовались различно. Одни из них были маститыми учеными с высоким авторитетом, авторитет других был более скромным, третьи, имея узкие специальности, пользовались авторитетом среди своих коллег. Можно утверждать, что среди них не было посредственных специалистов, с мнением которых не считались бы их коллеги, работавшие в армии и гражданском здравоохранении.

Профессия хирурга на войне занимает особое положение в силу ряда обстоятельств, среди которых количество раненых и большие возможности возвращения их обратно в строй являются главными. Поэтому подбору главного хирурга и его заместителей было уделено особое внимание.

Главным хирургом Красной Армии был назначен Николай Нилович Бурденко. Его научные труды клинического и экспериментального характера были широко известны в нашей стране, а некоторые из них завоевали признание и за рубежом. Их оригинальность, новизна и результативность обуславливались физиологическим подходом к клинической работе и комплексным исследованием больного.

С именем Николая Ниловича связано становление в нашей стране нейрохирургии, которая обязана ему и созданной им школе разра-

боткой методов диагностики опухолей головного мозга, их классификации и хирургического лечения. Большое теоретическое и практическое значение имели научные исследования экспериментального и клинического характера, выполненные лично им и представителями его школы, по выяснению роли вегетативной нервной системы в регуляции трофических и метаболических процессов в тканях и органах, а следовательно, и в заболеваниях внутренних органов. Бурденко и его школа также посвятили много лет выяснению причин и механизмов развития шоковых состояний, обращая особое внимание на роль рефлексогенных зон в коре больших полушарий. Говоря об этих исследованиях, хочется подчеркнуть их непосредственное отношение к военной патологии, к тяжелым осложнениям боевых повреждений.

За 22 года Бурденко написал большое число работ, касающихся военно-полевой хирургии и хирургической тактики, особенно хирургической обработки ран и их зашивания в зависимости от вида, области и тяжести ранений, а также от военной и медицинской обстановки. Можно утверждать, что научные интересы Николая Ниловича в известной степени были связаны с его биографией.

Окончив Юрьевский университет и получив диплом врача весной 1906 года, он успел насмотреться на муки и страдания солдат, получивших ранения в русско-японской войне, на неорганизованность и хаос в медицинском обеспечении раненых в больших битвах. Спустя 8 лет после получения диплома врача он работал на фронтах первой мировой войны по линии общества Красного

Креста, где, как и в русско-японской войне, работало много профессоров и доцентов, а хирургическая помощь раненым оставляла желать много лучшего. Его военно-медицинские работы поражают читателя знанием обширной иностранной и отечественной литературы по вопросам лечения раненых. Анализируя ее данные, Николай Нилович дает рекомендации по методам лечения, биологические, физиологические, иммунологические и тактические обоснования которых не вызывают сомнений. Мне лично не были известны другие хирурги, имевшие работы по этим вопросам, которые обладали бы столь большой эрудицией, какая была присуща Бурденко. В своих работах, опубликованных еще в 1916–1917 годах, он не выходил за рамки организационной структуры медицинских учрежде-

▲ Операционная

▲ Вишневский оперирует раненого

ний военно-санитарного ведомства и общественных организаций. Больше того, в работе «Общая характеристика организации первой помощи на фронте за первый год войны (1914–1915 гг.)» он писал: «Наша основная военно-санитарная организация, воплотившая заветы Н. И. Пирогова, является теоретически стройной и очень сильной...» В работах, опубликованных в 1937–1938 годах, он рассматривал происшедшие изменения в вооружении армий, моторизации и механизации войск опять-таки в общей форме, не выходя за пределы существовавшей тогда штатно-организационной структуры полевых учреждений и их подчиненности. И только в письмах под названием «Первичная экцизия и первичный шов в будущей войне» Николай Нилович подчеркивает, что «уже существующие вооружения... заставляют по-новому построить сеть лечебных учреждений, заставить изменить правила сортировки и ввести систему эвакуации транзитного типа...». Но в каких организационных формах это новшество должно выразиться, в этой работе не сказано ни слова. Не высказался он по предлагавшимся руководством ВСУ изменениям в организации медицинской службы на совещании в апреле 1940 года, о котором упоминалось

выше. Однако здесь следует подчеркнуть его гордость и нескрываемую радость за советскую медицину, в создании которой он принимал самое активное участие, когда он говорил и писал о военно-медицинской организации, разработанной в своих главных чертах в последний предвоенный год и частично дополненной в первой половине войны. В своей заключительной речи на Учредительной сессии Академии медицинских наук СССР он сказал, что руководство ГВСУ создало доктрину военно-медицинской организации, требующей напряженной помощи Наркомздрава. Это — новые формы медицинской организации в русской военной истории.

Выступая на XXV Всесоюзном съезде хирургов уже после войны с докладом на тему «Лечение огнестрельных ранений на фронте в период Великой Отечественной войны», Бурденко утверждал, что два основных момента можно считать ведущими в успехах медицинской помощи на войне: организационные мероприятия и хорошо обоснованные принципы проведения первых лечебных процедур после ранения. Эти два момента связаны между собой. Более того, если организационные вопросы имеют большое значение во всяком деле, то в деле

оказания медицинской помощи на войне они играют поистине первенствующую роль. На войне организация является важнейшим звеном лечения. В Великой Отечественной войне организация сверху донизу находилась на должном уровне. Медицинская сортировка и этапное лечение с эвакуацией по назначению, то есть в специализированные госпитали, сыграли исключительную роль в ускорении лечения раненых и возвращения их в строй.

Посещения Николаем Ниловичем и его заместителями медицинских учреждений, ознакомление с организацией лечения раненых в них оставляли след в работе медицинского персонала, имели для него большое познавательное значение, а выступления на армейских и фронтовых конференциях хирургов, а также на пленумах ученого медицинского совета при начальнике ГВСУ превращались в школу повышения хирургических знаний и воспитания подвижничества в работе и мужества в поведении, столь необходимых в условиях боевой деятельности войск.

Заместителями главного хирурга были назначены известные медицинской общественности хирурги-клиницисты, внесшие свой вклад в ее развитие. Из них в первую очередь нужно назвать начальника кафедры госпитальной хирургии Военно-медицинской академии дивизионного врача Семена Семеновича Гирголава. Он сам был воспитанником этой академии. В его научной деятельности ведущее место занимали вопросы изучения и лечения ран и обморожений, а также вопросы травматологии. Гирголав первый из советских клиницистов приступил к изучению морфологических элементов ран и их биологии в сопоставлении с клиническими признаками и разработал их классификацию. За разработку методов лечения обморожений ему в 1943 году была присуждена Сталинская премия. Он много лет по совместительству был научным руководителем Ленинградского института травматологии и ортопедии. Все вопро-

▲ Гирголав Семен Семенович

сы, которыми он занимался, имеют прямое отношение к военно-полевой хирургии, и это определило его служебную карьеру в начале Великой Отечественной войны.

В числе заместителей главного хирурга был и профессор Владимир Николаевич Шамов, тоже воспитанник Военно-медицинской академии, по окончании которой в 1908 году он был оставлен работать в клинике С. П. Федорова. В результате трехлетней работы там он защитил докторскую диссертацию, потом был направлен в научную командировку за границу, работал в хирургических клиниках Англии и США. В 1923 году, будучи уже известным хирургом, он занял кафедру хирургии в Харьковском медицинском институте. В 1930 году он организовал и возглавил украинский институт переливания крови, будучи подготовленным к этому активным участием в разработке определения групп крови и ее переливания еще в клинике своего учителя. Лишь в 1939 году Шамов вернулся в ВМА, заняв должность начальника кафедры, на которой в свое время получил подготовку хирурга-клинициста. По совместительству работал научным руководителем Ленинградского института переливания крови.

Одним из заместителей главного

▲ Шамов Владимир Николаевич

хирурга был назначен заведующий кафедрой госпитальной хирургии 2-го Московского медицинского института Владимир Семенович Левит, длительное время возглавлявший редакционную коллегию журнала «Хирургия». Окончив в 1906 году медицинский факультет Харьковского университета, он, в отличие от двух своих коллег по должности, работал в системе земской медицины, где получил подготовку хирурга-клинициста, защитив в Казанском университете докторскую диссертацию. В 1919 году перешел на преподавательскую работу в хирургическую клинику медицинского факультета Томского университета. Клинику возглавлял известный советский хирург Владимир Михайлович Мыш, воспитанник Военно-медицинской академии. Освоив в клинике методы системного изложения материала, Левит в 1922 году занял такую же кафедру на медицинском факультете Иркутского университета. Вскоре он переехал в Москву и возглавил кафедру хирургии на медицинском факультете Московского университета. Научные интересы Левита были разнообразны, но наибольший след он оставил в хирургии зоба и желудка. Ему принадлежало первенство в производстве резекции кардиальной части желудка. Хорошо зная ра-

▲ Смирнов Ефим Иванович

боту и подготовку больничных врачей, их сильные и слабые стороны, Левит крайне был необходим для координации хирургической работы между госпиталями фронта и тыла страны, к которым имели непосредственное отношение управления МЭП и РЭП, имевшие в своем составе и хирургов-специалистов.

Количество медицинских учреждений, подлежавших формированию, резко возросло. Это обуславливалось началом войны и ее характером, потребовавшим увеличения числа фронтов и армий. По состоянию на 1 декабря 1941 года число действующих фронтов возросло с 4 до 8, а армий — с 15 до 46. Кроме того, при проведении отмотелизации и передислокации не обошлось без потерь госпиталей и других медицинских учреждений. Это наблюдалось на всех фронтах, но особенно на Западном. Там оказались неотмотелизованными 30 госпиталей на 12 600 коек, в том числе и не успевшие эвакуироваться бывшие гарнизонные госпитали.

Несмотря на то, что ГВСУ уже в конце июня — начале июля 1941 года создало в Москве нештатный резерв медицинского состава и организовало сборку комплектов медицинского имущества боевого перечня на складах центрально-

▲ Эвакуация железнодорожным транспортом

го, фронтового и даже окружного подчинения для формируемых учреждений, ход формирования, особенно полевых госпиталей, нас не удовлетворял. Особую заботу мы проявляли об ускорении формирования органов управления эвакуацией раненых, их приемом и распределением по госпиталям и больницам, находившимся в армейских и фронтовых тыловых районах. Однако и в августе положение в полевой медицинской службе оставалось напряженным.

К этому времени Наркомат обороны и Наркомздрав СССР сформировали ЭГ на 658 000 коек. Кроме того, в гражданских больницах некоторых городов, главным образом крупных, Наркомздрав обязывался выделить 34 100 коек. Они назывались оперативными, находились на учете соответствующих войсковых медуправлений и использовались по их распоряжениям. Форми-

рование ЭГ и коек в них возрастало и на 1 октября составляло 1 миллион. ВСУ еще в ноябре 1940 года считало необходимым иметь этих госпиталей на 200 тысяч больных. При этом оно учитывало, что в царской армии в первую мировую войну в период напряженных боев на фронтах количество коек во всех госпиталях и лазаретах было еще больше. Средний уровень боевых санитарных потерь во второй мировой войне должен был увеличиться, учитывая резко возросшие по огневой мощи, подвижности и маневренности средства вооруженной борьбы. Это ни у кого сомнения не вызывало. Вопрос сводился к тому, когда готовить помещения для развертывания госпиталей, до войны или после ее начала. ВСУ руководствовалось тем, что площади, отводимые для эвакуогоспиталей, нужно готовить заблаговременно, поскольку количество зданий и объем необходимых работ в них были очень

большие. В частности, необходима была подводка труб для водопровода и канализации, приспособление помещений под пищеблоки, операционные и перевязочные (учитывая, что большинство госпиталей были хирургические), а также под санитарные узлы и обмывочные отделения.

Вопрос был решен так, что площади должны были приспособляться до войны и во время ее.

Приспособление зданий уже в ходе войны задерживало формирование ЭГ, а потребность в них была, так как фактические потери ранеными превзошли предполагаемые. Трудность определения боевых санитарных потерь обусловливается, как ни в каком другом разделе военного дела, значительной ролью в их происхождении многочисленных аспектов, учет которых при изучении всего того, что имеет отношение к оборонным мероприятиям, является весьма нелегким делом.

С августа 1942 года коечная сеть ЭГ стала сокращаться. Причин этому было много. Во время Смоленского сражения мы вернулись к вопросу организации госпиталей для легкораненых (ГЛР). То, что не было встречено с должным вниманием до войны, уже не вызывало возражений во время кровопролитного сражения, два месяца длившегося на главном, московском направлении. Этому способствовало и то обстоятельство, что к началу войны штатная численность личного состава ППГ и ЭГ на 200 коек составляла соответственно 101 и 129 человек. ГЛР же на 1000 мест имел по первоначальному штату персонала только 186 человек. Это было очень важно. Вопросы экономии людских ресурсов в первые же месяцы войны приобрели большое значение.

Организация этих госпиталей началась на Западном фронте и вначале проводилась на базе ППГ и ЭП. Но вскоре затем она стала осуществляться на базе ЭГ. Основой формирования стали ЭГ на 200–300 коек.

Для организации комплексного лечения раненых в этих новых лечебных учреждениях ГВСУ направило бригаду специалистов по лечебной физкультуре, физиотерапии и хирургов во главе с В.В. Гориневской, занимавшей должность инспектора-хирурга. Валентина Валентиновна окончила в 1908 году Высшие женские курсы в Петербурге, принимала участие в первой мировой войне, работала старшим хирургом этапного лазарета на Западном фронте, а потом главным врачом госпиталя. До призыва в армию более 8 лет она возглавляла кафедру травматологии и военно-полевой хирургии в Центральном институте усовершенствования врачей. Кафедра размещалась на базе Московского НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского. Трудолюбие, исполнительность и готовность в любое время суток выехать или вылететь самолетом в любой пункт ГБФ или ГБА были характерной чертой В.В. Гориневской. Походная жизнь и деятельность, связанная с организацией и методами

работы госпиталей нового типа, которых не знала история войн, были ее стихией, придавали ей силы, бодрость и приносили полное моральное удовлетворение.

Руководство ГВСУ, предлагая на совещании в апреле 1940 года организовать ГЛР, исходило из соображений общего порядка, которые сводились к тому, чтобы обеспечить быстрое излечение и возвращение в строй раненых, требующих, как правило, поликлинического (а не госпитального) лечения, которое можно и нужно совместить с физической, боевой и политической подготовкой, а, следовательно, и с лагерным размещением их в армейском тыловом районе (постоем по крестьянским домам, в землянках и шалашах). В этих госпиталях должен быть воинский распорядок дня, подчиненный, однако, быстрейшему восстановлению боеспособности солдат и офицеров.

Эти общие принципиальные установки должны были найти конкретное воплощение в штатно-ор-

▲ Щаденко Ефим Афанасьевич

организационной структуре госпиталя, в его соответствующем оснащении и обеспечении врачами-хирургами, физиотерапевтами, специалистами по лечебной физкультуре и трудовой терапии, а также строевыми командирами в качестве заместителей или помощников начальников медицинских отделений. Вот эту-то работу после обмена мнениями между начальником лечебно-эвакуационного управления, главным хирургом и его заместителями мы и возложили на Гориневскую. И она с ней успешно справилась, конечно, не без помощи офицеров лечебного отдела, а главное — благодаря предложениям начальника медицинской службы Западного фронта военврача 1 ранга М. М. Гурвича, его заместителя бригадного врача Н. И. Завалишина, главного хирурга фронта военврача 1 ранга С. И. Банайтиса, начальника ФЭП бригадного врача Н. М. Невского и начальника ПЭП, которые в это время находились во фронтовом подчинении и непосредственно

управляли госпиталями, в том числе и ГЛР. Эти предложения основывались на изучении и совершенствовании опыта работы первых ППГ, превращенных в ГЛР — госпитали-лагеря для лечения легкораненых и больных. Кроме того, медицинской службе фронта было направлено значительное (количество необходимого имущества. Положительный опыт этих госпиталей быстро сделался достоянием всех фронтов.

В конце 1941 года было установлено каждой армии иметь по одному ГЛР на 1000 мест, а в апреле 1942 года

фронты и армии обязывались сформировать еще по 3 таких госпиталя на каждую армию. В результате было создано 190 госпиталей, а к началу 1943 года их было уже 250, в следующем году — около 300. В общем числе койко-мест в ГБА и ГБФ с января 1943 года более трети принадлежало ГЛР. Число коек ЭГ, личный состав и имущество которых были использованы для формирования ГЛР, составило только 77 000. Таким образом, медицинская служба вместо 77 000 коек приобрела 295 000. Они располагались в армейском и фронтовом тыловых районах. Раненые, лечившиеся в этих госпиталях, возвращались в строй, как правило, в свои части.

Несмотря на столь большое увеличение койко-мест, положение с эвакуацией и лечением раненых оставалось напряженным. Увеличивалась коечная сеть ГБА и ГБФ, которая находилась в оперативном подчинении ГВСУ, а не тыла страны. Эта мера являлась велением време-

ни, требованием организационно-практических задач медицинской службы, обеспечивавших систематическое пополнение войск действующей армии. Но с увеличением числа фронтов и армий росли и их госпитальные базы, коечная сеть которых заполнялась тогда, когда велись боевые действия. Когда же на тех или иных фронтах наступали паузы, они пустовали. Соотношение свободных и занятых коек не отражало истинной картины экономического подхода к использованию людских и материальных ресурсов. Применение его к такому явлению, как боевые санитарные потери на войне, возникновению которых присуща неравномерность, неодновременность и непостоянство, да еще в многочисленных фронтах и армиях, сильно повредило делу.

Перемены начались с докладом заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко члену ГКО А. И. Микояну и наркому обороны И. В. Сталину. Он считал необходимым сократить число коек и удешевить их содержание.

Е. А. Щаденко доложил также о том, что я не согласен с предполагаемым сокращением госпиталей, хотя и не опровергаю расчетов по их загрузке, что это якобы является попыткой оправдать бесцельную растрату государственных средств, пайков и обмундирования на содержание излишних коек и раздутых штатов. Сам он считал, что 862 500 коек — вполне достаточный резерв для обеспечения пораженных на фронте, так как за год войны число раненых в госпиталях, по донесениям фронтов и округов, при заявках на пайки составило 1 081 222 человек.

Этот исключительно важный вопрос дважды рассматривался у А. И. Микояна. На совещаниях присутствовали заместители наркома обороны Е. А. Щаденко и А. В. Хрулев со своими ближайшими помощниками, заместитель председателя Совнаркома Р. С. Землячка, курировавшая Наркомздрав СССР, нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев со своим заместителем С. И. Мило-

видовым, являвшимся военно-медицинским работником. Все они поддержали предложения Е. И. Щаденко и не разделяли моих возражений. Последние излагались мною как устно, с показом на карте расположения фронтов и армий, их госпитальных баз, железнодорожных эвакуационных направлений, так и письменно на имя члена ГКО А. И. Микояна, заместителя председателя СНК СССР Р. С. Землячки и начальника Тыла А. В. Хрулева.

Я говорил, что медицинская служба Красной Армии имеет коечную сеть не вообще, а сеть, принадлежащую действующим армиям, действующим фронтам и находящуюся в оперативном подчинении ГВСУ. В состав ГБА входят ППГ, ИГ, ГЛР и небольшая часть ЭГ. Емкость коечной сети всех ГБА составляет 400 000 госпитальных мест. Заполняются эти армейские госпитали только ранеными и больными своей армии и только в крайних случаях соседних армий. Если войска данной армии ведут активные боевые действия, раненые поступают, ее госпитали заполняются. Если же армия вышла из боев, то они, как правило, пустуют. Госпитали армейского подчинения всегда должны быть

готовы к продвижению за войсками, а, следовательно, во время наступательных действий и во время отступления они, как правило, своих раненых и больных должны эвакуировать в госпитали ГБФ. Поэтому 400 000 койко-мест, находящихся в ГБА, нужно исключить из числа коек вообще. Самое же главное, госпитали армейского подчинения нельзя включать в расчет свободных коек: это противоречит их назначению и является грубой ошибкой. Однако нельзя и уменьшить количество армейских госпиталей и койко-мест в них. В ГБА только для действующих армий требуется 432 000 коек, да для существующих резервных армий необходимо 64 000 госпитальных мест. Таким образом, для надлежащего медицинского обеспечения боевых действий войск требуется около 500 000 госпитальных мест. Недостающие армейские госпитали придется пополнять за счет госпиталей ГБФ.

Госпитали фронтового подчинения могут заполняться ранеными и больными соседних фронтов только в виде исключения. Этому мешает часто складывающаяся боевая обстановка, когда госпитали должны быть готовы для приема раненых своего фронта. Нередко не позволяет этого

делать и отсутствие железнодорожных коммуникаций. Кроме того, ГБФ имеют много специализированных госпиталей и отделений в них, рассчитанных на прием и лечение раненых с повреждениями челюстей, мозга, глаз, суставов, с переломами бедра. Они не должны заполняться ранеными с повреждениями других частей тела.

Выздоровевшие раненые и больные из госпиталей данного фронта возвращаются только на свой фронт, поэтому военные советы фронтов протестуют против направления их раненых и больных, которые могут вернуться в строй, в госпитали других фронтов и требуют создания надлежащей емкости ГБФ. Будни Великой Отечественной войны научили их этому.

Раненые и больные, нуждающиеся в лечении сроком до 60 дней, должны оставаться в госпиталях ГБФ до полного излечения. Массовое поступление раненых и больных в ГБФ, в отличие от поступления их в госпитали тыла страны, требует четкой в полном смысле этого слова военной организации их приема не только в любое время суток, но и в любом количестве. Оно требует разгрузки поступающих санитарных

▲ Эвакуация на бортовой машине

поездов без помощи общественности, силами личного состава госпиталей, организации и медицинского учета поступающих, их медицинской сортировки для организации лечения по специальностям, дезинфекции верхнего обмундирования и поголовной санитарной обработки всех раненых при четкой организации банно-прачечного дела силами опять-таки личного состава госпиталей, без помощи общественности, наконец, организации бесперебойного питания раненых и больных.

Только строгое проведение в жизнь всех перечисленных мероприятий позволяет заниматься лечебным делом, рассчитывать на возвращение в строй более 70% раненых. Поэтому штаты ЭГ фронтовых тыловых районов должны быть несколько больше, чем глубокого тыла.

В тылу страны на июль 1942 года было развернуто 656 000 коек. Из них занятых 474 000, свободных — 182 000. Эта коечная сеть находится в оперативном подчинении ГВСУ и является действительно маневрен-

ным фондом. Она заполняется ранеными и больными только по указанию ГВСУ. Однако и тут маневр имел ограничения. На территории Закавказского фронта было развернуто 73 626 коек, из них свободных 36 629. Госпитали, дислоцированные в ближайших к границе районах, нужно было держать почти свободными. Это составляло 15 000 коек. На территории Забайкальского фронта мы учитывали 25 000 коек, из них свободных 14 000. Но ввиду большой отдаленности и возможных боевых действий на восточном театре занимать их было нельзя. Следовательно, 29 000 коек не могли приниматься во внимание. Таким образом, из 182 000 свободных коек оставалось 153 000. Минимальный коэффициент естественной незагрузки для госпиталей тыла страны определялся 10–15% всех развернутых коек. Они находились в тысячах госпиталей, расположенных на большой территории и отстоявших друг от друга на большие расстояния. Это составляло 65 600–98 400 коек по отношению к 656 000 развернутых коек. Следовательно, фактически

в тылу страны можно было заполнять только 54 000–87 000 коек, и они составляли единственный надежный резерв ГВСУ. Но это ничтожно малое количество коек.

Для Великой Отечественной войны были характерны внезапные большие передвижения войск. С запада ли на восток или с востока на запад, они всегда сопровождались передислокацией госпиталей. За год войны в среднем передислоцировалось около 500 000 коек. Это перемещение всегда сопровождалось выводом госпиталей из рабочего состояния на 1–2 месяца.

ГВСУ, учитывая опыт годовой работы медико-санитарных учреждений, армейского, фронтового тыловых районов и тыла страны, а также острую необходимость экономии людских контингентов и материальных ресурсов, готово было внести такие штатно-организационные изменения, которые позволили бы сократить около 13 тысяч должностей военнослужащих и 19 тысяч вольнонаемных. В интересах скорейшей победы над врагом ГВСУ просило

не делать никаких изменений в штатно-организационной структуре медицинской службы, деятельность которой создает один из основных источников резервов для действующей армии. Процент же военнослужащих медицинской службы от численности всей действующей армии очень и очень невелик.

Все это в общих чертах мною было дважды высказано на совещаниях у А. И. Микояна и дважды шло обсуждение этих посылок. Но, увы, наши доводы не были приняты во внимание.

24 июля я решился написать И. В. Сталину записку с просьбой не принимать предложений Е. А. Щаденко. Больше того, в ней я, по существу, вступил в конфликт со своим убеждением и сделал предложение сократить госпитали на 224 тысячи коек, в том числе 54 150 коек, подлежащих формированию в соответствии с апрельским (1942 года) постановлением ГКО. Однако и эта моя просьба осталась без внимания.

Как видно, два обстоятельства сыграли в этом деле решающую роль.

Первое — это острая нужда в людских резервах. Шли тяжелые бои на Юго-Западном направлении. Нужно было формировать новые соединения и объединения, срочно пополнять те из них, которые выводились в тыл после тяжелых боев и больших потерь в людях и технике. Я отдавал себе в этом отчет. Но был убежден в том, что резервы нужно изыскивать не столько в штатах медицинских учреждений, сколько в образцовой постановке лечебно-эвакуационного и противоэпидемического обеспечения многомиллионной действующей армии. Это мешало мне осознать, что временами создаются такие ситуации, когда обеспечение пополнениями войск в минимально короткий срок играет решающую роль. Однако, зная, какие боевые и не боевые санитарные потери несла армия, я считал, что дополнительный процент возвращения воинов в строй служит надежной гарантией поддержания на должном уровне постоянного источника

пополнения действующих войск, учитывая, что один процент — это десятки тысяч солдат и офицеров, вернее, более 140 000 человек.

Второе — я оказался в одиночестве. Его легко было объяснить защитой узковедомственных интересов. Трудно было допустить, что все, кроме меня, шли не в ногу, особенно если учесть, что среди ближайших помощников Е. А. Щаденко были люди, окончившие не только Военную академию имени М. В. Фрунзе, но и Академию Генерального штаба.

Предложения Е. А. Щаденко были приняты 23 июля 1942 года. Я очень переживал это.

* * *

В конце июля 1942 года правое крыло Западного и левое крыло Калининских фронтов предприняли Ржевско-Сычевскую наступательную операцию. Я незамедлительно выехал на Калининский фронт. Операция проводилась с целью предотвратить переброску противником войск

с Центрального на Юго-Западное направление и имела большое значение. Прошедшие дожди порядком увлажнили почву. В землянке командующего артиллерией Калининского фронта генерал-майора артиллерии Н. М. Хлебникова, который любезно предоставил мне ночлег, пол был залит водой почти на четверть метра. Наблюдательный пункт генерала Д. Д. Лелюшенко располагался на вышке, устроенной в заболоченной местности. Передвижение по делам службы я совершал верхом на коне.

Бои шли напряженные, немцы упорно сопротивлялись. Потери были большие. Вместе с начальником медицинской службы фронта А. И. Бурназяном я ознакомился с работой одного из ПМП в 78-й стрелковой дивизии. Наше стремление ознакомиться с работой батальонного медицинского пункта не увенчалось успехом. Начальник медицинской службы полка Г. Б. Пакуло трижды

▲ Полковой медицинский пункт

▲ Операционная

приносил нам красноармейскую форму, но ни я, ни А. И. Бурназян не смогли ее надеть — она была мала. После этого мы решили посидеть на вершине холма и понаблюдать за воздушным боем. Господство в воздухе было на стороне немцев. Они непрерывно вели воздушную разведку и часто бомбили расположения наших учреждений и скопления транспорта. Меня восхищали здесь спокойствие и непрерывная работа медицинского персонала, среди которого большинство составляли женщины. Своим хладнокровием они успокаивающе действовали даже на некоторых мужчин, не обладавших достаточным мужеством, столь необходимым на войне.

В одном из медсанбатов, который я посетил, передо мною предстала картина палаточного городка, где между палатками кое-где стояли носилки с ранеными. Здесь же находилось много здоровых и легко раненых красноармейцев. Обычай помогать людям в беде достоин подражания. Перевязка раненого товарища на поле боя — важное и нужное дело. Но когда здоровые бойцы покидают боевые позиции, чтобы проводить раненого до медицинского пункта, — это уже ненормальное явление. Легкораненые частично были с чистыми, только что наложенными

ми повязками, но у многих повязки были не первой свежести, грязные, в застывшей крови.

На мой вопрос, где командир медсанбата, один из работников отделения легко раненых указал рукой на одну из палаток: там, мол, он вместе с начмедармом. Я вошел в палатку, в центре которой на чурбаке сидел ко мне спиной человек и что-то писал. Перед ним стоял небольшого роста командир в хорошо пригнанной гимнастерке. Увидев меня, он сказал об этом начмедарму. Тот быстро поднялся, повернулся ко мне и сделал попытку о чем-то доложить. Но я прервал его, спросив, что он делает. Оказалось, пишет акт о состоянии дел в медсанбате. Я вынужден был сказать ему, что он не подготовлен к исполнению обязанностей начмедарма, что его долг — отвечать за работу подчиненных учреждений, устранять и исправлять на месте замеченные недостатки, а не заниматься только инспектированием и писанием актов под копиру.

— Обратитесь к начальнику медицинской службы фронта за новым назначением, — приказал я ему.

Это был один из трех случаев за всю войну, когда я прибегнул к такой крайней мере, какой является отстранение руководителя от занимаемой должности.

Командиру медсанбата было предложено всех здоровых бойцов немедленно отправить в свои части, а ходячих раненых построить и разделить на принимавших и не принимавших пищу, накормленных, в свою очередь, разделить на группы получивших и не получивших медицинскую помощь, из них первых направить в эвакуационное отделение, вторых — в приемно-сортировочное. Не принимавших пищу накормить. Командиру и его заместителю по политчасти я напомнил слова Н. И. Пирогова об организации работы главного перевязочного пункта, задачи которого в наше время выполняют ДМП, развертываемые медсанбатами.

Большие боевые санитарные потери неизбежно привлекают к себе внимание всех медицинских работников медсанбатов и ППГ. К заболевшим солдатам оно в это время ослабевает. Это явление приходилось наблюдать и на Западном фронте, куда я часто выезжал. О роли терапевта на войне мне приходилось говорить еще до войны на заседаниях терапевтических обществ в Ленинграде, а потом и в Москве. В этих выступлениях и в печати подчеркивалось, что раненый должен быть объектом внимания не только хирурга, но и терапевта. Болезни у раненых — явление нередкое. Однако они меньше всего изучались в прошлых войнах, еще меньше обращалось на них внимания во время лечения раненых. Тогда о создании терапевтических полевых подвижных госпиталей речь не шла. А ведь с увеличением действующей армии росло и количество больных. Повысить роль терапевта на войне — хорошая идея, но если она не нашла четкого воплощения в организации дела, то ее реализация носит в лучшем случае только односторонний характер.

Внутренние болезни сложны для диагностики. Молодые врачи, составлявшие большинство в полевых учреждениях, чаще всего встречались с трудностями. Изредка, но все же встречались среди них и такие, которые в солдате без повязки, пропитанной кровью, и без наложенной

на конечность шины не прочь видеть симулянта. Тем более что симулянты нет-нет да и появлялись. Но организационное несовершенство в лечении и эвакуации больных ярко выступало, бросалось в глаза и требовало дополнения в организационную структуру полевых медицинских учреждений. Напрашивалось создание в армейском звене ТППГ с надлежащими клиническими лабораториями. Укомплектование этих госпиталей врачами-специалистами, имеющими клиническую подготовку, не составляло трудностей. Задача создания терапевтических госпиталей была реальной, а поэтому и выполнимой. В декабре 1942 года на базе одного ППГ в армии было сформировано по два ТППГ на 100 коек каждый. В связи с этим все остальные ППГ превратились в ХППГ.

* * *

Мне хочется привлечь внимание читателя к подбору и назначению главных специалистов-терапевтов, в частности главного терапевта Красной Армии.

Если с подбором и назначением главных хирургов не возникало трудностей, то иначе обстояло дело

с терапевтами. С хирургами я был больше знаком, встречаясь с ними в различных условиях и по разнообразным поводам и причинам. Лучше я знал ленинградских хирургов, перед войной выступал перед ними. И только однажды выступил перед ленинградскими терапевтами с докладом «О роли терапевта на войне». Мои выступления перед ленинградскими хирургами не вызвали никаких недоумений. Иначе получилось с аудиторией терапевтов. Это было весной 1941 года. Не успел я разобрать почту после возвращения из Ленинграда, в кабинет вошел незнакомый мне пожилой человек среднего роста и более чем упитанный, профессор Роман Альбертович Лурия. Он стал упрекать меня за непочтительность к московским терапевтам, которая, оказывается, выразилась в том, что я сделал доклад не в Москве, а в Ленинграде.

— Извините, пожалуйста, — сказал я. — Но, поступив так, я выполнял долг ленинградца и, кроме того, просьбу Ланга и сотрудников его клиники, которые заинтересовались изучением заболеваний военнослужащих. Поверьте, это совсем

не в обиду московским терапевтам.

— Тогда соблаговолите повторить доклад в московском обществе терапевтов, — не очень любезно попросил Лурия.

— Но я не могу повторяться, профессор, — попытался я отказаться. — Мне будет казаться, что сидящие в аудитории все, что я буду говорить, уже слышали. С этим чувством мне трудно совладать.

Мои доводы ни к чему не привели. Я был вынужден согласиться. Определенную роль в этом сыграл рассказ Романа Альбертовича об одном случае, который произошел в Казани, где он заведовал терапевтической клиникой в Институте усовершенствования врачей и был его директором. Учитель Лурия профессор Засецкий, руководивший терапевтической клиникой, как-то занемог и попросил своего ученика посмотреть его и, если потребуется, взять на себя труд лечащего врача. Незамедлительно явившись к нему, Роман Альбертович осмотрел больного, назначил ему постельный режим, лекарства. Стал прощаться с ним, желая ему быстрого выздоровления. Но не тут-то было. Пациент

▲ Полевой госпиталь

▲ Ланг Григорий Федорович

▲ Вовси Мирон Семенович

протянул деньги и сказал: «Роман, возьми, не обижайся, но и не обижай меня: я не верю в бесплатное лечение».

— Каково было мне, — сказал Роман Альбертович, — его ученику, да еще директору Института усовершенствования врачей! Я вспыхнул, готов был наговорить ему дерзостей, но в это же время пристально посмотрел ему в глаза и увидел в них неподдельную печаль и едва заметную надежду на выполнение своей просьбы. Мой гнев сменился на милость. Я был вынужден взять деньги и выполнить роль частнопрактикующего врача.

Прощаясь со мною, мой собеседник провел аналогию между моим нежеланием повторить доклад и положением, в котором он оказался.

Так впервые я встретился с московскими терапевтами, среди которых мне были известны только некоторые. К их числу относились профессора, имена которых мне были зна-

комы по учебникам и руководствам, а также по встречам на различных совещаниях за короткий период моего предвоенного руководства ВСУ.

Решая вопрос о подборе кандидата на должность главного терапевта Красной Армии, я решил посоветоваться с ленинградским профессором, широко известным клиницистом Г.Ф. Лангом. Позвонил ему. Он попросил у меня сутки на размышление и ровно в это же время на другой день позвонил мне и сказал, что может рекомендовать только одного кандидата — профессора Мирона Семеновича Вовси. Я поблагодарил Георгия Федоровича и долго находился в раздумье. Я совершенно не знал Вовси. Но не это меня озадачило, а другое. Почему он не рекомендовал других известных профессорско-клиницистов, более молодых и подвижных, в том числе своего ученика, уже тогда зарекомендовавшего себя научными работами по заболеваниям печени и желчных путей профессора

А.Л. Мясникова, который с 1932 года стал, как и многие другие, руководителем кафедры внутренних болезней сначала в Новосибирске, в Институте усовершенствования врачей, а потом уже в Ленинграде, в 3-м Медицинском институте, на базе которого была организована Военно-морская медицинская академия, где он продолжал заведовать терапевтической клиникой. Что это, думал я, результат особой личной симпатии к профессору М.С. Вовси? Нет, этого быть не может. Слишком важна рекомендация, чтобы в ее основе лежали элементы личного, а не делового порядка. В данном случае вернее предположить другое, а именно личные качества кандидатов. Они определяют характер человека и обуславливают подход к решению научно-практических вопросов клинической медицины, выбор методов ее развития, этические нормы поведения и отношение руководителя научного коллектива к больным.

Г. Ф. Ланг окончил в 1889 году Военно-медицинскую академию, через несколько лет защитил докторскую диссертацию, работал ординатором и заведующим отделением городской больницы до 1919 года. Он хорошо познал цену врачу, который обладает даром клинического мышления и логикой рассуждения у койки больного, как правило, исключая грубые ошибки в диагностике заболевания, его течения и лечения. Эти качества врача не приобретаются без душевного отношения к больному, без умения воспользоваться словом, имеющим большое значение в моральной поддержке, и, наконец, без большого трудолюбия, граничащего с подвижничеством. Перейдя на профессорско-преподавательскую деятельность, Ланг не изменил своего отношения к больному, который продолжал оставаться в центре его внимания. Этим требованиям к руководителю-клиницисту, как видно, больше всего отвечал профессор М. С. Вовси.

Я безоговорочно поддержал эту кандидатуру и ее выбор рассматриваю как исключительную удачу. Мирон Семенович полностью оправдал доверие. Он был блестящим главным терапевтом Красной Армии.

В 1942 году, кроме кровопролитных боев на Сталинградском и Северо-Кавказском, а вслед за ними и на Кавказском направлениях, упорные бои проходили в районах Ленинграда, Демянска и Воронежа. Под Ленинградом они начались в начале июня и с двухмесячным перерывом продолжались по 6 октября. Схватки были упорными, так как обе стороны готовились к решительным действиям. Гитлеровцы, перебросив 11-ю армию (без одного корпуса) из Крыма, ставили задачу захватить Ленинград и соединиться с финскими войсками. Наши войска должны были деблокировать Ленинград. Ни одна из сторон поставленных целей не достигла, но обе понесли большие потери.

В районе Демянска бои начались в начале мая и после месячного перерыва в июне закончились в октябре. Они тоже носили ожесточенный

характер. Наши войска, окружив еще зимой 16-ю немецкую армию, ставили целью разгромить ее, враг же в летней кампании решил завершить окружение 39-й армии Калининского фронта, а также встречными ударами частью сил 16-й армии из района Демянска на Ржев и из района Оленино, Ржев, на Осташков отрезать и окружить наши соединения, расположенные западнее Демянска, Осташкова, Оленина.

30 июля началась Ржевско-Сычевская операция. Войска Калининского и Западного фронтов прорвали оборону 9-й немецкой армии и потеснили вражеские войска к железной дороге Ржев — Вязьма, угрожая перерезать ее. Противник был вынужден перебросить сюда дополнительные силы. Бои шли до 6 сентября. Гитлеровцы понесли большие потери убитыми и ранеными, но и наши войска имели немалые потери.

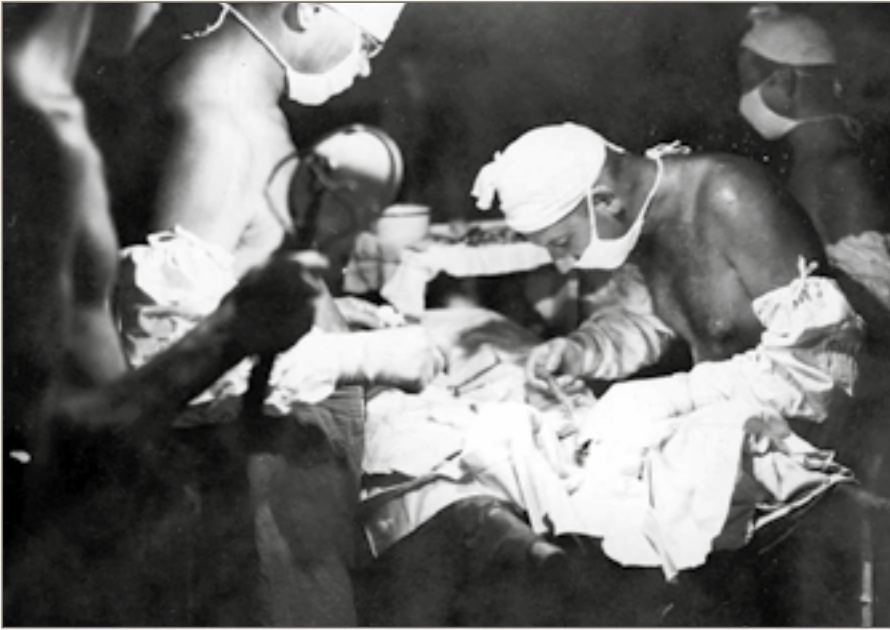
В июле 1942 года войска Брянского и Воронежского фронтов нанесли ряд ударов по противостоящим силам противника, а в августе Воронежский фронт захватил плацдармы на правом берегу Дона и во второй половине сентября занял южную и юго-западную окраины Воронежа. Эти операции сопровождалась также значительными боевыми санитарными потерями.

В период этих событий должно было проводиться выполнение предложений Б. А. Щаденко о сокращении коечной сети, возложенное главным образом на нарком здравоохранения СССР. Нарком Г. А. Митерев 11 августа 1942 года предложил свой план мероприятий по расформированию и свертыванию госпиталей. Находясь в затруднительном положении, он решил взять за основу не число фактически развернутых коек, о котором шла речь в докладе И. В. Сталину, а их число, предусмотренное всеми решениями, которые были невыполнены на 210 780 коек. Кроме того, он предлагал провести эти мероприятия в течение 45 дней, а не к 1 сентября. Е. А. Щаденко не согласился с этими отступлениями от решения ГКО.

25 сентября Г. А. Митерев был вынужден доложить А. И. Микояну о том, что Наркомздрав фактически не может выполнить предложений Е. А. Щаденко и что ГВСУ должно было к 22 сентября 1942 года освободить, но не освободило от раненых 205 000 коек. В ближайшее время перспектив на их освобождение он не видел. По его данным о загрузке коек на 20 сентября, свободных коек в тылу страны было 46 670. В числе 155 317 свободных коек во фронтовом тыловом районе 30 000 находилось в Ленинграде, 15 000 — в Закавказье, 5000 — в Архангельской области и 16 000 — в Астрахани. Всего в перечисленных местах было 66 000 коек. Эти койки нельзя было просто сократить. Из 46 670 свободных коек в тылу страны не было ни одной в эвакуогоспиталях Вологодской, Кировской, Горьковской, Саратовской областей, Удмуртской и Башкирской АССР, Омской и Молотовской областей. Г. А. Митерев докладывал, что очень мало их в Московской, Ивановской, Ярославской, Рязанской, Архангельской, Новосибирской областях. Таким образом, загруженность госпиталей ранеными настолько велика, что проведение расформирования госпиталей и их свертывание было невозможным. Нарком просил перенести проведение этих мероприятий до 1 декабря 1942 г.

Такой доклад, естественно, вызвал недоумение у А. И. Микояна. Ведь его автор в свое время настойчиво и без каких-либо колебаний поддерживал предложения Е. А. Щаденко о расформировании и свертывании госпиталей. А. И. Микоян обратил внимание Г. А. Митерева на попытку прекратить расформирование госпиталей в силу каких-то новых расчетов и потребовал выполнения приказа, подписанного Г. А. Митеревым и Е. А. Щаденко. В действительности никаких новых расчетов не было. Количество боевых санитарных потерь, начиная с июля, стало резко возрастать, достигнув в августе самой высокой цифры с начала Великой Отечественной войны. Кроме того, на 1 августа было

▲ Полевая медицина

свернуто или находилось в движении 10%, а на 1 сентября — 11% коек в ЭГ. Было ясно, что подход аппарата Е. А. Щаденко к обоснованию потребности в коечной сети был ошибочен. Возникновению боевых санитарных потерь присуща неравномерность и по месяцам, которая проявляется в широких пределах и обуславливает то большую, то меньшую занятость коечной сети. С помощью арифметических расчетов предвидеть ее нельзя. Количество коек, находившихся в свернутом состоянии, определялось напряженностью военных действий. Не учитывать этого — означало пренебрегать научным подходом к организации лечебно-эвакуационного обеспечения боевых действий войск.

На 13 сентября 1942 года свободных коек в тылу страны насчитывалось 75 000, а во фронтовых районах — 170 000.

Такое состояние дел со свободной коечной сетью не удовлетворяло потребностей действующей армии. ГВСУ было вынуждено обратиться к начальнику Генштаба А. М. Василевскому с просьбой доложить И. В. Сталину и просить его не только прекратить свертывание и расформирование ЭГ, но незамедлительно приступить к дополнительному их формированию.

6 октября 1942 года начальник Генштаба А. М. Василевский и начальник Тыла А. В. Хрулев обратились к И. В. Сталину с просьбой прекратить дальнейшее расформирование и свертывание ЭГ и дополнительно развернуть 125 000 коек. Вскоре после этого я был у А. И. Микояна. Речь шла о решении вопросов лечения и эвакуации раненых в дальнейшем. Предложение о дополнительном развертывании 125 000 коек Государственным Комитетом Обороны было принято. Койки были развернуты к концу 1942 года. Трудности с госпитализацией раненых продолжали существовать. Зимой 1942/43 года, как и минувшей зимой, проходили успешные наступательные действия наших войск, сопровождавшиеся в декабре и январе боевыми санитарными потерями выше среднемесячных.

Для того чтобы в ЭГ достичь июльского количества коечной сети, ГКО на протяжении 1943 года выносил пять постановлений о дополнительном развертывании ЭГ, в результате чего за 1943 год было развернуто 359 000 коек.

Для обеспечения надлежащего лечения раненых и больных партийными, советскими и профсоюзными организациями, органами здравоохранения, организациями Красного

▲ Зетиллов Михаил Яковлевич

Креста и Красного Полумесяца была проделана гигантская работа. С начала войны по 1 ноября 1944 года были сформированы госпитали на 1 914 130 коек, из них потеряно в результате военных действий, расформировано и передано другим ведомствам и организациям на 723 675 коек. В это число не вошли 61 400 коек, которые были переданы НКВД для лечения военнопленных. Здесь уместно сказать о том, что И. В. Сталин проявил особый интерес к организации лечения военнопленных, особенно после окончания Сталинградской битвы, когда среди них было много больных, страдавших дистрофией и сыпным тифом. Для руководства медицинским обслуживанием военнопленных в НКВД была организована специальная медицинская служба, во главе которой в феврале 1945 года был поставлен генерал-лейтенант медицинской службы М. Я. Зетиллов. Михаил Яковлевич отличался аккуратностью и собранностью, завидным знанием порученного дела, чувством ответственности и высокими моральными качествами. С начала войны и до мая 1944 года он занимал должность помощника начальника ВСУ Западного (3-го Белорусского) фронта. После работы в НКВД Зетиллов в 1951 году был назначен на должность начальника

Управления медицинской службы Военно-Воздушных Сил — заместителя начальника ГВСУ по авиации. Будучи еще в системе НКВД, он часто докладывал мне о состоянии дел, об интересе И. В. Сталина к вопросу лечения военнопленных.

Совнарком в 1945 году обязал Наркомздрав СССР и совнаркомы союзных республик реорганизовать 342 эвакуогоспиталя на 95 000 коек в госпитали для лечения инвалидов Отечественной войны, а ВЦСПС реорганизовать 38 госпиталей в санатории для них на 10 000 мест. Он распорядился также выделить 15 000 коек для лечения репатриантов — мужчин, женщин и подростков, насильно угнанных из временно оккупированных районов Советского Союза на рабский труд в Германию. Многие из них нуждались в серьезном и длительном лечении.

Пристальное внимание ГКО к обеспечению всем необходимым для организации лечения раненых и больных солдат и офицеров действующей армии позволяло преодолевать многочисленные трудности объективного и субъективного порядка. Формирование более чем 2 000 госпиталей для лечения раненых было связано с переоборудованием для них зданий. В довоенный период были приспособлены дома только для тех госпиталей, которые предназначались к формированию, но их количество составляло менее одной трети потребности, возникшей в ходе войны. Не все обстояло гладко и с обеспечением госпиталей мягким и жестким инвентарем, а также медицинским оборудованием. Слишком резко и быстро возросла потребность в этом имуществе. Поэтому были задержки в оснащении, неурядица в укомплектовании госпиталей кадрами врачей-специалистов хирургического профиля, что особенно касалось специализированных госпиталей и отделений. Пришлось производить укомплектование с учетом наличия врачей-хирургов в стране. Больше того, возникла необходимость сократить некоторые штатные должности врачей.

Не меньшие трудности приходилось преодолевать для обеспечения госпиталей транспортом и обслуживающим персоналом. Для того чтобы вовремя выгрузить тяжело раненых из прибывающих военно-санитарных поездов, перенести их в машины, а из машин в госпитали, нужны были команды носильщиков и транспорт. Чтобы не задерживать военно-санитарные поезда на станциях, распределительные и местные эвакуопункты Наркомата обороны заблаговременно ставили в известность о времени прибытия поездов соответствующие органы здравоохранения.

Неоценимую услугу в деле организации лечения раненых в госпиталях оказывали местные организации Комитета помощи раненым, организации Красного Креста и Красного Полумесяца, профсоюзные организации и руководители хозяйственных организаций. Когда речь идет о более чем 2 000 ЭГ с сотнями тысяч раненых, об организации лечения и эвакуации, когда работа должна осуществляться без перебоев и прерывистости, тогда только активное участие широких масс трудящихся решает успех дела. Это участие обществу обеспечивалось советским государственным и общественным строем и руководящей ролью Коммунистической партии.

В конце декабря 1941 года ППГ перешли на единую штатную структуру с численностью личного состава 76 человек, где было 6 врачей и 18 операционных сестер. Войсковые госпитали, или, как их еще называли, госпитали 1-й линии, в штатном отношении были уравнены с армейскими. Количество личного состава сократилось. Но возможность маневра резко возросла. Любой госпиталь мог быть направлен и направлялся на усиление тех медсанбатов, где большой поток раненых не давал возможности своевременно оказывать им квалифицированную хирургическую помощь. Несмотря на то что в штатах медицинских подразделений дивизий число врачей сократилось с 42 до 27, общая потребность в них, особенно в хирур-

гах, возрастала по мере роста числа танковых и механизированных корпусов и армий.

Были произведены сокращения численности штатов сестер в медицинских подразделениях стрелковых полков и лечебных учреждениях армейского и фронтового подчинения.

Возможно ли было в этом большом, многогранном и сложном деле допустить отдельные ошибки? Конечно, возможно. Но это были «сбои» в правильной системе использования людских континентов и материальных средств, а не система ошибок, способная в условиях вооруженной борьбы привести к катастрофе. Все, что соответствовало требованиям обеспечения победы над фашистскими захватчиками, мобилизовало советский народ на напряженный труд в тылу и ратный и трудовой подвиг на фронте, сохранялось и совершенствовалось. Все неизбежные ошибки быстро всплывали на поверхность и поэтому быстро исправлялись.

В ходе войны медицинская служба оснащалась техникой, особенно с передачей ей в начале войны банно-прачечного дела. Ремонт техники обусловил создание в ГВСУ в марте 1944 года ремонтных баз. Штатная численность базы составляла 76 военнослужащих. В это же время был сформирован Центральный склад санитарно-хозяйственного имущества и банно-прачечного оборудования. Формировались и учреждения противэпидемической службы.

Усиление отпора вражеским полчищам, сопровождавшееся ростом фронтовых и армейских объединений, диктовало ускорение формирования полевых медицинских учреждений. Боевые действия войск проходили в условиях невиданных ранее плотностей ружейно-пулеметного, артиллерийского огня и авиационных ударов, вследствие чего соотношение между числом убитых и раненых изменилось в сторону увеличения первых. Однако абсолютное количество раненых резко возросло. Хорошая организация их лечения в полевой медицинской службе являлась главным условием в успешном

▲ Куприянов Петр Андреевич

восстановлении их боеспособности. Работа по формированию учреждений легла на плечи работников военно-медицинских органов и учреждений, а их сколачивание на аппараты начальников медицинской службы фронтов и армий и соответствующих специалистов, в частности главных хирургов фронтов, армейских хирургов и инспекторов-хирургов эвакуационных пунктов. От их специальных и военных знаний во многом зависел успех лечения и эвакуации раненых в действующей армии и за ее пределами.

В Великой Отечественной войне раненых было намного больше, чем больных. Количество их определялось соотношением сил и средств противоборствующих сторон и скла-

дывающейся боевой обстановкой. А она была динамичной, изменчивой. В этом значительную роль играло все возрастающее в нашу пользу соотношение сил в людях, танках, самоходных артиллерийских установках, артиллерии и авиации как общее, так и на направлениях главных ударов в наступательных операциях. Но это только материальная часть вооруженной борьбы. Она очень важна. Но не менее важной частью в соотношении сил противоборствующих сторон являются моральные и профессиональные качества солдат, офицеров и генералов. Сознание цели, идейно-политической основы борьбы, стойкость и мужество, храбрость и отвага, зна-

ния и искусство в управлении войсками и координировании действий родов войск играют исключительно большую роль в деле победы.

Все эти факторы обуславливали количественную сторону появления пораженных в боях и операциях. Правильное понимание их играет важную роль в организации медицинского обеспечения боевых действий войск и является характерной особенностью военной медицины и ее важнейшего раздела — военно-полевой хирургии. Это один из важнейших выводов, который нам следовало сделать из опыта Великой Отечественной войны.

Следующий вывод — нужно обязательно учитывать, что части, соединения и объединения в боях и операциях несут неодинаковые и неодновременно возникающие потери в живой силе. Чем сильнее по огневой мощи и подвижности средства борьбы противоборствующих сторон, тем резче и многограннее они сказываются на боевых санитарных потерях. Кроме этого, они оказывают влияние на организационное построение, подвижность и подчиненность медицинских учреждений военной медицины, а также на применение принципов работы военно-полевой хирургии.

Далее, явно не хватало хирургов общего профиля и специалистов по лечению тех боевых повреждений органов и тканей, лечением которых в условиях мирного времени занимается незначительное по сравнению с требованиями военного времени число врачей и среднего медицинского персонала. Это нельзя было не учитывать.

Следовало постоянно помнить, делали мы очередной вывод, что военная медицина имеет дело с солдатами и офицерами, которые в условиях действующей армии подвергаются исключительно большому физическому и нервно-психическому напряжению, резко понижающему сопротивляемость организма, ведущему к осложнениям течения повреждений, требующему как можно быстрее оказывать пораженным в боях первую квалифицированную меди-

цинскую помощь и обеспечивать им покой. Выполнение этих требований крайне необходимо для ускорения сроков лечения, снижения инвалидности и смертности среди пораженных.

И наконец, пожалуй, одно из главнейших положений, к которому мы все пришли в годы войны: военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опытными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения. А их было возвращено за всю войну более 10 миллионов. 300 тысяч человек только из числа раненых, контуженых, обмороженных и обожженных. Особо следует подчеркнуть, что начиная с 1 января 1943 года из каждой сотни пораженных в боях 85 человек возвращались в строй из медицинских учреждений войскового, армейского и фронтового районов и только 15 человек из госпиталей тыла страны.

И это при условии, что призванные на войну из запаса и составляющие основную массу медицинского состава действующей армии либо совершенно не были знакомы с военно-полевой хирургией, либо

знали ее очень слабо, не имели опыта. Да что говорить о них, если с некоторыми тонкостями этой дисциплины были мало знакомы даже военные врачи. В Военно-медицинской академии на это не обращалось должного внимания ни на кафедре организации и тактики медицинской службы, ни на кафедре военно-полевой хирургии.

Что же касается руководящего состава, организаторов и врачей-специалистов, в первую очередь хирургов армейского и фронтового звеньев, а также эвакуационных пунктов, то и они в своем большинстве не готовились к такой сложной и многогранной работе. А размах боевых действий и количество действовавших фронтов и армий уже к началу контрнаступления под Москвой приняли гораздо большие размеры, чем в начале Великой Отечественной войны.

К такой категории людей относился, в частности, армейский хирург 56-й армии Северо-Кавказского фронта майор медицинской службы В. Л. Хенкин. В 1926 году он окончил медицинский факультет университета в Ростове-на-Дону, восемь лет служил в армии. С началом Великой Отечественной войны Хенкин был призван из запаса и первые месяцы войны работал начальником хирургического отделения эвакогоспиталя

Южного фронта, потом был хирургом-инспектором эвакуационного пункта и армейским хирургом 56-й армии. В знании общей хирургии ему нельзя было отказать. Но с военно-полевой хирургией дело обстояло у него хуже. В начале сентября 1943 года он принял участие в хирургической конференции Северо-Кавказского фронта. Прослушав его доклад, я был вынужден выступить на конференции, по существу, только с разбором его доклада.

Главные специалисты фронтов, армий и эвакуационных пунктов должны были вести и вели походный и напряженный до предела образ жизни. Только благодаря этому вновь сформированные медицинские учреждения сравнительно быстро становились работоспособными, хорошо слаженными учреждениями. Можно без преувеличения сказать, что солдаты и офицеры, получившие ранения в боевых условиях, знали, что они в полевых лечебных учреждениях встретят внимание и заботу, которые помогут им освободиться от нервного напряжения и неимоверной усталости, а деловая обстановка в операционно-перевязочном блоке, где работает высококвалифицированный ведущий хирург, укрепляла их веру в быстрое восстановление боеспособности. ■

▲ Эвакуация на собачьих упряжках

80 ЛЕТ ВОЕННО-ВОЗДУШНОЙ АКАДЕМИИ ИМ. Ю. А. ГАГАРИНА

29 марта 2020 года исполнилось 80 лет прославленной в боях и сражениях Великой Отечественной войны Военно-воздушной Краснознаменной, ордена Кутузова 1-й степени академии имени Ю. А. Гагарина.

Легендарные, бесстрашные советские летчики, сталинские соколы, питомцы академии в годы Великой Отечественной войны громили в небе России и Европы «бриллиантовых тузов» — асов люфтваффе третьего рейха, в яростных штурмовых воздушных атаках крушили танковые колонны врага, наносили мощные бомбовые удары по важным военно-промышленным целям и объектам врага в глубоком тылу. Били японских самураев в знойном небе Маньчжурии. Они сражались в небе республиканской Испании, воевали в небе Кореи и Китая. Прославленную кузницу военно-воздушных кадров закончили 747 Героев Советского Союза.

Военно-воздушная академия имени Ю. А. Гагарина прошла большой и славный путь, насыщенный важнейшими событиями и творческими свершениями. Она росла и крепла вместе с нашей Советской страной и ее Вооруженными Силами. В истории академии, как в зеркале, отразилась история советской авиации, история подготовки для нее кадров и развития военной науки. В советских Военно-воздушных силах практически не было такой воинской части, где бы ни служили воспитанники академии. Они успешно осваивали свои функциональные обязанности, умело организовывали боевую подготовку и воспитание подчиненных. Получив глубокие знания и закрепив летные навыки, питомцы академии постоянно совершенствовались командирское мастерство, становились руководителями и наставниками больших воинских коллективов.

Имя академии хорошо известно не только в нашей стране, но и за ее пределами. Выполняя важную интернациональную задачу, в академии получили высшее военное образование большой отряд офицеров ВВС

братских социалистических армий. Выпускники академии из армий социалистических стран стали основным ядром руководящего состава национальных ВВС Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Германской Демократической Республики, Кубы, Монголии, Польши, Чехословакии.

Питомцы академии с теплотой вспоминают о годах своей учебы, о военных педагогах, обучавших их. Трижды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации (с 1987 маршал авиации) И. Н. Кожедуб в 1975 году говорил:

«Свыше четверти века прошло с того памятного дня, когда нам вручили дипломы об окончании Военно-воздушной академии... И теперь всякий раз, когда мы, ее воспитанники, встречаемся вместе, непременно, с теплотой и любовью вспоминаем тех, кто дал нам теоретические знания, так необходимые для решения всевозрастающих задач, стоящих перед нашими Военно-воздушными силами...»

Об академии тепло говорил дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт СССР Г. Т. Береговой:

«Для нас, летчиков-космонавтов СССР, воспитанников академии, она явилась стартовой площадкой, с которой мы, основательно вооружившись знаниями, вступили на путь освоения космического пространства».

Выпускники академии дважды Герои Советского Союза А. Н. Ефимов и А. И. Колдунов, Герой Советского Союза А. П. Силантьев и П. С. Кирсанов стали маршалами авиации. Александр Иванович Колдунов — главнокомандующим войсками ПВО, Александр Николаевич Ефимов — первым заместителем главнокомандующего ВВС.

Видными авиационными командирами и начальниками стали выпускники академии В. А. Алексенко, А. Е. Боровых, Л. И. Беда, И. Д. Гайдаенко, С. Д. Горелов, С. Я. Жуковский, А. Л. Кадомцев, А. Н. Катрич, А. Н. Медведев, Ф. И. Шинкаренко и другие. Воспитанниками академии являются летчики-космонавты Г. Т. Береговой, П. И. Беляев, Г. Т. Доб-

ровольский, А. А. Губарев, А. В. Филлипченко, В. А. Шаталов. Многие офицеры авиаторы, закончившие академию, стали летчиками-испытателями или штурманами-испытателями. Среди заслуженных летчиков СССР и заслуженных штурманов СССР более 70 процентов — выпускники академии.

Военно-воздушная академия им. Ю. А. Гагарина — высшее военно-учебное заведение Вооруженных сил России, предназначенное для подготовки командных кадров по различным авиационным специальностям; научный центр по разработке проблем оперативного искусства Военно-Воздушных Сил, тактики родов и видов авиации.

Построение нового общества в СССР проходило в условиях враждебного капиталистического окружения. Международная обстановка второй половины 30-х годов характеризовалась чрезвычайной напряженностью, выразившейся в усилении неравномерности развития империалистических государств и обострении противоречий между ними, в росте милитаризма, гонке вооружений, развязывании захватнических войн.

Во главе воинствующей империалистической реакции выступили гитлеровская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония. Образовав пресловутую ось Берлин — Рим — Токио и подписав так называемый Антикоминтерновский пакт, они приступили к реализации своих агрессивных планов. В этом им всячески способствовали правящие круги США, Англии, Франции, которые вели политику поощрения агрессоров и нейтрализации усилий Советского Союза, направленных на создание системы коллективной безопасности.

Началась вторая мировая война, пламя которой бушевало непосредственно у границ Страны Советов. Перед лицом надвигающейся угрозы военного нападения военно-политическое руководство Советского госу-

дарства предприняло решительные меры, направленные на дальнейшее укрепление обороноспособности страны и подготовку к отражению возможной агрессии. Пророческие слова В.И. Ленина, что: «...первой заповедью нашей политики, первым уроком... который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это – быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске».

В широком комплексе важных мер по укреплению Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Красного Военно-Морского Флота большое внимание уделялось ускоренному развитию и совершенствованию Военно-воздушных сил. Быстро рос количественно и улучшался качественно их самолетный парк. Созданная в годы

первых пятилеток отечественная авиационная промышленность к началу 1940 года увеличила почти в семь раз производство боевых самолетов по сравнению с 1930 годом. На вооружение авиации стали поступать новые типы истребителей – МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и другие. Созданные талантливыми конструкторами С. В. Ильюшиным, С. А. Лавочкиным, А. И. Микояном, В. М. Петляковым, А. С. Яковлевым, эти самолеты не только не уступали, но по некоторым показателям превосходили лучшие зарубежные образцы.

По мере развития ВВС становилась все более ощутимой потребность в создании нового высшего военно-авиационного учебного заведения. Нужна была военная академия для подготовки высококвалифицированных авиационных

командиров, разработки актуальных проблем оперативного искусства и тактики Военно-Воздушных Сил. Тем самым было бы завершено создание стройной системы подготовки военно-авиационных кадров, способной удовлетворять постоянно возрастающие потребности советских ВВС.

В соответствии с указаниями военно-политического руководства Советского Союза Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов 29 марта 1940 года подписал приказ, который гласил:

«1. Выделить из состава Военно-воздушной ордена Ленина академии имени профессора Н. Е. Жуковского факультеты: оперативный, командный, заочный командный, штурманский и КУНС ВВС в самостоятельную академию.

2. Присвоить вновь организуемой академии наименование «Военно-

▲ Летчики и штурманы

▲ Командование академии 1940 год

воздушная академия командного и штурманского состава ВВС Красной Армии...»

Создание Военно-воздушной академии командно-штурманского состава ВВС Красной Армии явилось одним из важных шагов, направленных на укрепление обороноспособности Советского государства, в условиях начавшейся II мировой войны. Академия представляла собой первое в мировой практике высшее военно-учебное заведение, предназначенное для подготовки руководящих командных кадров летной специальности.

Местом расположения академии был выбран находящийся в Подмоскovie посёлок Монино. Строительные работы по развёртыванию здесь авиационного гарнизона начались еще в 1929 году и продолжались в 1930-е годы. Формирование академии велось в сжатые сроки. Особое значение придавалось разработке организационной структуры академии, формированию аппарата управления, подбору и расстановке кадров.

Академия была создана на базе командного, оперативного и штурманского факультетов и курсов усовершенствования начальственного состава Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского. До 1946 года именовалась Военной

академией командного и штурманского состава ВВС Красной Армии (ВАКШС ВВС КА).

Вся деятельность по развёртыванию академии проводилась под контролем и при поддержке Генерального штаба РККА и Главного управления ВВС Красной Армии. Действенную помощь молодой академический коллектив получал от высших военно-учебных заведений, и прежде всего от Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского, Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе и Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

При формировании академии в ее состав влились оперативно-тактические кафедры командного и специальные кафедры штурманского факультетов. Помимо этого, было создано шесть новых кафедр, а всего их было пятнадцать.

Не простой оказалась задача укомплектования кафедр профессорско-преподавательским составом. Специалистов, выделенных для этих целей академией имени профессора Н.Е. Жуковского, было недостаточно. По указанию Главного управления ВВС РККА нехватка преподавателей восполнялась, прежде всего, за счет отбора и направления в академию опытных и теоретически подготовленных командиров соединений

и частей, а также наиболее квалифицированных преподавателей авиационных училищ.

Для обеспечения летной тренировки слушателей и преподавателей в мае – июне 1940 года был сформирован учебный авиационный полк в составе пяти эскадрилий.

Летная программа на 1940/41 учебный год предусматривала налет на каждого слушателя командного факультета: на первом курсе – 22, втором – 33 и на третьем – 20 часов. Слушатель штурманского факультета за время учебы в академии должен был налетать 92 часа, а оперативно-го – 44 часа.

В соответствии с Уставом высшей школы 19 сентября 1940 года был образован Совет академии в составе 48 человек. В него вошли начальник академии и его заместители, начальники факультетов, кафедр, отделов и служб, командование учебного авиационного полка, а также видные специалисты – преподаватели профилирующих дисциплин. Совет стал важным коллективным органом при решении вопросов, имеющих принципиальное значение для жизни и деятельности академии.

Первым начальником Военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии был назначен генерал-майор авиации Зиновий Максимович Померанцев, участник Гражданской войны, боевой лётчик, выпускник Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе, до этого возглавлявший Военно-воздушную академию имени профессора Н.Е. Жуковского. Военным комиссаром новой академии стал дивизионный комиссар Михаил Иванович Изотов, участник Гражданской войны, воспитанник Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

Продолжительность обучения на командном и штурманском факультетах составляла три, а на заочном — четыре года. Поступающие в академию командиры должны были иметь среднее общее и военное либо военно-авиационное образование, трёхлетний стаж в командной должности, положитель-

ную аттестацию, а также подходить по состоянию здоровья для лётной службы. Абитуриенты сдавали вступительные экзамены в объёме программы средней общей и военной школы.

В августе-сентябре 1940 года приёмная комиссия академии произвела набор слушателей на первые курсы командного, штурманского и заочного факультетов.

Общий контингент переменного состава академии, включая различные курсы, определялся в 2 240 человек. На командном факультете должно было обучаться 450 командиров, на штурманском – 150, заочном – 1 100, оперативном – 100 и на курсах усовершенствования – 440 командиров. Такое большое число обучающихся свидетельствовало о том, насколько велика была потребность Военно-воздушных сил в квалифицированных командных

кадрах, а значит, и в военно-учебном заведении, призванном заниматься их подготовкой.

1 октября 1940 года в 9 часов утра начался первый учебный год. Рабочий день академии отличался высокой трудовой интенсивностью. Его общая продолжительность у слушателей равнялась 12 часам. Из них семь часов составляли учебные занятия, в том числе в последний час (с 15.00 до 16.00) проводилась строевая или физическая подготовка. Пять часов отводилось на самостоятельную работу. Почти все слушатели жили в общежитиях. Подъём был в 7.00, а отбой – в 24.00. В период экзаменов разрешалось делать отбой в 2 часа ночи. Рабочим днем преподавателей считалось время от 9.00 до 17.00, а для остального постоянного состава – до 18.00. Библиотека была открыта с 14.00 до 22.00.

Учебными планами и программами предусматривалась широкая оперативно-тактическая, штурманская и огневая подготовка. Считалось, что питомцы академии должны в первую очередь твердо знать основы общевойскового боя, хорошо понимать место и роль военно-воздушных сил в бою, операции и войне в целом. Большое внимание уделялось изучению борьбы за господство в воздухе, выработке у слушателей умения в сложной боевой обстановке наладить надежное и гибкое управление авиационными частями и соединениями и их взаимодействие с другими видами и родами войск. Первостепенной задачей считалось глубокое изучение слушателями академии авиационной техники и оружия, овладение летным и штурманским мастерством.

Особо важное значение придавалось идейной закалке будущих

▲ Померанцев З.М.

▲ Постановка боевой задачи

командиров-летчиков и штурманов. Ставилась задача подготовить настоящих патриотов, стойких и решительных защитников социалистической Родины, способных сплотить, организовать и повести за собой подчиненных на выполнение боевых заданий командования.

Вскоре после начала учебного года в руководстве академии произошли значительные изменения. В конце октября 1940 года на должность начальника академии был назначен генерал-лейтенант авиации Федор Константинович Арженухин – молодой талантливый авиационный военачальник, работавший до этого заместителем начальника Штаба Военно-воздушных сил РККА, активный участник Гражданской войны и гражданской войны в Испании, член партии с 1924 года. Заместителем начальника академии являлся генерал-майор авиации Л. И. Нарышкин. Несколько позже его сменил участник легендарного перелета через Северный полюс доктор географических наук Герой

Советского Союза генерал-майор авиации А. В. Беляков, штурман знаменитого экипажа, командиром которого был В. П. Чкалов.

Непродолжительное время академию возглавлял генерал-лейтенант авиации Ф. А. Астахов, впоследствии — маршал авиации и начальник Главного управления Гражданского воздушного флота СССР. В августе 1942 года в командование академией вступил генерал-майор авиации (с начала 1943 г. генерал-лейтенант авиации) Я. С. Шкурин.

В июле 1944 г. начальником академии был назначен виднейший военный теоретик и историк, один из основоположников оперативного искусства ВВС, опытный педагог, автор многочисленных научных трудов, доцент генерал-лейтенант авиации П. П. Ионов.

В лице Военно-воздушной академии командного и штурманского состава Военно-воздушных сил Красной Армии Советское государство получило новый учебный и научный

центр, плодотворная деятельность которого призвана была способствовать укреплению и развитию отечественной авиации – нового и важного вида Советских Вооруженных Сил.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

С первого дня войны Монинский гарнизон был объявлен на военном положении и приведен в боевую готовность для отражения воздушного нападения.

Начало войны резко изменило весь ход учебного процесса в академии. Классные занятия на оперативном факультете и курсах усовершенствования начальствующего состава были прекращены, и все слушатели направлены в действующую армию. На фронт отправлялись и слушатели третьего курса штурманского факультета.

За первый месяц войны в действующую армию было откомандировано около 750 человек.

▲ Здание академии

▲ Ионов П.П.

В соответствии с директивой Главного управления ВВС в штатах оставались командный и штурманский факультеты. Кроме того, был создан факультет авиационного тыла. На факультетах создавались курсы усовершенствования командного состава различных специальностей и профилей подготовки, в том числе и курсы высшего начсостава на базе расформированного в первые дни войны оперативного факультета. Ликвидировался факультет заочного обучения. Значительно увеличивался набор слушателей на первый курс обучения: на командном факультете – до 200 человек, штурманском факультете и КУНС штабного профиля – до 100 человек, факультете авиационного тыла и КУНС командного профиля – до 150 человек. Сокращались сроки обучения на основных факультетах до одного года и на курсах усовершенствования до четырех месяцев.

Изменение сроков обучения потребовало перестройки работы всех подразделений академии, пересмотра основных задач и содержания программных требований. На командный факультет возлагалась задача готовить командиров эскадрилий и заместителей командиров полков фронтовой авиации, а также командиров звеньев авиации дальнего действия, а на штурманский факультет – штурманов эскадрилий и полков всех родов авиации. Факультет авиационного тыла должен был дать подготовку своим слушателям в объеме, необходимом командирам и начальникам штабов батальонов аэродромного обслуживания.

▲ Шкурин Я.С.

После тяжелых боев под Смоленском советские войска отошли в глубь страны. Враг подходил к Москве. В этих условиях в соответствии с директивой Генерального штаба академия перебазировалась в город Чкалов (Оренбург). Первые железнодорожные эшелоны отбыли к новому месту базирования 22 июля. Местные партийные органы и исполкомы областного и городского Советов депутатов трудящихся делали все необходимое, чтобы при ограниченных возможностях высвободить необходимые площади для академии и создать ей условия, позволяющие организовать учебный процесс. Для академии были предоставлены здания средних школ, Дом Красной Армии, корпуса 1-го авиационного училища, авиатехникума, педагогического института.

Несмотря на большие трудности, академия успешно справлялась с поставленными задачами. Профессорско-преподавательский и весь личный состав академии работал с высоким патриотическим подъемом, стремясь внести свой личный вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

С июля 1941 года в академии были организованы сборы для переучивания летчиков, штурманов, стрелков-радистов и технического состава на новую материальную часть.

▲ Арженухин Ф.К.

В ходе Великой Отечественной войны всесторонней и суровой проверке подверглись советская военная доктрина и военная наука. Боевой опыт подтвердил правильность взглядов на роль и предназначение Военно-воздушных сил в войне и в то же время заставил уточнить установившиеся в довоенное время положения оперативного искусства и тактики родов авиации. Резко возросли требования ко всем видам обеспечения боевых действий частей и соединений ВВС, и особенно к штурманскому и тыловому.

Дальнейшее развитие получили способы ведения борьбы за господство в воздухе. Большое внимание стало уделяться разработке способов нанесения бомбовых ударов по различным объектам, взаимодействию авиации с сухопутными войсками, прикрытие войск и объектов от ударов вражеской авиации, ведению как одиночных, так и групповых воздушных боев, а также воздушной разведке в прифронтовой полосе и в глубоком тылу противника.

«Во славу Отчизны!» ■ № 1(9)/2020 ■ Военно-исторический альманах

▲ Штурмовая атака

Военно-воздушная академия внимательно изучала, обобщала и внедряла в учебный процесс богатый боевой опыт. «Боевому опыту – все внимание!» – этот девиз был положен в основу учебной, воспитательной и научной работы профессорско-преподавательского состава.

Наибольшую ценность представляли стажировки преподавателей в действующей армии продолжительностью полтора-два месяца. За первые полтора года войны на различных фронтах побывало около 40 офицеров, а к середине 1944 года стажировку прошли почти все преподаватели оперативно-тактических кафедр.

В целях изучения опыта войны использовались и стажировки слушателей. Перед убытием на фронт они получали задание, в котором указывались вопросы, подлежащие глубокому изучению. Стажировка совмещалась с непосредственным участием в боевых действиях. Так, 32 слушателя пятого приема штурманского факультета, находясь с 15 сентября по 3 ноября 1943 года в частях авиации дальнего действия, совершили 250 успешных боевых вылетов. После возвращения в академию стажеры представляли отчеты, которые рассматривались на кафедрах

по профилю обучения.

В 1943 году план летной подготовки командный факультет выполнил на 98 процентов, а штурманский – на 94 процента. Это был большой успех, если учесть перебои с поставкой горючего, неполную штатную укомплектованность самолетами.

В 1942–1943 годах в академии было издано большое количество учебников и учебных пособий, разработанных с учетом опыта боевых действий авиационных частей и соединений на фронтах Великой Отечественной войны.

Приказом Народного комиссара обороны от 9 декабря 1943 года были установлены новые сроки обучения: на командном факультете и факультете авиационного тыла – два года и семь месяцев, на штурманском – три года и семь месяцев. Для всех факультетов создавался дополнительный подготовительный курс с пятимесячным сроком обучения, который завершался вступительными экзаменами. Вводились государственные экзамены и защита дипломных работ.

В феврале 1944 года в связи с новым увеличением сроков обучения Военный совет Военно-воздушных сил Красной Армии уточнил задачи академии. В своем решении Воен-

ный совет отметил успехи, достигнутые в подготовке командных кадров, и потребовал от руководства академии и профессорско-преподавательского состава продолжать совершенствование учебного процесса, с тем, чтобы Военно-воздушные силы получали высокообразованных командиров, способных осуществлять организацию и управление боевыми действиями авиационных частей и соединений, вооруженных новой боевой техникой, в сложных условиях войны.

Одновременно было возбуждено ходатайство перед Государственным Комитетом Обороны о переводе академии в Монино – на прежнее место базирования. К этому времени условия работы академии несколько улучшились: увеличился аудиторный фонд, была усовершенствована учебно-лабораторная база. Продолжалось пополнение кафедр опытными преподавателями, прошедшими школу войны.

По тактике ВВС в 1944 году были введены новые темы по изучению боевых действий бомбардировочных, штурмовых, истребительных авиационных корпусов в наступательных операциях и при выполнении самостоятельных задач. На занятиях по общей тактике отрабатывались вопросы применения танковых (механизированных) дивизий и корпусов в наступлении. По курсу оперативного искусства ВВС была введена новая тема – «Организация и проведение самостоятельных воздушных операций по уничтожению авиации противника».

Важной стороной деятельности академии являлось всемерное развитие советской военной науки. В условиях Великой Отечественной войны научная работа была направлена на повышение качества подготовки слушателей для фронта, анализ и обобщение опыта боевых действий частей и соединений ВВС и внедрение его в учебный процесс, а также на оказание помощи строевым частям в распространении передового боевого опыта и быстрейшем освоении и эффективном применении новой авиационной техники.

▲ Решение боевой задачи

Фронт требовал оперативного решения многих назревших вопросов, выдачи конкретных рекомендаций войскам, и на первом этапе войны характер и формы исследований несколько изменились. Для обеспечения действующих частей материалами справочного характера, рекомендациями, полученными на основании обобщения первого опыта войны, в академии разрабатывались различные памятки и инструкции по наиболее актуальным вопросам боевого применения авиации, штабной службы и эксплуатации авиационной техники.

Объем научных исследований ежегодно возрастал. В 1942 году профессорско-преподавательский состав выполнил 89 научных исследований, из которых 40 были опубликованы как учебные пособия и статьи.

Значительно расширились тематика и объем научных исследований в 1943–1945 гг. Результаты этих исследований, проверенных в боевых условиях, использовались преподавателями академии при написании наставлений, руководств и инструкций, крайне необходимых для войск.

По заданию Генерального штаба на кафедре тактики ВВС были подготовлены «Образцы штабных доку-

ментов», которые нашли отражение в Наставлении полевой службы штабов. Кафедра участвовала в создании наставлений по боевым действиям родов авиации, которые вышли в 1944 году, а кафедра бомбардировочной подготовки – в разработке Руководства по бомбометанию (РБ-44).

Кафедра авиационного тыла академии подготовила капитальный труд «Управление тылом ВВС в усло-

виях Западного театра военных действий», который был рассмотрен на Совете академии и использован при разработке Наставления по службе тыла ВВС Красной Армии. Кафедры академии установили тесные связи с частями и соединениями действующей армии и оказывали им практическую помощь.

Два года и семь месяцев академия находилась в эвакуации. За это время на факультетах и курсах успешно завершили учебу более двух тысяч офицеров. Фронт получил достойное пополнение. Выпускники академии умело применяли полученные знания на практике в боевых условиях, многие из них командовали авиационными полками и дивизиями, вооруженными новой авиационной техникой.

23 марта 1944 года в адрес командования академии пришла телеграмма от начальника Штаба ВВС Красной Армии: «Постановлением Государственного Комитета Обороны... академия переводится в Монино...»

Во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) академия готовила кадры для действующей армии. Главное внимание уделялось глубокому изучению опыта войны, выработке у офицеров навыков организации боевых действий ави-

▲ Экзамены

ационных подразделений, частей и соединений. Многие выпускники академии за боевые отличия удостоены звания Героя Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны в полной мере раскрылись боевые возможности наших Военно-воздушных сил как самостоятельного вида Вооруженных Сил. Главные усилия авиации в войне были направлены на выполнение трех основных задач: борьбу за господство в воздухе, поддержку сухопутных войск, флота и воздушную разведку. Наряду с действиями в интересах войск фронтов наша авиация систематически наносила удары по административно-политическим и военным объектам в глубоком тылу противника, а также вела борьбу с железнодорожными перевозками и стратегическими резервами противника. Наша авиация впервые в истории войн широко привлекалась для содействия успешной борьбе партизан в тылу врага.

Бессмертной славой покрыли себя выпускники академии, храбро

сражавшиеся с врагом и героически погибшие в боях. Личный состав академии помнит и свято чтит их имена. К 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции на средства офицеров и генералов, рабочих и служащих академии, жителей городка на живописной лесной поляне рядом со стадионом был воздвигнут величественный монумент в память авиаторов, отдавших свою жизнь за честь, свободу и независимость Родины.

Завершилась Великая Отечественная война – величайшая битва в истории человечества, в которой Советский Союз отстоял социалистические завоевания, защитил свою свободу и независимость.

За выдающиеся успехи в подготовке высококвалифицированных авиационных кадров Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 года Военная академия командного и штабного состава ВВС Красной Армии была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

За высококачественную подготовку командных кадров высокими правительственными наградами были отмечены 196 человек профессорско-преподавательского состава, офицеров, рабочих и служащих академии.

Советский народ одержал триумфальную победу в Великой Отечественной войне, вновь вернулся к мирному труду, и прежде всего к восстановлению разрушенного фашистскими захватчиками народного хозяйства.

Однако реакционные круги империалистических держав, и прежде всего США, сразу же после войны, развязали так называемую «холодную войну», стали открыто призывать к новому походу на СССР, нанесению по нему «превентивных» ударов с применением атомного оружия. По инициативе США и при их активном участии создается ряд агрессивных блоков и группировок, начинается возрождение милитаризма в Западной Германии и Японии.

▲ Кафедра тактики

▲ Академия и академический знак

В такой обстановке, ведя активную борьбу за упрочение мира, военно-политическое руководство Советского государства не могло ослаблять внимания к укреплению обороноспособности страны, строительству армии и флота. В 1946 году был разработан план организационной перестройки и дальнейшего укрепления Вооруженных Сил.

Определяющее значение для повышения мощи Советских Вооруженных Сил имело оснащение их принципиально новым, ракетно-ядерным оружием. В короткие сроки были созданы атомные и водородные бомбы, баллистические ракеты. Это была вынужденная мера в ответ (образно говоря) на размахивание американским империализмом «атомной дубинкой». Советский Союз стал превращаться в могучую ядерную державу, стоящую на страже мира и безопасности народов.

Большое внимание военно-политическое руководство страны уделяло развитию Военно-воздушных сил. Опыт минувшей войны свидетельствовал о том, что не было ни одной битвы, ни одной операции, ни одного крупного сражения,

в которых сухопутные войска и другие виды вооруженных сил смогли бы успешно решать свои задачи без поддержки и прикрытия их с воздуха, без участия авиации. Обладая большой ударной мощью, высокой маневренностью, дальностью действий и мобильностью, авиация выполняла оперативно-стратегические задачи как совместно с другими видами вооруженных сил, так и самостоятельно и оказывала существенное влияние на ход и исход не только боя, операции, но и войны в целом. Надо было учитывать и то, что во многих капиталистических странах имелась многочисленная технически развитая авиация, а ВВС США, кроме того, имели на вооружении атомные бомбы. Повышение внимания к развитию авиации объяснялось также началом производства в СССР ядерных зарядов, единственным носителем которых в то время была авиация.

В декабре 1945 года в ЦК ВКП(б) и СНК СССР состоялось обсуждение перспектив строительства и совершенствования авиации. Конструкторские бюро и научно-исследовательские организации получили задания на ускоренную разработку

реактивных двигателей и самолетов. В январе 1947 года был утвержден пятилетний план перевооружения авиации на новую технику.

Успешное выполнение решений партии и правительства по вопросам развития авиации позволило вскоре коренным образом изменить состояние всех видов и родов авиации. Уже в 1946 году на вооружение ВВС поступили первые реактивные самолеты-истребители МиГ-9 и Як-15. А к концу 1953 года перевооружение истребительной и фронтовой бомбардировочной авиации на реактивные самолеты с дозвуковыми скоростями полета (МиГ-15, МиГ-17, Як-25 и Ил-28) в основном было закончено. Дальняя авиация получила тяжелый бомбардировщик Ту-4 с поршневыми двигателями, обладавший относительно высокими летно-техническими данными.

Переход военной авиации на качественно новую, более совершенную боевую технику предъявил повышенные требования к командным кадрам в отношении как летного мастерства и военно-технических знаний, так и умения управлять подразделениями, частями и соеди-

нениями Военно-воздушных сил. Перед академией стояла задача готовить идейно закаленных, высокообразованных офицеров с широким оперативно-тактическим кругозором, в совершенстве владеющих сложной боевой техникой, умеющих полностью использовать ее высокие боевые возможности, способных грамотно руководить авиационными частями и соединениями, умело обучать и воспитывать подчиненных. Высшее военное образование необходимо было дать офицерам – участникам Великой Отечественной войны, имевшим большой опыт и зачастую занимавшим высокие должности, но не получившим достаточных теоретических знаний. Надо было также начать готовить командные кадры с высшим военным образованием для ВВС стран народной демократии.

Профессорско-преподавательскому составу академии предстояло всесторонне исследовать опыт бое-

вых действий авиации во второй мировой войне, особенно богатейший боевой опыт советских ВВС на фронтах Великой Отечественной войны, и внедрить его в учебный процесс.

Важно было также научно определить наиболее целесообразные способы боевых действий частей и соединений, вооруженных реактивными самолетами, научить офицеров эффективно использовать новую боевую технику. В дальнейшей разработке оперативного искусства и тактики ВВС нуждалась и академия, ибо без этого немыслимо было готовить высококвалифицированные кадры, развивать советскую военную науку.

Для улучшения подготовки авиационных кадров высшей квалификации был проведен ряд важных организационных мероприятий, которые осуществлялись под руководством и при непосредственной помощи Главного штаба ВВС. Над их реализацией с большой энергией и эн-

тузиазмом трудился весь коллектив академии.

В послевоенный период в академии учились авиаторы, прошедшие суровую школу Великой Отечественной войны, среди которых было 500 Героев Советского Союза, 28 дважды Героев Советского Союза и трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб.

Академия готовила авиационные кадры с высшим военным образованием для назначения на должности командиров и начальников штабов авиационных частей и соединений, частей авиационного тыла, связи и радиотехнического обеспечения, старших штурманов авиационных частей и соединений, офицеров штабов авиационных объединений.

В советское время обучение слушателей академии велось на двух основных факультетах по четырем командно-штабным и одной штурманской специальности. Существовал в академии также факультет за-

очного обучения. Функционировали курсы по переподготовке и повышению квалификации авиационных командиров и политрабтников, адъютанта. В академии было 26 кафедр, имелись хорошо оборудованные учебные лаборатории и подразделения обеспечения и обслуживания. С 1946 года в Военно-воздушной академии стали обучаться офицеры авиаторы из социалистических стран. В советский период (по 1970 год) Академия подготовила более 2 000 иностранных военных специалистов из 21 страны.

Большое внимание в учебно-воспитательной работе со слушателями уделялось повышению их оперативной и тактической подготовки, приви-

тию командирских навыков, умению в любых условиях боевой обстановки быстро и грамотно принимать решения на основе современных научных методов, с использованием электронно-вычислительной техники. Летчики и штурманы во время учебы периодически получали практику полетов на современных боевых самолетах (вертолетах), а также систематически использовали разнообразную тренажерную аппаратуру для совершенствования летных навыков.

Глубокие знания слушатели академии получали в области общественных наук: марксистско-ленинской философии, научного коммунизма других. Большое внимание уделялось воспитанию высоких морально-бо-

евых качеств. Значительный вклад в подготовку офицерских кадров и решение актуальных научных проблем внесли доктор наук, профессора Б. В. Васильев, Л. М. Воробьев, С. К. Гульев, В. И. Кириллов, А. Б. Краснов, Г. Ф. Молоканов, И. И. Назаров, В. А. Одинцов, Г. А. Пшеняник и другие.

К середине 50-х годов в Военно-воздушных силах, как и в других видах Советских Вооруженных Сил, под влиянием научно-технического прогресса произошли большие изменения. Реактивные самолеты почти полностью вытеснили самолеты с поршневыми двигателями. Принципиально новым становилось и авиационное вооружение. Широ-

▲ Кожедуб И.Н.

▲ Фалалеев Ф.Я.

▲ Руденко С.И.

▲ Пестов С.А.

кое распространение получили авиационные ракеты. Экипажи фронтовой бомбардировочной и дальней авиации, имея на борту ракеты класса «воздух – земля», получили возможность эффективно поражать различные объекты на значительных удалениях. Существенно повысились боевые возможности истребителей, оснащенных ракетами класса «воздух – воздух» и радиолокационными прицелами. Совершенствовалось и успешно осваивалось многообразное радиоэлектронное оборудование аэродромов, позволяющее производить полеты ночью и в сложных метеоусловиях. Авиация приобретала принципиально новые качества. Она становилась ракетноносной, сверхзвуковой, всепогодной.

Коренные изменения в технической оснащённости авиации повысили ее удельный вес в составе Вооруженных Сил и роль в операциях и вооруженной борьбе в целом. Перед ВВС встали новые задачи. Авиационные части и подразделения должны были самостоятельно поражать объекты на суше и на море в любых метеоусловиях, днем и ночью, поддерживать и прикрывать войска на большую глубину,

сосредоточивая свои основные усилия на борьбе с ракетно-ядерными средствами противника.

Возросли мобильность и маневренность авиации, а также наличие на вооружении частей и соединений ВВС ядерных и обычных средств поражения делали их способными поражать любые объекты противника, в том числе подвижные и малоразмерные, что значительно расширяло круг решаемых задач. Все большее значение придавалось борьбе за господство в воздухе, проведению воздушных операций по разгрому ракетно-ядерных группировок противника, прикрытию войск и объектов тыла от ударов с воздуха и по авиационной поддержке войск. Неизмеримо возросло значение факторов внезапности и постоянной боевой готовности.

Все эти преобразования в ВВС происходили очень быстро. Но чем выше были их темпы, тем дальше нужно было заглядывать вперед, видеть в требованиях к подготовке авиационных кадров перспективу не только близкую, но и далекую.

Чтобы полностью использовать боевые возможности новой боевой техники и оружия в быстро меняющейся обстановке, авиационный

командир должен был обладать глубокими научными знаниями, уяснить сущность революционных преобразований в военном деле, новые закономерности в развитии ВВС, твердо усвоить боевые свойства и способы применения нового оружия и техники, хорошо знать противника, его стратегию и тактику. От воспитанника академии требовалось умение управлять частью и подразделениями в условиях активного радиоэлектронного и огневого противодействия противника. Постепенно складывались представления о новом облике авиационного командира как человека, обладающего научным мировоззрением, крепкой идейной закалкой, глубокими профессиональными знаниями и навыками, творческим мышлением, полагающегося не только на свой опыт и интуицию, но и на результаты оперативно-тактических расчетов.

В связи с этим перед академией встали новые задачи, выполнение которых требовало существенной перестройки учебного процесса, внедрения в практику новых форм и методов обучения. Слушатели должны были, прежде всего, изучить и усвоить боевые возможности новой авиационной техники

▲ Красовский С.А.

и средств управления. Поскольку с ускорением научно-технического прогресса сокращались и периоды нахождения на вооружении ВВС тех или иных самолетов и вооружения, то подготовку слушателей предстояло направить не столько на изучение конкретных образцов, сколько на усвоение общих закономерностей и тенденций в развитии авиационной техники.

Необходимо было обучать слушателей организации ударов по объектам в больших диапазонах высот и скоростей полета с применением разнообразных средств поражения, умению квалифицированно принимать решения в сложной и быстро меняющейся обстановке. Нужно было вооружить офицеров знаниями и навыками не только в области тактики, но и многих смежных дисциплин. Эти задачи могли быть решены лишь комплексно, согласованными усилиями всех кафедр академии.

Новые требования предъявлялись и к военно-научной работе. В те годы, когда буквально на глазах рождались все новые и новые образцы боевой техники, когда ядерное оружие диктовало новые формы и способы вооруженной

▲ Скоморохов Н.М.

борьбы, военно-научная мысль академии направлялась на изыскание и разработку наиболее рациональных способов боевых действий видов и родов авиации в современной войне, на определение тактических приемов экипажей, методов управления боем с земли и в воздухе. В то же время надо было найти пути для дальнейшего повышения

боевой готовности подразделений и частей, для совершенствования боевой выучки летного состава и повышения безопасности полетов.

Академия во все времена возглавлялась виднейшими авиационными военачальниками, заслуженными и отмеченными высшими правительственными наградами. После окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году генерал-лейтенанта П.П. Ионова, вышедшего в отставку, сменил талантливый военачальник Великой Отечественной войны Герой Советского Союза маршал авиации Ф.Я. Фалалеев. Службу в авиации он начал с 1932 году в должности инспектора авиабригады, придя на нее после командования 240-м стрелковым полком.

В 1950 году маршал авиации Ф.Я. Фалалеев вышел в отставку. Начальником Академии стал генерал-лейтенант авиации С.А. Пестов, который, как и другие генералы его поколения, был участником Великой Отечественной войны.

В апреле 1956 года генерал-лейтенант авиации С.А. Пестова сменил генерал-полковник авиации (с 1959 года — маршал авиации) С.А. Красовский — видный военачальник Великой Отечест-

▲ Ю.А. Гагарин в академии, справа Красовский С.А.

▲ Корольков Б.Ф.

венной войны. Начиная в 1916 года в царской армии службу рядовым, он приобрел большой жизненный опыт и прошел долгий путь на службе Отечеству. Окончив в 1936 году оперативный факультет ВВИА имени профессора Н. Е. Жуковского, командовал авиационными соединениями, участвовал в советско-финляндской войне. В годы войны С. А. Красовский — командующий 2-й воздушной армией, пройдя с ней славный боевой путь от берегов Дона и Волги до Берлина и Праги.

В мае 1968 года должность начальника Академии принял видный авиационный военачальник Герой Советского Союза маршал авиации С. И. Руденко. Он являлся заметной фигурой среди других командующих авиационными объединениями периода Великой Отечественной войны. Под руководством С. И. Руденко генералы и офицеры 16-й воздушной армии эффективно содействовали Сухопутным войскам в разгроме врага. В послевоенные годы маршал авиации С. И. Руденко занимал высокие должности: был начальником Главного штаба и первым заместителем главнокомандующего ВВС.

Назначение дважды Героя Советского Союза, генерал-полковника авиации Н. М. Скоморохова

▲ Козлов В.П.

на должность начальника Академии совпало с требованием серьезного улучшения качества подготовки авиационных кадров. В Академии были разработаны новые учебные планы и программы, которые вступили в действие уже с 1974 года.

Постоянно требуя напряженной работы от профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников Академии, начальник академии подавал подчиненным пример. Он стал доктором военных наук, ему было присвоено ученое звание профессора.

Со второй половины 80-х годов в Советском Союзе стали назревать кризисные явления (начиналась пресловутая горбачевская перестройка), коснувшиеся и Вооруженных сил СССР.

В октябре 1988 года начальником Академии был назначен один из видных военачальников своего времени генерал-полковник авиации Б. Ф. Корольков.

В должности начальника Военно-воздушной академии доктор военных наук, профессор генерал-полковник авиации Б. Ф. Корольков стремился грамотно организовать перестройку учебного процесса.

С 1997 года Академию возглавил генерал-лейтенант авиации

▲ Барсуков А.Н.

В. П. Козлов, назначенный с должности командующего воздушной армии. Являясь выпускником Военно-воздушной академии 1971 года, он хорошо знал задачи, стоявшие перед академией, и проблемы, связанные с их решением.

В феврале 2002 года на должность начальника академии был назначен генерал-полковник авиации А. Н. Барсуков, прибывший с должности начальника Управления боевой подготовки Военно-воздушных сил — заместителя Главнокомандующего ВВС, Заслуженный военный летчик Российской Федерации, кандидат военных наук, профессор.

Академия всегда была ведущим военно-учебным заведением и военно-научным центром Советского Союза и России, известным во всем мире. В послевоенное время преобразования в военном деле предъявляли более высокие требования к оперативно-тактической, военно-технической и моральной подготовке авиационных кадров. Поэтому вторая половина 50-х годов ознаменовалась активными поисками форм, которые должны были обеспечить подготовку специалистов, способных умело применять реактивную авиацию в условиях ядерной войны.

В начале 60-х годов в соответствии с «Законом о новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР» (реформы предтечи перестройки Никиты Хрущева), были расформированы многие полки и дивизии ВВС в полном составе. Однако Военно-воздушная академия, к счастью, продолжала оставаться ведущим центром подготовки командных авиационных кадров.

В Академии проводилась подготовка первого отряда летчиков-космонавтов, которые начали подготовку к космическим полетам в академических аудиториях с декабря 1960 года.

За выдающиеся успехи в подготовке высококвалифицированных кадров Военно-воздушная академия Указом Верховного Совета СССР от 22 февраля 1968 года была награждена орденом Кутузова 1-ой степени, а 15 апреля этого же года

академии было присвоено имя Ю.А. Гагарина и она стала носить название «Военно-воздушная академия имени Ю.А. Гагарина».

В 1972 году в ознаменование 50-летия образования Союза ССР академии вручен Юбилейный почетный знак.

За большой интернациональный вклад по подготовке военных авиаторов для армий стран социалистического содружества Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина награждена высшими государственными орденами Болгарии, ГДР, Польши, Чехословакии, Монголии, Вьетнама, Венгрии, Кубы.

Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина всегда являлась флагманом в решении проблем применения ВВС и военного образования. Ее 15 научных школ успешно проводили научные исследования. В этом

процессе участвовали все кафедры и научные подразделения. Ежегодно выполнялось около 100 научно-исследовательских работ, в том числе по заданию Министерства обороны, Генерального штаба Вооруженных сил и плану Главного командования ВВС Российской Федерации.

При академии существовал музей, где экспонировалась авиационная техника от бипланов и трипланов, применявшихся в I-й мировой войне, до современных сверхзвуковых летательных аппаратов, различные авиационные двигатели, образцы разнообразного авиационного вооружения и оборудования. В фондах библиотеки Военно-воздушной академии хранилось более пятисот тысяч книг, большая часть из этого фонда книги по теории и истории боевого применения Военно-Воздушных Сил.

▲ Главком ВВС в академии

▲ Знак Ю. А. Гагарина

▲ Юбилейный почётный знак, врученный академии

Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (сокращенно ВУНЦ ВВС «ВВА»). Начало функционирования новой структуры было назначено на 15 сентября 2009 года. К абсурду принимаемых решений в образовании научно-педагогическая общественность уже стала привыкать.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 12 июля 2011 г. № 1136 «О мерах по совершенствованию системы подготовки кадров в военных образовательных учреждениях высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации» Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина была закрыта, а обучение слушателей было передано в Военной авиационный инженерный университет в Воронеже.

Совершенно очевидно, что решения подобного уровня вообще не могут приниматься в узко кулуарном кругу, поскольку расплачиваться за ошибки придется миллионам людей и будущему России.

«Сердюковские реформы» привели к фактическому погрому армии. «Эффективный менеджер» развалил вооруженные силы до состояния, которое требует экстренных мер и огромных финансовых вложений. Закрытие целого ряда военных вузов и сокращение приема абитуриентов в оставшиеся вузы, создало острый дефицит военных специалистов в войсках и на флоте. Разрушение системы военной медицины, провал оборонного заказа, несвоевременное, с опозданием заключение контрактов с предприятиями военно-промышленного комплекса, из-за чего изделия с долгим технологическим циклом производства не успевали выпустить.

Даже зарубежные военные эксперты, да и журналисты успели понять, что бывший владелец мебельного салона, бизнесмен, эффективный менеджер, под «крышей» тестя зампреьера правительства, не может руководить

12 июня 2007 года главнокомандующий Военно-Воздушными силами генерал-полковник авиации А. Н. Зелин вручил Боевое знамя Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина.

Жизнь в большинстве случаев вносит коррективы в любые планы. При этом необходимо учитывать еще несколько особо значимых факторов, важнейший среди которых — непредсказуемость действий власть предержащих.

Неожиданно, распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 марта 2008 года № 283-р были объединены две мощнейшие академии: ВВА им. Ю. А. Гагарина и ВВИА им. профессора Н. Е. Жуковского. Было создано федеральное государственное военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина». Начать работу новой объединённой академии с не вяжущимся для понимания названием — «ВВА им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» по новому штатному расписанию предписывалось с 1 декабря 2008 года. В дальнейшем последовало обращение министра обороны А. Сердюкова к тогдашнему Президенту Российской Федера-

ции Д. Медведеву с предложением о создании 10 системообразующих вузов МО РФ. Предложение было одобрено. Следует отметить, что это предложение подготовлено кулуарно, не проводилось никаких конференций, «круглых столов» по обсуждению целесообразности проведения в жизнь этого мероприятия.

Процесс реформирования вооруженных сил России уже приобрел непрерывный (перманентный) характер. Около 20 лет идет их преобразование. Каждый новый министр обороны и начальник Генерального штаба, приступая к исполнению своих обязанностей, объявляют очередную перестройку ведомства на свой лад. Однако начатая в 2008 году военная реформа и вместе с ней реформа военного образования не поддается никакому логическому осмыслению.

Последующим распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2008 года № 1951-р на базе двух академий и еще шести военных училищ (институты) создается федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора

Министерством обороны, не говоря о том, чтобы провести широкомасштабные реформы вооруженных сил и оборонного комплекса. Но власть предрешающих почему-то этот персонаж устраивал.

В свое время президент США Ф. Д. Рузвельт отмечал, что «успешный бизнесмен никогда не станет хорошим государственным деятелем. Его единственный интерес — карман, а не народ».

В силу своей некомпетентности сам Сердюков имел лишь опосредственное отношение к большинству решений, которые рождались и выносились на уровне решения другим деятелем — начальником Генерального штаба генералом Макаровым — серым кардиналом этого погрома армии. Вместо военной реформы Сердюкова — Макарова

мы получили едва ли не военную катастрофу.

Кто же дал «зеленый свет» этой сердюковской «военной реформе»? Сейчас все отчетливее становится понимание стратегического просчета, допущенного высшим политическим руководством страны в оценке будущих военных угроз и военно-политической ситуации в мире в целом.

В конце своего президентского правления в марте 2012 года Дмитрий Медведев секретным указом присвоил Сердюкову звание Героя России за проведение военной реформы. В марте того же года президентом России вновь был избран Путин. На следующий день после инаугурации премьер-министром был назначен Медведев. Сердюков в новом правительстве сохранил

свой пост министра обороны.

Случилось так, что Сердюков был соседом по дому с советником начальника аппарата военного ведомства Евгенией Васильевой. Он, что называется, «совершенно потерял голову от женской красоты» и позволял своей сердечной виава любые «прихоти» (осуществлять коррупционные махинации в масштабе Министерства обороны). Военным ведомством «рулил легион милого слабого пола». Отношения Сердюкова с Васильевой стали серьезно сказываться на военной безопасности России. «Устав от лишнего груза, мешавшего личным (интимным) отношениям», Сердюков избавляется от «ядерного чемоданчика» — переносного терминала «Чегет», системы управления ядерным оружием, яв-

▲ Разгром академии

лявшегося обязательным атрибутом его должности, от которого зависит безопасность страны.

Сердюков лишился своего поста после целой серии коррупционных скандалов в его ближайшем окружении и откровенного провала военной реформы, проводившейся под его руководством.

Младореформаторы, «мальчики в коротких штанишках», либерально демократическая группировка власти в Кремле маниакально стремилась интегрироваться в Западный мир, в «новый мировой порядок», полностью отвергая самобытный путь развития России, предавая ее интересы в угоду западным «партнерам». Не получилось. Почему?

Оголтелый русофоб Збигнев Бжезинский откровенно и четко выразил концепцию Запада по созданию «новой социальной формации человечества»: «Новый мировой порядок будет строиться против

России, на руинах России и за счет России».

Нужно всегда помнить, и никогда не забывать, что в современном мире у России нет союзников, кроме её армии и флота.

Касаясь развития общества в послевоенный период, Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин отметил, что «...многие дела наши будут извращены и оплеваны, прежде всего, за рубежом, да и в нашей стране. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Остриё борьбы будет направлено, прежде всего,

на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций. В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями. Повороты будут предельно крутыми. Возникнут острые противоречия Востока с Западом. И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом». ■

КОНЧИНА МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Д.Т. ЯЗОВА

25 февраля 2020 года после тяжелой болезни на 96 году жизни ушел от нас активный участник Великой Отечественной войны, последний Маршал Советского Союза, последний Министр обороны Советских Вооруженных Сил с 1987 по 1991 год, Язов Дмитрий Тимофеевич. Вместе со смертью Маршала ушла в историю целая эпоха.

Многое в судьбе этого замечательного человека было необычно. Появившись на свет в глухой деревне, стал единственным Маршалом Советского Союза в истории СССР, родившимся в Сибири. Неопытный юноша, он уцелел в горниле кровавого лихолетья войны, находясь на передовой в 1942 — 1945 годах под Ленинградом, Волховом, в Прибалтике. Прошел путь от самых низов пехотного командира до Министра обороны СССР.

Поразительным представляется и тот факт, что в тяжелые минуты своей жизни — на фронтах Великой Отечественной войны, во время гибели боевых товарищей, своих ранений, в тюремном застенке — Маршал находил опору в поэзии. Он мог прочесть весь роман Пушкина «Евгений Онегин» наизусть, так же как и «Маскарад» Лермонтова, стихи Есенина, Маяковского и поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В окопах на Ленинградском фронте взводный читал своим бойцам стихи, потом уже командиром полка в полукапонире на Острове Свобода во время Карибского кризиса.

Совестливый человек Д.Т. Язов помнил о поступке, за который ему всегда было стыдно. На Волховском фронте он увидел в тылу бойцов, щеки которых, по его словам, «распирало шире касок», и со злостью

крикнул: «Откуда такие рожи раскормленные?!». «Один из них, старый рядовой, качаясь, подошел ко мне, юному офицеру, и сказал: «Сынок, у нас не раскормленные хари, а опухшие от голода. Мы полторы недели бились в окружении и сухаря во рту не держали». Я перед ними извинился, но мне до сих пор стыдно».

Его звездные взлеты чередовались с тяжелыми семейными трагедиями. Д. Т. Язов пережил смерть двух своих детей, внука и двух жен. Сам чудом остался жив после страшной

и загадочной автокатастрофы на самом пике своей карьеры. И, наверное, можно понять, почему одну из своих книг Маршал назвал «Удары судьбы».

Д. Т. Язов родился в Западной Сибири — деревня Язово, Покровская волость, Калачинский уезд, Омская губерния 8 ноября 1924 года в крестьянской семье.

Род Язовых происходит из Великого Устюга. Предки Язовых при Иване Васильевиче Грозном первыми двинулись вслед за Ермаком Ти-

мофеевичем в Сибирь... на Лебяжье озеро. Заложили острог, получивший название Язово. Были — это те русские землепроходцы, на поселениях которых появились потом нынешние города Тюмень, Тары, Тобольск. Затем по берегам Иртыша были заложены Омская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости. Эти мужественные лихие люди, отличались своей честностью, трудолюбием и добротой. Они были верными защитниками своей Родины.

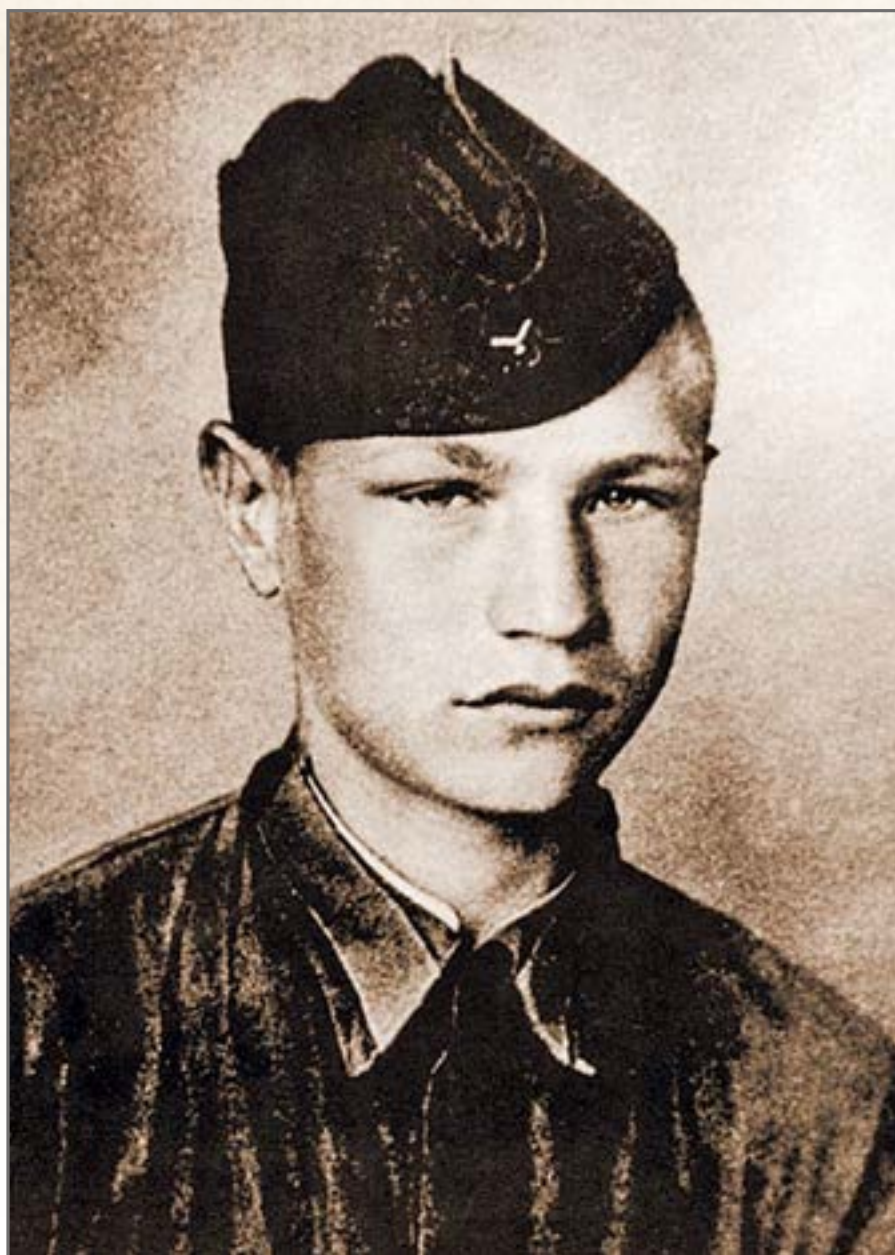
В годы Великой Отечественной войны 34 жителя деревни Язово героически погибли на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Д. Т. Язов гордился своим происхождением. Будучи Министром обороны СССР на встрече с президентом США Бушем-старшим на вопрос американца:

«Кто были ваши родители?» Министр обороны ответил — «землепашцы».

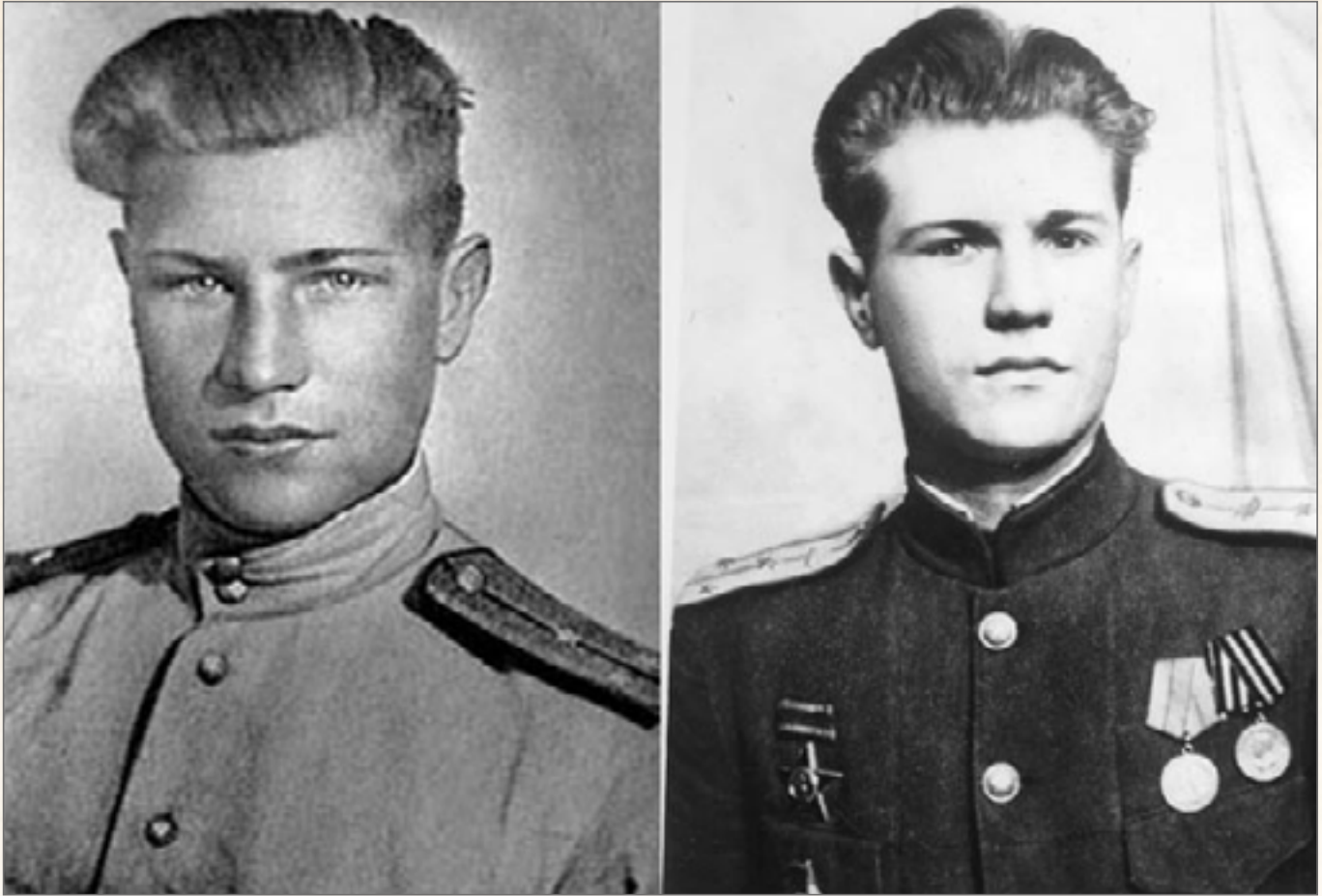
В 1941 году Дмитрий Язов, будучи учеником средней школы, приписав себе год, добровольцем хотел уйти на фронт. В деревнях население жило без паспортов так, что рослого парня не стали проверять в военкомате, но отправили не на фронт. Канашниковский военкомат Омской области направил Дмитрия Язова на учебу Московское Пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР, эвакуированное затем в Новосибирск. Восемь месяцев учебы в училище по программам военного времени и выпуск.

«Выпустили нас из училища 17 июля 1942 года, за десять дней до сурового приказа Верховного Главнокомандующего № 227, который называли «Ни шагу назад!». Отправили на Волховский фронт. В первый день офицерства нам показали, что такое приказ № 227 в действии. Вывели младшего лейтенанта. Зачитали приговор и расстреляли. Тут же закопали. Во время атаки у младшего лейтенанта сдали нервы. Он бросил свой взвод противотанковых ружей и убежал. А взвод всё равно атаку отбил. Мне тоже дали стрелковый взвод 483-го стрелкового полка 177-й стрелковой дивизии 54-й ар-

▲ Д. Язов, 1941 год

▲ Д. Язов, 1944-1945 годы

мии генерал-лейтенанта Сухомлина, полностью укомплектованной сибирскими дивизиями. Готовили прорыв блокады».

Лейтенант Дмитрий Язов стал командиром взвода, когда ему еще не исполнилось 18 лет.

28 августа 1942 года дивизия перешла в наступление на Карельском перешейке под Сенявиным. В тот же день Язов был тяжело ранен и получил сильную контузию. Вернулся на фронт в октябре, был направлен в 483-й стрелковый полк. В середине января 1943 года был ранен в голову и лицо. Прямо на передовой медсестра наложила ему на голову повязку, и снова в бой.

В 1944 году старший лейтенант, командир стрелковой роты Дмитрий Язов участвует в прорыве блокады Ленинграда, в наступательных операциях наших войск в Прибалтике.

Известие о победе в Великой Отечественной войне он встретил

в Митаве под Ригой в составе советских войск ликвидировавших окруженную немецко-фашистскую группировку в Курляндии.

Аттестат зрелости об окончании средней школы Д. Т. Язов получил только в 1953 году в звании майора.

Д. Т. Язов прошел все ступени карьерного роста в Советской Армии.

В 1956 году Д. Т. Язов закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе с золотой медалью. Как медалисту ему была предоставлена возможность самому выбрать место будущей службы. Д. Т. Язов выбрал свою 63-ю гвардейскую Красносельскую ордена Ленина, дважды Краснознаменную мотострелковую дивизию.

В 1956 году назначен командиром мотострелкового батальона.

С 1958 по 1961 гг. — начальник полковой школы, старший офицер в Управлении боевой подготовки Ленинградского военного округа.

С августа 1961 года командо-

вал 400-м мотострелковым полком 63-й гвардейской мотострелковой Красносельской ордена Ленина дважды Краснознаменной дивизии. На должность командира полка был назначен по личному указанию главнокомандующего Сухопутными войсками Маршалом Советского Союза В. И. Чуйковым.

С сентября 1962 г. по октябрь 1963 г. во время Карибского кризиса полк (имел №108) был переброшен на Кубу, где находился в полной боевой готовности для отражения возможного вторжения войск США. В июне 1963 г. Д. Т. Язову было присвоено звание полковника.

С декабря 1963 г. — заместитель, с июня 1964 г. — начальник отдела планирования Управления боевой подготовки Ленинградского военного округа.

В 1967 году Д. Т. Язов окончил Военную академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова.

▲ Операция Анадырь 1962 г. в центре Д.Т. Язов в белой рубашке с Раулем Кастро

▲ Куба, октябрь 1962, командир 108 мсп

В октябре 1967 г. был назначен командиром мотострелковой дивизии в Забайкальском военном округе. В феврале 1968 г. присвоено звание генерал-майора.

С 1971 по 1973 гг. — командир армейского корпуса в Крыму. В 1972 г. присвоено звание генерал-лейтенанта.

С января 1973 г. по май 1974 г. — командующий 4-й армией в Баку (Азербайджанская ССР).

В мае 1974 г. Д. Т. Язов возглавлял управление Главного управления кадров Министерства обороны СССР.

С октября 1976 г. по январь 1979 г. был первым заместителем командующего войсками Дальневосточного военного округа. В 1977 г. присвоено звание генерал-полковника.

В 1979-1980 гг. — командующий Центральной группой войск. С февраля 1979 г. — Уполномоченный Правительства СССР по делам пребывания советских войск в Чехословацкой Социалистической Республике.

В 1979-1989 гг. — депутат Верховного Совета СССР 10-11 созывов.

С ноября 1980 г. по июнь 1984 г. занимал должность командующего войсками Среднеазиатского военного округа.

В период с июня 1984 г. по январь 1987 г. командовал Дальневосточным военным округом. В 1984 г. присвоено звание генерал армии.

С января 1987 г. по август 1987 г. — заместитель министра обороны СССР по кадрам — начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР.

30 мая 1987 г. назначен министром обороны СССР. Сменил на этом посту Маршала Советского Союза С. Л. Соколова. Занимал пост главы оборонного ведомства почти четыре года. На этот период пришлось сокращение численности Вооруженных сил (в декабре 1988 г. на Генеральной Ассамблее ООН президент СССР М. Горбачев объявил об одностороннем сокращении ВС СССР на 500 тыс. человек). Начался вывод советских войск с территории стран Центральной Европы и Монголии, в 1988-1989 гг. осуществлен их вывод из Афганистана. Были подписаны советско-американские договоры о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД; 1987), об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСНВ-1; 1991).

В 1987-1990 гг. — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. В 1987-1991 гг. — член ЦК КПСС.

С марта по декабрь 1990 г. — член Президентского совета СССР.

28 апреля 1990 г. Д.Т. Язову присвоено звание Маршала Советского Союза.

С марта 1991 г. по август 1991 г. — член Совета безопасности СССР.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. представителями высшего руководства СССР, несогласными с политической реформой М. Горбачева и проектом нового Союзного договора, был образован Государственный Комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР). В него вместе с Д.Т. Язовым вошли, в частности, вице-президент СССР Г. Янаев, председатель КГБ В.А. Крючков, премьер-министр СССР В. Павлов и др. Основная цель членов ГКЧП — не допустить ликвидации СССР. В Москву 19 августа были введены войска.

Д.Т. Язов советский военачальник, государственный и политический деятель, член ГКЧП, от которого требовали и ждали самых решительных действий, но он не отдал при-

каз на применение силы, а без этого ГКЧП был обречен на провал. Армия не стала воевать со своим оболваненным народом. Для большинства населения Маршал навсегда остался в памяти «тем, кто не стрелял».

Маятник истории качнулся в другую сторону. Россия и возникшие на территории постсоветского пространства независимые псевдо государства заплатили очень высокую цену за развал великой державы.

Могильщиками СССР 22 августа Д.Т. Язов был арестован вместе другими членами ГКЧП.

«...Вели допрос трое без адвоката. Прокурор и следователи знали, что допрос без адвоката — фикция. Для суда он не имеет юридической силы. Но следователи старались подать себя новым властям в выгодном свете, показать результативность своей работы.

—...Вы не осознали всей тяжести совершенного преступления и даже не думаете о раскаянии.

— Хуже преступления, чем развал Союза, придумать невозможно.

— Вы отдаете себе отчет в том, что для вас, а не для кого-то другого означает статья 64 УПК?

— Понятия не имею.

— Статья 64 УПК — это измена Родине, деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности и обороноспособности СССР, переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвращения из-за границы в СССР, оказание помощи в проведении враждебной деятельности против СССР.

— Вы сами-то верите, что говорите? Да еще применительно ко мне?

— Я должен заявить: вас допрашивают в связи с преступлением. Мы квалифицируем его как измену Родине. Заговор с целью захвата власти, злоупотребление служебным положением.

Ельцинской обслуге предстояло мне, фронтовику, доказать мою вину перед моим Отечеством. Тогда я еще не знал, что кассеты с записью допроса попадут «Шпигелю» и что весь мир узнает, как я перед допросом вздохнул. Если бы я знал, что в прокуратуре всё продается и всё поку-

▲ Д.Т. Язов, С.Л. Соколов, Всеармейская конференция воинов-интернационалистов

▲ Годовщина Великой Победы

пается, возможно, я бы германскому «Шпигелю» напомнил слова из песни: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой».

Новая власть «пещерного капитализма» называла события 1991 года «военным путчем» и «переворотом», а Маршал и за тюремной решеткой называл их «последней попыткой спасти СССР».

Д. Т. Язову пришлось пережить надуманное обвинение в государственной измене, арест и заключение в течение двух лет в следственном изоляторе №1 (тюрьма «Матросская тишина»).

Этот фундаментальный человек никогда не таил обид и злобы. Жил с надеждой на будущее нашей страны. Он был человеком, смотрящим в будущее, понимающим, что жизнь не может быть без проблем. Проща-

ющий и великодушный, мужественный человек всегда находил в себе силы не обременять окружающих. На его здоровье сказались перенесенные им ранения, суровая жизнь и психологические стрессы.

Последнее время Д. Т. Язов много и увлеченно работал в области военной истории, литературы и поэзии. Он автор книг: «Верны Отчизне», уже упоминавшейся книги «Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала», «Карибский кризис. Сорок лет спустя», «Панфиловцы в боях за Родину».

Дмитрий Тимофеевич отдал себя без остатка делу служения Отечеству. Оставаясь верным своим идеалам и Родине, много сделал для сохранения обороноспособности наших Вооруженных Сил. Занимал непримиримую позицию в отношении

фальсификаторов истории Великой Отечественной войны и нашего великого государства — Советского Союза. Все это заслуживает самой высокой оценки и большого уважения.

Маршал Советского Союза Д. Т. Язов останется навсегда в памяти народа, как настоящий гражданин своей Родины.

На граните памятника-бюста Д. Т. Язову на территории омской школы-интерната №9, носящей его имя, высечены строки из его стихотворения:

«В боях за честь Отчизны
Я не щадил ни сил, ни жизни.
И прошагав в строю полвека,
Министром был и человеком».

Он был Маршалом, но всегда без натушной высокопарности считал, что самое высокое звание служивого человека — Солдат Отечества. ■

А.М. СЕРГИЕНКО

МИССИЯ В ЮГОСЛАВИИ

▲ Партизаны Тито

По-разному врывалась вторая мировая война в судьбы народов. Ранним утром 6 апреля 1941 года, когда в Москве закончился банкет по случаю заключенного советско-югославского договора, армада германских самолетов обрушила на Белград и другие города Югославии бомбовый удар. В этот же день немецкие, итальянские и венгерские войска вторглись в пределы страны. Сопротивление королевской армии длилось недолго. Уже 17 апреля был подписан акт о капитуляции Югославии.

Территория страны, словно пирог, была разрезана на части. Каждый агрессор получил свой кусок. В итоге скоротечной войны буржуазно-монархический режим в стране рухнул, словно карточный домик. Король и правительство бросили народ на произвол судьбы и, спасая свою шкуру и имущество, нашли убежище в туманной Англии. Значительная часть буржуазных партий и реакционеры, не решившись покинуть родину, стали на путь сотрудничества с оккупантами.

Но народы Югославии не склонили голову перед фашизмом. Сопротивление врагу принимало организованный характер, постепенно расширялось. Его возглавила Коммунистическая партия Югославии.

К осени 1941 года появились освобожденные территории, которые становились базами партизанского движения, власть оккупантов и местных предателей ликвидировалась, а вместо нее создавались новые органы управления — национальные освободительные комитеты. В связи

Сергиенко Анатолий Михайлович, военный историк, кандидат исторических наук, писатель, член Союза писателей России. Родился в 1935 году в Ленинграде. В 1957 году окончил Казанское военное авиационно-техническое училище по специальности техник по бомбовооружению самолетов. Служил на Дальнем Востоке, обслуживал, готовил к полетам и летал на дальних бомбардировщиках ТУ-16, ТУ-95, М-3. Службе в АДД отдал более 25 лет. В 1964 году окончил Владивостокский государственный университет, исторический факультет. Занялся литературной деятельностью. Член редакционной группы 2-х томного «Биографического словаря Героев Советского Союза» (готовил материалы о 273 летчиках и штурманах АДД). Автор 12 интереснейших книг о ратном труде, подвигах летного и технического состава боевой авиации в годы войны. Среди них: «Эхо Победы в наших сердцах», «И. В. Сталин и Курская битва», «Пусть сильнее дует ветер истории», «АГОН — авиационная группа особого назначения», «Аэродром — Три дуба», «Бомбардировщики АДД в небе над Курской дугой». В своих книгах Анатолий Михайлович с большой теплотой раскрывает

судьбы летчиков, штурманов, стрелков, радистов, командиров кораблей, командиров частей, соединений, командный состав АДД, стремясь достоверно и объективно осветить все факты, события, эпизоды. Занимаясь изучением архивных материалов в ЦАМО (боевые донесения экипажей бомбардировщиков, наградные листы, документы частей и соединений) открыл не исследованный пласт военной истории нашей авиации. Для себя решил написать объемный труд о малоизвестных событиях в боевой деятельности АДД в годы войны. В течение 30 лет исследуя бомбардировочную авиацию, архивы АДД военных лет, позволили ему восстановить события того времени. Патриот, преданный и влюбленный в тяжелую бомбардировочную авиацию, целью своей жизни ставит — полностью раскрыть в своих трудах боевые действия Авиации Дальнего Действия в Великой Отечественной войне.

с расширением партизанской борьбы ЦК КПЮ принял решение о создании регулярной Народно-освободительной армии Югославии. Ее формирование в рамках всей страны завершилось к ноябрю 1942 года.

Тогда же пятая часть страны была очищена от захватчиков и находилась под контролем освободительных сил. Сложилась ситуация для создания высшего политического органа национально-освободительного движения Югославии (НОД). 26 — 27 ноября в боснийском городе Бихаче был образован высший политический орган страны — Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ).

Ни днем, ни ночью не знали покоя фашистские оккупанты на югославской земле, которая в буквальном смысле слова горела у них под ногами. Героическая народно-освободительная армия и партизанские отряды за три года войны отразили

шесть генеральных наступлений врага, нанесли ему значительный урон, расширив освобожденные территории в Словении, Хорватии, Боснии, Черногории, Герцеговине.

Все это подготовило условия для создания высшего органа народной власти. 29 ноября 1943 года в городе Яйце собралась вторая сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии. АВНОЮ провозглашалось верховным законодательным и исполнительным органом. На сессии был учрежден Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), выполнявший функции временного народного правительства.

Вооруженная борьба югославских патриотов протекала в чрезвычайно трудных материальных условиях. Регулярного снабжения армия не имела. Продукты питания поступали через местные комитеты народной власти. Однако оккупация и отвле-

чение населения в сферу вооруженной борьбы сократили производство продовольствия. Случалось, что у бойцов по несколько суток во рту не было ни крошки хлеба. Каждый третий воин был босой. Забив вола на обед, тут же из сырой кожи делали опанки, которые выдерживали каменные дороги лишь пару недель.

Не хватало главного — оружия. Это была беда из бед. Самолетов, танков, артиллерии у НОАЮ не было вообще. В руках бойцов были винтовки старой югославской армии или оружие противника, захваченное в боях. Поэтому при каждом столкновении с врагом особое значение придавалось захвату боевых средств. Были случаи, когда вслед за вооруженным партизаном в атаку шел невооруженный, чтобы разжиться винтовкой убитого немца или взять ее у павшего в бою товарища. Ощущалась хроническая нехватка боеприпасов. Все это отрицательно ска-

зывалось на ходе боевых действий.

В этих трудных условиях югославское освободительное движение нуждалось в материальной помощи извне. Получить же ее в первые годы войны было весьма трудно.

Помощь могли оказать по сути дела только три страны — США, Великобритания и Советский Союз. Но парадокс для Югославии заключался в том, что первые две оказывать ее могли, но не хотели, а СССР хотел, но не мог.

С первых дней фашистской агрессии некоторые югославские лидеры пошли на сотрудничество с оккупантами. Из большей части Хорватии, Боснии и Герцеговины Гитлер создал так называемое «Независимое государство Хорватию». Возглавил его усташ А. Павелич. В Сербии у власти было поставлено марионеточное правительство М. Недича.

В горах Западной Сербии стали создаваться и действовать вооруженные силы эмигрантского правительства — четники. Предводителем их был Д. Михайлович.

На некоторые эти силы внутри страны и делало ставку, стремясь сохранить свои позиции, буржуазно-монархическое правительство Югославии, которое находило в этом плане широкую поддержку у западных союзников. Поддерживая реакционные силы Югославии, оказывая им материальную помощь, они игнорировали НОД, замалчивали факт его существования. Наибольшее влияние в Югославии, через короля и эмигрантское правительство, а также Михайловича, имела Великобритания.

Однако военные и политические успехи НОД, в конце концов, заставили Великобританию пересмотреть свое отношение к народно-освободительному движению. Осуществляя свою новую линию в Югославии, она решила направить в Верховный штаб НОАЮ свою военную миссию. В ночь на 28 мая 1943 года представители Великобритании капитаны Дикин, Стюарт и радист с рацией спустились на парашютах в районе Жабляка в Черногории.

К английской миссии при ВШ НОАЮ американцы вначале направили

мили Бенсона, а затем майора Ферриша. Таким образом, Великобритания и США де факто признали народно-освободительное движение Югославии не только как военный фактор. Однако это не означало, что они отвернулись от четников.

К этому времени в городе Бари, на юге Италии союзники создали свою военно-воздушную базу, с которой англо-американская авиация продолжала оказывать помощь Михайловичу.

Четыре месяца спустя свое представительство при ВШ НОАЮ англичане расширили:

«Министерство иностранных дел и Комитет начальников штабов решили создать при обоих штабах, руководивших этим движением, военные миссии, в общем, примерно из 50 офицеров. В середине июля 1943 года министр иностранных дел предложил назначить полковника Фицроя Маклина, в прошлом сотрудника английского министерства иностранных дел и члена парламента от Ланкастера, политическим советником миссии при штабе Тито. Несколько позднее в дело вмешался

сам премьер-министр, который предложил назначить Маклина главой миссии. В сентябре Маклина произвели в бригадные генералы, в том же месяце его забросили в район штаба Тито в Боснии».

...Повышение уровня военной миссии Великобритании хотя и означало дальнейшее признание вклада НОД Югославии в дело борьбы с фашизмом, однако не привело к сколько-нибудь глубоким переменам в их политике по отношению к Михайловичу, так как англичане почти тут же направили в его штаб миссию такого же ранга во главе с бригадиром Ф. Армстронгом. Повысили ранг своего представительства при штабе Михайловича и США: 23 сентября полковник А. Сайц сменил капитана У. Менсфильда.

Что же касается военной помощи, то она по-прежнему оказывалась только четникам. Однако дальнейшие успехи НОАЮ и откровенный антинародный курс Михайловича заставили западных союзников пересмотреть свое отношение к четникам. Изменение этой политики

в пользу НОД привело, в конце концов, к соглашению между тремя союзными державами в Тегеране о необходимости наладить материальное снабжение НОАЮ с учетом того значения, которое она стала иметь в борьбе югославского народа против фашизма.

22 февраля 1944 года У.Черчилль выступил в Палате общин с речью, в которой публично дал высокую оценку НОАЮ в борьбе против оккупантов, заявил об устранении Михайловича с военной и политической арены и пообещал сделать все для оказания помощи НОАЮ.

О повороте Великобритании по отношению к НОАЮ было проинформировано и советское руководство. 11 января Черчилль направил И. В. Сталину копию письма на имя Тито, а 14 января поверенный в делах Великобритании в СССР Джон Бальфур писал В. М. Молотову:

«Вам, конечно, известно из послания господина Черчилля маршалу Сталину, текст которого был приложен к моему письму Вам от 11 января, о том, что мое правительство решило в дальнейшем не оказывать никакой помощи генералу Михайловичу. Мне теперь поручено моим правительством сообщить Вам, что оно рассматривает вопрос о желательности рекомендовать королю Петру вывести генерала Михайловича как из состава югославского кабинета, так и освободить его от командования войсками на том основании, что имеется достаточно данных, показывающих, что он, если не прямо, то, во всяком случае, косвенно, втянут действиями своих подчиненных командиров в сотрудничество с режимом Недича и даже с немцами. По существу, можно было бы полагать, что он является величайшим барьером между королем Петром и большинством югославского народа.

Мое правительство полагает, что король Петр должен сам предпринять шаги для устранения Михайловича, поскольку его связь с последним дискредитировала его имя, и эта акция могла бы содействовать его реабилитации. Однако прежде чем давать этот совет королю, оно предпочитает подождать, пока ему не будет известно, как генерал Тито ответит на послание господина Черчилля и как он отнесется к цели, которую себе поставили как Британское, так и Советское правительства — добиться улучшения взаимоотношений между генералом Тито, с одной стороны, и королем Петром, с другой стороны.

Тем временем господин Иден был бы благодарен за сообщение о том, согласно ли Советское правительство с намеченным образом действий, и если да, то будет ли оно расположено, когда наступит время посоветовать королю Петру отстра-

▲ Четники, верхний ряд второй слева Д. Михайлович

нить Михайловича, сделать совместное с Британским правительством представление королю по поводу разумности такого шага.

Господин Иден полагает, что Советское правительство может быть не пожелает связать себя в таком деликатном деле, пока оно не получит возможности изучить донесения советской военной миссии после ее прибытия в Югославию. Тем не менее, он не хотел бы предпринимать какие-либо шаги указанного выше характера без предварительной консультации и, как он надеется, предварительного соглашения с Советским правительством. Подобное же сообщение делается правительству Соединенных Штатов. Верьте мне, искренне Ваш Джон Бальфур.

Советская сторона дала ответ незамедлительно, в этот же день:

«Уважаемый господин поверенный в делах, в связи с Вашим письмом от 14 января 1944 года, в котором Вы, ссылаясь на послание господина Черчилля маршалу Сталину, указываете на то, что Пра-

вительство Великобритании решило в дальнейшем не оказывать никакой помощи генералу Михайловичу, и информируете о предполагаемых шагах Правительства Великобритании по поводу дальнейших взаимоотношений между королем Петром, генералом Михайловичем и маршалом Тито, прошу Вас довести до сведения господина Идена следующее.

Советское правительство еще в августе 1942 года сообщило югославскому правительству о некоторых фактах, свидетельствующих о связях генерала Михайловича с оккупантами, и информировало об этом Правительство Великобритании. Вытекающее из этого отрицательное отношение Советского правительства к генералу Михайловичу было также известно как югославскому правительству, так и Правительству Великобритании.

Поэтому Советское правительство с удовлетворением узнало о том, что Правительство Великобритании рассматривает в настоящее время вопрос о желательности устранения

генерала Михайловича из состава югославского правительства и от командования войсками.

Что же касается намеченного в связи с этим Правительством Великобритании образа действий, то впредь до получения необходимой информации от направляющейся в Югославию военной миссии о действительном положении на месте Советское правительство лишено возможности высказать свое мнение по данному вопросу. Прошу Вас, господин поверенный в делах, принять уверения в моем весьма глубоком уважении. В. Молотов».

Свертывая свои отношения с Михайловичем, Великобритания стала отзывать прикомандированных к его воинским формированиям своих представителей. В письме посла Великобритании в СССР Арчибалда Кларка Керра на имя Молотова от 3 марта 1944 года говорилось:

«Вы припомните, что 11 января господин Бальфур направил Вам послание для маршала Сталина от господина Черчилля, в котором был

приведен текст письма, адресованного господином Черчиллем маршалу Тито, и что в своем письме премьер-министр заявил, что он принял решение о том, чтобы Британское правительство не оказывало никакой дальнейшей военной помощи генералу Михайловичу.

В соответствии с этим решением в настоящее время предпринимаются шаги для отзыва всех британских офицеров связи, прикомандированных к вооруженным силам генерала Михайловича. 1 марта заместителю генерала Михайловича было передано от генерала сэра Мейтленда Вильсона, союзного Главнокомандующего на Средиземноморском театре, сообщение об этом решении, и в тот же день британский посол при югославском правительстве в Каире вручил премьер-министру Югославии ноту, содержащую ту же самую информацию. Господин Пуррич обещал господину Стивенсону, что он даст генералу Михайловичу указание облегчить эвакуацию британских офицеров связи и оказать им

всю возможную помощь. Господин Стивенсон просил о том, чтобы также были даны указания о необходимости обеспечить полную секретность и оказать содействие эвакуации вместе с британскими офицерами некоторых бежавших из плена польских военнопленных.

Поручая мне довести эту информацию до Вашего сведения, господин Иден просил меня заявить, что, в целях уменьшения риска, которому подвергаются эти офицеры, он весьма желает, чтобы это дело держалось в полном секрете, пока не будет осуществлена эвакуационная операция, которая может потребовать некоторого времени.

Как видим, к поддержке Тито западные союзники пришли не сразу и не по своей воле. Военные и политические успехи НОД, рост его авторитета, создание новых структур народной власти в стране, дискредитация четников в глазах мирового общественного мнения, расширяющаяся пропасть между ними и югославским народом, наконец,

поддержка Советским Союзом новой Югославии сделали свое дело: Великобритания изменила свое отношение к НОАЮ.

По-иному складывались отношения руководителей Югославии с Советским Союзом. В трудный период становления новой власти в Югославии Советское правительство оказало ей решительную политическую, моральную и пропагандистскую поддержку. Делать это было не просто, особенно в начале войны.

Первое обращение по вопросу оказания помощи прошло в радиogramме ЦК КПЮ Коминтерну 23 августа 1941 года:

«Для нас вопрос оружия является самым главным. Просим ответить, возможно ли оружие получить от вас. Мы сообщим, где его нужно сбросить и в какое время».

О доставке оружия по воздуху в то время не могло быть и речи. Во-первых, Советский Союз в летне-осенний период 1941 года, теряя территории в западной части страны, сам испытывал огромные

▲ Тито в партизанском штабе

морозили ноги. Для лучшей связи с вами пошлите нам более сильную радиостанцию. Пришлите нам боеприпасы, автоматическое оружие, обувь и материалы для одежды бойцов. Посылайте самолетами и бросайте парашютами возле Жабляка на Дурмиторе в Черногории... Верховный штаб находится в городе Фоча на освобожденной территории Боснии. Ваши посылки имели бы огромное материальное и политическое значение».

27 марта 1942 года Димитров сообщил Тито:

«Прилагаются все усилия помочь вам вооружением. Технические трудности, однако, огромны. На их преодоление в ближайшее время, к сожалению, нельзя рассчитывать. Просьба иметь это в виду и стараться всяческими способами пока добывать оружие у врага и рационально использовать наличное у вас оружие».

А положение в Югославии продолжало ухудшаться. Невероятные трудности испытывали бойцы, весь народ от нехватки продовольствия. Население выбивалось из сил, оно уже не могло больше оказывать существенной помощи армии и партизанским отрядам, ибо само голодало.

В радиোগрамме Тито Исполнительному комитету Коминтерна от 31 января 1943 года изложена уже не просьба, а выражен крик о помощи:

«...Сотням тысяч бойцов грозит голодная смерть... Двадцать месяцев мы боремся без минимальной материальной помощи с какой бы то ни было стороны. Уверяю вас, что этот наш дивный героический народ Боснии, Лики, Кордуна и Далмации вполне заслужил максимальную помощь. У нас появился сыпной тиф, но у нас нет лекарств, народ умирает от голода, но не ропщет. Этот голодный народ отдает нашим бойцам последний кусок хлеба, а сам умирает с голода, отдает последнюю пару чулок, рубах или обуви, а сам идет босым и голым по такому холоду. Сделайте все, что можно, чтобы помочь нам».

Однако и в это время не было возможностей для оказания помо-

материальные трудности. Во-вторых, дальняя авиация в то время располагала весьма ограниченными возможностями. Можно было подготовить и с большим риском для экипажа осуществить полет через оккупированное противником пространство. Можно было послать еще несколько самолетов. Но для организации массовой переброски военных грузов у АДД в то время не было ни сил, ни средств. Главная причина — расстояние.

После поражения немцев под Москвой, когда напряжение на советско-германском фронте несколько спало, полет одиночного самолета можно было осуществить. Судя

по данным, которые приводит Душан Пленча, советская сторона такой полет планировала. Автор указывает, что в радиোগрамме Коминтерна Верховному штабу НОАЮ от 3 февраля 1942 года было сказано:

«Существует возможность в ближайшее время направить вам людей и материалы».

Факт весьма интересный. Возможно, советская сторона такой полет и готовила, однако в документах АДД и ГВФ он не отражен.

В радиোগрамме от 17 февраля 1942 года Тито просил:

«Нам срочно нужны лекарства, особенно против тифа. В течение наступления 160 бойцов тяжело об-

щи югославскому народу в его трудной, поистине героической борьбе. Об этом красноречиво говорит ответ Исполкома Коминтерна от 11 февраля 1943 года:

«Вы не должны ни на минуту сомневаться, что если была бы малейшая возможность оказать материальную помощь вашей прекрасной, героической борьбе, мы это давно бы сделали. Советский народ вместе со своими руководителями целиком и полностью стоит на вашей стороне, преисполнен восхищения и глубокими братскими симпатиями к югославской народно-освободительной армии. Многократно мы обсуждали лично с Иосифом Виссарионовичем пути и средства оказания вам помощи. К сожалению, до сих пор разрешить эту задачу положительно не удалось из-за непреодолимых технических и транспортных трудностей. Мы не прекратили и теперь наших усилий для отыскания реальных возможностей посылки помощи. Как только эти возможности будут добыты, сделаем все необходимое».

Югославия продолжала вести вооруженную борьбу без какой-либо материальной помощи извне. Трудности материального характера оказывали негативное влияние на ее результаты.

Новая просьба была изложена Тито в телеграмме от 12 июня 1943 года на имя Димитрова: «Мы еще в тяжелом положении. Противник вновь пытается нас окружить... Наши части днем борются, а ночью на марше. Не спят и не едят. Сейчас едят конину без хлеба. Наше положение трудное, но мы выйдем из такой обстановки, хотя с тяжелыми потерями.

Противник прилагает максимальное напряжение, чтобы нас уничтожить, но это ему не удастся. Пожалуйста, поддержите нас в этом самом трудном испытании. Вальтер» (псевдоним И. Б. Тито. — А. С.).

Главной причиной затяжки в налаживании материальной помощи Югославии со стороны СССР была не политическая, а чисто техническая — удаленность советско-германского фронта. Иными словами,

объект помощи был за пределами радиуса действия самых дальних на тот период самолетов, которыми располагала АДД.

Только со второй половины 1943 года возникли необходимые предпосылки для решения этих задач. Развернувшееся в ходе Курской битвы наступление Красной Армии значительно передвинуло советско-германский фронт в западном направлении. Территория Югославии стала доступна для самолетов авиации дальнего действия.

Первый, пристрелочный полет в Югославию был совершен экипажем подполковника Б. И. Жилина 18 сентября 1943 года. Этим рейсом в район Бугойно была доставлена и десантирована группа болгарских политэмигрантов. Самолет ушел на задание с аэродрома подскока у Курска, покрыл расстояние в 4250 км, пробыв в воздухе 13 часов 20 минут.

Когда в Тегеране руководители трех союзных держав пришли к выводу о том, что необходимо наладить регулярное материальное снабжение НОАЮ, командующий АДД маршал авиации А. Е. Голованов получил от Верховного Главнокомандующего указание ускорить организацию планомерных полетов в Югославию. Штаб АДД, учитывая опыт полета экипажа Жилина, приступил к выполнению этой задачи.

Предстоящее широкомасштабное оказание материальной помощи Югославии потребовало непосредственного контакта между Советским правительством и Верховным командованием Красной Армии с одной стороны и руководящими органами новой Югославии и командованием НОАЮ — с другой. Для его установления надо было создать и отправить в борющуюся Югославию советскую военную миссию.

▲ Броз Тито со штабом

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

Просьба о направлении представителя Красной Армии в Верховный штаб НОАЮ была изложена югославской стороной в радиограмме от 24 мая 1943 года:

«...англичане приветствуют решение Верховного штаба народной армии Югославии принять союзнического делегата из Каира. Этот делегат должен на днях прибыть к нам. В связи с этим просим Верховное командование Красной Армии, чтобы оно тоже прислало своего представителя как только это будет возможно. Что касается прибытия вашего самолета, он мог бы хорошо приземлиться на полях возле Жабляка... Бензина для самолета у нас нет, но он (военный представитель) мог бы приземлиться парашютом. Как только найдем соответствующее место — мы вам сообщим о возможности приземления».

Официально вопрос о создании своей военной миссии в Югославии советская сторона поставила на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которая, как известно, стала прелюдией встречи глав правительств трех основных участников антигитлеровской коалиции в Тегеране.

30 октября, перед началом 12-го заседания конференции, состоялась беседа министров иностранных дел СССР и Великобритании. Стороны приступили к обсуждению вопроса о военно-политической обстановке в Югославии. В. М. Молотов отметил, что Советское правительство не имеет точной информации о положении в Югославии, и в связи с этим у советской стороны есть мнение о посылке своей миссии к партизанам Югославии в тот пункт, где находится английская миссия, чтобы ознакомиться с положением дел на месте, используя и английскую информацию. А. Иден приветствовал это мнение и предложил послать в Югославию две военные миссии — одну к партизанам, а вторую к Михайловичу, как это ранее сделала Великобритания. Молотов мягко отклонил это

предложение. В конце концов, стороны пришли к выводу, что советскую военную миссию следует направить к партизанам и в тот пункт, где находится английская миссия.

Английская сторона выразила готовность содействовать практическому решению этого вопроса. Об этом наркома иностранных дел СССР проинформировал поверенный в делах Великобритании Джон Бальфур:

«Дорогой господин Молотов, в своем письме от 10 ноября мой посол сообщил, что правительство его Величества приветствовало бы решение Советского правительства о посылке советской миссии в Югославию и оказало бы содействие в пользовании базой в Каире. Сэр Арчибальд Кларк Керр, кроме этого, выразил надежду господина Идена, что советской миссии, так же как и британской миссии в Югославии, будет поручено содействовать объединению движения сопротивления в Югославии и укреплению югославского государства».

На конференции трех великих держав в Тегеране, рассмотревшей вопросы дальнейшего ведения вой-

ны, министры иностранных дел продолжили обмен мнениями о посылке в Югославию советской военной миссии.

Решение о создании и направлении представителей Советского Союза в Югославию официально было объявлено в специальном сообщении Информбюро «О положении в Югославии», опубликованном во всех советских газетах 14 декабря 1943 года.

Английская сторона тут же заинтересовалась персональным составом миссии и датой ее отправки:

«Мое правительство сообщает мне, что когда господин Иден виделся с вами (с В. М. Молотовым. — А. С.) в Тегеране, он повторил это предложение относительно представления в Каире базы для советской миссии, действующей в Югославии, и что мы сказали ему, что получение этого рода возможностей весьма желательно Советскому правительству, добавив, что вы в свое время сообщите британскому посольству в Москве фамилии членов советской миссии, которые будут отправлены на базу в Каире. Теперь, после того, как было

▲ Корнеев Николай Васильевич

сделано сообщение о решении Советского правительства относительно посылки миссии в Югославию, мне поручено моим правительством осведомиться о фамилиях ее членов и о вероятной дате ее прибытия в Каир».

Эту просьбу Джон Бальфур выразил 18 декабря, в то время, когда, выполняя решение Советского правительства, соответствующие органы только приступили к формированию миссии. Англичане явно торопились.

Советская военная миссия комплектовалась офицерами с учетом стоящих перед ней задач. К сожалению, полным поименным списком личного состава миссии я не располагаю. Представлю кратко лишь тех, о ком сохранились отрывочные архивные сведения, и тех, кто еще жив и смог рассказать о себе и боевых товарищах.

Начальником миссии был назначен генерал-лейтенант Николай Васильевич Корнеев — человек с широкими военными знаниями, большим боевым опытом и хорошими организаторскими способностями. Достаточно сказать, что он прошел всю Гражданскую войну, работал с В. К. Блюхером в Китае, затем преподавал оперативное искусство в Высшей академии Генерального штаба. В нем удачно сочетались качества военного человека и дипломата.

▲ Соколов Степан Васильевич, фото 1941 года

Зимой 1943 года Генеральный штаб отозвал Корнеева с фронта из-под Жлобина в Москву, где ему и была предложена должность главы советской военной миссии в Югославию.

Заместителем Корнеева 27 декабря 1943 года был назначен генерал-майор А. П. Горшков. В юношеские годы он служил в войсках ОГПУ далекого Хабаровского края. В профессии пограничника Горшков увидел свое призвание. Сдав экстерном экзамены за военное училище, Анатолий Петрович связал свою судьбу с армией. С осени 1940 года он был уже в Главном управлении пограничных войск.

Как только началась война, капитан Горшков написал рапорт с просьбой отправить в действующую армию. Назначение в управление НКВД по Тульской области воспринял как несправедливое. Но горячая работа по формированию истребительных батальонов на случай вражеского десанта отодвинула обиду, а когда фронт подкатился к самой Туле, повода для недовольства вообще не осталось — Анатолий Петрович фактически оказался в действующей армии. С 17 июня 1942 года Горшков занял должность начальника Орловского областного штаба при Брянском и Центральном фронтах, командуя одновременно южной оперативной группой брянских партизан.

▲ Горшков Анатолий Петрович

За умелое руководство партизанской борьбой на Брянщине и Орловщине 16 сентября 1943 года решением Совета Министров СССР А. П. Горшкову было присвоено звание генерал-майора. К этому времени ему не было еще и 35 лет.

Опыт руководства партизанским движением и predetermined выбор Горшкова на должность заместителя начальника миссии. Именно этот опыт его боевой работы был крайне необходим в практической деятельности миссии в Югославии, народ которой в войне с фашистами использовал преимущественно партизанские формы борьбы.

Второй заместитель Корнеева — Степан Васильевич Соколов — в свои 40 лет, будучи по специальности авиатором, имел и опыт дипломатической работы.

Соколов родился в 1903 году в Севастополе. Казалось, юношу должно было увлечь море, но случилось так, что позвало небо. В 1926 году Степан Васильевич поступил в Качинскую школу военных летчиков. Через шесть лет летной работы продолжил учебу на командном факультете Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. По ее окончании он был назначен командиром разведывательной эскадрильи, однако через несколько месяцев по линии ВВС совершенно неожиданно был командирован в Чехословакию.

В 1937 году он перешел на службу в Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Красной Армии. Здесь его и застала война.

Помощником начальника миссии был назначен В. М. Сахаров, знавший Югославию и имевший опыт дипломатической работы. В тридцатые годы он учился на химическом факультете МГУ и одновременно занимался в Тушинском аэроклубе, готовясь стать пилотом.

Пройдя в МГУ курс высшей вневойсковой подготовки и отлетав два сезона в Витебской авиабригаде, он получил военную специальность летнаба и звание младшего лейтенанта. Весной 1939 года Сахаров окончил университет и был оставлен для продолжения учебы в аспирантуре. И вдруг, через несколько месяцев, резкий поворот в судьбе — назначение на должность референта в 4-й Европейский отдел НКВД. Почему было принято такое решение, Василий Сахаров не знал. Ни его университетское образование, ни увлеченность авиацией не могли служить поводом для такого назначения.

Не ломая долго голову, он решил, что не боги горшки обжигают, и занялся теорией международных отношений, внешней и внутренней политикой балканских стран, в первую очередь Югославии, засел за изучение сербского и хорватского языков.

В НКВДе он работал до июня 1940 года, когда между СССР и Югославией были установлены дипломатические отношения. За этим последовало открытие полномочного представительства СССР в Белграде. Именно туда помощником военного атташе и был назначен Сахаров.

Работа представителей СССР в Югославии, где утвердился военномонархический режим, была сложной. И уже совсем стало невыносимо работать, когда страна была оккупирована фашистской Германией и ее союзниками. Вполне понятно, что присутствие советских людей в Белграде для гитлеровцев было крайне нежелательным.

В конце мая 1941 года советские представители покинули Белград

и вернулись на родину. Вскоре гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Младший лейтенант Сахаров убыл на Южный фронт, где возглавил прифронтовой разведпункт.

Летом 1942 года, когда НКВД стал собирать разбросанные по фронтам кадры, Сахарова отозвали в Москву и назначили вторым секретарем советского полпредства в Лондоне при эмигрантских правительствах ряда европейских стран. Чрезвычайным и полномочным послом СССР при эмигрантских правительствах в Лондоне являлся А. Е. Богомолов, известный в прошлом профессор Московского университета.

Проработал Сахаров в столице Великобритании до осени 1943 года.

В начале декабря пришла телеграмма, отзывающая его в Москву. Узнав, что в Югославию направляется военная миссия, Сахаров настоял на своем включении в ее состав: он достаточно хорошо изучил сербский и хорватский языки и имел опыт работы в этой стране.

Предстоящая работа советской миссии в Югославии требовала и переводчика с английского языка. Военные миссии Великобритании и США уже находились при Верховном штабе НОАЮ, и деловой контакт с ними был неизбежен. На эту должность был подобран Николай Иванович Ветров. Английский язык он знал в совершенстве. Чуть хуже — немецкий. Французским же владел в пределах программы средней школы.

▲ Патрахальцев Николай Кириллович

Войну Ветров встретил студентом Московского Государственного педагогического института иностранных языков. Он добровольно вступил в ряды Красной Армии и был направлен в город Ставрополь на Волге для обучения немецкому языку на курсах при военном факультете МГПИИЯ. Учебу, однако, закончить не удалось, так как в конце декабря 1941 года его отозвали в ГРУ Генштаба, где получил задание убыть в Иран в качестве переводчика английского языка в составе военно-технической миссии СССР.

Военно-воздушная база союзников размещалась в Басре, на аэродроме, который окрестили «Шайбой». В морские порты прибывали в разобранном виде самолеты из США. Здесь их собирали, затем советские и американские летчики облетывали, а технический состав устранял неполадки. После этого наши экипажи гнали боевые машины через Тегеран в Кировабад. Позже в Басру самолеты стали прибывать своим ходом.

Во время полетов Ветров находился на командно-диспетчерском пункте и поддерживал связь с американскими летчиками. В его обязанности входил также перевод многочисленных инструкций, указаний и статей из технических журна-

▲ Помощник начальника советской военной миссии в Югославии Л.Н. Долгов

лов. Вначале было трудно, но затем он освоил техническую терминологию, диктовал с листа. Иногда Ветрову приходилось летать в Тегеран по служебным делам, часто бывать в советском посольстве.

Полтора года Николай Иванович пробыл за границей, в общении с англичанами и американцами получил богатую разговорную практи-

ку. Думается, что именно это и стало решающим фактором при подборе его кандидатуры на место переводчика.

Старшим помощником начальника миссии стал полковник Н.К. Патрахальцев, секретарем — майор Г.С. Харитоненков. (Им обоим довелось участвовать в гражданской войне в Испании.) Николай Кириллович Патрахальцев в Красной Армии с 1931 года. Служил на Дальнем Востоке и в Монголии. Командовал специальным подразделением в Киевском ОВО, созданном Разведупром РККА, для выполнения спецзаданий 4-го Разведывательного управления РККА и 4-го разведывательного отдела Киевского особого военного округа. Эти спецзадания включали: — создание тщательно законспирированной и хорошо подготовленной сети диверсионных групп и диверсантов-одиночек в городах и на железных дорогах к западу от линии укрепленных районов (УР); — формирование и всестороннюю подготовку маневренных партизанских отрядов и групп, способных действовать на незнакомой местности, в том числе за пределами страны; — отработку вопросов тактики партизанской борь-

▲ Прибытие военной миссии в Югославию

бы и борьбы с вражескими диверсионными группами на специальных и некоторых общевойсковых учениях; — совершенствование имеющихся и создание новых технических средств борьбы наиболее пригодных для применения в партизанских действиях.

Во время гражданской войны в Испании был направлен в республиканскую армию старшим советником командира 14-го (партизанского) корпуса. После Испании Н. К. Патрахальцев — заместитель начальника разведывательно-диверсионной службы — специального отдела «А» 5-го специального отдела Разведупра Генштаба Красной Армии.

Во время советско-финляндской войны в 1939-1940 годах выполнял разведывательные и диверсионные задания в тылу финских войск. По линии Разведупра РККА выполнял специальные задания в Западной Украине и Буковине.

С началом Великой Отечественной войны он занимается организацией и заброской в тыл немцам разведывательных и разведывательно-диверсионных отрядов и групп по линии Разведывательного управления Красной Армии.

Кроме них на различные должности были назначены капитан В. П. Григорьев, майор П. М. Коваленко, подполковник Г. С. Григорьев и др. Всех их отозвали из частей действующей армии.

В состав миссии включили представителя военно-медицинской службы Красной Армии подполковника Михаила Васильевича Туленкова. На войне он — с первого дня, имел достаточный организаторский и практический опыт, перед командировкой в Югославию занимал должность главного терапевта одной из армий.

Группу связистов возглавил майор Л. Н. Долгов. Радистами были Г. Л. Лихо и А. М. Каргашин — асы в своем деле. Шифровальную службу представлял майор Н. С. Никитин, ему помогал второй переводчик английского языка Е. А. Кульков. В штат миссии вошли повар старшина

▲ Тито после ранения

Е. Ф. Шапкин и водитель старшина И. Р. Ломтев. Адъютантом Корнеева стал лейтенант И. С. Безуглов.

Формирование миссии было завершено к концу декабря. В первых числах января в Москву с фронта прибыл генерал Н. В. Корнеев. Изучив штат миссии и познакомившись с людьми, он пришел к выводу, что в предстоящей работе в Югославии непременно потребуется человек, знающий немецкий язык. С доводами Николая Васильевича начальство согласилось.

На эту должность был назначен Владимир Зеленин. К началу войны он успел закончить второй курс

исторического факультета МГУ. Однако у войны свои нужды. Зеленину, изучавшему немецкий язык, предложили продолжить учебу в Военном институте иностранных языков. Ускоренный курс обучения он завершил в конце 1943 года. Немецким владел свободно, мог разговаривать на английском и французском языках.

По индивидуальному заказу всем членам миссии была пошита новая военная форма, выданы соответствующие документы для заграничной командировки, подготовлен минимальный запас канцелярских принадлежностей. Самые значительные хлопоты были у связистов, которые

должны были взять с собой в Югославию несколько радиостанций разной мощности и необходимые запасные части к ним.

Перед советской военной миссией в Югославии были поставлены следующие задачи: изучить положение в стране, выявить ее нужды и потребности для борьбы с врагом, организовать связь Верховного штаба НОАЮ с высшим командованием Красной Армии по вопросам снабжения, в перспективе — осуществлять взаимодействие двух братских армий в борьбе с общим врагом.

Настало время проинформировать правительство Великобритании о составе миссии. Это было сделано в письме В. М. Молотова на имя Д. Бальфура 14 января 1944 года:

«Уважаемый господин поверенный в делах, в связи с Вашим письмом от 18 декабря 1943 года сообщая Вам для сведения прави-

тельства Великобритании состав военной миссии СССР в Югославии.

Миссию возглавляет генерал-лейтенант Н. В. Корнеев. Его заместителями будут генерал-майор А. П. Горшков и полковник С. В. Соколов. Членами миссии являются советник В. М. Сахаров, советник Б. Н. Богомолов, полковник Н. К. Патрахальцев, подполковник Г. С. Григорьев, майор Л. Н. Долгов, майор П. М. Коваленко, капитан В. П. Григорьев.

Военной миссии СССР в Югославии даны указания ознакомиться на месте с существующим положением и собирать необходимую информацию для Советского правительства. Советское правительство выражает свою признательность правительству Великобритании за выраженную им готовность содействовать организации в Каире базы для советской военной миссии в Югославии. По прибытии в Каир военная миссия,

о дате отъезда которой я сообщу дополнительно, воспользуется помощью, которую соответствующие британские власти могут ей оказать в этом вопросе».

16 января НКВД СССР получил ответ:

«Дорогой господин Молотов, я пишу с тем, чтобы поблагодарить Вас за Ваше письмо от 14 января, в котором Вы сообразовали сообщить мне фамилии основных членов советской военной миссии в Югославии. Я довел эту информацию до сведения моего правительства вместе с содержанием заключительного параграфа моего письма. Верьте мне, искренне Ваш Джон Бальфур».

Таким образом, к отлету советской военной миссии в Югославию все было готово. Параллельно шел процесс подбора экипажей и их подготовки. ■

Д. М. КАРБЫШЕВ

ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА ГРАНИЦ СССР

▲ Броневая башня форта-заставы

Мировая война так всколыхнула Европу, что карта её, как трещинами, покрылась границами новообразовавшихся государств. Только незначительные участки границ остались на прежнем месте и сохранили свое значение на счетах стратегии. Целые системы крепостей отошли к противнику или отодвинулись от границы настолько, что утратили свое значение. Крепости Германии по Версальскому договору должны быть скрыты, вопрос об инженерной подготовке её границ решается просто — её

не может быть. Для многих из вновь сформированных по произволу Антанты малых государств подготовка границ к обороне стала излишней и ненужной роскошью, а вопрос о крепостях — отвлеченно философской темой. Действительно, что могли дать Бельгии её крепости по германской границе, если бы она вступила в борьбу один на один. Сила солому ломит, крепости рано или поздно были бы взяты, а расходы по войне бельгийцы уплатили бы с приличными процентами. Не коммерческие ли комбинации бельгий-

ских фирм и фортификационный зуд Бриальмона привели к созданию на границе крепостей-броненосцев, так бесславно погибших под первыми ударами немцев?

Бриальмон Генрих (1821-1903) — бельгийский военный инженер и писатель, один из авторов броневой фортификации.

Броневая фортификация предусматривала оборону крепости на основе артиллерийского огня из броневых установок, броневых фортов и бронепатарей. Появление во второй половине XIX в.

Карбышев Дмитрий Михайлович (1880-1945) — советский военный инженер, ученый, генерал-лейтенант инженерных войск (1940), профессор (1938), доктор военных наук (1941), Герой Советского Союза (посмертно, 16. 8. 1946), известен как один из выдающихся советских военных деятелей, сочетавший в себе лучшие качества русского советского генерала, крупного ученого, замечательного педагога и пламенного патриота своей Родины.

Родился в Омске 14 октября 1880 года в семье военнослужащего из сибирского казачества. Окончил Сибирский кадетский корпус (1898), Николаевское инженерное училище (1900), Николаевскую инженерную академию (1911).

Кадровый офицер русской армии, участник русско-японской и I мировой войн, Д. М. Карбышев с первых дней Октябрьской революции 1917 года без колебаний стал на сторону победившего пролетариата, и отдал все силы, боевой опыт, талант на защиту первого в мире Социалистического государства.

В Гражданскую войну Д. М. Карбышев занимал ответственные посты в Главном военно-техническом управлении РККА, на Восточном и Южном фронтах, на строительстве полевых укрепленных районов и рубежей.

Отличительной чертой научно-исследовательской деятельности Д. М. Карбышева является умелое сочетание теории с практикой. Постоянно поддерживая связь с войсками, он пристально следил за развитием тактики и оперативного искусства, за постановкой обучения войск, делая из практики соответствующие выводы, доводя их в дальнейшем до теоретических обобщений.

Органическая связь теории с практикой позволила Д. М. Карбышеву создать основы теории инженерного обеспечения боя и операции, получившие всеобщее признание в мирное время и во многом оправдавшиеся в ходе Великой Отечественной войны. Он по праву считается основоположником теории инженерного обеспечения боя и операции.

Д. М. Карбышев был первым советским ученым, который наиболее полно исследовал и разработал вопросы применения разрушений и заграждений в современной войне. Он придавал большое значение организации и механизации инженерных работ и в своей практической деятельности являлся страстным пропагандистом идеи оснащения Красной Армии инженерными машинами, в умелом применении которых справедливо видел решение проблемы производства инженерных работ в темпах, соответствующих общему темпу развития боевых действий войск.

Д. М. Карбышев оставил после себя более ста книг, брошюр и статей по различным отраслям русского, советского и зарубежного военно-инженерного искусства.

Великая Отечественная война застала Д. М. Карбышева на западной границе, где он выполнял специальное задание по проверке хода оборонительного строительства. При попытке вырваться из окружения во время переправы через Днепр севернее Могилева, был тяжело контужен и попал в плен. Будучи узником фашистских лагерей смерти Замость, Хаммельбург, Флоссенбург, Майданек, Освенцим, Заксенхаузен, Маутхаузен, находясь в Нюрнбергской тюрьме и тюрьме гестапо под Берлином, проводил среди военнопленных активную антифашистскую подпольную работу.

«Нет большей победы, чем победа над собой! Главное не пасть на колени перед врагом...» Категорически отказался перейти на службу к фашистам. «Я совестью и Родиной не торгую».

В ночь с 17 на 18 февраля 1945 года после зверских пыток немецкие фашисты вывели генерала Карбышева на мороз. Сняв с него всю одежду, обливали холодной водой до тех пор, пока тело генерала не превратилось в ледяной столб. Тело погибшего генерала Карбышева фашисты сожгли в печах Маутхаузена.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Д. М. Карбышеву «За исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне» посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На памятнике генералу Карбышеву на территории бывшего концлагеря Маутхаузен выбиты слова «Дмитрию Карбышеву. Ученому. Воину. Коммунисту. Жизнь и смерть была подвигом во имя жизни».

▲ Полевые фортификационные сооружения

нарезной артиллерии и фугасных снарядов вызвало необходимость увеличения диаметра крепости, числа фортов и общей численности крепостного гарнизона. На это не могли пойти многие страны Европы, в особенности малые. Не случайно поэтому, что идеи броневой фортификации привились в первую очередь в таких странах, как Бельгия, Голландия, Румыния, Швейцария, Дания и лишь частично в Германии и Франции.

Пропаганда в Западной Европе броневой фортификации не случайна: она связана с развитием металлургической промышленности, нуждавшейся в сбыте своей продукции, в частности пушек и брони. Бриальмон, как и некоторые другие представители броневой фортификации, были тесно связаны с этими металлургическими фирмами в экономическом и техническом отношении.

По проектам Бриальмона были возведены укрепления Бельгии и Румынии.

Опыт мировой войны показал, что всякие нейтралитеты совершенно не являются гарантией безопасности слабых государств; не спасут их при изолированной борьбе и никакие крепости. Только вхождение в союз с сильными соседями может придать смысл заблаговременной инженерной подготовке границ, но в таком случае малое государство составляет как бы кусочек территории своих союзников.

Бельгия основательно подготовила к обороне германскую границу, а вместе с тем до последнего момента колебалась — на чью сторону из столкнувшихся держав встать. Эти колебания в политике повели к тому, что французская армия не была своевременно допущена на территорию Бельгии, а собственная армия действовала нерешительно и инженерную подготовку совершенно не исполь-

зовала. Не было ничего невероятного в том, что Бельгия могла стать на сторону союза, а тогда и карта Европы имела бы совершенно другой вид. Крепости Бельгии своей роли не сыграли, но вместе с тем они сыграли колоссальную и роковую роль, в ходе войны, явившись тем капканом, за который зацепилась германская армия. Эта случайная задержка помогла Марне, где решалась участь войны, Марна привела к Руру. Не будь бельгийских крепостей — план Шлиффена мог бы осуществиться. Это лишнее раз подтвердило, что защищать свою границу нейтралитетом соседа рискованно.

Встань Бельгия в последний момент на сторону Германии — крепости по Мозелю потеряли бы свой смысл, а вместе с тем появилась бы потребность в крепостях на незащищенной французской границе. В условиях шаткой политики, отсутствия какого бы то ни было плана войны и даже желания воевать, как

▲ Немецкая 420-мм мортира Берта

то было в Бельгии — говорить об инженерной подготовке границ серьезно не приходится, как нельзя делать какие-либо выводы о сопротивлении крепостей, созданных не по стратегическим, а скорее коммерческим соображениям, чтобы дать сбыт броне отечественных заводов.

В таком же шатком положении находилась политика Италии. А до середины войны и Румынии.

Политика Болгарии и Турции была так же неопределенна и выступления неожиданны.

Перед мировой войной в условиях тайной дипломатии и предательской политики Европа представляла шайку государств разбойников, готовых за золото предать ближнего. В таких условиях логически приходилось готовить границы к обороне на всем протяжении. Вооруженную силу можно двинуть по всем направлениям, крепости же не сдвинешь, почему и вопрос о них должен был решаться осторожно. Более ясная политика, а следовательно, и вытекающая из нее стратегия стояли у двух главных держав европейского концерта — Франции и Германии, и, как показала война, их инженерная подготовка границ свою роль выполнила.

Что касается царской России, то хотя к началу войны политика и име-

ла вполне определенную линию, зато в стратегии был полный туман, что не могло не отразиться катастрофически и на инженерной подготовке границ.

По докладу военного министра Сухомлинова царское правительство приняло в 1910 году решение о переносе стратегического развертывания русской армии из Привислинского края (Польша) в глубь страны, на линию Неман — Буг. В связи с этим было решено упразднить крепости Варшава, Ивангород и Зегрж, расположенные на передовом театре, а на новой линии развертывания построить новую крепость Гродно и усилить существовавшие крепости Ковно и Брест-Литовск. Между тем стратегическое развертывание русской армии в 1914 году по настоянию французского правительства вновь было выдвинуто вперед на реку Вислу, но это развертывание уже не обеспечивалось системой крепостей: Варшава, Ивангород и Зегрж были разоружены, а форты Варшавы — взорваны.

Есть основание полагать, что в переносе развертывания русской армии на линию Неман — Буг и в упразднении крепостей Варшава, Ивангород и Зегрж основную

роль сыграла немецкая разведка, с которой был связан, как выяснилось в годы первой мировой войны, предатель Сухомлинов.

Нам, инженерам, непосредственным исполнителям работ по подготовке границ к обороне, закулисные тайны стратегии были закрыты, почему явилась полной загадкой вся пертурбация, производившаяся с крепостями на западной границе накануне войны. И свет на эту тайну проливает стратегическое покаяние автора крепостных экспериментов генерала Борисова, игравшего руководящую роль в инженерной подготовке границ.

Из его слов оказывается, что «Новогеоргиевск стоял всегда где-то в стороне от оперативной мысли». Это первоклассная крепость, на которую оперативная мысль должна была опираться!

«Стратегического значения Ивангорода никто не мог определить, и акт по этому вопросу, утвержденный самим императором, ... вызвал только скрытую улыбку генерала Пузыревского». Командующий войсками округа, кандидат в командующие фронтом, не знает назначения крепости, на которую должно базироваться развертывание подготовляемой им армии и вместо того, чтобы разрешить вопрос, смеется. Но дорого заплатила русская армия на берегах Вислы и Пилицы, своей кровью за добродушную улыбку генерала.

«Мы (Пузыревский и Борисов) не знали, для чего существует Ивангород. В 1910 году его взорвали, но одновременно оперли на него правый фланг русской массы, выставляемой против Австрии». В 1914 году, в самом начале войны, когда австрийцы внезапно ударили в указанный правый фланг, мы спешно, кидая миллионы рублей, стали восстанавливать Ивангород, беря артиллерию из Бреста. Но, конечно, не создали крепости. Под такой же сумбур оперативной мысли попала и Варшава.

В результате такого взгляда на крепости западного театра военных действий по идее Борисова, Сухомлиновым были упразднены крепости Ивангород, Варшава и Зегрж;

Новогеоргиевск же, «стоявший в стороне от оперативной мысли», почему-то был оставлен. При этом развертывание армии относилось на линию Ковно — Брест, причем с 1910 года Ковно и Брест развиваются, а в Гродно строится новая крепость.

При этом Осовец является заставой передового театра.

Для нашего Генерального штаба не было, конечно, секретом, что к указанному времени по плану войны первый удар Германии должен был обрушиться на Францию; на востоке же второочередные части, опирающиеся на крепости, должны были задержать наше вторжение в Германию. С этой стороны бояться развертывания «в польском мешке» не следовало, что действительность и подтвердила. И перенос линии развертывания внутрь страны был совершенно не понятен.

Во всяком случае такое мероприятие было, безусловно, на руку противнику, так как, с одной стороны, оно ставило их восточную границу в более благоприятную обстановку, а затем, не имея на новой линии развертывания крепостей, мы приступили к ликвидации таковых на передовом театре, где они при всяких обстоятельствах могли бы сыграть роль.

Не удивительно поэтому, что, по словам автора крепостной реформы, самого же Борисова, «все это было своевременно оценено германской военной литературой (в книге HermannHochwart, 1912), как стремление русских к уменьшению срока мобилизационной готовности с 26 дней до 16 и нежелание начинать войну с арьергардных боев и поражений. И новый фронт развертывания русской армии признавался «необычайно искусно избранным».

Мне кажется, не нужно быть особенно дальновидным, чтобы понять, что такая похвала врага накануне войны была далеко неискренна, не даром автор скрылся под псевдонимом. Борисовым же, Сухомлиновым и Ко отзыв немцев был принят за чистую монету и еще более укрепил

в них абсурдную идею, в чем дальше сознается сам же Борисов.

«В конце концов, быстрая и непрерывная смена начальников генерального штаба и полная непригодность из них, а равно влияние французского генерального штаба, привели к тому, что в 1914 году мы, уничтожив крепость Варшаву, Зегрж и Ивангород, — все же вбили массу наших сил в польский мешок». «Развертывание наших армий было произведено как-то «вне наличия крепостей». «Трудно найти серьезные, а не канцелярские соображения о планообразности роли и значения наших крепостей в предвоенный период». Не верится, что все это говорит не посторонний безучастный критик, а ответственный работник Генерального штаба, от которого всецело зависело своевременное выявление роли крепостей и организации инженерной подготовки границ.

Никакой оперативной идеи в крепости не было вложено не только перед войной или в период развертывания, но и в дальнейшем развитии операций. При отходе от Вислы генерал Алексеев (начальник штаба ставки верховного главнокомандующего русской армии в годы первой мировой войны) на доклады ему о необходимости эвакуировать Но-

вогеоргиевск ответил, что он не может взять на себя решение бросить крепость, «над которой в мирное время так много трудились». В итоге такого бессмысленного взгляда на крепость противнику отдаются до 100 000 пленными, 1 000 орудий, громадные запасы, и без сопротивления бросаются Ивангород и Брест-Литовск.

На нашем и бельгийском примере лучше всего подтвердился старый афоризм Наполеона: «крепости, как и пушки, сами не стреляют, а требуют, чтобы ими умело пользовались». Можно ли говорить о роли крепостей при таком полном стратегическом сумбуре, доходящем до явного предательства? Добавьте к этому слабое вооружение, недостаточно обученные гарнизоны и неспособных комендантов и получите полную картину тернистого пути крепостей.

Появившаяся за последнее время обильная литература по крепостному вопросу, у нас и за границей, достаточно проливает свет для того, чтобы сказать, что в умелых руках крепости приносили пользу и являлись необходимым элементом при стратегических расчетах.

Все же тумана, окружавшего крепостной вопрос, мировая война не рассеяла, и в то время, как фран-

▲ Волчья яма

▲ Блиндаж

цузы высказываются о крепостях положительно, немецкие авторитеты (Бернгарди, Людендорф) их отрицают, хотя крепости Германии польза, безусловно, принесли.

Чтобы разобраться в этом вопросе, посмотрим, какие задачи возлагались на большую крепость. В законоположениях определения роли крепости и самого понятия нет, но наши официальные руководства видели назначение крепостей в том, чтобы «с возможно меньшими силами на возможно продолжительное время приковать к себе возможно большее количество неприятельских войск».

В. Чекмарев («Теория крепостной обороны») дает такое определение: «Крепость есть оборонительная система, рассчитанная на определенную продолжительность сопротивления и предназначенная для обеспечения обладания или сохранности предмета, важного для армии при минимальной затрате живой силы».

И в нашем понятии крепость всегда была сомкнутой позицией, способной обороняться против превосходящих сил продолжительное время.

Идеи постепенной атаки* Вобана всегда неразрывно связывались с понятием о борьбе за нормальную крепость. Венчание гласиса**, переход

через ров, минная борьба*** и прочие атрибуты постепенной атаки до последних дней входили в наши расчеты при проектировании фортов, и опыт Порт-Артура этот взгляд подтверждал. Угрозы Зауэра**** нас не утрушали.

**Постепенная атака — последовательное, систематическое уничтожение активных и пассивных средств обороны крепости огнем осадной артиллерии и такое же постепенное приближение к крепости пехоты осаждающего, которая, занимая ряд приближающихся к крепости позиций, производит траншейные работы, подходит вплотную к крепостным укреплениям и овладевает ими. До развертывания постепенной атаки осажденная крепость полностью изолируется от внешнего мира. В разработке методов постепенной атаки большую роль сыграл французский маршал Вобан.*

***Венчание гласиса — устройство атакующими траншеи у гребня гласиса крепости, называвшейся траншеей венчания и служившей последней предитурмовой позицией.*

****Минная борьба — боевые действия противников, когда атакующие войска за невозмож-*

ностью уничтожить артиллерией укрепления обороняющихся войск прибегают к устройству подземных галерей, которые подводят под укрепления противника, закладывают в голове галерей минные горны (заряды взрывчатых веществ) и взрывают их для разрушения этих укреплений. Обороняющиеся войска в свою очередь стремятся своими контрминными галереями не допустить атакующих к своим укреплениям и разрушить заложенную ими минную систему. Минная борьба при осаде и обороне укрепленных городов применялась еще в глубокой древности. В полевых условиях минная борьба стала применяться в незначительных размерах со второй половины XIX в.; наибольший размах минная борьба получила в войну 1914-1918 гг., особенно на западном фронте во Франции.

*****Зауэр Карл Теодор (1834-1893) — баварский артиллерийский генерал, комендант многих крепостей, военный писатель, один из авторов броневой фортификации и нового метода ускоренной атаки крепостей.*

Крепость рисовалась как нечто устойчивое и долговечное. И какое разочарование в первых дней войны:

«Так как бомбардировка фортов Намюра началась 21 августа в 10 часов, а форт Саарле пал 25 в 17 часов, а не на рассвете, то последний оплот крепости Намюр пал лишь после четырех дней и семи часов сопротивления. Сказать, что крепость Намюр была взята в течение трех с половиной дней, — это допустить ошибку, граничащую с дискредитированием обороны крепости». «Что касается Мобежа, то нелишне напомнить, что бомбардировка его началась 29 августа около 12 часов.... Допуская, что стрельба прекратилась в 18 часов, установим, что сопротивление Мобежа от начала бомбардировки длилось девять дней и шесть часов».

Так капитан генерального штаба бельгийской армии Эрбие восстанавливает попорченную честь своей крепости. Его национальную гордость

задел капитан французской армии Кельц, заявивший на страницах печати в статье «Взятие германцами Мобежа», что «Мобеж со своими большей частью устарелыми фортами держался втрое дольше, чем Намюр с его совершенными фортами и почти столько же, сколько Антверпен, бывший одной из наилучших крепостей в мире». Кельц устанавливает сроки сопротивления Намюра в 84 часа и Мобежа в 240 часов, а Эрбие — Намюра в 103 и Мобежа в 222 часа. Разница выходит для Намюра 19 часов, а для Мобежа 18 часов.

Как странно и непонятно звучит эта торговля в часах по сравнению с годовыми оборонами Севастополя и Порт-Артура, не говоря о многолетних оборонах крепостей древности. Что сказали бы строители Намюра и Мобежа, что сказали бы правительства, отпускавшие им на крепость деньги, если бы перед ними были раскрыты эти строки.

Правда, бельгийские крепости явились в роли той копеечной свечки, от которой по пословице «сгорела Москва», но едва ли бы экономные бельгийцы решились так дорого заплатить за эту свечку. Ведь бельгийские крепости были самыми дорогими крепостями в мире... и только для того, чтобы продержаться часы.

Наряду с этим Перемышль, имея отличный гарнизон из полевой армии в 120 000 человек, «приковал» к себе 60 000 наших второстепенных войск.

В современных войнах, длящихся годами, крепость, сопротивляющаяся часами, серьезного оперативного значения иметь не может. Защитили ли хоть сколько-нибудь бельгийские крепости вторжение противника в страну? Конечно, нет. Правда, в критические дни бельгийское командование сделало все от него зависящее, чтобы ослабить сопротивление крепостей, многому в этом отношении поспособствовал

и Бриальмон своей броневой фортификацией, но будь крепости построены и по «русской школе» — дело от этого едва ли бы выиграло.

«Русская школа» долговременной фортификации сложилась уже в XVIII в., но затем ее традиции были забыты и восстановлены лишь во второй половине XIX в. в трудах А.З. Теляковского, К.И. Величко и других военных инженеров. Идеи русской школы фортификации основаны прежде всего на требованиях активной и упорной обороны крепости, в связи с чем тяжелая артиллерия из фортвов перемещалась на промежутки и создавался подвижный артиллерийский резерв. Таким образом, крепостной пояс получил два отдельных и взаимозависимых элемента: 1) форт — пехотный опорный пункт и 2) промежуточную батарею. Благодаря этому резко затруднялись наступательные действия противника и вме-

▲ Бронебатарея

▲ Миномет в окопе

сте с тем активизировались оборонительные действия гарнизона крепости.

Западноевропейская школа броневой фортификации стремилась создать только один элемент устройства крепости — форт-батарею, что неизбежно вело к пассивной обороне.

История повторяется: триста пятьдесят лет назад при блокаде Антверпена испанцами мясники, члены думы Антверпена, воспротивились плану затопления окрестностей крепости, так как на лугах у них пасся скот и вследствие этого Антверпен пал. Но тогда он все же продержался год. Современные защитники Антверпена не далеко ушли от своих предков.

Повторяю, роль, сыгранная крепостями в первых операциях мировой войны, была громадна, но вместе с тем и случайна, что и привело к противоречивым выводам.

Взгляните на техническую литературу, какой в ней разнородной мысли и сумбур. Одни говорят, что крепости утратили значение как факторы

стратегические, показали полную несостоятельность в условиях самостоятельной обороны, почему кольцевая форма отжила свой век. Другие не менее горячо и убедительно доказывают, что крепости должны быть только кольцевыми; иначе они не могут служить опорой армии, «крепким местом». Одни говорят, что по опыту форта Во, он оказался наилучшей формой опорного пункта крепости; другие утверждают, что форт совершенно никуда не годится и предлагают свои форты. И надо всей этой технической какофонией раздаётся голос немецких стратегов — «крепости не нужны».

Нас крепости могут интересовать с двух сторон: как средство инженерной подготовки границ СССР и как объект атаки Красной Армии. Второй вопрос является более простым и легким, так как для него мы должны иметь сведения о подготовке границ наших соседей, первый вопрос должен быть разрешен конкретно.

Границы нашего Союза настолько обширны, что разрешать вопрос в целом, конечно, не приходится,

и с этой стороны непосредственный реальный интерес для нас имеет западная граница, частично — северо-западная, черноморское побережье и кусочек балтийского.

Даже и в таких суженных рамках трактовать вопрос в целом — трудно, и для различных участков он получит различное разрешение.

Инженерная подготовка границ базируется на стратегии, стратегия — на политике, и постройка только тогда рациональна и прочна, когда прочен фундамент, на котором она покоится.

В мировую войну блестящая немецкая стратегия провалилась вследствие неправильной политики. Германия переоценила свои силы и нажила слишком много врагов. Когда я уже говорил, у ряда держав накануне мировой войны не было определенной политической линии, почему не могло быть и твердой стратегии.

В этом отношении политика Советской власти ясна и может служить твердой базой для стратегических расчетов.

Опыт Гражданской войны убедил Антанту в трудности и бесполезности интервенции, а за три года, прошедших с момента окончания войны, положение еще более резко изменилось в пользу СССР.

Главный недостаток долговременной инженерной подготовки в современных условиях заключается в том, что рассчитывать на стабилизацию фронта невозможно, а в таких случаях всякая заблаговременно укрепленная, прочная позиция, не приспособленная к самостоятельной обороне, свяжет действия опирающейся на нее полевой армии.

Но, повторяю, задачи инженерного дела, а следовательно, и его формы на различных участках границы будут решены различно.

Точное решение может быть, конечно, произведено на основании точных стратегических и мобилизационных данных, которым в печати не место, но вместе с тем вопрос о желательных и возможных инженерных формах может быть примерно намечен.

К сожалению, наши стратеги этого вопроса не освещают, ограничиваясь общими фразами и выводами о роли крепостей по опыту мировой войны, представляя разрешение этого вопроса техникам, последние же, не имея стратегического фундамента, путаются в технических деталях, решая вопрос абстрактно или поневоле вторгаются в область стратегических рассуждений. Но так как вопрос требует конкретного решения, приходится базироваться на условных стратегических предпосылках, не претендующих на особую правильность.

II

Прежде всего следует учесть, что наши непосредственные соседи сами по себе, без помощи Антанты, не представляют для СССР сколько-нибудь серьезной опасности и силы. Их слабая промышленность позволяет надеяться, что опасности этой не будет в ближайшем будущем. В далекое будущее ввиду крайней неустойчивости политического положения за рубежом и отсутствия экономических возможностей с нашей

стороны заглядывать не приходится.

Таким образом, территории этих держав могут служить только плацдармами для активных действий наших главных и могущественных врагов — Франции и Англии.

Д. М. Карбышев в те годы (1924 год) не мог предвидеть, что США, Франция и Англия — противники Германии по первой мировой войне — помогут быстро восстановить германский милитаризм с целью направить его на СССР. Поэтому в этой статье Германия не принималась в расчет как наш вероятный противник.

Наличие Балтийского побережья, свободное владение морем, густая сравнительно сеть железных дорог на территории прибалтийских государств эту задачу облегчает. В этом направлении наиболее вероятно появление со стороны противника сильных технических средств: тяжелой артиллерии, танков и даже воздушного флота. Современная тяжелая техника требует надежной подготовки тыла; наличие морского пути эту задачу облегчает.

Вместе с тем в наиболее угрожаемом углу наш единственный порт и морская база на Балтийском море — красный Петроград, являющийся в то же время и промышленным центром.

Необходимость самой надежной инженерной подготовки обороны этого района — вне всякого сомнения, и даже при наших скудных средствах экономия здесь малоуместна.

Переход Петрограда и Кронштадта в руки противника хотя бы на короткое время нанесет сильный ущерб интересам СССР и лишит нас Балтийского флота.

Ставить оборону этого района на одну доску с обороной других районов пограничной полосы, не говоря уже о труднодоступном и малонаселенном Полесье, конечно, нельзя, что лишний раз доказывает праздность и бесцельность всех технических рассуждений и выводов по инженерной подготовке границ вне времени и пространства.

Решение инженерных задач «оптом», к сожалению, обычный прием нашей технической литературы.

▲ Дзот

Возникает, таким образом, конкретный вопрос — как же должна быть решена инженерная подготовка Петрограда? Опасным по близости его соседом является Финляндия, но вместе с тем природа помогает нам в этом районе, так как опасный район ограничивается узким Карельским перешейком. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с обороной дефиле протяжением около 60 верст. Фланги позиции, прикрывающей это дефиле, могут получить поддержку нашего флота. Кроме того, район беден дорогами, лесист, труднопроходим, что способствует его инженерной подготовке к обороне.

Применение со стороны атаки тяжелой артиллерии в большом масштабе маловероятно. Важность прикрываемого объекта и близость его заставляют обратить серьезное

внимание на подготовку этого участка к обороне. Постройка какой-либо крепости или фортов-застав*, что уместно может быть на других участках границ, — бесцельна на Карельском перешейке, так как окружение их при наличии армии, прикрывающей Петроград, неосуществимо. Кроме того, недоступна и сама мысль о возможности прорыва перешейка.

***Форт-застава — отдельное долговременное укрепление с гарнизоном до батальона пехоты, вооруженное несколькими десятками орудий, часть из которых помещалась обычно в броневых башнях.**

Форты-заставы возводились обычно для прикрытия узких дефиле, для защиты узлов дорог или второстепенных направлений.

В данном случае инженерная подготовка сведется к укреплению плотного глубокого рубежа, снаб-

женного опорными пунктами, фланкирующими постройками и сетью дорог для осуществления быстрого маневрирования. Ввиду крайней ответственности указанного участка укрепленный рубеж должен иметь хотя бы частично постоянный гарнизон и вооружение.

Сложные приемы борьбы за укрепленный глубокий рубеж требуют высокой выучки войск и близкого знакомства с местностью, что достижимо только при постоянном гарнизоне. По своей конструкции опорные пункты рубежа должны напоминать центры сопротивления рубежей первой мировой войны с широким применением бетона в виде небольших разбросанных построек. Постоянные сильные препятствия должны прикрывать рубеж с фронта. Опорные пункты и остов позиции должны возводиться в мирное

▲ Форт-застава

время с переносом простейших работ на период мобилизации. Вместе с тем все подготовительные работы для их выполнения должны быть произведены заблаговременно (проекты, карты, склады материалов, инструменты, организация работ).

Морская оборона района должна быть организована при помощи морского и воздушного флота, опирающихся в своих действиях на инженерную подготовку берегов, минные заграждения и т.п. Вторым опасным направлением для Петрограда является нарвское направление. Естественный рубеж между Финским заливом и Чудским озером — река Нарва с болотистой долиной — отошел к противнику, почему и прикрытие этого направления сплошным укрепленным рубежом затруднительно и малонадежно. Невольно напрашивается мысль о создании прочного форта-заставы в районе Ямбурга (Кингисеппа), на который можно было бы упереть правый фланг рубежа по реке Луге.

Создание такого форта-заставы желательно и на Карельском рубеже в районе железной дороги как главного оперативного направления противника. Карельский укрепленный рубеж с ябургской группой и организованной береговой обороной логически должны быть объединены в оперативном отношении в один район.

Угрожающим для петроградского района является также направление от Пскова, являющегося крупным железнодорожным узлом. Кроме того, захват Пскова противником отдает инициативу в этом районе у его руки. Близость псковского узла к границе не позволяет надеяться на выполнение оборонительных работ по его прикрытию в период мобилизации, почему и подготовка здесь должна быть долговременная.

Как и всегда, размеры и технические формы опорного пункта будут обуславливаться его задачами, вероятными средствами атаки и техническими и экономическими возможностями обороны. В данном частном случае в задачу опорного пункта войдет прикрытие переправы через

▲ Цитадель

реку Великую и железнодорожно-го узла. Близость портов и наличие железных дорог делает применение при атаке самых сильных технических средств вполне возможным, а стратегическая важность узла делает применение их вероятным.

Надо учитывать, что мобилизация нашей армии может задержаться, почему в первые дни войны в районе Пскова будут действовать незначительные силы. Надеяться при таких условиях на упорную оборону узла средствами полевой армии невозможно, почему следует заранее организовать самостоятельную оборону. Вот тут-то и является вопрос — в какие технические формы выльется инженерная подготовка обороны железнодорожного узла при данных условиях.

Желательно было бы прикрыть переправу и узел дорог от огня противника, но при современной артиллерийской дальности и наличии воздушного флота безопасное ядро крепости — её цитадель — отошло в область преданий.

Цитадель — внутреннее укрепление крепости, имевшее самостоятельную оборону и служившее последним опорным пунктом для гарнизона крепости в случае падения основных укреплений.

Кроме того, крепость в современных условиях борьбы потеряла активность не только стратегического порядка, но даже и в масштабе узкотактическом, в целях самообороны. Мне пришлось в течение двух месяцев вести инженерную атаку на седлисскую группу крепости Перемышль (инженерная атака — ближняя атака, начинается с момента вступления атакующих в сферу действительного ружейного огня из крепости; состоит в подготовке пехотных позиций, подготовке к штурму и в производстве самого штурма). Я жил в версте от фортов, впереди линии обложения, без всякого охранения и совершенно спокойно чувствовал себя за решетками и фугасами обороны. Во время вылазки австрийцев 19 марта 1915 года на выход через узкие проходы и развертывание

▲ УР

20000 человек потребовалось несколько часов, и к рассвету вылазочный отряд еще не достиг линии обложения, а впереди ему предстояла невыполнимая атака сильной проволочной сети без предварительной артиллерийской подготовки. В результате — разгром и отход в крепость с большими потерями.

Величина гарнизона крепости определялась, с одной стороны, ее обводом, а с другой, — возможностью активных действий. Раз последний вопрос отпадает и техникой крепость осуждена на пассивное сопротивление, остается вопрос об обводе.

Наши вечные враги — артиллеристы противника — донимали нас всегда в двух направлениях: дальностью и разрушительной силой снарядов. В мировую войну к этому еще прибавилась химия.

Не что иное, как дальность, заставляла крепость разбухать и принимать фантастические размеры. Большой обвод требовал больших расходов по инженерной части, сильных артиллерийских средств, многочисленных гарнизонов. Все это

трудно выполнимо для государства, почему ни одна крепость в полном смысле не была на высоте предъявляемых к ней требований. Вопрос осложнялся тем, что по опыту Порт-Артура крепостные промежутки не могли оставаться незаполненными, и в том же Меце на громадном обводе немцы оборудовали промежутки в военное время.

Непрерывно прогрессирующая дальность артиллерийского огня привела к тому, что крепость переросла практически осуществимые и рациональные размеры, и мне кажутся совершенно бесцельными попытки некоторых специалистов бороться с дальностью артиллерийского огня путем соединения крепостей в районы во имя мифического безопасного традиционного ядра крепости. Надо примириться с тем, что в смысле дальности мы артиллерией побеждены, и вопрос этот исчерпан навсегда. Нет больше ядра крепости, нет больше горж фортов.

Конечно, на второстепенных труднодоступных театрах сильных артиллерийских средств у атаки может и не быть, но тогда незачем строить

и крепости. Вследствие полной пассивности крепости, сплошного заполнения промежутков между фортами и полной простреливаемости крепости перестали быть теми «гостиницами в пустыне», которыми они были во времена Наполеона.

Свободное дебуширование полевой армии из крепости в виду противника невозможно, вследствие чего они не могут дать надежного плацдарма, и задача эта должна быть решена несколько иначе.

Кроме того, крепость большого обвода не приспособлена к продолжительной самостоятельной борьбе, а такая борьба в условиях псковского узла является прямой задачей крепости. Прямым выходом из создавшегося положения является уменьшение диаметра крепости, мирясь с тем, что объект, защищаемый крепостью, не будет прикрыт от огня атаки. Возникает естественный вопрос — до каких же пределов сокращать размер и чем его обусловить. В рассматриваемом нами случае единственной задачей крепости будет преграждение узла дорог, т. е. роль форта-заставы.

Вторым вопросом является срок сопротивления. План развертывания может определить этот срок достаточно точно, но примерно он будет около месяца. Таким образом, задание конкретизируется: опорный пункт в районе Пскова должен в условиях окружения преградить противнику, обладающему сильными техническими средствами, овладение железнодорожным узлом и переправой на срок не менее месяца. При определении размеров и форм опорного пункта следует исходить из минимума.

Прежде всего следует отказаться от мысли вести какое-либо плановое артиллерийское состязание ввиду крайнего неравенства сил атаки и обороны, а также от тактической поддержки частей полевой армии, так как и та и другая задача потребует от опорного пункта значительной артиллерийской силы, что бесцельно его удорожит.

Артиллерийские средства опорного пункта в данных условиях

должны быть ровно такие, чтобы своим огнем сделать невозможным использование противником железнодорожного узла и переправы и затруднить устройство обходных веток. Вместе с тем ввиду стратегической важности узла и вероятных сильных артиллерийских средств атаки оборона небольшого форта-заставы будет затруднена.

Создание крепости малого обвода вокруг узла заставит, во-первых, включить её в обвод города с большим населением, которое поневоле будет подвержено всем тягостям осады, включая и химическую борьбу, а затем сплошная кольцевая позиция, хотя и малого размера, потребует гарнизона, насчитывающего тысячи человек. Долговременное заполнение промежутка будет дорого стоить и для обороны потребует артиллерийских средств. Кроме того, крепость малого обвода подвергнется химическому удушению, во избавление чего весь гарнизон должен иметь надежные газонепроницаемые убежища, что при значительном гарнизоне малоосуществимо. Всякий

узел железных дорог или переправа обычно расположены в низине, вокруг будут командующие высоты, создание сплошного кольцевого обвода затруднит применение к местности и поставит оборону в тяжелое положение. Остается один выход — создать вокруг узла группу фортов-застав в артиллерийской огневой связи между собой, что до некоторой степени создаст затруднения атак.

В таком случае возникает вопрос о конструкции форта-заставы. Дело в том, что если артиллерия раз и навсегда, безвозвратно и полностью, победила фортификацию своей дальностью, то она далеко не победила своей разрушительной силой. Действительно, под Намюром 53 батареи атаки выпускают 97 000 снарядов (груз 25 поездов), форт Мезере в первый день атаки получает 2 000 попаданий и все-таки не теряет своей обороноспособности. По Антверпену выпущено 300 000 снарядов (груз 200 поездов). По Осовцу выпущено 200 000 снарядов, из них попало в форты 30 000, т.е. 15%. Возле единственной броневой башни, ме-

стоположение которой немцам было хорошо известно, было до 4 000 во-ронок 6-, 8- и 12-дм бомб и из всех выпущенных снарядов попало только две, т.е. 1/40%. Кроме того, как показал опыт Вердена и Осовца, разрушения от самых больших калибров в бетоне и броне при надлежащем их качестве не так уже велики.

Под Льежем бомбардировка началась 5 августа, а тяжелые орудия начали действовать только с 12 августа, т.е. через неделю. Взятие Мобежа задержалось на 12 дней вследствие недостатка тяжелых снарядов и трудности питания батарей. Надо учитывать, что тяжелые орудия годны только на самое ограниченное количество выстрелов, количество их было самое ограниченное. Под Антверпеном из 300 000 выпущенных снарядов: 16-дм — 600, 12-дм — 2 000 и 8-дм — 12 000 шт., т.е. всего 5 % общего числа, а наиболее опасного калибра — 16-дм — только 1/6%, т.е. цифра относительно ничтожная. Для долговременных сооружений страшно не общее количество снарядов, а только снаряды крупного калибра.

▲ Подземная галерея УРа

▲ Военный инженер Белинский И.О.

▲ Генерал-лейтенант Кондратенко Р.И.

Под Новогеоргиевском у атакующего было 16-дм орудий — одна батарея, 12-дм — 2 батареи и 8-дм — 11 батарей; под Осовцом 16-дм — 4 орудия, 12-дм — 20 орудий и 8-дм — 16 орудий.

Немцы перещеголяли 11-дм гаубицу Шнейдера своей «Бертой» (этим именем называли немцы свою тяжелую гаубицу калибром 420 мм.) именно для ускоренных атак против крепостей а la Sauer; к этому их вынуждала крайность, так как для полевого боя даже в условиях позиционной войны, такой калибр бесцелен.

Командант форта Во подполковник Турнэ в своей статье «Оборона современного форта» указывает на прочное сопротивление бетона и брони самым тяжелым калибрам осадной артиллерии и это при условии, что противник был в 400 м, а постройки форта, в том числе и броневые наблюдательные пункты, торчали и были совершенно демаскированы.

Питание таких громадных орудий, как 420-мм гаубица, было затруднительно даже в условиях бомбардировки Льежа и Намюра, при близости немецкой базы и наличии хороших дорог и могучего транспорта. Едва ли нашим слабым соседям в условиях бездорожья удастся сделать что-либо подобное. Кроме того, слабым местом тяжелой артиллерии является малая вероятность попадания, в чем обороне в высшей степени может помочь маскировка.

Таким образом, можно положительно утверждать, что против построек из брони и бетона, хорошо маскированных и разбросанных на некоторой площади, артиллерия в условии крепостей на нашей современной границе будет бессильна, особенно учитывая её слабость и затруднительность питания. При недостатке брони форты-заставы могут быть заменены лесами, приведенными в оборонительное состояние пу-

тем постройки бетонных блокаузов* по типу, предлагаемому инженером Белинским**, но такой прием можно рассматривать только, как грубый суррогат форта-заставы.

**Блокгауз — фортификационное сооружение, приспособленное для ведения кругового огня и для жилья в нем гарнизона; обычно применяется для обороны железнодорожных узлов, станций, коммуникаций и в лесных условиях.*

***Белинский Иван Осипович — военный инженер, автор многих исследований и статей. Предложения Белинского об использовании лесов в системе инженерной подготовки государства к обороне изложены в его статье «Крепость — лес», опубликованной в 1923 году в журнале «Военная мысль и революция», №№ 38, 39.*

Но если тяжелая артиллерия и не является непобедимым врагом фортификации, то главная опас-

ность для крепости малого обвода, особенно лесистой, есть величина вполне реальная. «Вследствие того, что горчичный газ удерживается более продолжительное время на закрытых площадях, необходимо по возможности всегда избегать лесов», говорит Фрайс в своей «Химической войне». В условиях лесного форта-заставы при ограниченном гарнизоне явится вполне возможным полностью и надежно обеспечить весь гарнизон на 100% безопасными от тяжелых бомб и газов помещениями. Против применения леса в том масштабе и виде, как рекомендует его тов. Белинский, во многом можно протестовать, но как частный случай разработанная им идея может найти применение. Итак, резюмируя изложенное, я представляю себе опорную точку, прикрывающую псковский узел в виде группы фортов-застав. Малочисленный гарнизон должен и может быть постоянным, подобранным из стойких и хорошо обученных бойцов, а при таких условиях сила сопротивления опорного пункта будет большая, так как главное в обороне — дух.

Выполняя в данном случае узкую стратегическую задачу по преграждению пути противнику форт-застава (или группа) будет доступен СССР в финансовом отношении и вместе с тем будет «дешев тактически» Ю так как не оторвет от армии большого количества живой силы и вооружения. Стремление достичь при инженерной подготовке границ дешевизны экономическим путем создания в мирное время только некоторых элементов опорных пунктов, дополняя их в мобилизационный период полевыми сооружениями, на мой взгляд, совершенно недопустимо. За дешевые форты Порт-Артура мы заплатили потерей Кондратенко.

Кондратенко Роман Исидорович (1857-1904) — генерал-лейтенант, военный инженер, окончил Инженерную академию и Академию Генерального штаба. Во время русско-японской войны начальник сухопутной обороны крепости Порт-Артур. Погиб смертью храбрых 15 декабря 1904 года.

Дешевых построек быть не должно, общее же удешевление оборонительных работ должно достигаться уменьшением обвода, и применением фортов-застав этот вопрос вполне разрешается.

Следующим своеобразным для границы по характеру местности районом является участок от Невеля до Бобруйска. Северная половина этого участка представляет маневренный коридор, в коем благодаря множеству озер облегчается создание остова сплошного рубежа с опорными пунктами на флангах.

Минский узел дорог должен быть прочно прикрыт долговременными сооружениями, переправы через Березину и Друть могут быть обеспечены полевыми позициями в военное время.

Малодоступный район Полесья от Бобруйска до Искоростеня при наличии в тылу его значительного водного рубежа в виде Днепра заблаговременной фортификационной подготовки не требует. В военное время железнодорожные узлы Бобруйска и Мозыря могут быть без особых усилий прикрыты полевыми позициями. Создание таких позиций облегчается наличием лесных пространств, оборона — труднодоступностью местности на флангах. Несколько труднее организация обороны узла Искоростень, но и она сравнительно легко разрешается благодаря наличию лесных пространств, дающих маскировку, материал и препятствия в виде засек.

К югу от Полесья обстановка резко меняется, район Бердичев — Могилев безлесный, богатый дорогами и с юга охватывается румынской границей. Вместе с тем это направление является главным в смысле удара со стороны Польши по направлению к сердцу Украины — Киеву. Это направление может быть прикрыто группами фортов-застав у Бердичева и Жмеринки.

Далее до Одессы вероятным противником будет румынская армия, невысокие боевые качества которой и слабая техническая подготовка хорошо всем известны по мировой войне. Переправы на Днепре в Киеве и Черкассах должны быть проч-

но прикрыты полевыми позициями в военное время. В мирное время на означенных позициях достаточно создать лишь основные сооружения.

Намеченная инженерная подготовка должна сопровождаться разработкой дорог, мостов и связи. Последние работы будут служить и культурным целям края. Кроме заблаговременной инженерной подготовки, в первый период войны Красной Армии в самом широком масштабе придется пользоваться услугами полевых позиций, почему как коренной вопрос инженерной подготовки границ должно быть поставлено принятие мер к облегчению поспешного укрепления позиций. Для этого вся пограничная полоса должна быть заснята и должны иметься карты крупного масштаба. Для намеченных к укреплению позиций должны быть составлены подробные проекты и организованы склады инструмента и материалов.

Организация технических аппаратов и привлечения рабочей силы также должна быть продумана в мирное время. Кроме того, должна быть продумана организация поспешного укрепления позиций и быстрой постройки дорог и мостов. В случае крупной неустойки на некоторых участках должны быть приняты меры к быстрому созданию опустошенных полос, что требует строгой организации подрывного дела.

Поспешное укрепление позиций особенно затруднительно на безлесных участках, почему следует по разработке плана их постройки в мирное время приступить к посадке на них деревьев. В 2-3 года молодняк дает основу для препятствий, материал для одежды и будет служить маской для сооружений.

Большую пользу может принести приспособление в мирное время пограничных поселков к обороне путем их обсадки деревьями, специальной постройки каменных или глинобитных заборов, оград и т.п. Параллельным принятием всех мер можно, не обременяя непосильным расходом бюджет, сделать многое в подготовке границ к обороне. Стремления у СССР мирные, но война может быть

▲ Памятник Д.М. Карбышеву

вынужденная. Нет сомнения, что Красная Армия достаточно сильна и активна, чтобы избежать обороны, но, во-первых, не везде и не всегда можно наступать, а во-вторых, первое время на многих участках придется обороняться.

Инженерная подготовка границ СССР должна быть тем трамплином, с которого может сделать прыжок наша армия. Роль этой подготовки временная, почему громоздкие крепостные формы не должны иметь места, за исключением небольших участков. Совершенно недопустимы громоздкие и долгостоящие постройки и в смысле экономическом.

В итоге все мои рассуждения по инженерной подготовке границ СССР имели чисто теоретический и отвлеченный характер, не будучи связаны с планом развертывания и стратегическими операциями Красной Армии. Как техника меня

интересует задание, которое может в настоящее время в условиях нашей действительности поставить стратегия в области инженерной подготовки границ. Наши стратеги под впечатлением печальной участи крепостей в мировой войне первоначально пришли к заключению о полной их непригодности. По мере появления материалов, освещающих крепостной вопрос, мнение о крепостях, по-видимому, меняется в положительную сторону.

Все же к окончательному решению этого вопроса стратеги подходят крайне неохотно. У меня есть данные к тому, чтобы утверждать, что единого взгляда на инженерную подготовку границ к обороне у наших стратегов нет, это сказывается в самом определении термина «крепость». Крепости придается большей частью узко тактическая роль в связи с действиями опирающихся на нее полевых армий.

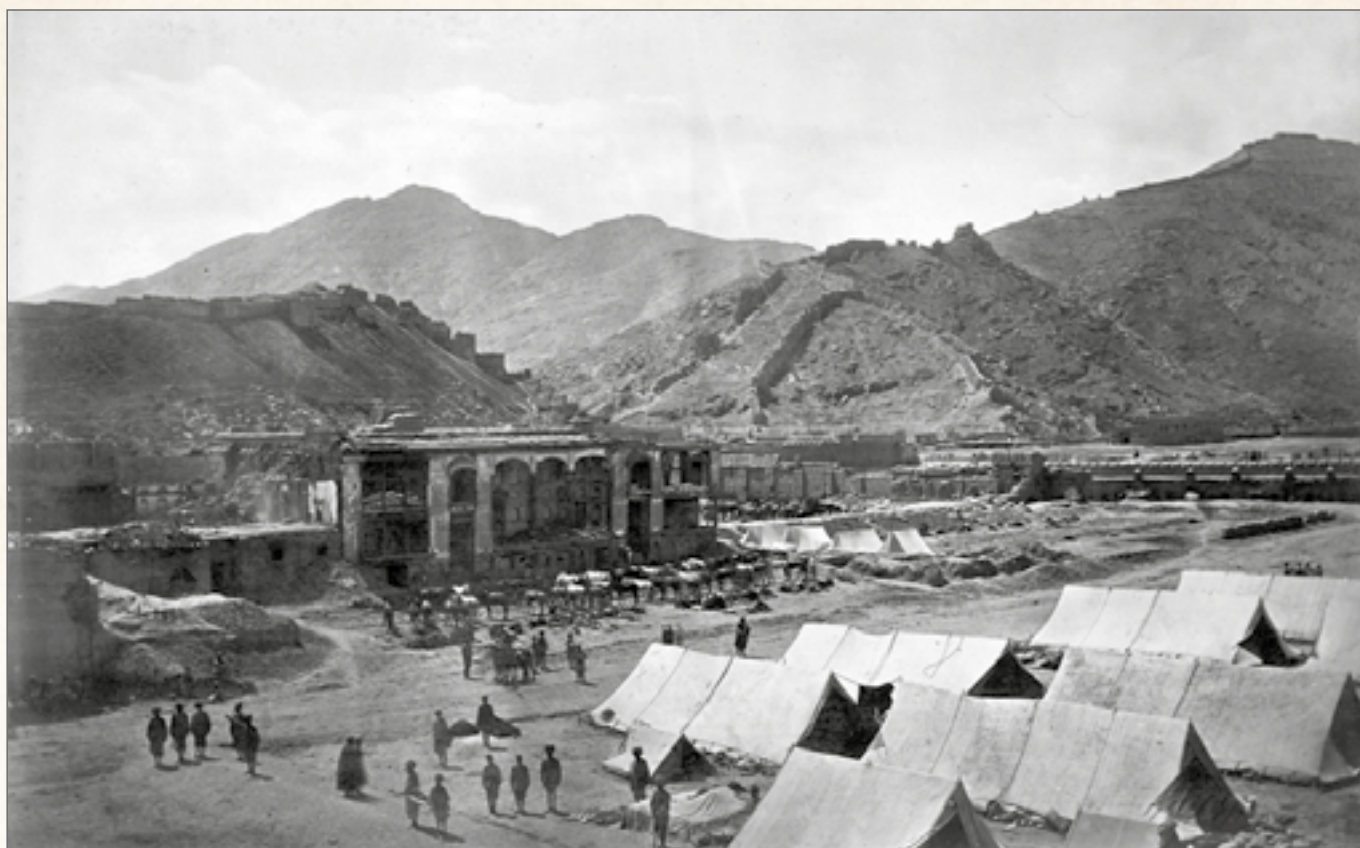
Я же полагаю, что крепость стратегического порядка, приспособленная к самостоятельной обороне без помощи полевой армии, независимо от своих размеров всегда может быть опорой полевой армии; крепости же тактического порядка, способные к обороне только в связи с полевой армией, свяжут ее действия. Мы, техники, можем дать определенный ответ только на определенное задание, которое должна нам поставить стратегия; пока же стратеги молчат, разрешая технические вопросы без стратегического фундамента, мы не выйдем из области крепостной философии. Технических форм предложено много, экономические и технические наши возможности достаточно выявились для того, чтобы подвести итог и дать заключение.

Время не ждет, стратеги, слово за вами. ■

Ю.Н. ТИХОНОВ

КАК РАЗРЕШИТЬ АФГАНСКУЮ ПРОБЛЕМУ

Афганская война началась для СССР не в 1979 году, когда советские войска вошли в Афганистан, а на 60 лет раньше. Еще Ленин называл эту страну «ключом к Центральной Азии». Троцкий вещал, что путь красной конницы в Европу лежит через Индию и Афганистан. Сталин не жалел ни сил, ни средств для защиты советских интересов в этом регионе. Битва за Афганистан — эта великая тайная война, в которой, кроме СССР, участвовали Британия, Третий Рейх, США, — затянувшаяся на весь XX век, не закончена до сих пор. И если мы не хотим вновь проиграть в схватке за Азию, нам есть чему поучиться у И. В. Сталина, сумевшего, не вступая в прямой вооруженный конфликт, не только отстоять, но и упрочить влияние СССР в этой зоне наших национальных интересов.

Афганская война началась для СССР не в 1979 году, когда советские войска вошли в Афганистан, а на 60 лет раньше. Еще Ленин называл эту страну «ключом к Центральной Азии». Троцкий вещал, что путь красной конницы в Европу лежит через Индию и Афганистан. Сталин не жалел ни сил, ни средств для защиты советских интересов в этом регионе. Битва за Афганистан — эта великая тайная война, в которой, кроме СССР, участвовали Британия, Третий Рейх, США, — затянувшаяся на весь XX век, не закончена до сих пор. И если мы не хотим вновь проиграть в схватке за Азию, нам есть чему поучиться у И. В. Сталина, сумевшего, не вступая в прямой вооруженный конфликт, не только отстоять, но и упрочить влияние СССР в этой зоне наших национальных интересов.

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО АГЕНТУРЕ СТРАН ОСИ В АФГАНИСТАНЕ

Осенью 1941 г. обстановка в полесе «независимых» пуштунских племен была крайне взрывоопасной. Восстание в Вазиристане были готовы поддержать многие пуштунские племена. Ненависть пуштунов к англичанам была настолько велика, что даже подкуп наиболее влиятельных вождей приграничных племен не гарантировал сохранения мира. Так, несмотря на подкуп англичанами вождя момандов Бадшах Гуля, в августе 1941 г. это племя подняло восстание. Причиной восстания стало строительство афганскими и английскими властями укреплений на землях момандов.

Чтобы подавить это вооруженное выступление момандов, афганское правительство срочно перебросило из Кабула в Джелалабад войска и в очередной раз одарило Бадшах Гуля бахшишем. С помощью англичан к середине сентября 1941 г. Хашим-хану удалось замирить это племя. Однако никто не мог поручиться, что моманды снова не возьмутся за оружие.

В Хайбарском проходе обстановка была не намного лучше. Афридии

▲ Сталин

предпринимали настойчивые попытки вступить в контакт с миссиями фашистских государств в Кабуле. В сентябре 1941 г. афганская полиция арестовала представителя этого племени Абдурахман-хана, прибывшего в Афганистан с целью наладить сотрудничество с германским посольством. Британская разведка считала, что афридиям все же удалось установить контакт с немцами.

МИ-2 в том же месяце получила сведения о новом визите двух немецких агентов к Факиру из Ипи. Хотя разведданные о связях Факира с немцами оказались ложными, они крайне напугали британские власти в Индии. Английское правительство решило добиться удаления из Афганистана поданных Германии и Италии, большая часть которых сотрудничала с фашистскими спецслужбами.

В Москве с готовностью поддержали этот план. Вводить войска в Афганистан англичане категорически отказывались, поэтому Великобритании и СССР предстояло осуществить совместный дипломатический демарш в Кабуле.

Чтобы добиться от Хашим-хана согласия на выдворение немцев и итальянцев из Афганистана, в Кабул прибыл новый посланник Великобритании Фрэнсис Уайли. Этот бывший губернатор одной из провинций Индии не был дипломатом, но его бойцовские качества как нельзя лучше подходили для оказания нажима на афганское правительство.

6 сентября 1941 г. вновь прибывший дипломат был принят афганским королем Захир-шахом, а через день состоялась его первая встреча с фак-

тическим правителем Афганистана — премьер-министром Хашим-ханом. На ней Ф. Уайли потребовал удалить германскую и итальянскую колонии из страны, но получил отказ. Более того, Хашим-хан заявил англичанину, что, если вермахт в ближайшем будущем достигнет границ Афганистана, «афганцы могут объединиться с немцами» и облегчить их проход к Индии.

Возможно, Ф. Уайли своей губернаторской манерой поведения спровоцировал всегда осторожного премьера на этот вызывающий ответ, но это заявление окончательно прояснило позицию афганской стороны: подданные победоносного на тот момент III рейха и его союзников останутся в стране. Хашим-хан прямо дал понять, что его правительство будет ориентироваться в этой войне на сильнейшего...

9 сентября 1941 г. встревоженный английский посланник встретился с послом СССР К. Михайловым и заявил, что «в условиях нынешней обстановки направит все свои усилия на сотрудничество с нами (СССР. —

Ю. Т.), на снабжение нас информацией по всем вопросам, касающимся совместной деятельности по борьбе с немцами в Афганистане. [...] Не может быть и речи о недооценке немецкой опасности...».

Правда, затем Ф. Уайли сообщил своему советскому коллеге: «...Англичане в борьбе с немецкой опасностью не могут пойти в Афганистане на применение таких же мер, как и в Иране, т.е. на ввод своих войск в Афганистан и на замену нынешнего афганского правительства другим правительством», так как «на территории Индии имеется большое количество хорошо вооруженных афганских племен — патанов, традиционно и религиозно связанных с афганцами, живущими на территории Афганистана. Вступление английских войск в Афганистан, так же как и смещение или замена афганского правительства путем применения внешнеполитического нажима, может привести к выступлению патанов в Индии. Это... нежелательно для англичан, поскольку английские войска в настоящее время в большом коли-

честве переброшены с северо-западной границы Индии в Северную Африку и Ирак». Таким образом, британская сторона в очередной раз дала понять советскому руководству, что не пойдет на повторение «иранского варианта», хотя Советский Союз был готов ввести свои войска в Северный Афганистан.

Если военный сценарий решения проблемы исключался, Великобритании и СССР пришлось использовать дипломатические и экономические рычаги давления на Афганистан. Великобритания применила следующие экономические санкции против Афганистана.

1. Был сокращен экспорт нефтепродуктов. Эта мера резко ухудшила экономическую ситуацию в стране.

2. Англичане наложили секвестр на афганское золото в Индии стоимостью в 50 млн афгани.

3. Если раньше все закупки членов афганской королевской семьи в Индии оплачивались британским правительством, теперь Захир-шах и его родня лишились таких «подарков».

▲ Афридии

4. По требованию командования индийской армии были задержаны на границе 670 грузовиков, закупленных афганским правительством в США. Англичане опасались, что эти машины смогут облегчить переброску германских войск к границе Индии.

В дополнение к экономическим санкциям Великобритания организовала радиопередачи на Кабул из Индии с критикой политики афганского руководства, которое и так было в шоке от ввода советских и английских войск в Иран. Опасаясь за судьбу династии, Хашим-хан стал склоняться к мысли о высылке немцев и итальянцев из страны.

Кроме этого, англичане, чтобы подтолкнуть афганского премьера к принятию выгодного им решения, щедро увеличили ежегодную субсидию ему до 25 млн рупий. Были подкуплены и многие другие политические деятели афганской правящей верхушки.

Не называя имен, Ф. Уайли 11 октября признался К. Михайлову: «По-

дарки идут систематически и на довольно крупные суммы. Почти все, что для личных целей закупает правящая династия (Яхья-хель. — Ю. Т.) в Индии, англичане освобождают от оплаты счетов». В Кабуле, в свою очередь, раздачей бахшишей занимался резидент британской разведки военный атташе подполковник А. Ланкастер.

Однако даже самые дорогие «подарки» не могли уменьшить ненависть афганцев к англичанам. Так, в середине сентября 1941 г. правительство Хашим-хана демонстративно выслало из страны пресс-атташе британского посольства майора Флетчера, который являлся сотрудником британской разведки. В Кабул он прибыл в августе 1940 г. с заданием пресечь деятельность фашистской агентуры в Афганистане. Имея в своем распоряжении большие денежные суммы, Флетчер успешно противодействовал интригам миссий стран Оси в афганской столице. Интересам Афганистана он не нанес никакого

вреда, но, несмотря на все протесты английского правительства, его, к радости немцев, все равно выдворили из страны. Одним словом, афганцы Англии ответили ударом на удар.

Но эту, по словам Ф. Уайли, «войну нервов» Великобритания без помощи СССР выиграть не могла, так как в Кабуле была очень сильна прогерманская группировка. Стремясь обеспечить безопасность северо-западной границы Британской Индии, английское правительство вновь обратилось к СССР с просьбой помочь заставить правительство Афганистана удалить из страны подданных Германии и Италии.

29 сентября 1941 г. в Лондоне состоялась встреча английского министра иностранных дел Э. Идена с советским послом И. Майским, на которой была достигнута договоренность о совместном демарше перед Кабулом с целью выдворения германских и итальянских подданных, не имеющих дипломатического статуса. А. Иден считал, что «настало

время оказать давление на афганское правительство с целью избавления от представителей стран Оси в Афганистане». По его мнению, в качестве первого шага СССР и Великобритания должны были потребовать от Хашим-хана удаления из Афганистана всех граждан Германии и Италии, не имеющих дипломатического статуса, а затем поставить перед афганцами вопрос о ликвидации миссий стран Оси в Кабуле.

В первых числах октября английская и советская миссии в Кабуле получили указания от своих правительств категорически потребовать высылки немцев и итальянцев из Афганистана. Хашим-хан, как и опасались англичане, попытался запугать Ф. Уайли возможностью мятежа патанов на индо-афганской границе. 9 октября 1941 г. английский посланник встретился с главой афганского правительства и заявил ему о «наличии в Афганистане немцев и итальянцев, ведущих опасную для Северо-Западной Индии деятельность». Никаких конкретных примеров Ф. Уайли не привел, но указал, что «немцы и итальянцы связаны с Амануллой и Шами Пиром». Хашим-хан категорически отказался выполнить английское требование о выдворении германских и итальянских подданных и пообещал передать этот вопрос на обсуждение парламенту. Английский посланник, который был крайне недоволен результатами своего визита к афганскому премьер-министру, вечером того же дня заявил советскому послу К. Михайлову, что передача вопроса о высылке немцев и итальянцев афганскому парламенту является ловким маневром Хашим-хана, который хочет «запугать англичан опасностью антианглийского выступления (пуштунских. — Ю. Т.) племен». Таким образом, чего больше всего опасалась Великобритания, то и случилось: афганское правительство попыталось разыграть пуштунскую карту.

В этой трудной ситуации СССР пришел на помощь своему союзнику, хотя активность абвера в Северном Афганистане, за отсутствием таковой, советской разведкой не была зафик-

сирована, а итальянские спецслужбы осуществляли подрывные операции только против Индии. Несмотря на это, в Москве трезво оценивали обстановку и понимали, что после провала блицкрига страны Оси попытаются реанимировать басмаческое движение, чтобы дестабилизировать обстановку в советских Среднеазиатских республиках. В итоге ослабление фашистской «пятой колонны» в Афганистане было выгодно и СССР. Тревожную тишину на советско-афганской границе в любой момент могли нарушить вооруженные Германией формирования басмачей...

По этой причине 11 октября 1941 г. посол К. Михайлов встретился с афганским премьером и сделал заявление, в котором указывал на активизацию враждебной СССР деятельности немцев и итальянцев, приводил сведения о подрывной деятельности Венгера, Шенка, Фишера и других немецких «специалистов». Советский посол заявил главе афганского правительства, что «преступная деятельность германо-итальянской агентуры не встречает, к сожалению, должного отпора и не принимаются предупредительные меры со стороны афганского правительства».

Далее, сославшись на положения советско-афганского договора о нейтралитете 1931 г., К. Михайлов от имени советского правительства предложил Хашим-хану «принять меры для того, чтобы в ближайшее время все члены немецкой и итальянской колонии покинули Афганистан и чтобы афганское правительство гарантировало соответствующее наблюдение за германской и итальянской миссиями [...]». Как и его английский коллега, К. Михайлов получил отрицательный ответ.

Правда, Хашим-хан, как сообщил в Москву советский посол, не стал «пугать нас тем, что он созывает Народный Совет (Лоя Джиргу. — Ю. Т.), зная, что народным обсуждением поставленного нами вопроса о конкретной борьбе с фашистской угрозой нас не запугаешь». Ситуацию на советско-афганской границе нельзя было сравнивать с обстановкой на «линии Дюранда», где пуштунские

племена могли в любой момент начать борьбу против Англии. Поэтому К. Михайлову афганский премьер лишь заявил, что обсудит заявление правительства СССР со своими министрами.

Совместный демарш возымел свое действие: 13 октября в 14.00 Ф. Уайли был вызван к Хашим-хану. Кроме премьер-министра на этой встрече присутствовали военный министр и министр иностранных дел. В их присутствии Хашим-хан заявил английскому посланнику, что «постарается удалить представителей Германии и Италии в течение трех месяцев». Ф. Уайли потребовал сделать это в месячный срок. Хашим-хан вынужден был согласиться с этим, подчеркнув, что окончательное решение по этому вопросу примет Лоя Джирга.

Англичане, которые знали, с какой ненавистью относятся к ним афганцы, боялись, что Лоя Джирга не одобрит выдворение германских и итальянских граждан. Ее делегаты могли даже принять решение об объявлении джихада против Англии и СССР. Угроза начала «священной войны» была особенно опасна для Великобритании, так как в Кабул, прежде всего, должны были съехаться вожди пуштунских племен. Поэтому Ф. Уайли приложил все усилия, чтобы добиться от Хашим-хана гарантий, что в Кабул не будут приглашены представители племен «независимой» полосы Британской Индии. Афганский премьер удовлетворил это английское требование.

Эта уступка не означала, что афганское правительство решило отказать от помощи приграничных племен. В середине октября 1941 г. на юге Афганистана состоялась джирга их представителей. Ее работа проходила в обстановке строгой секретности, но можно с уверенностью предположить, что вожди пуштунских племен по обе стороны «линии Дюранда» вновь согласились оказать помощь Кабулу, если для независимости Афганистана возникнет угроза.

Когда Г. Пильгеру и П. Кварони было сообщено о решении афганского правительства удалить

из страны всех немцев и итальянцев, которые не являлись членами дипломатических миссий, абвер предложил тайно перебросить всех здоровых немецких мужчин из Кабула в зону пуштунских племен, где в конце августа началось вооруженное выступление момандов против афганского правительства. В Берлине не были уверены, что Англия и СССР не потребуют закрыть посольства Германии и Италии в Кабуле.

Чтобы обеспечить надежную переправку Д. Витцеля, В. Доха и «добровольцев» в зону племен, Г. Сиддик-хан Чархи передал немцам на связь своих людей среди момандов. Вероятнее всего, немцы считали, что из Кабула им будет безопаснее бежать к момандам, чем прорываться, как М. Обердорффер и Ф. Брандт,

в Вазиристан к Факиру из Ипи. Однако, по словам Бхагат Рама Тальвара, только Д. Витцель был готов перебраться с Рахмат-ханом к момандам, а Г. Пильгер и К. Расмус «оптимизма в части осуществления этого предприятия не высказывали». Здравый смысл, а может быть, и недоброе предчувствие их не обманывали. Очередная германская авантюра в Афганистане закончилась бы еще более печально, чем «логарский инцидент».

К. Расмус передал людей, рекомендованных Г. Сиддик-ханом, на связь Бхагат Раму и тем самым провалил этих амануллистов. Уже 10 октября 1941 г. П. Фитин получил из Кабула от Замана шифровку, где перечислялись доверенные лица Сиддик-хана, при помощи которых

члены германского посольства хотели бежать из Кабула в зону пуштунских племен. К счастью для немцев, они отказались от этой затеи, как только узнали, что дипломатические миссии Германии и Италии в Кабуле не будут закрыты.

Это известие дало Берлину и Риму надежду, что, возможно, им удастся, играя на гордости афганцев, уговорить афганское правительство не высылать граждан фашистских государств или, по крайней мере, отложить их депортацию на неопределенный срок. Немцы также попытались увеличить штат своего посольства в Кабуле, выдав своим наиболее ценным разведчикам-незаконным дипломатическим паспортам. К примеру, дипломатический паспорт был выдан гестаповцу Л. Гильхаммеру.

Хашим-хан отверг все просьбы Г. Пильгера и П. Кварони и пресек их попытки оставить в Афганистане новоиспеченных «дипломатов». 30—31 октября 1941 г. все немецкие и итальянские специалисты были вывезены из Кабула. Перед их отъездом К. Расмус и Д. Витцель изъяли у отъезжающих всю валюту, в которой эти разведчики так нуждались для финансирования своей агентуры в зоне пуштунских племен. Эти средства значительно пополнили фонды Расмуса, который получил наличными только в афганской валюте более 1 млн афгани. Кроме этого, все немцы сдали Д. Витцелю свои пистолеты и фотоаппараты, которые были переданы им на хранение своим агентам среди афганцев.

Как потом установили советские и британские разведчики, абвер, чтобы сохранить хоть часть своей агентуры в Кабуле, завербовал, вероятнее всего, обещая сохранить жизнь их родственникам в Германии, некоторых немецких евреев, которые не подлежали депортации из Афганистана. Эти несчастные люди в дальнейшем использовались для связи германской миссии с посланцами от Факира из Ипи, периодически прибывавшими в Кабул в 1942 году. Этими мерами германская разведка пыталась смягчить тот

▲ Пуштун

непоправимый ущерб, который нанесла фашистской агентуре высылка из Афганистана немецких граждан. Так, из 5 разведгрупп у немцев в Афганистане сохранилась лишь группа К. Расмуса, да и та работала под контролем советской разведки.

1 ноября 1941 г. в Кабуле состоялась Лоя Джирга, на которой Хашим-хану удалось уговорить депутатов одобрить выдворение граждан Германии и Италии. Чтобы доводы Хашим-хана были более убедительными, британское посольство передало ему для подкупа делегатов 10 млн афгани. Англия также пообещала выплатить афганскому правительству 500 тыс. фунтов стерлингов сразу же после того, как первая группа немцев прибудет из Афганистана в Индию. Но даже эти меры не давали Англии гарантии, что во время Лоя Джирги не начнутся стихийные антианглийские выступления представителей пуштунских племен.

Английская миссия в Кабуле особенно боялась возможных выступлений перед собравшимися делегатами военного министра Шах Махмуд-хана, который был очень популярен среди пуштунов и не одобрял высылки немцев из Афганистана. Этому же мнения придерживался командующий кабульским гарнизоном принц Дауд-хан. Только незадолго перед началом Лоя Джирги Хашим-хану удалось убедить их не выступать с критикой действий правительства и не призывать пуштунов к джихаду. Когда английская миссия получила сведения о достигнутом согласии в афганском правительстве, советник Хэйлей с удовлетворением сообщил советнику посольства СССР В. Козлову: «В настоящее время имеется полная уверенность в том, что эти прогермански настроенные лица не рискнут выступить против Хашим-хана... так как это могло бы привести к восстанию (пуштунских. — Ю. Т.) племен против нынешнего правительства».

Все же избежать антианглийских выступлений представителей приграничных племен на Лоя Джирге не удалось. Особенно напугала англичан речь вождя племени джадран

▲ Десант немцев

Замрак-хана, который открыто перед всеми делегатами заявил, что в случае необходимости готов выставить против Англии 20 тыс. воинов, которых он сам вооружит и будет содержать на свои средства в течение года. Земли племени джадран граничили с Вазиристаном, и британские власти в Индии понимали, какую опасность для них может представлять объединение сил Замрак-хана с лашкарами Факира из Ипи.

Несмотря на гневные выступления некоторых делегатов, Лоя Джирга одобрила действия Хашим-хана по депортации немецких и итальянских подданных из Афганистана. После этого последняя надежда стран Оси сохранить всю свою агентуру в Афганистане провалилась. После поражения вермахта под Москвой высадка десанта в Вазиристан была отложена, так как технические средства, выделенные для проведения операции «Тигр», были переданы для высадки агентов абвера на территорию Туркмении. Факир из Ипи, в свою очередь, временно прекратил восстание в Вазиристане.

Добившись выдворения из Афганистана граждан Германии и Италии, Великобритания и СССР к концу 1941 г. обеспечили мир на северо-западной границе Британской Индии и значительно затормозили создание германской разведкой разведсети среди басмачества.

АБВЕР НЕ СМОГ УСТАНОВИТЬ АВИАМОСТ БАКУ — ВАЗИРИСТАН

Готовясь к летнему наступлению на Восточном фронте, руководство фашистской Германии приказало германской разведке усилить подрывную деятельность в Индии и Афганистане. Немецкая «пятая колонна» в этих странах вновь должна была попытаться спровоцировать перед запланированным Гитлером наступлением вермахта на Индию антибританский мятеж пуштунских племен на индо-афганской границе. Поэтому уже в декабре 1941 г. немецкая резидентура в Кабуле приступила к подготовке диверсионных отрядов в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

Как пишет в своих мемуарах Бхагат Рам, на следующий день после его прибытия в афганскую столицу, 9 декабря 1941 г., он встретился с К. Расмусом и Д. Витцелем, которые, беседуя с ним, «больше интересовались зоной (пуштунских. — Ю. Т.) племен, чем Индией». Рахмат-хану стало ясно, немцы стремятся «использовать антибританские настроения среди пуштунских племен... с целью создания (в „независимой“ полосе. — Ю. Т.) такой ситуации, при которой англичане были бы вынуждены держать там большую армию».

▲ Риббентроп

Вероятно, на этой встрече немецкие разведчики обсудили со своим агентом план действий «Организации Мацотты» перед наступлением германских войск на Индию, так как Д. Витцель сразу же после встречи направил руководству абвера шифровку, в которой детально изложил общую схему проведения диверсионных акций в зоне пуштунских племен. В начале этого документа резидент абвера в Афганистане по-военному четко сформулировал главную задачу, поставленную им перед фашистской агентурой на северо-западной границе Британской Индии: «Целью деятельности (агентуры. — Ю. Т.) абвера II в Северо-Западной Индии (является. — Ю. Т.) дезорганизация английского фронта при подходе германских войск». Для этого немецкие агенты должны были распространять слухи и фальшивые

распоряжения английских властей, указывать цели для бомбардировщиков Люфтваффе, нарушать связь. Кроме этого, Д. Витцель предлагал осуществить крупные диверсии на линиях коммуникаций в Северной Индии с помощью хорошо обученных и оснащенных диверсионных групп, сформированных и обученных в полосе «независимых» пуштунских племен.

Немецкий разведчик особо подчеркнул в своей шифровке, что «на всеобщее восстание в Индии во время наступления германских войск нельзя рассчитывать, если не начать... повсеместно диверсионные акты», которые будут успешны только лишь в случае осуществления «непосредственно в районе боевых действий английских войск». До этого момента фашистская агентура, по его мнению, должна была ограничиться

лишь проведением мелких диверсий.

План Д. Витцеля о проведении массовых диверсий на северо-западной границе Индии в Берлине был одобрен. Но проведение крупных диверсий на северо-западной границе Британской Индии руководство германской разведки хотело начать немедленно, не дожидаясь летнего наступления вермахта. После капитуляции Италии итальянский посланник в Кабуле П. Кварони получил указание правительства Бадольо рассказать британскому посланнику и советскому послу в Кабуле о деятельности в годы войны разведок стран Оси в Афганистане и Индии. И 8 января 1944 г. встретившись с поверенным в делах СССР в Афганистане И. Самыловским, он сообщил ему, что в 1942 г. дорога от Захедана до Мешхеда (Ирана) Г. Пильгером рассматривалась «как одна из возможных коммуникаций для доставки вооружения в СССР из порта Карачи...». Поэтому, по словам П. Кварони, разведгруппа К. Расмуса «должна была организовать саботаж и диверсии на пути от Карачи через Захедан до Мешхеда».

С этой же целью в январе 1942 г. в Восточном Иране было десантировано около 100 немецких диверсантов (операция «Баядера»), которым после выполнения своего задания было приказано пробиться в Вазиристан к Факиру из Ипи, уже давно обещавшему итальянцам уничтожить ряд важных железнодорожных объектов в Белуджистане. Возможно, хитрый Факир соглашался на все, даже заведомо невыполнимые, задания итальянской разведки, стремясь выманить у нее как можно больше денег. Однако их у П. Кварони в достаточном количестве не было, и поэтому лидер вазиров не спешил выполнять поручения итальянцев, настойчиво просивших его уничтожить железнодорожный тоннель в Раскухе. Если бы Факиру удалось взорвать этот тоннель, транспортировка военных грузов из Карачи в Иран стала бы невозможна.

Из-за нехватки денег, необходимых для финансирования Факира из Ипи, итальянское правительство

было вынуждено обратиться за помощью к Германии. 9 января 1942 г. немецкий посол в Риме Ганс-Георг Макензен отправил в Берлин телеграмму, в которой сообщил И. Риббентропу просьбу итальянцев оказать Факиру финансовую помощь. Обосновывая необходимость срочно выплатить лидеру вазиров 300 тыс. афгани, итальянское Министерство иностранных дел сообщило Г. Макензену, что антибританская пропаганда среди приграничных пуштунских племен проводится успешно и патаны готовы начать восстание против Англии, а Факир из Ипи согласен при финансовой поддержке Италии и Германии сформировать отряд из 2 тыс. пуштунов для проведения диверсий «на железнодорожных объектах в Белуджистане».

Итальянцы подчеркивали: «Мятеж на северо-западной границе Индии может затруднить переброску индийских войск на Малаккский полуостров». Поэтому итальянское правительство просило Берлин ускорить

доставку по своим каналам в Кабул денег для Факира из Ипи. Половину из этих средств Италия обещала вернуть.

Предложение итальянцев сразу же было принято немцами, и Г. Макензен получил из Берлина краткую телеграмму, подписанную Э. Верманом: «С поддержкой Факира из Ипи совместно с правительством Италии согласны. Посольство в Кабуле получило соответствующие указания». Выполняя приказ, германское посольство в Афганистане выдало П. Кварони 300 тыс. афгани, которые он успешно переправил Факиру.

Несмотря на новые финансовые поступления из Кабула, никаких крупных диверсий в Белуджистане ему и заброшенным в Иран диверсантам совершить не удалось. Английская разведка арестовала всех немецких парашютистов еще до того, как они успели что-нибудь подорвать. Возможно, из-за повышенных мер безопасности, принятых британскими властями в Белуджистане, Фа-

кир из Ипи тоже не смог выполнить задание стран Оси.

Провал операции «Баядера» еще больше повысил для германской разведки ценность сотрудничества с «Организацией Мацотты», которая, по донесениям К. Расмуса и Д. Витцеля, успешно готовилась к проведению диверсий в Индии. Чтобы ускорить этот процесс германская разведка приняла решение наладить нелегальное обучение в Кабуле наиболее ценных своих агентов. Разумеется, первым в этом списке был Рахмат-хан.

В январе—апреле 1942 г. Бхаграт Рам жил в Кабуле, в доме врача немецкого посольства Г. Фишера, где его обучили радиоделу и технике проведения диверсий. Радист В. Дох объяснил Рахмат-хану азы обращения с рацией и шифрами (цифровым и буквенным). Вторым учителем индийца стал лично Д. Витцель, который детально раскрыл своему подопечному секреты изготовления бомб и взрывчатых веществ; использования детонаторов к ним (вскоре

▲ Индийский легион фашистов

▲ Индийские солдаты

Бхагат Рам получил от немцев необходимый динамит и целый ящик запалов); проведения диверсий на железнодорожных объектах и т. д. Всего резидент абвера обучил «человека Мацотты» технике подготовки и проведения 12 видов саботажа на различных объектах: от уничтожения железнодорожных станций до поджога автомобилей.

Д. Витцель планировал, что Рамат-хан передаст полученные знания членам своей организации, поэтому вручил своему агенту 12 брошюр на английском языке, в которых подробно описывался каждый тип диверсионных актов и способы их подготовки. Немец проинструктировал Бхагат Рама, что эти буклеты являются строго секретными и должны храниться в штаб-квартире «Организации Мацотты».

Искусству сбора военно-политической информации Бхагат Рама обучали как К. Расмус, так и Д. Витцель. Последнего особенно интересовало

расположение частей британской армии на индо-афганской границе. Именно этих сведений не было, как полагали немцы из-за неопытности своих агентов, в новом докладе Рамат-хана.

23 января 1942 г. Д. Витцель отправил в Берлин этот документ. Главное внимание в нем уделялось деятельности «Организации Мацотты» в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии. Руководству абвера сообщалось, что Бхагат Раму удалось наладить сотрудничество с момандами Баджаура, племенем усман-хель, племенами Бунера и Свата. «С „Пожирателем огня“ (Факир из Ипи. — Ю. Т.), как указывалось в докладе Бхагат Рама, его организация также наладила контакты и передала лидеру вази ров просьбу трех дипломатических миссий стран оси в Кабуле об установлении прямой связи с «Организацией Мацотты».

Кроме этой информации, Д. Вит-

цель в своей шифровке подробно перечислил достижения германской агентуры в Северо-Западной Индии: «В приграничном районе хранится: 220 кг динамита с необходимым количеством бикфордова шнура и подрывных капсюлей, 3 тыс. галлонов авиабензина... одна переданная нами рация и 3 генератора (к ней. — Ю. Т.), которые достала организация (Мацотты. — Ю. Т.)».

Для абвера было особенно важно, что в полосе «независимых» пуштунских племен Бхагат Раму удалось якобы переправить не только радиопередатчик, но и трех радистов. Надежная радиосвязь позволила бы немецкой разведке не только получать необходимую ей информацию из Индии, но и значительно облегчила бы для нее доставку диверсионных групп и вооружения в зону пуштунских племен.

Оружие и боеприпасы были крайне нужны Д. Витцелю, который планировал при содействии «Орга-

низации Мацотты» сформировать из пуштунов полосы «независимых» племен диверсионные отряды. Чтобы иметь достаточное количество взрывчатки для диверсий, резидент Абвера также хотел наладить производство взрывчатых веществ непосредственно в горных районах вдоль индо-афганской границы.

Д. Витцель так спешил осуществить свой план, что, когда 27 февраля 1942 г. немцы начали «индийскую акцию», вновь предложил руководству абвера разрешить ему и радисту немецкого посольства В. Доху проникнуть в полосу «независимых» пуштунских племен для организации восстания приграничных пуштунских племен против англичан. В Берлине понимали, что, если бы Д. Витцелю и В. Доху удалось исчезнуть из Кабула, афганские власти приняли бы меры для полной изоляции германского посольства в Кабуле. Афганский премьер Хашим-хан еще не простил итальянцам поездку Э. Анцилотти к Факиру из Ипи, после которой глава афганского правительства демонстративно отказывался встречаться с П. Кварони.

Поэтому Г. Пильгер выступил против предложения резидента абвера. 3 марта 1942 г. командование вермахта прислало в немецкую миссию в Кабуле шифровку с разрешением Д. Витцелю и К. Расмусу «исчезнуть, не давая повода к обострению (ситуации вокруг германского посольства. — Ю.Т.)». Время «исчезновения» должен был определить Г. Пильгер. Он был против этой авантюры.

Д. Витцель продолжал настаивать на реализации своего плана. Когда дело с его бегством из Кабула в полосу «независимых» пуштунских племен застопорилось, он 11 марта отправил в Берлин телеграмму, в которой просил у руководства абвера разрешить ему, А. Цугенбюллеру и Бхагат Раму совершить поездку к индо-афганской границе с целью на месте разведать площадки для высадки десанта и определить пункт для установки там радиостанции[21]. Вероятнее всего, во время этой поездки Д. Витцель и хотел совершить запланированный побег в Британскую Индию.

▲ Пуштун

▲ Али-хан

В связи с этим Г. Пильгер был вынужден опять отправить в Берлин телеграмму, в которой настаивал на выполнении директивы ОКВ от 3 марта 1941 г. Доказывая свою правоту, он сообщил И. Риббентропу: «Если требование Витцеля скорее начать выступления в пограничных районах (Индии. — Ю. Т.) не встретит в Берлине возражений, опасаясь, что обусловленное этим обострение положения посольства скажется также и на итальянском и японском посольствах. Поэтому нам необходимо своевременно информировать их о начале мероприятий. Прошу дать по этому вопросу указания телеграммой».

Немецкий посланник прекрасно понимал, что Д. Витцель и К. Расмус никогда не согласятся сообщить итальянцам дату своего бегства из Кабула, так как они подозревали П. Кварони в провале М. Обердорффера и Ф. Брандта. Настаивая на уведомлении итальянцев и японцев,

▲ Король Афганистана Захир-шах

Пильгер хотел заставить резидентов немецкой разведки отказаться от их планов. Действительно, 15 марта Витцель радировал в Берлин о своем несогласии сообщить итальянцам подробности запланированной им операции, так как «роль итальянского посольства в случае с Обердорффером неясна».

На следующий день после получения этой радиограммы статс-секретарь В. Кепплер и глава абвера II генерал Э. Лахузен-Вивремонт провели в Берлине совместное совещание представителей Министерства иностранных дел и абвера. На нем было рассмотрено предложение Д. Витцеля о его и радиста В. Доха бегстве в зону пуштунских племен. После детального обсуждения предстоящей операции было принято решение предоставить Г. Пильгеру самому решить, когда наступит удобный момент для ее начала. Принимая это решение, В. Кепплер и Э. Лахузен-Вивремонт учитывали, что афганская по-

лиция после «логарского инцидента» установила строгий надзор за германской миссией в Кабуле и риск очередного провала немецких разведчиков был слишком велик.

На следующий день после получения этой радиограммы статс-секретарь В. Кепплер и глава абвера II генерал Э. Лахузен-Вивремонт провели в Берлине совместное совещание представителей Министерства иностранных дел и абвера. На нем было рассмотрено предложение Д. Витцеля о его и радиста В. Доха бегстве в зону пуштунских племен. После детального обсуждения предстоящей операции было принято решение предоставить Г. Пильгеру самому решить, когда наступит удобный момент для ее начала. Принимая это решение, В. Кепплер и Э. Лахузен-Вивремонт учитывали, что афганская по-

был слишком велик.

В апреле 1942 г. германскому посольству в Афганистане наконец-то удалось установить связь с Факиром из Ипи. Это был крупный успех немецкой разведки в Афганистане. 14 апреля К. Расмус доложил об этом в Берлин. Кроме этого долгожданного известия, он сообщил о своем решении «создать линию связи (с Факиром. — Ю. Т.), которая не будет зависеть от итальянцев». Такое решение К. Расмуса было вызвано тем, что итальянцы больше не могли финансировать лидера вазиров и «Организацию Мацотты». Итальянская миссия не имела денег, чтобы даже оплатить афганскому правительству стоимость телеграмм, отправляемых П. Кварони в Рим. И тем более не могла тратить крупные средства на подрывные операции в зоне пуштунских племен. Немцы, наладив контакт с Факиром, больше не нуждались в услугах итальянцев, которых они подозревали в двойной игре.

Факир из Ипи сам установил контакт с немецким посольством в Кабуле, так как в апреле 1942 г.

возобновил боевые действия против английских войск в Вазиристане. Как и прошлые годы, он снова осадил британский форт Датта-хель. Даже бросив против вазиров 40 тыс. войск, авиацию и танки, англичане не смогли нанести лашкарам вазиров поражение.

Восставшие пуштуны крайне нуждались в оружии. Новый представитель Факира, который прибыл в Кабул в мае, во время переговоров с К. Расмусом и Д. Витцелем рассказал им, что силы вазиров насчитывают 20—22 тыс. человек, но «ощущается острый недостаток в боеприпасах». Далее посланец из Вазиристана сообщил германским разведчикам: «В настоящее время боевые действия ограничиваются окружением различных мест сосредоточения английских войск, настоящие атаки невозможны из-за недостатка оружия. На границе купить боеприпасы почти невозможно, поэтому помощь деньгами не может сделать борьбу более интенсивной». От него же К. Расмус узнал о коварстве Э. Анцилотти, который, заключив соглашение с Факиром,

скрыл от лидера вазиров, что субсидию ему выплачивает не только Италия, но и Германия. Это известие еще больше обострило и без того непростые отношения между германским и итальянским посольствами в Кабуле.

По вновь установленному каналу связи К. Расмус отправил лидеру вазиров письмо, в котором сообщал Факиру: «При нынешней ситуации мы не можем снабжать вас нужными для ведения военных действий предметами до тех пор, пока не установили с вами воздушную связь. Считаем, что до этого времени не следует увлекаться боевыми столкновениями, необходимо приложить все силы к тому, чтобы объединить пограничные племена.

Вы должны сохранить силы к тому моменту, когда мы сможем оказать вам реальную помощь, а это будет в том случае, когда фронт будет недалеко от вас.

Необходимо готовиться к большой войне, с тем чтобы, когда придет время, этими соединенными силами напасть на англичан и с помощью Всевышнего разбить их». Одним

словом, Факиру из Ипи предлагалось беречь силы до германского наступления на Индию.

Новое восстание в Вазиристане дало Д. Витцелю повод для того, чтобы опять настаивать на своем бегстве к Факиру из Ипи. На этот раз резидент абвера планировал скрыться из Кабула, похитив мощный радиопередатчик авиакомпании «Люфтганза». После начала Второй мировой войны полеты «Юнкерсов-52» по маршруту Кабул — Берлин прекратились и радиоустановка, обеспечивающая связь на этой авиалинии, была законсервирована. С декабря 1941 г. германское правительство стало требовать от афганских властей передачи всей радиоаппаратуры «Люфтганзы» в немецкое посольство в Кабуле. Афганцы были согласны это сделать, но требовали от Берлина гарантий, что радиопередатчик не будет использован в разведывательных целях. Немцы отказывались брать на себя такие обязательства, так как именно для этого он им и был нужен.

Предприимчивый Д. Витцель предложил выкрасть этот передатчик и переправить его в полосу «независимых» пуштунских племен, чтобы, как указывалось в телеграмме Г. Пильгера, «ключ к радиоэфиру в течение нескольких месяцев был бы в наших руках». До восстания Факира из Ипи в Берлине не соглашались на это предложение Д. Витцеля. Однако после начала мятежа вазиров абвер и германский МИД санкционировали не только бегство Д. Витцеля, но и похищение радиопередатчика «Люфтганзы». Но и на этот раз противодействие Г. Пильгера этой аванюре было таким сильным, что в конце концов И. Риббентроп принял решение отложить проведение данной операции.

Еще одной причиной, заставившей германское руководство отказаться от переброски мощного радиопередатчика к Факиру из Ипи, стал крупный провал немецких агентов в Кабуле. 25 мая 1942 г. афганская полиция по требованию англичан провела аресты фашистских агентов, обеспечивавших связь миссий стран Оси с Факиром.

▲ Хашим-хан

Самым большим ударом для немцев был арест Уттам Чанда, дом которого был главной явочной квартирой для встреч К. Расмуса с Бхагат Рамом. Поэтому резидент германской внешней политической разведки попросил Г. Пильгера добиться от афганцев освобождения своего человека. В тот же день германский посланник попытался убедить афганское правительство не передавать Уттам Чанда британским властям в Индии.

26 мая Г. Пильгер сообщил В. Кепплеру о результатах своих переговоров с афганцами: «Оно (афганское правительство. — Ю.Т.) согласно продлить ему (Уттам Чанду. — Ю.Т.) вид на жительство, если мы сможем доказать... безупречность его убеждений, как индийского националиста». С этой целью глава немецкого посольства просил В. Кепплера «вы-

яснить вопрос о благонадежности» Уттам Чанда у С.Ч. Боса. 30 мая в германскую миссию в Кабуле поступила шифровка от В. Кепплера: «Мацотта дает очень положительный отзыв об Уттам Чанде. Он просит сделать все возможное, чтобы помешать его высылке в Индию, так как там он будет подвергнут аресту и, возможно, даже пыткам. При всей своей лояльности, в которой... не приходится сомневаться, он недостаточно стоек, чтобы выдержать пытки». Когда эта телеграмма пришла в Кабул, Уттам Чанд был уже выслан 29 мая из афганской столицы в Индию. Г. Пильгер был в ярости и заявил афганскому министру иностранных дел, что больше не может иметь с ним дела.

Вместе с Уттам Чандом весной — летом 1942 г. в Афганистане было арестовано около 100 агентов, со-

трудничавших с миссиями стран оси. Так, в мае был арестован афганский летчик Гулям Амар-хан, который был связным между итальянским посольством и Факиром из Ипи. У итальянского агента было изъято 50 тыс. рупий, которые он не успел передать лидеру вазиров. Повальные аресты в Кабуле нанесли значительный ущерб шпионской разведсети Германии и Италии, поэтому связь между их посольствами и Факиром была прервана до конца июля 1942 г.

Высылка в Индию Уттам Чанда и других работавших с ним фашистских агентов была воспринята в Берлине как очередное доказательство проанглийской ориентации правительства Хашим-хана. Поэтому К. Расмусу было приказано прекратить переговоры с афганцами о доставке Факиру из Ипи устаревшего оружия и боеприпасов из арсеналов афганской армии.

В середине мая 1942 г., после успехов немецких войск в Крыму, Хашим-хан дал указание министру экономики Абдул Меджиду, который находился в Берлине, возобновить с немцами переговоры об урегулировании афганского долга Германии, сумма которого составляла 225 млн рейхсмарок. Правительство Германии попыталось договориться с Кабулом, чтобы эти деньги были переданы афганским правительством немецкому посольству, которое, располагая такими огромными финансовыми ресурсами, смогло бы широко развернуть подрывную деятельность в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

Вероятнее всего, К. Расмус, который, как торговый атташе Германии, принимал участие в переговорах о ликвидации афганского долга, предложил своему начальству в счет погашения долга договориться с правительством Хашим-хана о передаче германской миссии устаревшего вооружения афганской армии. Это оружие и боеприпасы германский резидент хотел, не медля, переправить Факиру из Ипи. Кроме этого вооружения оружие вазирам должны были сбросить на парашютах в Вазиристан и японские самолеты.

Японские войска в то время стояли у границы Индии, трофейного английского оружия у японцев было предостаточно, а дальность полета японских самолетов позволяла им доставить любой груз в Вазиристан. Таким образом, чисто технически предложение К. Расмуса с помощью японцев наладить снабжение лашкаров Факира из Ипи оружием было выполнимо.

Однако в германском Министерстве иностранных дел планы К. Расмуса были отвергнуты. 3 июня 1942 г. начальник Восточного отдела этого ведомства В. Мельхерс направил Э. Верману докладную записку, в которой подверг деятельность Г. Пильгера и К. Расмуса резкой критике.

Особенно был недоволен В. Мельхерс попытками Г. Пильгера добиться от афганских властей освобождения Уттам Чанда, так как он считал, что германское посольство в Кабуле, «действуя в подобных случаях таким образом, выдает англичанам и тем немногих агентов, которыми мы там располагаем».

Далее в своей служебной записке этот немецкий дипломат доказывал необходимость прекратить переговоры К. Расмуса с афганским правительством, которое является проанглийским «хотя бы потому, что через русских ему стал известен наш план 1940 г. об его свержении». Ис-

▲ Кабул с птичьего полета

ходя из этого, В. Мельхерс предлагал: «В том случае, если мы заинтересованы в дальнейшем пребывании нашего посольства в Кабуле, дать ему указание не вмешиваться больше в дело Уттам Чанда и прекратить попытки осуществления авантюрного плана доставки оружия Факиру из Ипи самолетами или заключив соглашение с афганским правительством о передаче старого оружия». Кроме этого, он рекомендовал перепроверить надежность связи с Факиром из Ипи, так как немец не поверил сообщению посланца лидера вазиров, что Э. Анцилотти был в Горвехте, и, возможно, его насторожил тот факт, что аресты германских агентов в Кабуле и приезд представителя Факира в афганскую столицу совпали по времени.

Несмотря на это, В. Мельхерс предлагал продолжить финансирование Факира из Ипи не только по немецким, но и итальянским каналам: «Не следует задумываться о том, что Факиру посылаются двойные суммы денег, и прямым путем, и через итальянцев, если только от этих сумм можно еще ожидать каких-либо выгод...» Руководство германского Ми-

нистерства иностранных дел согласилось с предложениями В. Мельхерса, и переговоры в Кабуле между К. Расмусом и афганским правительством об оказании помощи восставшим вазирам были прекращены.

Провал попытки Витцеля в июне 1942 г. проникнуть в район индо-афганской границы еще раз доказал немцам, что правительство Хашимхана стремится сохранить с Англией добрососедские отношения. 3 июня резидент абвера, получив от афганских властей разрешение на поездку в г. Вардак, выехал из Кабула. Но вместо Вардака поехал на юг в г. Газни.

В это время года в Южный Афганистан из Индии перекочевывало со своими стадами скота более 2 млн восточных пуштунов. Д. Витцель надеялся, что ему удастся установить контакт с маликами некоторых кочевых племен. Но доехать до зоны пуштунских племен афганские власти ему не дали. Разгневанный Хашимхан, минуя Г. Пильгера, потребовал от К. Расмуса, чтобы он приказал Д. Витцелю срочно вернуться в Кабул. Немецкое посольство было вынуждено подчиниться требованию афганского премьера. 10 июня Д.

Витцель прибыл в Кабул. После его возвращения министерство иностранных дел Афганистана уведомило Г. Пильгера, что до конца Второй мировой войны ни одному члену немецкой миссии не будет разрешено выехать за пределы Кабула.

Летом 1942 г., когда вермахт вел успешное наступление на Восточном фронте и вышел к Кавказу, среди афганских политиков нашлось много «доброжелателей» Германии. Их помощь позволила германскому посольству прорвать «афганскую блокаду» и вновь наладить связь с Факиром из Ипи, который немедля получил крупную денежную сумму.

На эти деньги лидер вазиров не только продолжил осаду форта Датта-хель, но и осуществил нападения на другие британские укрепления по индо-афганской границе. В конце июля горцы в Вазиристане захватили и разрушили 2 британских укрепленных пункта и мост, построенный англичанами вблизи границы с Афганистаном.

Сравнивая с землей новые британские форты и посты по «линии Дюранда», Факир стремился помешать Англии перерезать пути из Се-

верного Вазиристана в Афганистан для блокады района восстания вазиров. Его действия поддержали приграничные пуштунские племена по обе стороны границы, и большое число афганских подданных влилось в ряды восставших.

В виде контрмеры британское командование приняло решение разбомбить горный кишлак Даттахель, где находились главные силы Факира из Ипи. Однако это только еще больше ухудшило обстановку в полосе «независимых» племен: 30 июля 1942 г. 60 английских самолетов по ошибке штурмана сбросили бомбы на афганские горные селения Варжала и Наризай близ Хоста. В результате бомбежки 20 домов и мечеть (!) были полностью разрушены. Имелись многочисленные жертвы среди мирного населения.

По сведениям советской разведки, к Факиру из Ипи съехалось около 40 тыс. патанов, которые потребовали немедленно начать восстание против Англии. Все ждали призыва Факира из Ипи о начале джихада, но он лишь пообещал съехавшимся в Вазиристан патанам, что решение о начале боевых действий должна принять джирга. Вероятнее всего, лидер вазиров не хотел начинать восстание приграничных племен, не получив одобрения Кабула. Факир всегда оставался лояльным к афганскому правительству, которое помогало ему и деньгами, и вооружением. Его верность не раз позволяла правящей династии Яхья-хель предотвращать всеобщий мятеж приграничных пуштунских племен. Так произошло и на этот раз.

После инцидента в Хосте Факир также направил своих представителей в Кабул с целью добиться от афганского правительства поддержки вооружением против англичан. Приехавших в афганскую столицу вазиров принял сам король Захир-шах. Им всем были преподнесены ценные подарки, но в помощи отказано. Поэтому Факир из Ипи не рискнул начать всеобщее восстание восточных пуштунов.

Германия и Италия попытались использовать инцидент в Хосте для того, чтобы вызвать мятеж пригра-

ничных пуштунских племен. Уже 1 августа 1942 г. итальянская радиостанция «Гималаи» стала транслировать на Афганистан и Индию передачи, в которых призывала пуштунов поднять восстание против Англии. Радиопередачи на фарси также ежедневно передавались из Берлина.

Предусмотрительные немцы еще до войны продали в Афганистан большое количество радиоприемников, произведенных в Германии. В итоге в 1942 г. в Кабуле прекрасно принимались радиопередачи из Берлина, Рима и Токио, но гораздо хуже прослушивались радиотрансляции из Москвы и Лондона. Берлинская станция, несмотря на дальность, своими передачами глушила «Московское радио». Даже радиовещание из Баку забивалось германскими станциями. В связи с этим в одном из докладов советского посольства о немецкой радиопропаганде говорилось: «Сплошь и рядом (на Афганистан. — Ю. Т.) одновременно передают на одной волне три станции — Москва, Лондон и Берлин (так в документе. — Ю. Т.), причем берлинская передача забивает остальные по силе звука и отчетливости». Чтобы качественно транслировать свои передачи на Кабул, «Радио Москвы» было вынуждено сменить волну, но благодаря этому немецкие передачи стали еще лучше приниматься в Афганистане. Таким образом, в схватке в радиоэфире Германия смогла добиться временного успеха.

Созданная С. Ч. Босом в Германии организация «Свободная Индия», имевшая в своем распоряжении 2 радиостанции, также активно вела антибританскую пропаганду. Один из этих передатчиков выходил в эфир как радиостанция «Вазиристан», которая призывала пуштунов освободиться от «британского ярма» и выполнить свой религиозный долг перед единоверцами на Ближнем Востоке, которых Англия — «враг ислама» жестоко угнетает.

Радиостанция «Гималаи» также пыталась играть на религиозных чувствах мусульман Северо-Западной Индии. 22 августа 1942 г. Великий

муфтий Иерусалима, сотрудничавший в годы Второй мировой войны с фашистскими государствами, выступил по итальянскому радио с речью, в которой призвал всех мусульман поддержать Факира из Ипи и начать «священную войну» против Англии. Не ограничиваясь призывами к джихаду, германская и итальянская радиостанции в своих передачах обещали горцам СЗПП, что, когда немецкие войска «освободят» Индию, все плодородные земли Правобережья Инда будут переданы патанам.

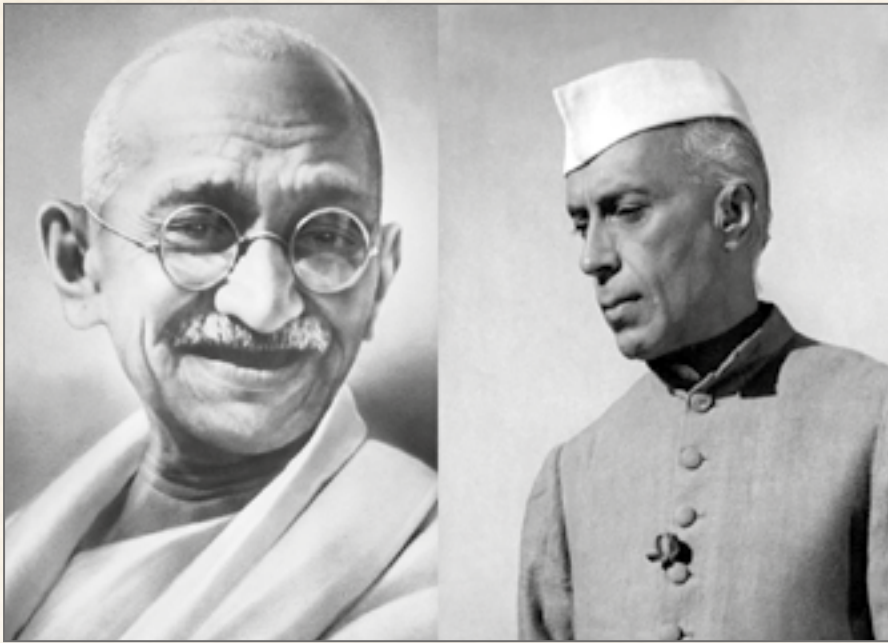
В. Кепплер в октябре 1942 г. в своей докладной записке И. Риббентропу четко сформулировал главную задачу радиовещания Германии на Северную Индию: «Особое внимание наша пропаганда уделяет распространению вооруженного мятежа (пуштунов. — Ю. Т.) в Северо-Западной Пограничной провинции». Далее в этом же документе статс-секретарь с удовлетворением отмечал, что в результате антибританской пропаганды в Вазиристане уже начинается крупное восстание против Англии.

Страны оси не ограничились только радиопропагандой: передатчики, вещавшие из Европы на Афганистан и Индию, передавали также и шифрованные сообщения для фашистских агентов. Хотя обратной связи из «независимой» полосы Британской Индии «Организации Мацотты» наладить не удалось, шифровки из Берлина могли координировать деятельность «пятой колонны» в этой стране.

Страны оси не ограничились только радиопропагандой: передатчики, вещавшие из Европы на Афганистан и Индию, передавали также и шифрованные сообщения для фашистских агентов. Хотя обратной связи из «независимой» полосы Британской Индии «Организации Мацотты» наладить не удалось, шифровки из Берлина могли координировать деятельность «пятой колонны» в этой стране.

В июле-августе 1942 г. деятельность германской и итальянской разведок в Афганистане и Индии достигла своего пика. Успехи фашистских войск на Кавказе и под Сталин-

▲ Ганди и Неру

градом заставили многих поверить в победу Германии в этой войне. В связи с этим у К. Расмуса и П. Кварони появилось много новых агентов в афганских правящих кругах и даже среди дипломатов некоторых восточных государств.

Особенно ценной для немецкой разведки была помощь турецкого посольства в Кабуле. Прогермански настроенный советник турецкой миссии Бач и некоторые турецкие преподаватели помогли немцам связаться с антисоветскими организациями туркменских, узбекских и таджикских националистов. Часть этих организаций имела свои филиалы в Индии, где их в 20—30-е гг. приняли британские власти. Ради помощи в реанимации басмаческого движения и свержения Советской власти в Туркестане эмигранты из Среднеазиатских советских республик согласились помогать германской разведке и в Северо-Западной Индии. Так, организация «Энджумен Бухари», штаб-квартира которой находилась в Дели, активно сотрудничала с немцами.

С помощью членов этих эмигрантских организаций германское посольство получало информацию о ситуации в Индии и переправляло деньги для «Организации Мацотты». Через Турцию и Иран К. Расмус по-

лучил деньги и рации для фашистской агентуры в полосе «независимых» пуштунских племен.

К августу 1942 г. К. Расмусу удалось обменять на рупии и афгани большую часть иностранной валюты, имевшейся в германском посольстве. Через курьеров абвера он получил из Германии и крупную сумму американских долларов, в которых так нуждался для закупки вооружения Факир из Ипи. С помощью одного из итальянских агентов немцам удалось организовать в Кабуле подделку чеков индийских банков. Полученные таким образом деньги шли на финансирование деятельности «Организации Мацотты».

У германской разведки были и свои счета в банках Британской Индии, так как перед началом Второй мировой войны германские спецслужбы провели в этой стране крупномасштабные операции по обмену фальшивых бумажных фунтов стерлингов. По этому поводу 5 августа 1942 г. первый секретарь британской миссии в Кабуле В. Коннор-Грин, который являлся офицером английской разведки, сообщил послу К. Михайлову, что до войны немцы наводнили Индию большим количеством фальшивых фунтов стерлингов.

Возможно, руководство фашист-

ской Германии только летом 1942 г. приняло решение передать К. Расмусу тайные вклады в индийских банках, так как было уверено в скором начале наступления на Индию. В любом случае, у немецкой разведки в Афганистане имелись валютные средства для того, чтобы организовать серию диверсий против британских войск на северо-западной границе Британской Индии.

Летом 1941 г. обстоятельства складывались для Германии крайне благоприятно, чтобы начать подрывные акции в зоне пуштунских племен и по всей Индии. Еще не был урегулирован конфликт в Хосте и племена Вазиристана готовились начать восстание, когда 9 августа 1942 г. английские власти арестовали Махатму Ганди и других лидеров ИНК. В знак протеста по всей Индии начались антибританские выступления. Джавахарлал Неру вспоминал об этих событиях: «В городах и сельских местностях собирались толпы народа, происходили столкновения с полицией и войсками. Толпы совершали нападения особенно на те объекты, которые казались им символом английского господства и власти, — отделения полиции, почтовые конторы и железнодорожные станции, они перерезали телеграфные и телефонные провода». В Индии началась так называемая августовская революция 1942 г.

Руководство абвера решило использовать стихийные выступления индийцев в своих интересах и немедленно приступило к проведению диверсий в Индии. 13 августа 1942 г. генерал-лейтенант абвера Путц послал в германское посольство в Кабуле телеграмму: «Пришло время для диверсий на оборонных объектах в Индии. Прошу сообщить о планах и возможностях».

Британское правительство предвидело реакцию германской разведки на события в Индии. Чтобы нейтрализовать деятельность германской и итальянской разведок в полосе «независимых» пуштунских племен, англичане заставили Хашимхана возобновить аресты фашистских агентов в Афганистане.

Осенью 1942 г. на индо-афганской границе сложилась столь опасная для Великобритании обстановка, что британские власти в Индии готовились к самому худшему. В Кабул прибывали многочисленные делегации от пуштунских племен «независимой» полосы Британской Индии, которые заявили афганскому правительству о своей готовности поднять восстание против Англии.

Особенно активно добивались от Хашим-хана помощи против англичан вазиры и моманды. Из 150 представителей патанов, прибывших в афганскую столицу в сентябре 1942 г., треть были вазирами. Они просили Хашим-хана оказать им помощь оружием и боеприпасами, но им было отказано. Афганский премьер-министр лишь пообещал вазирам, что попытается добиться от англичан на время прекратить карательные операции в Вазиристане.

В ходе переговоров с вождями момандов Хашим-хан также отверг все их просьбы о помощи. А один из наиболее антибритански настро-

енных моманских маликов Мурам Падшах был даже отравлен, вероятнее всего, по тайному приказу главы афганского правительства. Хашим-хан устранил Мурам Падшаха, так как в Кабул из Индии поступила информация о двух немецких оружейниках, при содействии которых момандам якобы удалось наладить выпуск новейших английских винтовок. Мурад Падшах, находясь в афганской столице, подтвердил, что в его владениях стали изготавливать многозарядные винтовки, и тем самым подписал себе смертный приговор.

Чтобы воспользоваться благоприятной для Германии ситуацией в зоне пуштунских племен, руководство абвера и Министерства иностранных дел попытались использовать пребывание Бхагат Рама в Кабуле, куда он приехал 27 августа 1942 г. для подготовки высадки десантов в районы северо-западной границы Британской Индии. 10 сентября 1942 г. Путц приказал Д. Витцелю подготовить посадочные площадки для высадки «Индийского

легиона», сформированного в Германии организацией «Свободная Индия».

Создавав из военнопленных индийцев это воинское формирование численностью более 3 тыс. человек, С. Ч. Бос хотел использовать его в момент наступления вермахта на Индию. Осенью 1942 г. немцы предложили ему план десантирования «Индийского легиона» в Вазиристан. Предполагалось, что 3 тыс. хорошо обученных и вооруженных солдат помогут Факиру из Ипи нанести мощные удары по британским войскам. С. Ч. Бос согласился с этим планом, который в абвере по-прежнему называли операцией «Тигр».

Выброску десанта в полосу «независимых» пуштунских племен Британской Индии немецкое командование планировало осуществить сразу же после захвата Баку. Вероятнее всего, в начале операции «Тигр» предполагалось забросить к Факиру из Ипи передовой отряд, сформированный из мусульман из «Индийского легиона», прошедших специаль-

▲ Площадка подскока

ную подготовку в разведшколе под Франкфуртом-на-Одере. С января 1942 г. там прошли курс обучения около 100 индийцев. Учитывая, что этим диверсантам предстояло действовать в горах, их обучали не только работе с рацией и подрывному делу, но и технике альпинизма и верховой езде. Высадившись в Вазиристане, они должны были обеспечить охрану посадочных площадок для приема основных сил. После успешной высадки авангарда в Вазиристан планировалось перебросить по воздуху и остальную часть «Индийского легиона».

В германской миссии в Кабуле считали, что «Организация Мацотты» уже давно готова обеспечить высадку немецких десантов в полосе «независимых» пуштунских племен. Но Бхагат Рам настаивал

на десантировании «Индийского легиона» не в Вазиристане, а в Баджауре, где якобы его люди могли обеспечить успех операции «Тигр». Англичанам было легче ликвидировать немецкий десант в мирном Баджауре, чем в охваченном антибританским восстанием Вазиристане. По этой причине Бхагат Рам категорически возражал против высадки немецкого десанта в Вазиристане. Ему удалось убедить Расмуса и Витцеля изменить план операции «Тигр».

10 сентября 1942 г. Г. Пильгер сразу же после получения шифровки от Путца известил Берлин о полной готовности германской агентуры в Баджауре встретить парашютистов. В этой же телеграмме германский посланник сообщил координаты 3-х посадочных площадок близ Раз-

акая, Свалыкалы и Алингара. Далее Г. Пильгер уведомил руководство абвера об условных сигналах, которыми члены «Организации Мацотты» должны были наводить немецкие самолеты на цель. 16 сентября В. Кепплер дал свое согласие на высадку германских агентов в Баджауре, а не в Вазиристане.

Приняв решение изменить район десантирования «Индийского легиона», Берлин не отказался от мысли создать воздушный мост Кавказ — Вазиристан. На Кавказе даже была установлена специальная радиостанция, которая должна была разработать маршруты полетов немецких самолетов. Осенью 1942 г. немцам удалось сбросить на парашютах Факиру из Ипи первые партии вооружения. Из-за этого британские войска в боях за форт Датта-хель понесли тяжелые потери. Англичане в сентябре 1942 г. деблокировали этот форт, но при этом потеряли 7 легких танков и 3 самолета.

Абвер планировал спровоцировать мятежи не только в Вазиристане и прилегающих к нему районах. Так, Бхагат Рам сообщил немцам, что его организация якобы уже давно заключила соглашения о совместных действиях против англичан со многими влиятельными лидерами приграничных пуштунских племен. Так, среди лиц, сотрудничавших с «Организацией Мацотты», Бхагат Рам называл имена таких влиятельных патанов мусульманских богословов, как Факир из Алингара и Пир Хадда. Согласие Факира из Алингара сотрудничать с Германией было особенно ценно для немецкой разведки, так как он имел огромное влияние среди племен Баджаура.

К. Расмус и Д. Витцель дали Бхату Раму перед отъездом в Индию задание сделать все возможное для начала крупного антибританского восстания на индо-афганской границе. С этой целью «Организация Мацотты» должна была:

1. Срочно создать в полосе «независимых» племен крупные вооруженные отряды.
2. Организовать свои опорные

пункты во всех административных центрах СЗПП и установить надежную связь между ними.

3. Осуществить диверсии на линиях коммуникаций с целью нарушения снабжения британских войск.

4. Найти средства для срыва военных поставок Советскому Союзу. Немцы вновь приказали Бхагат Раму попытаться взорвать ряд железнодорожных туннелей в Северной Индии.

Резиденту германской разведки в зоне пуштунских племен было поручено также принять следующие меры для приема немецких воздушных десантов:

1. Подготовить посадочную площадку.

2. Сделать запасы авиационного бензина для дозаправки германских самолетов. Количество топлива должно было хватить на 2 полета из Баджаура в Европу.

3. Подготовить надежные укрытия для немецких агентов и доставленного самолетами оружия и боеприпасов.

4. Назначить людей, которые будут встречать германские самолеты.

Даже окружение германских войск под Сталинградом не смогло заставить германскую разведку отказаться от плана наладить по воздуху снабжение вооружением восставших вазиров. Но, не имея аэродромов южнее Баку, обеспечить в крупных масштабах переброску оружия и диверсионных групп в Вазиристан было невозможно. Это прекрасно понимало и руководство абвера, и И. Риббентроп.

14 октября 1942 г. состоялась встреча германского министра иностранных дел с С. Ч. Босом, который попытался убедить министра в необходимости ускорения высадки немецких агентов в полосу «независимых» пуштунских племен. Бывший президент ИНК считал, что, десантировав в район индо-афганской границы разведгруппы абвера, можно было «облегчить связь с Германией, а позднее с помощью малых военных операций сковать британские силы (в Индии. — Ю. Т.)». В ответ И. Риббентроп заявил, что час для подобных операций наступит после за-

хвата Кавказа, который, по его мнению, должен быть занят вермахтом в ближайшее время.

Когда приготовления Германии к высадке крупных десантов в полосу «независимых» пуштунских племен были в самом разгаре, итальянское правительство попыталось тоже принять участие в запланированных немцами операциях. Рим был крайне обеспокоен тем, что Германия, больше не нуждаясь в слабом союзнике, перестала сотрудничать с Италией по вопросам, касающимся Индии.

13 октября 1942 г. советник итальянского министерства иностранных дел Прунас предложил германскому послу в Италии Отто фон Бисмарку (внуку знаменитого канцлера), чтобы во время его визита в Берлин он обсудил «некоторые вопросы нашей политике в Афганистане, Индии и Южной Америке». И. Риббентроп дал согласие на прибытие итальянского дипломата в Германию, но вопрос о совместном сотрудничестве с Факиром из Ипи было решено не обсуждать. Деятельность германской разведки в Афганистане также не подлежала обсуждению с Прунасом.

В материалах, подготовленных немцами для переговоров с итальянцем, указывалось: «Все, что делается в Афганистане, как, например, высадка радистов (в полосу „независимых“ пуштунских племен Британской Индии. — Ю. Т.), отправка воинских групп в пограничную область (Индии. — Ю. Т.), связь с Босом через Рахмат-хана, организация саботажа в Северной Индии... находится в секрете от итальянцев». Поэтому когда 13 ноября 1942 г. Прунас прибыл в Берлин, его переговоры с Э. Вайцеккером и Э. Верманом закончились безрезультатно.

Ожидая скорого захвата Кавказа, Д. Витцель 14 декабря 1942 г. отправил руководству абвера доклад, в котором подсчитал, сколько необходимо перебросить в Вазиристан оружия и средств, чтобы Факир из Ипи смог вооружить и содержать 50 тыс. воинов. По выкладкам резидента абвера в Кабуле, для этого было необходимо ежемесячно доставлять Факиру 12,5 тыс. патронов,

не считая другого вооружения. Кроме оружия и боеприпасов, Д. Витцель просил выделить ему не менее 1 млн рупий, 25 тыс. соверенов и 200 кг золота. Как стало известно советской разведке, немцы во время переговоров в Кабуле с представителем Факира из Ипи обещали также перебросить по воздуху в Вазиристан даже пушки, получив которые лидер вазиров должен был начать атаки на английские форты.

Первый успех Люфтваффе подтолкнул абвер к разработке крупной десантной операции с целью реставрации на кабульском престоле экс-короля Амануллы-хана. 22 января 1943 г. в штабе командования вермахта под председательством генерал-лейтенанта Путца прошло заседание, на котором обсуждался план захвата Кабула осенью 1943 г. Новый вариант операции «Аманулла» предусматривал, что на афганскую столицу будет сброшен крупный десант из 4400 немецких солдат и офицеров. Планировалось, что они смогут захватить важнейшие правительственные центры афганской столицы в течение 8—48 часов. В итоговом документе этого совещания отмечалось, что ее осуществление будет возможным только после утверждения немецкого контроля над западным побережьем Каспийского моря, включая район г. Баку. Тем самым абвер дипломатично указывал нацистскому руководству на невозможность выброски каких-либо крупных десантов в Афганистане.

В любом случае, после появления Амануллы в Афганистане неизбежно восстали бы многие приграничные племена, что резко обострило бы ситуацию на индо-афганской границе. В связи с этим план высадки немецкого десанта на Кабул с целью реставрации Амануллы логично вписывался в осуществление операции «Тигр».

Поражение германских войск на Кавказе и под Сталинградом привело к краху планов Германии завоевать Индию и заставило руководство абвера отказаться от планов высадки крупных десантов в Афганистане и в полосу «независимых» пуштун-

ских племен. По той же причине Люфтваффе не смогло продолжить снабжение вооружением Факира из Ипи по воздуху. Но германская разведка еще долгое время старалась дестабилизировать обстановку на индо-афганской границе, чтобы сковать там британские войска и тем самым помочь японцам захватить Индию.

Летом 1942 г. Япония, готовясь начать наступление на Индию, стала координировать с абвером деятельность своей разведки в зоне пуштунских племен. В сентябре 1942 г. японцы создали 5 разведшкол близ порта Пенанг для подготовки 400 диверсантов из индийских мусульман. Руководил их обучением пуштун, капитан японской армии Дуррани.

Японское командование планировало каждые 3 месяца высаживать с подводных лодок на побережье Белуджистана диверсионную группу из 20 человек, которые должны были проникнуть в полосу «независимых» пуштунских племен и начать там диверсии. Первый отряд японских диверсантов был доставлен в район Мекранского побережья в сентябре 1942 г., но англичане вскоре его обезвредили. После этого провала японцы только весной 1943 г. вновь попытались развернуть подрывные акции в зоне пуштунских племен, но также неудачно.

Германская разведка, которая была уверена в своих крупных успехах в Индии, не могла еще долгое время отказаться от высадки небольшой разведгруппы в полосу «независимых» пуштунских племен. Но афганское правительство, понимая, что Германия войну проиграла, еще более активно стало проводить проанглийскую политику и ликвидировало разведсеть стран оси в Афганистане. После повальных арестов, которые начались в мае 1943 г. в Афганистане, абвер лишился своей последней агентуры в зоне пуштунских племен, и 24 сентября 1943 г. афганское правительство выслало из страны Д. Витцеля и В. Доха.

В столь сложной ситуации руководство абвера продолжало делать ставку на сотрудничество с «Органи-

зацией Мацотты». После бегства К. Расмуса в ноябре 1943 г. фашистская разведсеть в Афганистане и Индии оказалась парализованной, и в Берлине решили передать «Организацию Мацотты» японской разведке.

В столь сложной ситуации руководство абвера продолжало делать ставку на сотрудничество с «Организацией Мацотты». После бегства К. Расмуса в ноябре 1943 г. фашистская разведсеть в Афганистане и Индии оказалась парализованной, и в Берлине решили передать «Организацию Мацотты» японской разведке.

К. Расмус предвидел такое развитие событий и уже в марте 1943 г. стал готовить Бхагат Рама к работе с японцами. Ему были переданы новые шифры для радиосвязи с Германией и явки германской разведки в Индии. Кроме этого, К. Расмус в марте 1943 г. поручил своему резиденту в Индии передать лидеру вазиров 10 тыс. американских долларов, 500 соверенов, 50 тыс. афгани, 5 тыс. индийских рупий и небольшую партию оружия. В июле «человек Мацотты» получил еще 50 тыс. афгани и 250 соверенов.

Эти деньги предназначались для «Организации Мацотты», которая должна была подготовить высадку японских и германских агентов в Белуджистане. Совместная операция германской и японской разведок получила название «Серебряная луна». Однако руководство абвера само отказалось от этой операции.

По той же причине не состоялось прибытие разведгруппы во главе с Д. Витцелем в Баджаур весной 1944 г. Д. Витцель, находясь в Берлине, предложил план установки мощной радиостанции в полосу «независимых» племен для связи между Германией и Бирмой. Но руководство германской разведки не одобрило это предложение, хотя все приготовления для приема немецкого самолета в Баджауре были сделаны. Адмиралу Канарису было ясно, что Германия проиграла войну, и дальнейшая деятельность абвера в зоне пуштунских племен потеряла всякий смысл.

Подводя итоги деятельности разведок стран Оси в зоне пуштунских племен в 1942—1943 гг., необходи-

мо отметить, что поднять всеобщее восстание приграничных пуштунских племен Германии и ее союзникам не удалось, хотя осенью 1942 г. немцы могли добиться этого. Совместными усилиями Великобритания и СССР сорвали этот план абвера. Под давлением Лондона и Москвы афганское правительство не позволило странам Оси превратить территорию Афганистана в плацдарм для подрывной деятельности спецслужб этих государств против Британской Индии. Это помогло Англии и Советскому Союзу предотвратить вооруженный мятеж пуштунов на индо-афганской границе.

Германии все же удалось переправить Факиру из Ипи деньги и небольшие партии оружия. Благодаря этой поддержке вазирь смогли в 1942 г. сковать значительные силы британских войск в Вазиристане. Лишь поражение на Кавказе и под Сталинградом не позволило немцам организовать доставку самолетами вооружения в Вазиристан и осуществить высадку крупных десантов в зоне пуштунских племен. Поэтому в 1942 г., когда по всей северо-западной границе Британской Индии начались стихийные восстания восточных пуштунов, Германия не смогла снабдить их оружием.

Но даже если бы немцам это и удалось, восточные пуштуны не стали бы слепыми исполнителями приказов германского командования. Пример Факира из Ипи показал, что вожди горных племен на индо-афганской границе стремились лишь получить от стран Оси оружие и деньги для борьбы против Англии и вовсе не хотели жертвовать собой и жизнями своих соплеменников ради интересов Германии. Историк А. В. Райков в своей статье о Факире писал, что благодаря помощи Германии и ее союзников лидер вазиров «сумел пережить грозное время без потерь, существенно пополнив свою казну, а также запасы вооружения и боеприпасов» и «не предпринял ничего, что выходило бы за рамки его собственных планов». Восстание 1944—1945 гг., когда приграничные пуштунские племена без какого-либо

содействия стран Оси все же выступили против Кабула и его проанглийской политики, доказало, что восточные пуштуны боролись за свои права и свободу, а не за победу Германии.

КАБУЛ-42: ИГРА НА ДВА ФРОНТА

Успех подрывных операций абвера в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии во многом зависел от благожелательного отношения правительства Хашим-хана к деятельности фашистской «пятой колонны» в Афганистане. Группа «молодых» политиков из окружения короля Захир-шаха считала, что победу во Второй мировой войне одержат Германия и ее союзники, поэтому они готовы были сотрудничать с этими странами. Начало войны на Тихом океане и японский блицкриг в Азии еще раз упрочили среди части афганцев уверенность, что СССР и Англия потерпят поражение.

Подобные настроения были настолько ярко выражены в 1942 г. в Кабуле, что многим «друзьям» Германии потом пришлось «каяться» перед советскими дипломатами. Так, 2 декабря 1942 г. министр общественных работ Рахимулла-хан вынужден был признаться послу К. Михайлову: «[Афганцы и он сам] были уверены, что Советский Союз в ходе войны с Германией не только не сможет противостоять германскому оружию и оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление немецким войскам, но и быстро и неминуемо подвергнется политическому разложению и распадет. Афганцы ожидали, что каждая советская республика и даже автономная национальная область будут тянуть в свою сторону и постараются выйти из состава СССР. На деле, однако, этого не случилось. Что явилось большой неожиданностью для афганцев». «Неожиданностью», которая не позволила Афганистану захватить Хиву и Бухару...

Еще большие надежды группировка «молодых» политиков во главе с принцем Дауд-ханом возлагала на Японию, войска которой в начале 1942 г. непреодолимо приближались к Индии. В Кабуле считали, что поражение Англии «может создать условия для присоединения к Афганистану „независимой полосы“ и Белуджистана». Таким образом, решение «пуштунской проблемы» оставалось одной из главнейших задач внешней политики Афганистана. С этим в афганском правительстве соглашались все, но только «молодые» шли на союз с Германией и ее союзниками, а «старики» все еще выжидали.

В этой ситуации страны Оси решили оказать дипломатический нажим на Захир-шаха и Хашим-хана. В феврале 1942 г. их посольства обратились в министерство иностранных дел Афганистана с заявлением: «Дальнейшее нахождение Афганистана в положении нейтраль-

ного государства не устраивает их, и они желали бы, чтобы афганское правительство заняло позицию, которая определила бы более ясно отношение афганцев к странам Оси». Япония в очередной раз подтвердила обещания своих европейских союзников, что за Афганистаном, если он вступит в войну против Англии, останется вся территория Британской Индии, которую он сможет завоевать. Речь вновь шла о пуштунских землях и выходе к морю, которые в 1941 г. Афганистану обещали фашистские государства в случае их победы во Второй мировой войне.

Колебания в правительственных кругах Афганистана были восприняты Германией как добрый знак. В связи с этим в Берлине решили усилить давление на Хашим-хана, чтобы подтолкнуть его к войне с Великобританией. 23 февраля 1942 г. Г. Пильгер направил в МИД Афганистана антибританскую ноту, в которой утверждалось, что Британская империя потерпит поражение в войне и потеряет Индию. Тем самым немецкий посланник в очередной раз давал понять афганской стороне, что «наступило время, когда нужно пересмотреть свою внешнюю политику, отбросить английскую ориентацию, отказаться от нейтралитета и сотрудничать со странами фашистского блока».

В начале 1942 г. германский посланник Г. Пильгер вновь заявил афганскому министру иностранных дел Али Мухаммед-хану, что «если бы афганское правительство перешло на сторону стран Оси и начало активную антианглийскую деятельность в полосе патанских племен (так в документе. — Ю. Т.), Германия могла бы в благодарность за это содействовать Афганистану в деле воссоединения с Афганистаном полосы патанских племен и приобретения порта Карачи, дающего выход в море». Такое предложение даже осторожный Хашим-хан не мог сразу отвергнуть, и афганское правительство попросило полтора месяца на обдумывание. Несмотря на великий соблазн, Кабул все же ответил странам Оси вежливым отказом.

Немцы прямо указали, како- го дружественного шага они ждут от афганского правительства: германская миссия обратилась к нему с просьбой «не чинить препятствий работе специального характера, проводимой в Афганистане (германской агентурой. — Ю. Т.)». По словам П. Кварони, правительство Хашим-хана задолго до этой «просьбы» сообщило миссиям стран Оси в Кабуле, что оно «не будет возражать против действий немцев и итальянцев в Афганистане», но... при условии сохранения правящей династии. Получив заверения афганского правительства, что оно не намерено мешать немецкой миссии, К. Расмус развернул активный сбор информации о ситуации в Индии для подготовки широкомасштабной операции в зоне пуштунских племен.

Когда немецкие войска в 1942 г. начали наступление на Сталинград и Кавказ, в афганском правительстве усилилась группировка Дауд-хана. Советский посол К. Михайлов в одном из своих донесений в Москву писал, что англичане ненавидят Дауда, так как он «является ярим сторонником расширения территории Афганистана, в первую очередь за счет... воссоединения полосы патанских племен с Афганистаном». Ради достижения этой цели «молодые» были готовы вовлечь Афганистан в войну против Англии.

Когда немецкие войска в 1942 г. начали наступление на Сталинград и Кавказ, в афганском правительстве усилилась группировка Дауд-хана. Советский посол К. Михайлов в одном из своих донесений в Москву писал, что англичане ненавидят Дауда, так как он «является ярим сторонником расширения территории Афганистана, в первую очередь за счет... воссоединения полосы патанских племен с Афганистаном». Ради достижения этой цели «молодые» были готовы вовлечь Афганистан в войну против Англии.

Понимая, что англичане больше боятся всеобщего восстания приграничных пуштунских племен, чем регулярной афганской армии, Дауд-хан и его окружение стали готовить

вооруженный мятеж на индо-афганской границе. Так, в мае 1942 г. близкий к Дауду министр общественных работ Рахимулла-хан заключил с Г. Пильгером соглашение, по которому обещал немцам поднять восстание гильзаев против англичан. Сигналом к началу вооруженного выступления этого племени должно было стать вторжение вермахта в Иран. Германия взяла на себя обязательства поставить восставшим гильзаем необходимое вооружение и боеприпасы. Рахимулла-хан особенно настаивал, чтобы немцы предупредили его заранее о своем наступлении на Индию, так как из-за ограниченных запасов продовольствия гильзаи не могли вести боевые действия более 25 дней.

Благодаря помощи прогерманской группировки немецкое посольство летом 1942 г. стало получать столь нужные абверу разведданные об Индии. Заместитель афганского премьера Наим-хан в июле 1942 г. сообщил Г. Пильгеру и П. Кварони, что афганское правительство готово снабжать страны Оси развединформацией по Индии и Советскому Союзу.

После капитуляции Германии, давая показания в Бутырской тюрьме, Г. Пильгер заявил следователю, что до поражения под Сталинградом афганское правительство снабжало германское посольство информацией о ситуации в Британской Индии. О своих связях в 1942 г. с Наим-ханом немецкий дипломат сообщил: «Однажды при встрече с Наим-ханом он мне заявил, что английская разведка в Афганистане ведет усиленную работу против миссий стран Оси, и предложил мне и остальным сотрудникам немецкой миссии быть осторожными. Тогда же Наим-хан дал согласие систематически информировать меня о всех интересующих вопросах как в отношении англичан, так и в отношении Советского Союза».

В Берлине и Риме с осторожностью отнеслись к предложению афганского правительства, но японцы с энтузиазмом восприняли известие о готовности Афганистана сотрудничать со странами Оси в области

разведки. В Токио считали, что Кабул может поддержать антибританское движение в Индии и помочь Японии наладить авиасвязь с Германией.

Однако афганское правительство соглашалось тайно (!) сотрудничать с Германией, Италией и Японией только в обмене развединформацией. Так, Рахимулла-хан, выполняя просьбу германского посольства, отправил «для обучения строительному делу» в Британскую Индию афганцев-переводчиков, которые раньше работали с германскими специалистами и были завербованы немецкой разведкой. В то же время афганское правительство отправило в Индию начальника промышленного отдела Афганского национального банка Атык-хана, который, по мнению англичан, занимался шпионажем в пользу Германии.

Даже начальник военной разведки Афганистана Мухаммед Анвар-хан регулярно начал встречаться с К. Расмусом у него дома. Во время этих встреч резидент германской развед-

ки получил информацию о ситуации в Северо-Западной Индии. Так, в одном из документов германской разведки указывалось, что афганское правительство передало ей материалы о борьбе «Мусульманской лиги» во главе с Мухаммадом Али Джинной за создание Пакистана и ситуации в СЗПП.

Особенно ценным для Италии и Германии было сотрудничество с их разведками афганского министра почт и телеграфа Абдул Гусейн-хана, который первый предложил свои услуги странам Оси. Большой удачей для себя спецслужбы фашистских государств не могли даже представить, так как с помощью этого министра можно было наладить бесперебойную связь с Кабулом. Однако в Берлине заподозрили афганского министра в двойной игре. Чтобы избежать возможной ловушки, германское Министерство иностранных дел и абвер устроили проверку Гусейн-хана.

Окончательно сомнения немцев рассеял Г. Сиддик-хан Чархи, кото-

рый 4 августа 1942 г. был приглашен В. Мельхерсом в МИД Германии. Там Сиддик-хан заявил немецкому дипломату, что Гусейн-хан ранее поддерживал с ним связь и является надежным афганским националистом, хотя и не амануллист. После такой рекомендации Сиддик-хана в Берлине приняли решение пойти на вербовку министра связи, о чем немедленно было сообщено в германские посольства в Риме и Кабуле.

С помощью Гусейн-хана дипломатические миссии Италии и Германии в Афганистане наладили надежную связь с Римом и Берлином. К примеру, когда у итальянского посольства не оказалось средств на оплату телеграмм, П. Кварони было разрешено пользоваться услугами афганского телеграфа в долг.

Таким образом, в 1942 г. успехи вермахта на Кавказе и под Сталинградом привели к сильному крену в проанглийской политике Хашим-хана. В Кабуле росло число политиков, готовых примкнуть к странам Оси.

В августе 1942 г. ситуация в афганской столице накалилась до предела: по городу ходили упорные слухи о предстоящем государственном перевороте, который якобы готовил Дауд-хан. Лето и осень 1942 г. британское и советское посольства пребывали в тревожном ожидании этого события, которое могло произойти в любой момент.

После отстранения Муссолини от власти и объявления Италией вой-

ны Германии британское и советское посольства в Кабуле получили в свое распоряжение ценнейший источник информации о деятельности стран Оси в Афганистане: посланник П. Кварони, подчиняясь приказу правительства Бадольо, раскрыл представителям антигитлеровской коалиции в Кабуле много ранее секретных сведений. Так, итальянец подтвердил тот факт, что в 1942 г. в Афганистане назревал военный заговор против

правительства Хашим-хана. П. Кварони рассказал следующее: «Он (представитель Дауда. — Ю.Т.) предложил войти с немецкой и итальянской миссиями в такой контакт... что если немцы займут Кавказ и окажутся в Иране, у границ Афганистана, то можно будет сделать правительственный переворот. Предлагалось убрать Хашим-хана и других проанглийски настроенных лиц, создать новое правительство, которое будет содей-

ствовать немцам и итальянцам в их движении на Индию. Дауд-хан соглашался при условии, если будет дана гарантия о сохранении в Афганистане существующей династии». Берлин и Рим отказались брать на себя подобные обязательства, в результате чего заговорщики больше не обсуждали с П. Кварони и Г. Пильгером своих планов.

Германия и Италия отказались гарантировать Дауд-хану сохранность в Афганистане династии Яхья-хель, так как хотели вернуть афганский престол Аманулле-хану, с помощью которого, как полагали в Берлине и Риме, им было бы легче организовать антибританский мятеж пуштунских племен на индо-афганской границе. Фашистские правительства прекрасно понимали: после захвата вермахтом Кавказа уже мало что могло помешать германским войскам вторгнуться в Афганистан и достичь границ Индии, поэтому они не хотели связывать себя какими-либо обязательствами перед династией Яхья-хель. Возможно, продолжая делать ставку на Аманулла и отказавшись пойти навстречу требованиям Дауд-хана, Германия и ее союзники совершили крупную ошибку.

В августе—октябре 1942 г. Дауд-хан и его сторонники не сидели сложа руки. Так, в августе 1942 г. он, как командующий Центрального корпуса, личным приказом повысил в чине 100 офицеров. Действуя таким образом, Дауд-хан понимал, что Хашим-хан не рискнет отменить его решение, чтобы не вызвать недовольство командного состава гарнизона Кабула. Так оно и получилось: афганский премьер-министр утвердил все приказы командующего Центрального корпуса.

Увеличив число своих сторонников в столичном гарнизоне, прогерманская группировка «молодых» политиков приступила к подготовке вооруженного выступления приграничных пуштунских племен против Англии.

Обстановка на юге Афганистана и в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии стала еще более взрывоопасной после

поездки в октябре 1942 г. к приграничным племенам Дауд-хана. Официально было объявлено, что целью его переговоров с представителями приграничных племен является урегулирование инцидента в Хосте и выдача пострадавшим компенсации от афганского правительства. Но Дауд-хан явно не подходил на роль миротворца. Вероятнее всего, он во время своих переговоров с вождями пуштунских племен призвал их к подготовке всеобщего восстания против Великобритании по сигналу из Кабула.

Почувствовав поддержку афганского правительства и зная об успехах японцев в войне с Англией, приграничные пуштунские племена подняли ряд восстаний против англичан. В сентябре-октябре 1942 г. резидент советской разведки М. Аллахвердов в своих донесениях в Москву сообщил, что пуштуны племен «независимой» полосы совместно с пуштунами из Афганистана атаковали г. Пешавар и несколько дней блокировали Хайбарский проход. Вазирь успешно осуществили несколько нападений на британские войска.

Вазиров поддержали баннучи, которые в октябре попытались вновь поднять восстание против Англии. Но британские власти в Индии решительными действиями подавили этот мятеж в самом начале. Чтобы окончательно усмирить баннучей, англичане взяли в заложники 120 старейшин этого племени.

Английское и афганское правительства считали, что все восстания на северо-западной границе Британской Индии, начавшиеся летом 1942 г., — результат подрывной деятельности разведок стран оси. Англичане и Хашим-хан обвиняли итальянцев в том, что они являются главными виновниками этих событий в зоне пуштунских племен. В действительности же без содействия группировки Дауд-хана Германии и ее союзникам многих вооруженных выступлений могло и не быть, но об этом Хашим-хан предпочитал умалчивать.

Английский посланник Ф. Уайли разгадал двойную игру афганского

премьера, о чем был вынужден сообщить советскому послу. 24 августа 1942 г. британский дипломат приехал в посольство СССР, чтобы заявить своему коллеге, что «Хашим-хан вместе с афганским правительством, будучи уверенными, что союзники потерпят поражение, могут, спасая свою шкуру, поддаться на немецкую провокацию». В связи с этой угрозой Ф. Уайли известил советского посла о своем предстоящем визите к главе афганского правительства, чтобы напомнить Хашим-хану о взятых им летом 1941 г. обязательствах. Тогда афганский премьер клятвенно обещал В. Фрэйзер-Тайтлеру: «Английское правительство может быть спокойно: до тех пор пока жив Мухаммед Хашим, он не допустит, чтобы немцы проводили какую-либо враждебную деятельность в Афганистане, направленную против англичан». Ф. Уайли считал необходимым, чтобы Хашим-хан вновь подтвердил свое обещание.

Как показали дальнейшие события, британский посланник в Кабуле излишне драматизировал ситуацию в афганских правительственных кругах. Да, в 1942 г. Хашим-хан оказался перед реальной опасностью отстранения от власти прогерманской группировкой во главе с Дауд-ханом. Старый опытный политик был вынужден вести сложную игру как у себя в стране, так и на дипломатическом фронте. Однако он ясно осознавал, что для сохранения у власти династии Яхья-хель необходима стабильность в зоне пуштунских племен.

Помогая англичанам сохранить мир в «независимой» полосе, Хашим-хан действовал так, прежде всего, в своих интересах. Он прекрасно знал, что пуштуны считают его английским ставленником и при первом же удобном случае попытаются свергнуть его правительство. Однако, чтобы противодействовать росту влияния прогерманской группировки во главе с Дауд-ханом на приграничные пуштунские племена, он все же был вынужден вновь оказать помощь Факиру из Ипи, который в тот момент выступал за объединение «независимой» полосы с Афганистаном.

Как только в распоряжении миссии Великобритании в Кабуле оказались сведения об этом, британский посланник 26 сентября 1942 г. встретился с афганским премьер-министром один на один. Ф. Уайли попытался добиться от него обещания, что Афганистан при любых обстоятельствах будет проводить дружественную по отношению к Великобритании политику. Но Хашим-хан не стал вновь брать на себя такие обязательства, чем еще более напугал английского дипломата.

Хашим-хан осенью 1942 г. считал, что настал удобный момент, чтобы добиться от Англии согласия на возвращение Афганистану «независимой» полосы пуштунских племен. Поэтому во время миссии С. Криппса в Индию афганское правительство впервые за годы Второй

мировой войны письменно потребовало от Лондона возвращения Афганистану ранее отторгнутых территорий. Английское правительство, стремясь сохранить хорошие отношения с Хашим-ханом и обеспечить мир на индо-афганской границе, было вынуждено ответить, что претензии Кабула «на территорию патанов серьезно рассматриваются». Эти обещания англичан не удовлетворили афганских политиков, которые по данному вопросу выступали единым фронтом.

В Кабуле ради решения «патанской проблемы» попытались даже сыграть на противоречиях среди участников антигитлеровской коалиции. Действительно, в долгосрочной перспективе США, а тем более СССР, не были заинтересованы в сохранении могущественной Британской им-

перии. После окончания войны это обстоятельство неизбежно должно было привести к возникновению разногласий между бывшими союзниками. На нем и решило сыграть афганское правительство.

30 сентября 1942 г. состоялась встреча Хашим-хана с американским посланником в Кабуле Корнелиусом ван Энгертом и корреспондентом «Чикаго дейли ньюс» Стиллом. «Интервью» афганского премьера было настолько резким и неожиданным, что американская сторона лишь «в строго секретном порядке» сообщила К. Михайлову о высказываниях главы афганского правительства, который заявил, что «в военную силу англичан в Индии... не верит». В связи с этим Хашим-хан попросил США поставить в Афганистан оружие по ленд-лизу. К. Энгерт благожела-

тельно воспринял просьбу премьера, но выдвинул условие — афганское правительство должно согласиться на «переброску союзных вооружений в СССР» по маршруту Чаман — Кандагар — Герат — Кушка. США планировали доставлять через Афганистан в СССР по 2,5—7,5 тыс. т грузов в месяц.

Смело можно предположить, что американские представители сообщили советской стороне не всю информацию о переговорах с афганцами. Кроме этого, трудно представить, чтобы Хашим-хан осенью 1942 г. не попытался выторговать от США каких-либо уступок по «патанской проблеме».

Хашим-хан попытался заручиться поддержкой и Советского Союза, чтобы обеспечить выгодное Афганистану решение территориального спора с Великобританией. 19 октября 1942 г. доверенное лицо Хашим-хана начальник политического отдела МИДа М. Наджибулла заявил послу К. М. Михайлову: «[Афганское правительство] считает настоящий момент благоприятным для оказания давления на англичан с целью пересмотра действующих афгано-английских договоров, согласно которым определяется нынешняя индо-афганская граница с тем, чтобы перенести эту границу подальше в Индию и воссоединить с Афганистаном территорию Кашмира, Северо-Западной провинции и Белуджистана, населенную патанами и отторгнутую в свое время англичанами от Афганистана. Одновременно афганское правительство считает, что Англия должна в связи с этим предоставить Афганистану выход к морю».

Все афганские аргументы, особенно те, в которых звучала замаскированная угроза Англии, сводились к следующему: «Коль скоро англичане собираются отдать индийцам Индию, они должны отдать Афганистану то, что ему принадлежит по праву. Если в Индии будет создано независимое государство, то этому государству не к чему владеть чужой афганской территорией». В ходе беседы М. Наджибулла сообщил, что к Афганистану должны отойти не только СЗПП, Бе-

луджистан и Кашмир, но и территории Свата, Дира, Баджаура. По афганским данным, там проживало до 7 млн патанов.

В своей докладной записке В. М. Молотову К. М. Михайлов охарактеризовал требования Афганистана как прогрессивные, но рекомендовал Москве в сложной военной и международной обстановке соблюдать в этом вопросе крайнюю осторожность. Советский дипломат также предсказал, что Великобритания не уступит Афганистану северо-западных районов Индии. Одним словом, К. Михайлов логично рекомендовал своему руководству не вмешиваться до окончания Второй мировой войны в англо-афганский территориальный спор.

Американцы также пришли к выводу, что не нужно из-за Афганистана осложнять отношения с Великобританией. В октябре 1942 г. главнокомандующий английскими вооруженными силами в Индии Арчибальд Уэйвелл (с 1943 г. — вице-король Индии) категорически отклонил американский план доставки грузов по ленд-лизу в СССР через Афганистан. Военному атташе США в Кабуле майору Г. Эндерсу «объяснили», что не только ввод 5 американских дивизий в Афганистан, но «даже... ввоз большого количества вооружения может привести к восстанию афганских племен и вызовет необходимость концентрации значительного количества войск на индо-афганской границе, что является... для англичан нежелательным». Несмотря на то что американские военные в Вашингтоне продолжали настаивать на своем плане, он так и не был реализован. Кроме Великобритании, его отверг и СССР, чтобы невольно не дестабилизировать обстановку в Афганистане.

Американские доводы о том, что после прорыва вермахта в Иран «настроенные враждебно к Кабулу афганцы-патаны, живущие в Индии, могут произвести большие беспорядки в Афганистане», в Лондоне и Москве приняты не были. Таким образом, осенью 1942 г. пуштуны второй раз предотвратили повторение в Афганистане «иранского варианта», хотя

большое количество войск США было уже сосредоточено в г. Пешаваре...

Попытки Хашим-хана дипломатическим путем добиться от Великобритании согласия на присоединение северо-западных районов Британской Индии обеспокоили только английские власти в Индии. В Лондоне же их расценили как добрый знак того, что Хашим-хан продолжал придерживаться проанглийского курса.

Попытки Хашим-хана дипломатическим путем добиться от Великобритании согласия на присоединение северо-западных районов Британской Индии обеспокоили только английские власти в Индии. В Лондоне же их расценили как добрый знак того, что Хашим-хан продолжал придерживаться проанглийского курса.

Страны Оси своей ставкой на реставрацию власти Амануллы-хана постоянно доказывали династии Яхья-хель, кто ее враги, а кто союзники. Уже весной 1942 г. германское посольство оказалось замешанным в заговоре против Захир-шаха. Но афганские власти с помощью англичан арестовали немецкого агента Хабиб-джана, который готовил покушение на афганского короля. Заговор провалился.

Однако этот инцидент был предвестником более грозных событий в Афганистане. В конце августа в Кабуле начались массовые аресты амануллистов, которые с разной интенсивностью продолжались несколько месяцев. Видимо, афганская тайная полиция раскрыла очередной заговор против правящей династии. Только в сентябре около 100 амануллистов были брошены в афганские тюрьмы, где их сразу же подвергли пыткам. На допросах наиболее высокопоставленных заговорщиков присутствовал лично король Захир-шах. Часть амануллистов была выслана в Индию, что свидетельствовало об их связи с миссиями стран Оси в Кабуле.

Сторонники экс-эмира традиционно поддерживали тесные контакты с германским и итальянским посольствами, которые, кроме этого, активно подстрекали приграничные пуштунские племена к мятежу. Британские власти в Индии, к которым

потоком шла информация о фашистских интригах в Афганистане и «независимой» полосе, решили воспользоваться удобным моментом, чтобы добиться от афганского правительства закрытия дипломатических миссий стран Оси.

В ноябре 1942 г. Ф. Уайли, выполняя указания секретаря по иностранным делам Индии Олафа Кэроу, дважды ставил этот вопрос перед афганцами, но каждый раз получал категорический отказ. Британский посланник в Кабуле с сожалением был вынужден констатировать, что «следовало бы ликвидировать дипломатические миссии стран Оси в октябре прошлого года, когда из Афганистана выдворялись неофициальные фашистские разведчики (так в документе. — Ю.Т.)». Теперь же, по его мнению, данный шаг мог «привести к обострению политической обстановки в Афганистане и падению правительства Мухаммеда Хашим-хана». На такой риск Великобритания пойти не могла, и посольства Германии

и ее союзников остались в Кабуле, хотя против этих дипломатических представительств разведками Англии и СССР был собран обширный компромат.

Разумная осторожность стран антигитлеровской коалиции в Афганистане в 1942 г. и негибкая политика Германии, не желавшей даже для вида отказаться от планов свержения династии Яхья-хель и делавшей ставку на Аманулла, позволили Хашим-хану удержать группировку Дауд-хана от запланированного военного переворота и открытых антибританских акций. После Сталинграда всем афганским политикам стало ясно, старый и больной премьер оказался прав: количество «друзей» Германии резко сократилось. Внутриполитическая обстановка в Афганистане стабилизировалась.

В 1942—1943 гг. поражения стран Оси на всех театрах боевых действий укрепили позиции Великобритании в переговорах с Афганистаном о судьбе пуштунских земель Британ-

ской Индии. Англии необходимо было окончательно прояснить этот вопрос, чтобы правительство Хашим-хана, особенно группировка Дауд-хана, не питали никаких иллюзий. В связи с этим 6 апреля 1943 г. Кабул в качестве частного лица посетил секретарь по иностранным делам правительства Индии О. Кэроу, он сообщил Хашим-хану об отказе Лондона удовлетворить афганские территориальные претензии. Наджибулла после визита английского дипломата сообщил К.М. Михайлову, что в данное время «решение этого вопроса исключено».

Попытки Афганистана вынудить Великобританию передать ему районы правобережья Инда закончились безрезультатно. Однако странам Оси тревожный 1942 г. позволил, спекулируя на «патанской проблеме», добиться наивысшего влияния в Афганистане за весь период Второй мировой войны. ■

Окончание в следующих номерах альманаха

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ПАРТИЗАНСКИЕ ДИВЕРСИИ

Одним из основных способов решения боевых задач, при котором партизаны не вступали в боевое столкновение с противником, являлись диверсии. Целью диверсий была дезорганизация вражеского тыла, нанесение фашистам ущерба в живой силе и боевой технике. Этот способ борьбы по сравнению с другими имел ряд серьезных преимуществ. Во-первых, диверсии позволяли партизанам малыми силами и почти без потерь наносить весьма эффективные удары по противнику. Партизанские формирования, не обремененные ранеными,

обретали высокую маневренность и имели возможность непрерывно воздействовать на врага. Во-вторых, систематические и многочисленные диверсии партизан распыляли внимание и силы противника на охрану коммуникаций и других тыловых объектов. В результате резко снижались возможности фашистов в борьбе с партизанами, так как им трудно было создавать крупные группировки для блокирования районов активных партизанских действий и проведения карательных экспедиций. Диверсии играли большую роль в деморализации вражеских войск.

В 1941-1942 годах, когда еще не было налажено снабжение партизанских формирований специальной минновзрывной техникой, партизаны применяли в боевой деятельности простейшие средства и способы диверсий: подкапывали и расширяли железнодорожные пути, разбалтывали и отводили рельсы в сторону, разбрасывали на автомобильных дорогах металлические «ежи» и разного рода колючки для прокалывания автомобильных покрышек, создавали на грунтовых дорогах замаскированные перекопы и «волчьи ямы», натягивали поперек дорог проволоку, устраивали поджоги и т. д.

Роль диверсий в партизанской борьбе особенно возросла во второй половине войны, когда партизан в широких масштабах стали снабжать с Большой земли специальной минновзрывной техникой. Следует подчеркнуть, что регулярные войска использовали мины, как правило, в оборонительных целях, а у партизан они были наступательным оружием. Большое значение для партизан имело то обстоятельство, что диверсии путем минирования объектов было относительно легко осуществлять, и они наносили большой урон врагу. На установку скоростной специальной мины требовалось около одной минуты, а мину замедленного действия два минера-диверсанта устанавливали в талом грунте на глубину 20-30 см за 8-10 минут.

Массовое применение минновзрывной техники обеспечило очень высокую эффективность диверсионной деятельности партизан. С начала 1943 года диверсии с использованием специальной техники заняли важнейшее место в тактике партизанской

борьбы. Следует отметить, что большая часть потерь гитлеровцев в живой силе и технике в результате действий партизан вызвана диверсиями. На Украине, например, из общего количества потерь противника в живой силе в результате действий партизан 55 % приходится на диверсии.

Партизаны причиняли большой ущерб фашистам благодаря применению самых различных мин, как по устройству (мгновенного и замедленного действия, управляемых и т.д.), так и по назначению (противопоездных, противопехотных, противотанковых, противотранспортных и т.д.).

Партизаны широко использовали специальные зажигательные вещества, особенно замедленного действия (для уничтожения складов, грузов при перевозках, поджога промышленных и военных объектов).

С помощью мин и зажигательных веществ можно было вывести из строя вражеские объекты, не прибегаясь непосредственно к ним. Для этого партизаны, тщательно за-

маскировав взрывчатые или зажигательные вещества, закладывали их в доставлявшиеся фашистами дрова, торф, известняк, каменный уголь и т.д.

Как один из примеров может служить диверсия в селе Юзефовка юго-восточнее города Коростень (Украина), где располагался вражеский гарнизон численностью до роты. Фашисты укрепили село и организовали усиленную караульную службу. Чтобы избежать потерь при открытом нападении, командование партизанского соединения им. И.В. Сталина решило провести диверсию довольно оригинальным способом. На крестьянскую подводку партизаны погрузили два 152-мм снаряда с взрывателями, чеки которых привязали к красивой дамской кофточке. Снаряды были прикрыты продуктами и газетами, сверху лежало письмо к полицейским с «благодарностью за хорошую работу».

На рассвете группа партизан пошла к Юзефовке и залегла в кустарнике. Ездовой с бричкой от-

правился в село. В ответ на окрик вражеского часового он соскочил с брочки и под прикрытием огня товарищей отполз к кустарнику. В гарнизоне поднялась тревога. Партизаны же быстро возвратились на свою базу.

Захватив брочку, гитлеровцы стали разбирать «подарки». Когда начальник полиции попытался взять кофточку, раздался сильный взрыв. В результате добрый десяток фашистов и полицаяв было убито.

При организации работы железных дорог на оккупированной территории для гитлеровцев с начала и до конца войны самой острой была проблема квалифицированных железнодорожных кадров. Фашистская Германия не располагала достаточным числом железнодорожников, которые могли бы обеспечить нормальную работу железных дорог, имевших огромную протяженность. В самом начале войны были призваны из запаса все немецкие железнодорожники, удлинен рабочий день, в декабре 1941 года последовало всеобщее запрещение отпусков железнодорожникам. Позднее на германские железные дороги было привлечено около 80 000 железнодорожников из оккупированных стран Западной Европы. В целом все эти мероприятия фашистов позволили направить на железные дороги оккупированных советских территорий около 105 000 немецких железнодорожников.

Для эксплуатации железных дорог в оперативных районах групп армий были организованы 2, 3, 4 и 5-е военно-полевые железнодорожные управления с соответствующим аппаратом, сетью комендатур и железнодорожными войсками. Число немецких военно-полевых железнодорожников в ходе войны значительно возросло и только в оперативном тылу группы армий «Центр» составило более 52 000 человек. А всего в тыловом и оперативном районах группы армий «Центр» было свыше 72 000 военных железнодорожников и железнодорожных саперов.

На оккупированной советской территории в период наибольшего продвижения германских войск находилось 250 000 немецких гражданских и военных железнодорожников и саперов. Однако этих сил с самого начала было недостаточно, и германское фашистское военно-политическое руководство стало на путь массового принуждения советских граждан к работе на железных дорогах. В случае отказа семьи железнодорожников выдворялись из квартир и подвергались репрессиям. Они фактически являлись заложниками и подвергались пыткам вплоть до расстрела в случае бегства или невыхода на работу члена семьи. Путем кровавых расправ, голода, выселения и других подобных мер, оккупанты принуждали советских граждан к работам на железнодорожном транспорте.

Принудительное привлечение советских граждан для работы на железных дорогах было одной из главных причин неустрашимой слабости транспорта противника и систематических срывов и перебоев в его работе. Кроме ничтожной кучки предателей, подавляющее большинство насильно привлеченных к работам на железных дорогах советских граждан путем диверсий и саботажа

проводили огромные по масштабам разрушения, снижавшие темпы работы коммуникаций.

Подпольные организации и группы втягивали в диверсионную работу широкие массы железнодорожников, часто действуя в контакте с партизанскими отрядами, получая от них через связных мины, взрывчатые вещества, детонаторы, огнепроводные и детонирующие шнуры и др., и передавая разведывательные данные для советского командования.

С каждым разом их удары по вражескому транспорту становились ощутимее, распространяясь на все более обширную территорию. В этой борьбе участвовали подпольные организации и рабочие не только железных дорог, но и городов, районов и сел, расположенных на линиях железных дорог или вблизи них.

Диспетчеры направляли для эшелонов локомотивы, не соответствовавшие по мощности весу поезда, чаще всего недоиспользуя в значительной мере их мощность. В конторах часто переписывались паспорта отправки с одних вагонов на другие, что приводило к засылке вагонов и особо важных грузов не по назначению.

Путевые рабочие делали ремонт таким образом, чтобы создавались предпосылки для крушений поездов.

▲ Закладка заряда

▲ Заслонов К.С.

▲ Подрыв рельса

Они часто «не замечали» трещин в рельсах, гнилых или плохо подбитых шпал; охотно меняли шпалы, которые могли служить еще несколько лет, подолгу и «прилежно» ремонтировали один участок пути, чтобы, отвлекая на него силы, приводить в негодное состояние другие участки, для которых «не хватало» сил; «не замечали» и пропускали важные дефекты, особенно трещины бандажей и осей, применяли при устранении течи в трубах некачественные вальцовки и чеканки, чем вызывали еще большее расстройство котлов. Составители поездов, сцепщики и стрелочники затягивали формирование поездов на узлах и станциях, неправильно размещали вагоны по весу, большегрузные и тормозные; меняли наклейки на вагонах, в результате чего вагоны с боеприпасами загонялись в тупики, а с железным хламом шли на фронт; наклеивали на исправные вагоны ярлыки «больной», такие вагоны отцеплялись от состава, что вызывало перегрузку и задержку в движении.

Грузчики неправильно укладывали и закрепляли грузы, роняли их, разбивали бочки и ящики, прорыва-

ли мешки и т.д. Они затягивали погрузку и разгрузку, складывали грузы в таких местах и таким образом, чтобы их потом труднее было забирать, осуществляли другие действия, оказывавшие большой эффект.

Железнодорожные рабочие вскрывали вагоны, ящики с оружием, боеприпасами и взрывчаткой, забирали сколько было возможно и переправляли в партизанские отряды.

Из многочисленных диверсий, совершенных подпольными организациями, группами и рабочими, насильно привлеченными фашистами для работы на железных дорогах, здесь приведены лишь некоторые, упомянутые в сообщениях подпольных организаций и партизан, а также в отчетах и сводках штабов противника и оккупационной железнодорожной администрации.

Начальник генштаба сухопутных сил вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер зафиксировал в своем дневнике резкое сокращение военно-транспортных перевозок на железнодорожных коммуникациях вследствие возросших активных действий партизан и подпольщиков.

Командующий войсками группы армий «Север» Кюхлер отмечал в ноябре 1943 года: «Все увеличивающиеся удары и акты саботажа в отношении железных дорог, путей сообщения и учреждений вермахта, усложняющие действия войск, ведущие к тому же к многочисленным жертвам личного состава, все более свидетельствуют о том, что местное население широко поддерживает партизан и саботажников».

Рассматривая сведения о нападениях и диверсиях подпольщиков и партизан в тылу группы армий «Север», командующий охранными войсками этой группы войск генерал Бот свой приказ от 21 октября 1943 года резюмировал следующим образом: «Ни один русский не заслуживает доверия».

Одним из самых ранних и результативных примеров подпольной работы железнодорожников Белоруссии являются диверсионные действия группы под руководством К.С. Заслонова в депо Орша в период декабрь 1941 — февраль 1942 годов.

Во время наступления противника в 1941 году оршанские железнодо-

рожники эвакуировали весь подвижной состав на восток. Большая группа оршанских железнодорожников очутилась в Вязьме в распоряжении Народного комиссариата путей сообщения. У К.С. Заслонова возникла идея (как он указывал в заявлении в НКПС) организовать из них партизанский отряд для борьбы в тылу врага, который будет действовать в районе «от Ярцева до Барановичей в полосе железнодорожных линий, станций и других железнодорожных сооружений». Разрешение было получено. В начале сентября 1941 года при активной помощи политотдела Западной железной дороги отряд из 30 добровольцев-паровозников был создан и прибыл из Москвы в Вязьму. Командиром отряда был назначен К.С. Заслонов, комиссаром Ф.Н. Якушев. После вооружения и кратковременного обучения отряд из 40 человек был переброшен к линии фронта и, преодолевая опасности и трудности, при помощи армейской разведки переведен через линию фронта в тыл противни-

ка. Часть людей, не вынесших трудностей пути и обмороженных, были отправлены в советский тыл, некоторые погибли в боестолкновениях с фашистами. К району Орши вышли К.С. Заслонов, Ф.Н. Якушев, А. Барковский, Д. Латко, С. Чебриков, П. Шурмин, Е. Якушева и А.Е. Андреев. Как и в других местах в Орше гитлеровским командованием были изданы приказы о том, чтобы все железнодорожники, оставшиеся в Орше или возвратившиеся из эвакуации, явились на работу под страхом наказания вплоть до расстрела. Многие из оршанских железнодорожников уже работали на железнодорожном узле и в депо Орша. После обсуждения вопроса о формах борьбы, взвесив все обстоятельства, было решено возвратиться домой «из эвакуации» и устроиться на работу в депо, а потом, уже опираясь на знакомый коллектив депо, остановиться на тех или иных способах борьбы. Ф.Н. Якушев, как бывший начальник политотдела, по общей рекомендации перешел в глубокое подполье. Так

в депо Орша была принята на работу и устроена вся группа.

Опираясь на сочувствие и поддержку большинства рабочих депо, организация развернула в широком масштабе диверсии с участием в них паровозных машинистов и их помощников. Меры по конспирации и предотвращению провалов были настолько продуманы и основательны, что, несмотря на наносимый противнику ущерб, взрывы и вывод из строя паровозов и других объектов, организация эффективно действовала с ноября 1941 до конца февраля 1942 года.

Были быстро нащупаны наиболее уязвимые места для диверсий — узел и депо Орша, а также депо Минск, Борисов, Смоленск, Витебск и Рославль, те есть те, где оршанские машинисты встречались с паровозными бригадами в общих оборотных депо. Основной удар наносился по паровозному парку, особенно по немецким паровозам, не подготовленным к работе в суровых зимних условиях.

▲ Постановка боевой задачи

В дальнейшем подпольщики стали широко применять взрывчатку, которую в депо доставлял Петр Шурмин, а изготавливалась она в доме у Павла Шурмина. Взрывы происходили всегда в разных местах, что не позволяло гестапо установить их причину и виновников. Эти паровозы надолго выходили из строя и направлялись в средний и капитальный ремонт. Взрывчатка завозилась в депо Смоленск и Борисов, оттуда она попадала в Минск и Рославль. Предпочтение отдавалось депо Смоленска, потому что от Смоленска в сторону фронта поезда водили немецкие машинисты. Обеспечением взрывчаткой занималась комсомольско-молодежная бригада во главе с Тимофеем Докучаевым. Они еще летом до отхода наших войск собирали ее запасы, затем было налажено ее извлечение из оставленных при отступлении боеприпасов (вытапливание в водяной бане).

В декабре 1941 года было взорвано 14 паровозов, в январе 1942 года — 11. Результатом деятельности организации на линиях было крушение 8 поездов, в том числе одного бронепоезда.

Большое число паровозов задерживалось к выходу из депо и становилось непригодным из-за плохого

ремонта и растаскивания важных деталей паровозов. Когда стало ясно, что наступает опасность провала, основное ядро организации во главе с Заслоновым стало готовиться к уходу в Богушевские леса к партизанам. В конце февраля 1942 года группа ушла в лес и там был создан партизанский отряд, командиром которого стал К. С. Заслонов, а комиссаром машинист Оршанского депо А. Е. Андреев. Отряд пополнялся новыми партизанами и вырос в партизанскую бригаду, действующую до конца войны. К. С. Заслонову, погибшему в одном из боев, было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

После оккупации Минска большая группа рабочих Минского железнодорожного узла, в том числе начальник депо станции Минск Ф. С. Кузнецов, была заключена в концентрационный лагерь Дрозды в окрестностях Минска. Оккупанты, когда им потребовались квалифицированные рабочие на железнодорожном узле и в депо, освободили железнодорожников и обязали работать на оккупантов. Ф. С. Кузнецов, И. Ю. Юхнович (бывший заместитель начальника станции Минск — Товарная), И. Г. Степура и десять коммунистов решили остаться в городе и выйти на работу.

На Минском железнодорожном узле гитлеровцы сконцентрировали свыше 300 паровозов. Подпольщики осуществляли диверсии, занимались сбором оружия, которое они прятали в лесу. Особенно большие запасы оружия были сделаны в районе деревни Петровщина машинистами Балашевым, Сержановичем, Горизой, Барановским и Павлечко.

В ноябре 1941 года подпольщики отправили к партизанам первую группу людей. Связавшись с командиром партизанского отряда «Народные мстители» В. Т. Воронянским, действовавшим в Логойском районе вблизи Минска, подпольщики вместе со связным отряда подростком по имени Сашка систематически направляли в отряд группы по 10-15 человек, вооружившихся собранным и спрятанным оружием. В этом партизанском отряде минские железнодорожники составили основной его костяк. В декабре 1941 года подпольной организацией были выведены из строя две водокачки, одну из которых фашисты так и не восстановили. Железнодорожный узел оставался без воды 20 дней в самые сильные морозы. В результате было заморожено 50 паровозов. Вторая водокачка была «отремонтирована» 25 декабря 1941 года сильным напо-

ром. Трубы полопались и замерзли и сеть вышла из строя. Позже был сломан один угольный кран. В результате диверсий в депо каждый день поступали испорченные паровозы. Избежав провала, 12 апреля 1942 года Ф. С. Кузнецов и 20 железнодорожников переправились в партизанский отряд В. Т. Воронянского. Ф. С. Кузнецов возглавил партизанскую бригаду, которая объединяла 5 партизанских отрядов. В минском депо продолжали борьбу новые подпольные организации, и диверсии не прекращались вплоть до освобождения города Красной Армией.

21 мая 1943 года на станции Минск в 13 часов было установлено замаскированное соломой взрывное устройство на составе, груженном авиационными бомбами. В 19 часов на станции Руденск произошел взрыв одного устройства, загорелась солома. Фашисты попытались отсоединить горящий вагон из состава, но в это время последовали взрывы, и солома занялась на других вагонах поезда. Возникший пожар перекинулся на стоявший рядом состав, груженный бочками с бензином, в результате чего сгорело 7 вагонов с горючим.

В марте 1943 года минский подпольщик В. Т. Бабенко заминировал

нефтебензослад в предместье Минска — Красном Урочище. В результате взрыва было уничтожено 400 000 литров авиабензина, 4 вагона с машинным маслом в бочках, 150 бочек керосина и автомашина.

В 1943 году подпольщиками на станции Минск был выведен из стоя мощный кран, присланный из Германии для подъема на рельсы спущенных партизанами под откос паровозов. Свидетельства западногерманского исследователя II мировой войны Г. Поттгиссера: «В Минск был послан один из двух 90-тонных кранов, имевшихся в распоряжении немецких железных дорог, но из-за недостаточной охраны, увеличить которую, несмотря на все старания, не удалось, этот кран был поврежден взрывом и отправлен в Германию».

В Минске активно работала подпольная организация, имевшая своих разведчиков на Минском железнодорожном узле и в управлении железных дорог округа «Минск». Один из активных подпольщиков Минска, позже секретарь Логойского подпольного райкома партии — И. М. Тимчук установил в конце 1941 года связь с подпольной группой коммунистов, работавших на Минском железнодорожном узле. Они следили за вражескими

перевозками через Минский железнодорожный узел и систематически представляли сведения о количестве проходивших эшелонов и направлении их следования. Двоюродную сестру подпольщика Коренькова — З. А. Андрианову, хорошо знавшую немецкий язык, сумели устроить переводчицей в дирекцию железных дорог «Минск».

Сведения, добытые подпольщиками, передавались через радиосвязь партизанских отрядов и бригад С. А. Ваупшасова (оперативный псевдоним «майор Градов»), Д. И. Кеймаха (оперативный псевдоним «Дима»), майора спецгруппы ЦШПД Казанцева и другие отряды в Москву.

Осенью 1942 года З. А. Андрианова сообщила подпольному райкомупартии, что немецкий чиновник управления железных дорог Ганс Штрубе сочувствует партизанам и его возможно привлечь к разведывательной работе. После осторожного изучения деятельности и связей этого чиновника, конспиративных встреч его с руководителем спецгруппы Логойского района в Минске И. Х. Марковым пришли к соглашению. И Штрубе стал работать на подпольную организацию.

С начала 1943 года Штрубе стал передавать Андриановой копии

▲ Крушение поезда

▲ Крылович Ф.А.

▲ Минирование ж.д. полотна

ежедневных донесений о положении и происшествиях на железных дорогах. Наиболее важные сведения передавались по радио в Москву, а целиком донесения, полученные от Штрубе, переправлялись самолетами в Центральный штаб партизанского движения.

Диверсии, часто очень значительные, осуществлялись подпольными организациями, группами и отдельными подпольщиками на многих других узлах, станциях и железнодорожных линиях на оккупированной территории Белоруссии. Одной из исключительно результативной диверсии, совершенной одним человеком является диверсия на станции Осиповичи на линии Минск — Гомель в ночь на 30 июля 1943 года комсомольцем подпольщиком Федором Крыловичем. В период Курской битвы линия Минск — Осиповичи была главной артерией снабжения, а затем эвакуации частей и соединений 2-й танковой армии противника. Из-за подрыва путей, произведенных гомельскими партизанами, на станции Осиповичи задержался ряд поездов.

Руководитель партизанского отряда «Храбрецы», действовавшего в Бобруйском и Осиповичском рай-

онах Белоруссии, А. М. Рабцевич выбрал целью диверсии станцию Осиповичи. Для выполнения задачи требовался человек, хорошо знакомый с местом проведения операции, у которого была бы возможность проникнуть на охраняемую фашистами территорию вагонного депо. Для выполнения задачи партизаны выбрали Федора Крыловича, члена подпольной ячейки в Осиповичах. Он был потомственным железнодорожником. Во время службы в Красной Армии воевал на Халхин-Голе, затем в 1940 году участвовал в финской кампании. Перед Великой Отечественной войной Крылович работал в Осиповичах. Во время немецкой оккупации работал электромонтером на железнодорожной станции, сразу же вступил в подпольную организацию. На Крыловича вышел секретарь Могилевского обкома, член руководства партизанского отряда «Храбрецы», Павел Воложин с предложением совершить крупную диверсию на станции. Вскоре в Осиповичи прибыл эшелон с горючим и смазочными материалами. Платформы с цистернами немцы загнали в охраняемый северный вагонный парк. Накануне вечером, перед прибытием состава,

Крылович повредил железнодорожный семафор и уже утром его, как электромонтера, вызвали на станцию для ремонта неисправности. Не вызвав подозрений у охраны, он пронес в сумке с инструментами магнитные мины и, улучив момент, установил их прямо на цистерны с горючим, стоящие рядом с семафором. Затем, по окончании ремонта семафора, он покинул территорию станции. Ночью прогремел взрыв. Огонь с горящего топлива быстро перекинулся на станционные постройки и стоящие по соседству составы, а вскоре добрался и до вагонов с боеприпасами. Станция превратилась в пылающий ад. Немцы не могли справиться с огнем до самого вечера. Кроме состава с горючим, было полностью уничтожено еще три эшелона со снарядами, продовольствием, бронетранспортерами и танками. В огне и взрывах было убито несколько десятков гитлеровцев. Железнодорожное сообщение оказалось полностью парализовано.

Немцы потеряли

- 5 паровозов;
- 25 цистерн с бензином;
- 8 цистерн с авиационным маслом;
- 65 (!) вагонов с боеприпасами;

- 12 вагонов с продовольствием;
- 14 танков и 7 бронетранспортеров на платформах
- угольный склад;
- кран;
- большое количество станционных построек и материальных средств.

Крыловичу оставаться в городе было нельзя, фашисты везде разыскивали электромонтера диверсанта. Подрывник ушел в Бобруйский партизанский отряд под командованием Виктора Ильича Ливенцева, где храбро сражался до самого конца войны. Уже после войны Федор Андреевич Крылович за доблесть и мужество был награжден орденом Ленина и медалью «Партизана Отечественной войны» 1-й степени, а «партизанские вожди» (командиры партизанских бригад, видимо, позабыв представить героя к награде, Ливенцев (1.01. 1944) и Рабцевич (5.11.1944) за осиповичскую диверсию, осуществленную Федором Крыловичем, удостоились звания Героя Советского Союза.

Генерал Э. Миддендорф, в годы войны референт генштаба сухопут-

ных сил вермахта, в одной из своих работ после войны писал: «Крупного успеха добились партизаны в июле 1943 года, когда ими на станции Осиповичи был уничтожен эшелон с горючим и смазочными материалами и чрезвычайно ценный эшелон с танками «Тигр».

Дорожный мастер Матезкин, работающий на линии Молодечно — Минск, по заданию командира Ножкова отряда им. С.М. Кирова бригады им. В.П. Чкалова поставил 15 мая 1943 года взрывное устройство на цистерну с горючим. Взрыв произошел в 10 км от станции Олехновичи, в результате которого сгорели 11 цистерн с горючим.

Крупную диверсию осуществили подпольщики станции Калинковичи — взорвали и сожгли огромные склады, являвшиеся перевалочной базой снабжения 2-й танковой армии группы армий «Центр». На складах и на разгрузочной рампе находилось большое количество военных грузов, боеприпасов, снаряжения, технического оборудования и другого военного имущества. Кроме того, на рампу было выгружено много горючих и смазочных материалов

в металлических бочках и канистрах. Подпольщики Владимир Отчик и Анатолий Булановский, повязав на рукава голубые повязки железнодорожников, явились на склад «для осмотра подъездных путей» и, выбрав момент, подложили взрывное устройство между бочками с бензином.

В ночь с 12 на 13 августа 1943 года произошел взрыв огромной силы. Пожар распространился на склады. Много имущества, техники, боеприпасов и горючего было уничтожено.

Партизаны отряда им. В.П. Чкалова бригады им. Я.М. Свердлова Брестской области совместно с подпольщиками депо Брест 10 октября 1943 года взрывами вывели из строя 3 паровоза. Было сильно повреждено здание депо.

Подпольная комсомольская группа депо Молодечно под руководством помощника паровозного машиниста Даниила Герковича, связанная с партизанским отрядом «Дима» (командир — Д.И. Кеймах, заместитель по агентурной разведке Н.П. Федоров) с июля по ноябрь 1943 года провела 7 диверсий — выведено из строя 3 паровоза, поврежден по-

▲ Противопехотная мина ПМД-6

▲ Федоров Н.П.

воротный круг, сожжен склад горючего, взорваны цистерны с горючим.

В Белоруссии в подпольных организациях и группах с врагом сражалось более 70 000 человек, в том числе 21 951 коммунист, около 20 000 комсомольцев и более 28 000 беспартийных советских патриотов.

О размахе саботажа и диверсий уже в первый период войны на Украине свидетельствуют многочисленные документы оккупантов и среди них военный дневник группы армий «Юг», рапорты и донесения командиров охранных и тыловых частей и учреждений. 30 сентября 1941 года было прервано железнодорожное сообщение на линии Смела — Александрия, 1 октября — на линиях Фастов — Смела — Александрия — Кременчуг — Днепропетровск, 2 октября — на линиях Казатин — Фастов — Александрия — Днепропетровск, 6 октября были зафиксированы акты саботажа на линии Фастов — Кременчуг, 12 октября — на железной дороге в районе Корсунь-Шевченковского, 17 октября — на станции Знаменка, 26 октября отмечены взрывы на железной дороге Чернигов — Гомель и т.п.

Донесения полиции безопасности и СД были наполнены тревожными сообщениями о диверсиях

в Днепропетровске и прилегающих к городу районах. «В Днепропетровске в военном авиапарке в результате диверсии возник большой пожар. Сгорели линейный завод и много прилегающих зданий. В конце февраля 1943 года в Божедаровке (70 км от Днепропетровска) имело место много диверсионных актов. На железнодорожной линии Божедаровка — Верховцево и Божедаровка — Криничная неоднократно обрывались телефонные провода и подпиливались телеграфные столбы. Одновременно распространяются листовки, призывающие к неповиновению и активной борьбе... В Мелитополе задержаны за диверсии, производившиеся на военных объектах, 14 человек. На железнодорожной линии Синельниково — Запорожье произошло крушение поезда, были отвинчены гайки на стыках рельсов».

Городская партизанская группа В. Д. Авдеева в Сталино, объединившая 11 групп общей численностью более 150 человек, за период с июня по сентябрь 1943 года многократно нарушала связь вокруг города, организовала крушение четырех поездов противника, подорвала 17 паровозов, два танка и восемь автомашин, взорвала артиллерийский склад. Подпольно-диверсионный

отряд «За Родину» под командованием И. П. Дунаева в городах Зугрэгс, Чистяково взорвал и разрушил 4 моста, 3 склада, вывел из строя более 50 паровозов и 30 вагонов, систематически нарушал железнодорожное сообщение и телеграфную связь в районе своей деятельности.

На Дарницком вагоноремонтном заводе подпольная группа под руководством Л. Н. Воробьева ремонтировала многие вагоны так, что они вызывали крушения поездов. На заводе подпольщики взорвали котельную, сожгли гараж, вывели из строя подъемный кран, пресс для распрессовки колесных пар и два станка, доставленные из Германии. Организация собирала оружие для партизан. Установив связь с партизанским соединением «За Родину», дарницкие подпольщики передали партизанам 150 винтовок, 4 пулемета и автомата, 180 гранат, 17 000 патронов, много медикаментов. Из подготовленного подпольщиками резерва к партизанам ушло более 200 человек, в том числе руководитель организации Л. Н. Воробьев.

В Кировограде подпольная организация им. К. Е. Ворошилова с помощью рабочих совершила в 1943 году 500 диверсионных актов: сожжены склады горючего, сена,

запчастей, нефтебаза на заводе «Профинтерн», уничтожено 8 мостов, пущены под откос 5 эшелонов противника, совершено 14 налетов на склады и воинские части. Организация направила в партизанские отряды около 150 бойцов, в том числе 42 советских летчика, спасенных подпольщиками. Подпольщики железнодорожного узла Днепропетровск, руководимые В.Е. Анищенко, в 1943 году в разное время вывели из строя 150 паровозов, подпольщики станции Лозовая за май — август 1943 года — 85 паровозов; подпольная группа станции Основа во главе с В. Коноваловым — 11 паровозов. Многочисленные проскуровские подпольные группы организовали 589 диверсионных актов, в том числе 22 крушения поездов, сожгли депо на станции Гречаны, вывели из строя 18 самолетов. Большая часть этих диверсий была проведена в 1943 году

Подпольная группа, возглавляемая инженером М.К. Фидаровым, на железнодорожном узле Сарны, применяя магнитные мины, организовала 17 крушений поездов, подорвала водокачку, железнодорожный мост, подожгла два склада с обмундированием и продовольствием.

Подпольная организация Железнодорожного района города Киев организовывала аварии на станции, выводила из строя сигнализацию и другое станционное оборудование. На станции Киев — товарный подпольщики во главе с П.Н. Засенко и А.А. Равинским испортили 23 стрелки и 16 крестовин, в результате чего было выведено из строя 3 паровоза и около 40 вагонов. Подпольная организация железнодорожного депо Киев — Московский и депо Дарница вывела из строя 24 паровоза, до 100 вагонов, истребила 300 гитлеровцев.

Подпольными организациями Киевской области за время оккупации было пущено под откос 40 поездов, выведено из строя около двух десятков судов и барж, разрушено 299 км телефонной и телеграфной связи, проведено 500 операций, в которых уничтожено 1 500 солдат и офицеров врага. Активно и бесстрашно боролись смелянские подпольщики, возглавляемые П.А. Цаплюком. На паровозоремонтном заводе и в депо станции Шевченко они вывели из строя 30 паровозов. Машинист И.А. Кузменко сжег и заморозил 10 паровозов.

Героически действовала комсомольско-молодежная подпольная организация в городе и на станции Нежин, руководимая слепым юристом, выпускником Киевского университета Я.П. Батюком. Под его руководством подпольщики вывели из строя два паровоза, подожгли большой склад в городе, помогли осуществить побег из лагеря 32 советским военнопленным, совершили ряд диверсий на шоссе Нежин — Бахмач. Организация подготовила и передала в партизанское соединение «За Родину» 50 молодых партизан и передала 150 винтовок, значительное количество боеприпасов и медикаментов, захваченных у противника. Я.П. Батюку посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

25 августа 1943 года рабочие аэродрома города Сталино вместе подрывниками-партизанами Д.А. Мамедовой и В.И. Игнатовым взорвали склады горючего и авиабомб. В результате взрыва уничтожена вся дежурившая смена летчиков противника.

Активно действовала в городе Ровно подпольная организация, возглавляемая Н.М. Астафовым,

▲ Батюк Я.П.

▲ Установка противопоездной мины

установившая через спецотряд Д. Н. Медведева связь с Москвой. Бесстрашные подпольщики этой организации В. А. Борисов, П. Я. Серов, П. А. Будник и М. М. Шевчук взорвали здание вокзала станции Ровно, переполненное гитлеровцами. 50 оккупантов и их пособников были убиты, 150 ранены.

На Украине под руководством подпольных партийных и комсомольских центров вели борьбу с врагом 3,5 тысяч низовых коммунистических организаций и групп, в которых насчитывалось свыше 100 000 коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов.

Крупнейшую диверсию совершили в 1941 году подпольщики железнодорожного узла Великие Луки.

Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. Н. Шинкарев сообщал в 1941 году из вражеского тыла: «В Дновском депо немцы ремонтируют большое количество паровозов. Работают там русские рабочие под руководством немецких мастеров. Приемщики принимают паровозы,

не находя в них никаких дефектов. Но в пути паровоз останавливается».

Многочисленные диверсии и акты саботажа имели место на Смоленском железнодорожном узле. Группа комсомольцев железнодорожного депо в декабре 1941 года вывела из строя 10 паровозов. В 1943 году на этом же узле подпольная группа Медвецкого вывела из строя паровоз и подорвала железнодорожный мост. Машинист депо Т. Моисеенков в 1943 году вывел из строя шесть паровозов.

28 августа 1943 года подпольщики станции Лелеквинская (линия железной дороги Смоленск — Витебск), связанные с партизанами полка И. Ф. Садчикова, взорвали водокачку, вывели из строя котел и центральный насос. В результате водоснабжение поездов на этой станции было на длительное время закрыто.

Подпольщики Таганрога (Ростовская область) за время войны вывели из строя более 70 паровозов, подпольщики депо Звереве — 25 паровозов. Подпольщики станции Глубо-

кая организовали крушение четырех поездов. В сентябре 1942 года рабочие Павлов и Кольванов взорвали на станции Новочеркасск воинский состав из 19 вагонов со снарядами и на трое суток парализовали движение поездов.

На линии Унеча — Почеп при установке мины был схвачен железнодорожный обходчик и повешен в присутствии всех рабочих. После этого все путевые обходчики подвергались проверке.

11 сентября железнодорожник Старовойтов на участке Брянск — Гомель (Орловская область) вывел из строя станционную водокачку и скрылся. В этот же день на этом же участке в районе станции Клинцы машинист Поздняков организовал столкновение двух поездов. Разогнав поезд, который он вел, до скорости 60 км, Поздняков ударил в хвост впереди идущего с малой скоростью поезда, в котором ехали сотрудники Брянской комендатуры. В результате крушения разбит один паровоз, 12 вагонов, исковеркано 200 метров

пути, убито 38 и ранено 45 гитлеровцев. Движение было прервано на 36 часов. Поздняков в последний момент перед столкновением соскочил с паровоза и скрылся.

Многие подобные диверсии и акты саботажа имели место и на других станциях железных дорог и предприятиях, обслуживающих транспорт на оккупированных территориях РСФСР, где численность подпольщиков в городах и селах составила 35 000 человек.

Наиболее распространенным и эффективным способом дезорганизации работы железных дорог, применявшимся советскими партизанами и подпольщиками во всевозраставших масштабах в течение всей войны, являлись крушения поездов. Это приводило к значительным перерывам в движении, потерям и перебоям в доставке к фронту необходимых грузов — боеприпасов, вооружения, ГСМ, продовольствия и т.п., а также войск. В результате замедлялись сроки подготовки намеченных операций, войска терпели

лишения, снижавшие их боевой дух. Подвижной состав нес огромные потери паровозов и вагонов, падала пропускная способность железных дорог.

В совокупности с другими способами борьбы на железнодорожных коммуникациях — взрывы путей и мостов, нападения на станции и пункты водоснабжения, диверсии и саботаж рабочих в депо и мастерских, а также действия партизан на автомобильных дорогах, водных путях и линиях связи, крушения поездов стали одним из факторов, ослаблявших боевую мощь фашистских армий.

Широкие акции партизан на железных дорогах начались с марта 1942 года. Захватчики сразу ощутили силу этих ударов. С весны 1942 года железнодорожная администрация противника вводит ежедневные донесения о происшествиях на железных дорогах, в которых наряду с оценкой состояния движения за сутки указываются все нападения партизан и происшествия, вызвав-

шие задержку движения или материальный ущерб. В донесениях фиксировалось время происшествия с точностью до минуты, а также место диверсии — железнодорожный перегон, в большинстве случаев даже километр, на котором она произошла, время перерыва в движении, характер нападения и понесенный при крушении или происшествии ущерб.

Из огромного количества таких донесений противника о нападениях партизан на поезда, приведем только несколько отдельных, наиболее типичных сообщений за 1942 год.

Главная железнодорожная дирекция «Центр» телеграфировала в Берлин: «26.4, 2,30, поезд 620, фронтной №428740, состав с бензином, на ж.-д. линии Молодечно — Полоцк, на участке Княгинин поезд 620 подорвался на mine. В результате взрыва 12 вагонов сошли с рельсов, из них 2 стали поперек, сильно повреждено 100 м ж.-д. полотна, 12 вагонов сгорели, 13 удалось оттащить. Дорога на 24 часа выведена из строя. После катастрофы отмече-

ны выстрелы зажигательными пулями». Фактически же движение поездов на дороге было остановлено на 2,5 суток.

18 августа 1942 года в 21.05 транспортная охрана жандармерии сообщила, что железнодорожная линия Полоцк — Витебск возле вокзала Старое село (20 км северо-западнее Витебска) взорвана с обеих сторон. Санитарный состав и эшелон, груженный танками, ведут бой с партизанами. В одном из донесений сообщалось об усилении активности партизан на железной дороге Двинск — Витебск, а в особенности между Сиротино и Старое село. На этом участке в сентябре произошло 19 взрывов. 17.9 на ст. Обол (линия Витебск — Полоцк) подожжена зажигательными пулями цистерна с бензином, подожжен также поезд с боеприпасами. При этом сгорело 17 вагонов с боеприпасами и цистерна с бензином. 19.9 на участке Минск — Орша поезд наехал на мину. При этом взорвалось 5 вагонов с боеприпасами, 19 вагонов отведено назад, 7 вагонов стоят еще на путях. Колея, по которой совершается движение с фронта в тыл, взорвана в 3-х местах и разрушена на расстоянии 150 м. Движение на этом участке было закрыто в течение 18 часов.

Начальник военных сообщений группы армий «Центр» Исмер в донесении штабу группы № 1671/42 «с» от 29 августа 1942 года писал: «...вся железнодорожная сеть в тылу группы армий «Центр» между Брестом и фронтом подвергается систематическим нападениям в широком масштабе. Усиление нападений в треугольниках Невель — Полоцк — Витебск и Витебск — Орша — Смоленск превратило эти дороги в зону военных действий. В результате стало невозможным регулярное движение на участке Орша — Смоленск, который является частью основной железнодорожной артерии фронта (Варшава — Брест — Минск — Орша — Смоленск — Вязьма). Тяжело нарушено движение на участке Борисов — Орша той же магистрали».

В ночь с 19 на 20 сентября 1942 года на линии Борисов — Орша на mine подорвался, а затем был обстрелян из пулеметов состав с боеприпасами. 8 вагонов с боеприпасами уничтожены. Движение на дороге парализовано примерно на 20 часов.

17 ноября 1942 года транспортная комендатура Минска сообщает о следующем происшествии: «недалеко от западной границы армейской

группы «Центр» служебный поезд наскочил на мину на линии Минск — Полоцк. После взрыва поезд был обстрелян бандой, вооруженной тяжелым оружием. Во время боя была убита охрана, состоявшая из железнодорожной полиции, и тяжело ранено несколько высокопоставленных железнодорожных служащих».

В 1942 году борьба против поездов противника велась наиболее широко на территории оккупированных областей: РСФСР — Ленинградской (особенно в районах Псковского железнодорожного узла), Калининской (район Невеля, Новосокольников, Великих Лук), Смоленской (на линиях Смоленск — Вязьма, Витебск — Смоленск, Смоленск — Брянск), Орловской (в районах Брянского узла железных дорог); Украинской ССР (особенно в районах Сумской, Черниговской, Киевской и других областей, а также железных дорог Брянского железнодорожного узла; Белорусской ССР (наиболее активно в тыловом районе группы армий «Центр»), а также Литвы, Латвии, Молдавии и Карело-Финской республики. В дневнике боевых действий группы армий «Север» приводятся данные о действиях ленинградских партизан против поездов противника в 1942 году, согласно которым ими было подорвано 224 эшелона противника. Эта цифра, безусловно, внушительна, хотя и учитывает действия партизан только в оперативном тылу группы армий «Север», тогда как ленинградские партизаны вели борьбу и за его пределами.

К середине 1942 года размах борьбы против поездов противника в тылу группы армий «Центр» был настолько широк, что железнодорожная дирекция группы сообщала 28 июля 1942 года: «...только в зоне главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр» подорвалось на минах количество паровозов, равное месячной продукции паровозостроительной промышленности Германии. Кроме того, 38 паровозов спущены под откос. Эти паровозы выведены из строя не менее, чем на год. После того как они будут поставлены на рельсы, их придется

отправлять на паровозоремонтные заводы в Германию».

Житомирский гебитскомиссар доносил, что на территории области только в июле-августе 1942 года «партизаны совершили 391 нападение, из них 31 — на железные дороги».

По далеко не полным данным украинские партизаны за первую половину 1942 года пустили под откос 85 воинских эшелонов, на протяжении лета и осени 1942 года разбили 143 паровоза и 2 258 вагонов, подорвали на минах 158 эшелонов, а в октябре-декабре более 100 эшелонов противника.

Уже с середины 1942 года нападения партизан и подпольщиков на железные дороги и на поезда противника, а также саботаж на железных дорогах стали вызывать такие крупные потери в подвижном составе и приводили к такому сокращению поступления поездов к фронту, что это стало иметь определенное оперативное влияние на положение всего германского Восточного фронта.

В 1943 году значительно повысился уровень военного и политического руководства партизанским движением со стороны штабов партизанского движения и партийных органов, улучшилось снабжение пар-

тизан из центра оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, стала более широкой политическая и организационная работа подпольных организаций и партизан среди населения.

Все большее значение приобретали согласованные действия партизан и подпольщиков в поддержку Красной Армии, а потому приносившие наибольшие оперативные результаты.

Ганс Поттгиссер в работе «Германские железные дороги в восточном походе» приводит данные о численности нападений партизан на железные дороги и выведенных ими из строя локомотивах и вагонах в 1942 и 1943 годах. Хотя эти данные и не дают полного представления о результатах деятельности партизан за весь период войны, так как в работе нет данных за 1941 и 1944 годы и не учитывается деятельность партизан в ближайшей фронтовой полосе на дорогах, находившихся в ведении военно-полевых железнодорожных управлений (комендатур), тем не менее они позволяют довольно точно судить о масштабах борьбы партизан в эти годы.

Из приводимых Поттгиссером данных по четырем железнодорожным дирекциям — «Рига», «Минск»,

«Киев» и «Днепропетровск» — о числе диверсий и нападений на железные дороги, а также о количестве выведенных из строя локомотивов и вагонов в 1943 году по сравнению с 1942 годом видно, что в 1943 году число нападений увеличилось в 3,3 раза, число выведенных из строя локомотивов в 4,6 раза и вагонов в 3,9 раза.

Политическим и военным фактором первостепенного значения в развитии и повышении активности партизанского движения явилось перебазирование крупнейших соединений украинских партизан в области правобережья Днепра и многих партизанских бригад и отрядов Белоруссии из восточных ее областей в западные.

Выйдя в новые районы, партизаны стали наносить удары по 26 наиважнейшим железнодорожным узлам (Ковель, Коростень, Здолбуново, Шепетовка, Жмеринка и др.) и тем самым парализовали движение на железных дорогах Ковель — Киев, Львов — Шепетовка — Киев, Львов — Казатин, Киев — Днепропетровск — Сталино и других, имевших стратегическое значение.

Так, например, партизанское соединение А. Н. Сабурова, вышедшее в заданный район, закрепило за ка-

▲ Сабуров А.Н.

▲ Маликов С.Ф. второй справа

ждым отрядом участки железных дорог Сарны — Лунинец, Сарны — Коростень, Коростень — Житомир, Овруч — Коростень. На этих участках работало более 50 групп подрывников. С апреля по сентябрь 1943 года они подорвали и пустили под откос 200 поездов противника, в том числе на участке Сарны — Коростень произошло крушение 41 поезда.

А соединение С. Ф. Маликова сосредоточило удары по железнодорожным участкам Олевск — Коростень, Коростень — Новоград-Волынский и с апреля по июль 1943 года подорвало 33 эшелона противника. Винницкое партизанское соединение Н. И. Мельника во время рейда из Житомирской области в сентябре-октябре подорвало 11 эшелонов противника. Каменец-подольские партизаны соединения И. И. Шитова и И. Е. Скубко на дорогах Шепетовского узла действовали 63 диверсионными группами, устроившими крушение 112 эшелонов. Всего в течение июня-августа 1943 года каменец-подольские партизаны подорвали 168 эшелонов противника.

На железнодорожных линиях Шепетовского узла действовало более 40 диверсионных групп партизанских соединений В. А. Андреева (молдавской), А. М. Грабчака, А. З. Оду-

хи, М. И. Шукаева и других. Только на линии Бердичев — Шепетовка эти группы в октябре 1943 года организовали крушение 85 поездов, а всего за октябрь на железных дорогах Шепетовского узла было подорвано 166 эшелонов, в ноябре — 261 и в декабре — 294 эшелона.

Ровенские партизаны соединения В. А. Бегмы держали под ударами Сарненский узел. Только за октябрь-ноябрь 1943 года на линиях Сарны — Лунинец, Сарны — Киев партизаны подорвали 34 эшелона и вывели из строя 31 паровоз и 320 вагонов.

Украинские и белорусские партизаны, действовавшие на линиях Брест — Пинск, Ковель — Ровно, Сарны — Лунинец, по существу, закрыли эти линии для движения вражеских поездов, сократив пропускную способность более чем в 10 раз и снизив скорость движения поездов до 8-10 км/час.

Партизаны Киевской области действовали в основном на линиях Киев — Коростень, Киев — Фастов — Казатин, Фастов — Белая Церковь — Мироновка. Подрывными группами только двух партизанских соединений — И. А. Хитриченко и В. С. Ушакова в течение июня-августа 1943 года было подорвано 79 эшелонов.

Кировоградские партизаны и подпольщики на линиях Знаменка — Кировоград, Знаменка — Смела, Знаменка — Кременчуг подорвали значительное количество эшелонов и вывели из строя немалое количество паровозов.

Черниговские, полтавские и киевские партизаны непрерывно нападали на линии железных дорог Киев — Нежин — Бахмач, Коростень — Киев — Бахмач — Гомель, Чернигов — Нежин, Чернигов — Киев. До августа 1943 года партизанские отряды под командованием Ф. И. Лысенко, С. Е. Науменко,

▲ Шукаев М.И.

Ю. О. Збанацкого, Н. М. Таранущенко, Ф. В. Головача, П. С. Дудко подорвали на этих линиях 40 эшелонов.

Партизанское соединение Н. Н. Попудренко и отряд А. С. Ярового, оперировавшие на линиях Новозыбков — Новоград-Северский, Гомель — Бахмач, только с мая по август подорвали 40 эшелонов противника.

О росте числа диверсий и нападений партизан и подпольщиков Украины на поезда противника говорит то, что если в 1941 году они осуществили 23 крупные аварии на железных дорогах, в 1942 году — 223, то в 1943 году уже 3 666, а в 1944 году — 1 037 аварий. За 1943 год они подорвали 3 726 поездов противника, вывели из строя 3 893 локомотива и 38 000 вагонов, платформ и цистерн. В течение всей войны партизаны Украины подорвали 4 959 поездов с войсками, боевой техникой, горючим и другими грузами противника.

В 1943 году бурными темпами продолжало возрастать партизанское движение в тылу группы армий «Центр» на территории Белоруссии, Ленинградской, Калининской, Смоленской и Орловской областей.

Центральный штаб партизанского движения с весны 1943 года стал располагать ежесуточными донесениями генеральной дирекции железных дорог «Минск», находящихся в тылу группы армий «Центр», «О положении железных дорог и нападениях партизан». Помимо разведывательного значения этих сводок, они давали возможность точно представлять не только общий размах борьбы партизан на железных дорогах, но и следить за состоянием борьбы на тех или иных линиях и участках и принимать меры по ее усилению.

Заслуга систематической доставки этих сводок в ЦШПД принадлежала минским подпольщикам и Логойскому подпольному райкому партии. Подпольная группа, действовавшая на минском железнодорожном узле, доставала их в управлении железных дорог «Минск» и через Логойский подпольный райком партии, который возглавлял И. М. Тимчук, доставляла

в партизанскую бригаду «Народные мстители» под командованием В. Г. Воронянского и В. В. Семенова, откуда они самолетами доставлялись в Москву.

В преамбуле сводки содержались данные об общем положении желез-

ных дорог за истекшие сутки и далее перечислялись все диверсии партизан с указанием места нападения или диверсии, нанесенного ущерба и времени перерыва в движении поездов.

Вот одна из таких ежесуточных сводок.

«Минск. 16.9.43 г. Конфиденциально. Имперское управление путей сообщения «Минск». Донесение о состоянии движения на 16.9.43 г. 14.00 В Главное Управление путей сообщения Востока в Варшаве. Положение крайне напряженное. Бесперывно увеличивающаяся деятельность партизан во всем районе достигла ко времени, указанном в донесении угрожающих размеров:

65 случаев нападения было до сих пор наивысшим числом. Как днем, так и ночью число таких случаев велико. Иногда количество вспомогательных поездов недостаточно. Как днем, так и ночью оборона от партизан и защита перегонов являются совершенно недостаточными и безрезультатными, так как нападения совершаются ежедневно на тех же самых перегонах. В случае, если не проводятся всеохватывающие мероприятия, которые принесли бы результат то потерпит крушение весь ход дела на перегонах Минск — Жлобин — Гомель, Брест — Лунинец, Жлобин — Могилев и Орша — Кричев — Унеча.

В совокупности 65 партизанских нападений (32 днем), с 63 случаями прекращения движения, из них 38 нападений на поезда, 171 случай заграждения путей, 24 случая минирования, одна воздушная атака, одно попадание мины на переводный стрелочный механизм. В результате совершенно прекратилось движение на продолжительное время на перегонах:

Волковыск — Барановичи 15 час.

Столбцы — Минск 6,5 час.

Минск — Осиповичи 14 час. 30 мин.

Осиповичи — Жлобин 12 час.

Жлобин — Гомель 14 час. 30 мин.

Молодечно — Полоцк 10 час.

Полоцк — Витебск 8 час.

Могилев — Кричев 16 час. 30 мин.

Жлобин — Могилев 14 час. 30 мин.

Кричев — Унеча 6 час.

Лида — Барановичи 12 час. 30 мин.

Барановичи — Лунинец от 20 час. до 24 час.

Брест — Ковель 6 час. 30 мин.

Жабинка — Лунинец 17 час.

Лунинец — Калинковичи 22 час.

Калинковичи — Гомель 18 час.

Далее идет подробное описание каждой из 65 диверсий и ее результаты. Как и другие, эта сводка свидетельствует о том значении, какое партизаны придавали нападениям на поезда в борьбе на железнодо-

рожных коммуникациях противника. Из 65 партизанских нападений за один день сентября 1943 года 58,5 % составляли нападения на поезда.

Согласно отчетам партизанских отрядов и бригад, обобщенных Бе-

лорусским штабом партизанского движения в 1943 году белорусские партизаны осуществили крушения 5 119 поездов противника.

Наиболее интенсивным атакам партизан подвергались главные линии снабжения армий противника. Железнодорожная линия Минск — Осиповичи — Жлобин — Гомель питала 2-ю танковую армию и имела огромное значение для оперативных перебросок между фронтами противника, особенно в период сражения под Орлом и Курском. На этой линии партизаны провели крушения 27,4 % эшелонов противника. На важнейшей магистрали группы армий «Центр»: Брест — Минск — Орша — Смоленск — 17,4 %; на магистрали Брест — Лунинец — Гомель — 14,8 %; на дорогах Полоцкого направления и узла — 9,8 %. Наибольшее количество поездов было подорвано на участках

железных дорог Минск — Осиповичи (678), Минск — Борисов (520), Жлобин — Гомель (427), Лунинец — Калинковичи (423), Полоцк — Молодечно (349), Орша — Борисов (241), Гомель — Калинковичи (241), Лунинец — Брест (238), Жлобин — Бобруйск (230), Барановичи — Минск (209).

«...Охранялись в основном важные вокзалы и большие мосты, — писал немецкий железнодорожный чиновник К. Ханн в октябре 1941 года, — поэтому партизаны направляли свои удары главным образом на неохраняемые участки. Так, важнейшие участки линии Минск — Борисов — Орша и Минск — Осиповичи — Гомель регулярно разрушались партизанами».

Несколько примеров боевых действий партизан на железных дорогах. Партизаны под командованием Ф. Г. Маркова Вилейской

области, начав свою деятельность в 1941 году, ощущали вплоть до января 1942 года недостаток взрывчатых веществ. Для крушения поездов они использовали разборку железнодорожного пути. 20 сентября 1941 года, применив этот метод, отряд Маркова вызвал крушение эшелона на линии Вильнюс — Даугавпилс в районе станции Погулянка. 30 вагонов и платформ, груженных автомашинами, разбились. Таким же способом 15 декабря 1941 года на этой же линии отряд устроил крушение шести паровозов и в январе 1942 года на участке Подбродье — Погулянка пустил под откос вражеский эшелон.

Командир партизанской группы Герой Советского Союза А. С. Азончик докладывал: «26.4.42 г. Ночью 4 человека нашей группы развинтили рельсы на мосту на участке ж. д. Княгинин — Кривичи, подготовили

крушение поезда... Движение поездов на этом участке было приостановлено на 2,5 суток».

Подавляющая часть диверсий на железных дорогах осуществлялась путем устройства взрывов. Широкая подготовка кадров подрывников и инструкторов подрывного дела в специальных школах, централизованное снабжение партизан взрывчатыми веществами и минами, получившая широкое распространение в партизанских отрядах практика выплавки тола из артиллерийских снарядов и авиабомб, а также конструирование и изготовление мин в отрядах, настойчивая ориентировка и твердая линия штабов партизанского движения на развитие борьбы на вражеских коммуникациях — все это создало условия для широкого развития и применения минновзрывной техники и тактики.

Главными факторами, обеспечившими успех всех этих мероприятий и основной причиной того, что удалось в неслыханно короткий срок минноподрывную работу довести до ужасающих противника масштабов, явились советский патриотизм нашего народа и его неизмеримо выросший за годы Советской власти культурный уровень и квалификация. В партизанских отрядах и подполье были тысячи людей с высшим и средним общим и техническим образованием, знакомых с основами физики, тысячи квалифицированных заводских рабочих, железнодорожников, трактористов, комбайнеров, киномехаников, инженеров, техников и многих других специалистов. Образование и квалификация позволяли им овладеть основами минно-подрывного дела и способами диверсии буквально в считанные дни. Из их среды быстро выросли не только многочисленные отличные подрывники, но и инструкторы диверсионно-подрывного дела, конструкторы новых оригинальных и эффективных мин, блестящие тактики их применения, ставившие противника каждый раз перед неожиданностями и непреодолимыми трудностями.

Каждое партизанское соединение, отряд или группа имели настоящих мастеров подрывного дела, имевших на своем счету немало выведенных из строя поездов, мостов, станций, водокачек и т. п.

Героизм и бесстрашие партизан — подрывников были беспримерными. Преодолевая все трудности, они самоотверженно устремлялись к вражескому объекту, в чрезвычайных обстоятельствах идя на верную смерть. Бессмертный подвиг совершил смоленский партизан — подрывник Петр Галецкий из отряда «Победа» Смоленской области. 28 октября 1942 года в составе диверсионной группы он был направлен для взрыва поезда на железнодорожной линии Смоленск — Витебск. Подойдя к железной дороге близ станции Рудня, группа заметила приближавшийся эшелон цистерн с бензином. Комсомолец Петр Галецкий с миной весом 20 кг бросился к полотну, но установить ее уже было невозможно из-за быстро приближающегося поезда. Галецкий решил пожертвовать собой, но не пропустить эшелон с бензином к фронту. Он бросился с миной под паровоз. Раздался взрыв, паровоз с ходу пошел под откос с высокой насыпи, увлекая за собой цистерны. Через несколько минут весь эшелон пылал и полностью сгорел. Так героически погиб отважный подрывник — партизан.

Подобные подвиги совершили партизаны — подрывники 1-й белорусской партизанской бригады Сыровежкин и Полухин на железнодорожном участке Витебск — Городок, Алексей Зубарев из отряда им. Г. И. Котовского бригады им. 25 лет Белорусской ССР Барановичской области, Николай Гойшик из партизанской бригады им. Ф. Э. Дзержинского Брестской области, братья Евгений и Гений Игнатовы из отряда под командованием их отца П. К. Игнатова Краснодарского края, комсомолец Николай Андриевич — комсорг отряда из Осиповичского партизанского соединения, Сергей Козятников и Иван Чечеров из отряда им. М. И. Калинина бригады им.

Газеты «Правда» Минской области и А. Измайллов, бывший секретарь комитета комсомола орловского завода «Текмаш».

В донесениях армейских штабов, полицейских органов, железнодорожной администрации противника и в работах западных исследователей, использовавших архивы вермахта, есть неопровержимые подтверждения масштабов и высокого технического совершенства минно-диверсионной деятельности советских партизан.

Бывший командир немецкого охранного батальона, боровшегося против советских партизан, В. Ределис, писал о партизанах, что «с удивительной ловкостью и поразительным знанием дела они минировали дороги и мосты. Если у них не было мин, они изготавливали их сами». Немецкий генерал Л. Рендулич, командовавший армией на Восточном фронте, отмечал, что партизаны — минеры и их инструкторы «своей изобретательностью ставили немецких солдат каждый раз перед новыми неприятными неожиданностями».

«Послевоенная статистика, — констатирует буржуазный исследователь Б. А. Хольмстон, — доказала правоту советской минной техники. Цифры, ужасные цифры потерь, являются историческим свидетельством боевого результата партизанской минной работы... Мина сделалась решающим тактическим оружием малой войны».

Успех в минном деле пришел не сразу, а в процессе развития партизанского движения. В начале войны партизаны применяли в основном самодельные и некоторые армейские табельные мины, имевшие другое назначение и не удовлетворявшие требования партизан. На помощь им пришли соответствующие конструкторские бюро, конструкторы и изобретатели. В течение всей войны они работали над усовершенствованием минной техники партизан. И если для работников конструкторских бюро местом испытания новых мин и средств борьбы были полигоны,

то для конструкторов и изобретателей — партизан таким испытательным полигоном являлись железные дороги и другие объекты противника. В результате этой работы минный арсенал партизан быстро пополнялся необходимыми, часто неожиданными и совершенно новыми видами мин с соответствующими приемами диверсионной борьбы.

В процессе борьбы были выработаны четкие и определенные тактико-технические требования к партизанским минам, главными элементами которых были: надежность действия, простота установки, минимальный вес и объем при достаточной разрушительной силе, безопасность при транспортировке, переноске и хранении, а также прочность секретного элемента неизвлекаемости.

Естественно, что некоторые самодельные партизанские мины имели наибольшее распространение.

Начиная с 1942 года, а в 1943 году уже в широком масштабе Центральный, республиканские и областные штабы партизанского движения снабжали партизан минами замедленного действия с различными механизмами. Эти мины сыграли большую роль в диверсионной практике партизан.

Партизанские конструкторы разработали способ применения противотанковой мины ТМ-35, и в некоторых местах она часто использовалась в качестве поездной мины. ЦШПД издал специальное наставление по применению этой мины.

Данные ежесуточных донесений генеральной дирекции «Минск» о происшествиях на дорогах дают представление о характере применявшихся партизанами мин при взрыве поездов. Так, согласно этим отчетам за октябрь — декабрь 1943 года на 496 крушений нажимными минами произведено 66,5 %, стержневыми — 3,4 %, натяжными — 28,9 %, магнитными — 1,2 %. Хотя эти цифры относятся только к определенному периоду, тем не менее, они правильно отражают соотношение применения парти-

занами мин в целом. В отдельных случаях, когда партизаны специализировались на определеннойmine, картина была иной.

Опытом борьбы в тылу противника были выработаны разнообразные тактические приемы диверсионной работы против поездов. Партизаны всегда искали максимально удобные и менее опасные подходы к железнодорожной линии, а также пути безопасного отхода, которые в большинстве случаев не совпадали с путями подхода. Подавляющая часть крушений производилась в местах наиболее удобного подхода к железной дороге, где естественные условия затрудняли обзор вражеской охране.

Партизаны научились выбирать места, где крушения давали наиболее эффективный результат.

Партизаны организовывали также крушения поездов на других уязвимых участках пути.

Начиная с весны 1942 года партизаны, преследуя особо важные поезда, или когда предоставлялась возможность, устраивали под проходящим поездом серию взрывов. Они ставили три-четыре мины на «удочку» и одновременно взрывали их, когда паровоз достиг крайнего «рыболова». В других, более редких случаях мины были соединены и взрывались одним партизаном.

Командующий тылом группы армий «Центр» Шенкендорф 1 октября 1942 года записал в свой дневник: «Охранные дивизии сообщают о 13 диверсиях на железнодорожных линиях, совершенных 30.9, главным образом в районе расположения 201 охранной дивизии. Новым является то, что... несколько мин закладывается на расстоянии 40-60 м одна от другой и взрываются одновременно на протяжении прохождения всего состава. Этим самым достигается наибольший эффект взрывов». Применялись и другие приемы крушения поездов.

При нападении на поезда с целью вывода необходимых для них вооружения, боеприпасов, снаряжения и обмундирования, а также

продуктов партизаны после быстрой разгрузки взрывали поезд и почти одновременно на необходимом удалении от начала и конца состава разрушали пути, чтобы преградить подход силам противника, в особенности бронепоездам.

Нападая на поезда противника, следовавшие к фронту и в Германию, партизаны предпочитали первые, считая главной задачей как можно значительнее дезорганизовать снабжение и пополнение фронтовых войск. Многочисленные донесения управления путей сообщения также подтверждают это.

В одной из телеграмм начальника транспортной службы группы армий «Центр» сообщалось: «27.8 в 17.35 на перегоне Столбцы — Колосово, линия Барановичи — Минск, партизаны подорвали на мине... поезд №117. Оба паровоза (ведущий и прицепной) сошли с рельсов и свалились под откос... Состав был обстрелян из пулеметов. Движение в сторону тыла было прервано на 2 часа и в сторону фронта — на сутки».

Подавляющая часть диверсий на железных дорогах совершалась ночью. Ночь облегчала партизанам подход к железнодорожному пути, уничтожение в необходимых случаях охраны, минирование пути, производство взрыва и безопасный отход. Партизаны в шутку называли немцев рабочими «дневной смены», так как днем они ликвидировали последствия крушений, растаскивали обломки, чинили и возобновляли движение, а себя — «ночной сменой». Ночью вновь разрушалось то, что было сделано днем. Ночные диверсии партизан на железнодорожных путях вынуждали захватчиков значительно сократить, а на многих линиях, подвергавшихся наиболее интенсивным нападениям, и вовсе прекратить ночное движение.

Однако участились и дневные нападения партизан на железные дороги. Инспектор путей сообщения группы армий «Центр» Логоманн в сообщении в центр от 28 июля 1942 года отмечал: «Важно также отметить, что... значительно уве-

личилось число дневных налетов и нападений на поезда и железнодорожные станции».

Смоленские партизаны, например, лишь в январе 1943 года подорвали в тылу группы армий «Центр» 54 воинских эшелона, взорвали 23 железнодорожных и шоссейных моста, уничтожили 52 автомашины. Командование 3-й немецкой танковой армии в марте 1943 года отмечало, что «взрывы на дорогах, железнодорожных путях и всевозможные налеты превратились в систему, и движение в тыловых районах позади фронта стало совершенно невозможным».

Интенсивность действий партизан на коммуникациях противника неуклонно возрастала. Если в январе 1943 года, по данным врага, партизаны совершили 400 диверсий, то в марте — в полтора раза больше. Вдвое увеличилось за это время количество поврежденных и уничтоженных паровозов и вагонов.

Одновременно с увеличением размаха шел процесс изыскания

новых, более эффективных средств и способов партизанской борьбы на вражеских коммуникациях. Этому способствовал не только накопленный опыт, но и обеспечение партизан более совершенным оружием и боевой техникой.

Еще в декабре 1942 года ЦШПД разработал операцию по выводу из строя одновременно 25 участков на главных железнодорожных магистралях противника. Осуществить этот замысел намечалось массовым применением мин замедленного действия. Особенность их конструкции состояла в том, что они были рассчитаны на срок замедления до двух месяцев, после истечения которого взрывались под паровозом первого проходящего эшелона. Более того, эти мины не обнаруживались миноискателем, не требовали контакта с рельсом или шпалой, могли быть заложены на глубину до одного метра.

Однако из-за осложнений с доставкой партизанам новой техники операцию пришлось проводить

в несколько этапов. Одним из них являлась дезорганизация основных железных дорог Брянского узла. Учитывая сложность нового оружия и применение его в широком масштабе впервые, ЦШПД направил в помощь брянским и курским партизанским бригадам, на которые возлагалось проведение операции, несколько диверсионных групп, обученных обращению с новыми минами. В конце января 1943 года первые 70 мин со сроком замедления от 4 до 30 суток были поставлены на дороге Брянск — Льгов. Для маскировки партизаны произвели ряд отвлекающих разрушений на других участках железнодорожного полотна.

Применение новых мин явилось полной неожиданностью для противника. Эшелоны подрывались на глазах у железнодорожной охраны. Гитлеровцы были вынуждены на продолжительное время приостановить движение на отдельных участках и заняться тщательным поиском мин. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ОПЕРАЦИИ ГУКР СМЕРШ НКО СССР

▲ Варшавская разведшкола

Окончание. Начало в №8

РАДИОИГРА «ЯНУС»

В ночь на 1 сентября 1944 года в Семлевском районе Смоленской области, в 10 км от места дислокации 37 запасного стрелкового полка 3 запасной стрелковой дивизии, с немецкого самолета «Фоккевульф-187» была выброшена группа парашютистов-диверсантов, состоявшая из 16 человек. Однако, уже на сле-

дующий день руководитель группы Иван Базалий (псевдоним «Ярошенко») вместе с начальником штаба Епифановым добровольно явились в Семлевский райотдел НКГБ. Они сообщили начальнику отдела старшему лейтенанту Кухлину о своей принадлежности к немецкой разведке, полученном задании, и попросили оформить им явку с повинной. Одновременно, диверсанты высказали просьбу предоставить им лошадь с телегой, чтобы доехать обратно

до места расположения отряда и вывезти оттуда имущество.

При появлении парашютистов Кухлин оказался в некотором замешательстве. Посоветовавшись с начальником Семлевского райотдела НКВД, он так и не смог принять решения, как с ними поступить. Не получив лошадь и не будучи арестованными, парашютисты... ушли обратно в свой отряд.

В конце концов, Кухлин догадался сообщить о происшедшем начальни-

ку ОКР Смерш 37 запасного стрелкового полка капитану Литвинову. А тот, в свою очередь, немедленно доложил о диверсантах начальнику отдела контрразведки Смерш 3 запасной стрелковой дивизии майору Маслову.

Прибыв с оперативной группой в Семлевский район и встретив там начальников райотделов НКГБ и НКВД, Маслов так и не получил от них ясного ответа на вопрос, где же конкретно находятся немецкие диверсанты.

Как старший оперативный начальник в этом районе, он принял на себя руководство операцией по розыску парашютистов. Взяв около 100 человек автоматчиков и опергруппу ОКР Смерш, Маслов вскоре нашел их и, не встретив никакого сопротивления, разоружил, после чего на автомашинах доставил всю группу в распоряжение Отдела контрразведки дивизии. О задержании диверсантов он срочно сообщил телеграммой в ОКР Смерш Белорусского военного округа.

На следующий день, подробно допросив арестованных, Маслов организовал розыск выброшенного с самолета имущества. Результаты не заставили себя долго ждать. Поисковой группой в районе высадки десанта было найдено: ящик с гранатами и обмундированием, чемодан с антисоветскими листовками и разными документами, а также шесть парашютов.

Кроме того, солидную экипировку арестованные диверсанты имели непосредственно при себе: рацию с комплектом батарейного питания; 150 тысяч советских рублей, сухой паек на 15 суток, 4 автомата ППШ, 11 винтовок СВТ, 2 ручных пулемета системы Дегтярева, 30 ручных гранат, 30 противотанковых мин и около 20 кг тола.

В ходе допросов выяснилось, что старший группы диверсантов И.С. Базалий в прошлом — бывший подъесаул Белой армии и учитель средней школы. Вместе с отступающей немецкой армией в январе 1943 года он эвакуировался из станции Есентукская. В Польше, в городе Катовце, служил полицейским лагеря для так называемых «восточных рабочих» при заводе «Бейльдон Гютт», где и вступил в НТСНП. В декабре 1943 года был завербован немецкой разведкой и добровольно вступил в диверсионно-разведывательную группу, созданную руководством НТСНП для заброски в тыл Красной Армии с заданием от Абверкоманды-103. Прошел специальную подготовку. В задачу группы Базалия, кроме диверсионно-разведывательной деятельности в тылу Красной Армии, входило проведение антисоветской агитационно-пропагандистской работы среди населения. С этой целью отряду были приданы пять агитаторов, прошедших специальную подготовку в НТСНП. Под-

рывную деятельность группы предполагалось развернуть на большой территории: Москва — Витебск — Смоленск — Тула. Для поддержания связи с абверкомандой в состав группы вошли целых четыре радиста.

«По линии немецкой разведки, — рассказал на следствии Базалий, — я и моя группа, получили следующие задания для проведения вражеской работы в тылу Красной Армии.

1. Осуществление террористических актов против крупных партийных, военных работников и, в первую очередь, против работников НКВД. Для этой цели немецкой разведкой мне было обещано дополнительно выслать определенные яды, бесшумные пистолеты, толченное стекло и другие средства.
2. Осуществление диверсионных актов, как-то взрывы мостов, стратегически важных железных дорог, взрывы железнодорожного полотна в момент прохождения воинских эшелонов, водопроводных башен, электростанций, заводов оборонного значения, поджог колхозного имущества.
3. Вести антисоветскую агитацию среди колхозников, рабочих и красноармейцев. Антисоветскую агитацию вести в разрезе: среди колхозников — о невыполнении хлебозаготовок государству и о роспуске колхозов, среди рабочих вести антисоветскую (а/с) агитацию в разрезе саботирования ими Госплана. Среди красноармейцев своей а/с агитацией добиваться, чтобы последние отказывались воевать далее границ СССР 1939-1940 годов.
4. Вести шпионскую работу, интересоваться, прежде всего, политикоморальным состоянием военнослужащих, имеют ли стремление продвигаться вплоть до Берлина, какими резервами располагает Красная Армия, дислокация воинских частей, наличие оборонных предприятий и их производительная мощность.
5. Дискредитация крупных партийных, советских, военных работников и работников НКВД. Для этой цели использовать метод посылки

▲ Фокке-Вульф 187

провокационных писем в их адреса. Антисоветскую агитацию рекомендовалось проводить путем личного общения с населением, из числа неблагонадежных практиковать вербовки. Практиковать метод распространения листовок антисоветского содержания через завербованных нами лиц в нашу среду, путем расклейки на витринах в общественных местах, путем, якобы, случайно забытых в этих местах. Упор на а/с агитацию рекомендовалось проводить в основном в населенных пунктах и городах со значительной плотностью населения.

Для изготовления листовок нам была выдана специальная типография, приспособленная в специальной рубаше с отдельными карманами на каждую букву русского алфавита...».

Для ведения подрывной антисоветской работы диверсанты должны были действовать от имени так называемой «6-ой партизанской бригады имени Ленина».

С учетом того, что связи диверсантов с антисоветскими организациями в Германии представляли для советской контрразведки повышенный интерес, руководством ГУКР Смерш 5 сентября 1944 года было принято решение о начале радиопроигры с противником под кодовым названием «Янус». Для работы предполагалось привлечь старшего группы Ивана Базалия, старшего радиста Георгия Полякова и радиста Николая Крылова.

Делая ставку на бывших агентов немецкой разведки, оперативники Смерш приняли во внимание искренность и глубину их раскаяния, стремление загладить вину перед

Родиной. Так, например, радист Георгий Поляков о своих побудительных мотивах к явке с повинной в ходе следствия рассказал:

«...Видя все издевательства не только над собой, но и над всеми нашими русскими юношами и девушками, над пожилыми мужчинами и женщинами, но и над рабочими и работницами других национальностей, я настолько проник ненавистью к этому подлому нацистскому «новому порядку в Европе», что не мог уже сдерживать себя в разговоре с немецкими мастерами и, настолько дерзко вел себя, что и сейчас удивляюсь, как я избежал концлагеря или еще чего другого похуже. Лучше всякого самого лучшего агитационного материала и лучшей, самой насыщенной фактами пропагандистской речи, я знаю этого озверелого, человеконенавидящего фашистского зверя. Поэтому, не летая ни разу на самолете, а о парашютном прыжке даже думать не смея, невзирая на все, как может принять меня моя страна — я без колебаний согласился на предложение, лишь бы вырваться из этого гадючьего змеятника. 7 декабря 1944 года, выехав из Катовиц, в середине декабря мы прибыли в Минск, в школу. Я не знал, что школа, в которой мы занимались, принадлежала к одному из отделов германской контрразведки... Сам организатор группы Волков явно враждебно относился к немцам, за что в июне был арестован за антинемецкое выступление в пьяном виде на улицах Минска перед собравшейся толпой народа с демонстрацией значка «ОСТ» и рассказами о жизни русских рабочих за границей в Германии... Я лично смотрел на группу, как на средство возврата на Родину... В ночь с 30 на 1 сентября мы, большинство боявшихся лететь на самолете, без малейшей капли страха, бросились навстречу Родной Земле. Утром, собравшись все вместе, мы единодушно поручили нашему руководителю — Ивану Спиридоновичу Ярошенко, явиться к Советским Властям с заявлением о благополучном приземлении. Что им было выполнено и, вечером того же дня мы уже были среди своих».

«Желая принять активнейшее участие в ускорении разгрома фашистской Германии, что отчасти уже доказал, проделанной мною работой, — писал в своем обращении на имя начальника ГУКР Смерш В.С. Абакумова Иван Базалий, — настоящим прошу Вас считать меня мобилизованным и работающим, вплоть до окончания происходящей Отечественной войны, по линии вверенного Вам Управления к.-р. «Смерш».

С полной ответственностью за свои слова заявляю, что именем и счастьем единственного сына своего клянусь, что буду честно служить Родине, выполняя полученные от к.-р. Смерш задания, не жалея ни сил, ни здоровья, ни даже своей жизни».

В ходе радиоигры контрразведчики предполагали решить задачи по вызову на советскую сторону квалифицированной агентуры противника; перехвату каналов связи германской разведки и антисоветских организаций, находящихся в Германии, а также и их агентуры, действующей в Советском тылу; внедрению своих агентов в антисоветские формирования в Германии и ее разведывательные структуры.

С учетом того, что при высадке диверсантов их разбросало по большой территории, в первых радиogramмах 9 и 10 сентября противнику было сообщено о потере половины группы и всего груза, в связи, с чем запрашивалась срочная помощь: «Выброшены примерно 40 км от Вязьмы на территории Семлевского района. Люди и грузы сброшены не по плану. Растеряно все. Со мной осталось 8 человек, радиостанция и у людей личный груз. В условленные места не иду, остановился в лесах Оленинского района. Подробности дополнительно. Жду указаний. Ярошенко».

Продолжая придерживаться вымышленной легенды о тяжелых условиях, в которых оказалась группа, противнику 18 сентября передали очередную радиogramму: «Меня с уцелевшими людьми поражает Ваше длительное молчание. Продукты вышли, снаряжения и боепри-

пасов нет. Прошу обеспечить всем необходимым и картами. Работать здесь можно, кое-что делаем. Ярошенко».

Противник согласился доставить необходимый груз, о чем 24 сентября от абверкоманды поступила радиogramма следующего содержания: «Сообщите немедленно, что Вы по ночам, начиная с 25 сентября, при приближении самолета будете жечь костры в форме треугольника и махать в середине факелом между 24 и 02 часов 00 минут московского времени в указанном районе. Мы прилетим в зависимости от погоды с грузом. Без подтверждения о том, что Вы поняли, не прилетим. Привет».

Для поддержания морального духа диверсантов противник обещал помощь людьми, сообщил о присвоении И. Базалию «за стойкость и мужество» звания «капитана РОА»: «Ярошенко присвоено звание капитана. Поздравляем. Высадим пять новых ребят, надежных и деловых. Все Вам подчиняться согласны. Пароль для новых ребят дождь, дождь, а для Вас снег, снег. Ребята имеют с собой лист с перечнем мест груза и письма Ярошенко».

В ответной радиogramме 1 ноября 1944 года в немецкий разведцентр сообщили: «Лично подполковнику спасибо. Сердечно тронут Вашим вниманием, доверие оправдываю и оправдаю. Привет. Ярошенко».

В ночь на 21 декабря 1944 года самолет противника, прилетев в заранее обусловленный район, сбросил на парашютах пополнение в составе четырех диверсантов и груз в 3 250 кг. Все парашютисты, переодетые в форму офицеров Красной Армии сразу были задержаны опергруппой Смерш. А утром в абверкоманду ушла радиogramма: «Долгожданный груз получили, успешно собираем. Один пакет взорвался и сгорел. Прибывшие в полном здоровье. Все шлем Вам сердечное русское национальное спасибо, а особенно я за Ваше личное внимание и награду. Клянемся продолжать общее великое дело. Как в «штите нахт» — мы мысленно сейчас с Вами.

Крепко целуем Вас. Ярошенко».

При задержании группы пополнения чекисты провели оперативную комбинацию — создали обстановку, будто бы диверсанты попали к «своим». На месте приземления «в темную» было установлено, что прибывшие агенты немецкой разведки прошли специальный курс подготовки с целью создания в советском тылу филиала «Комитета национального освобождения России», организованного в Германии бывшим советским генерал-лейтенантом — изменником Власовым.

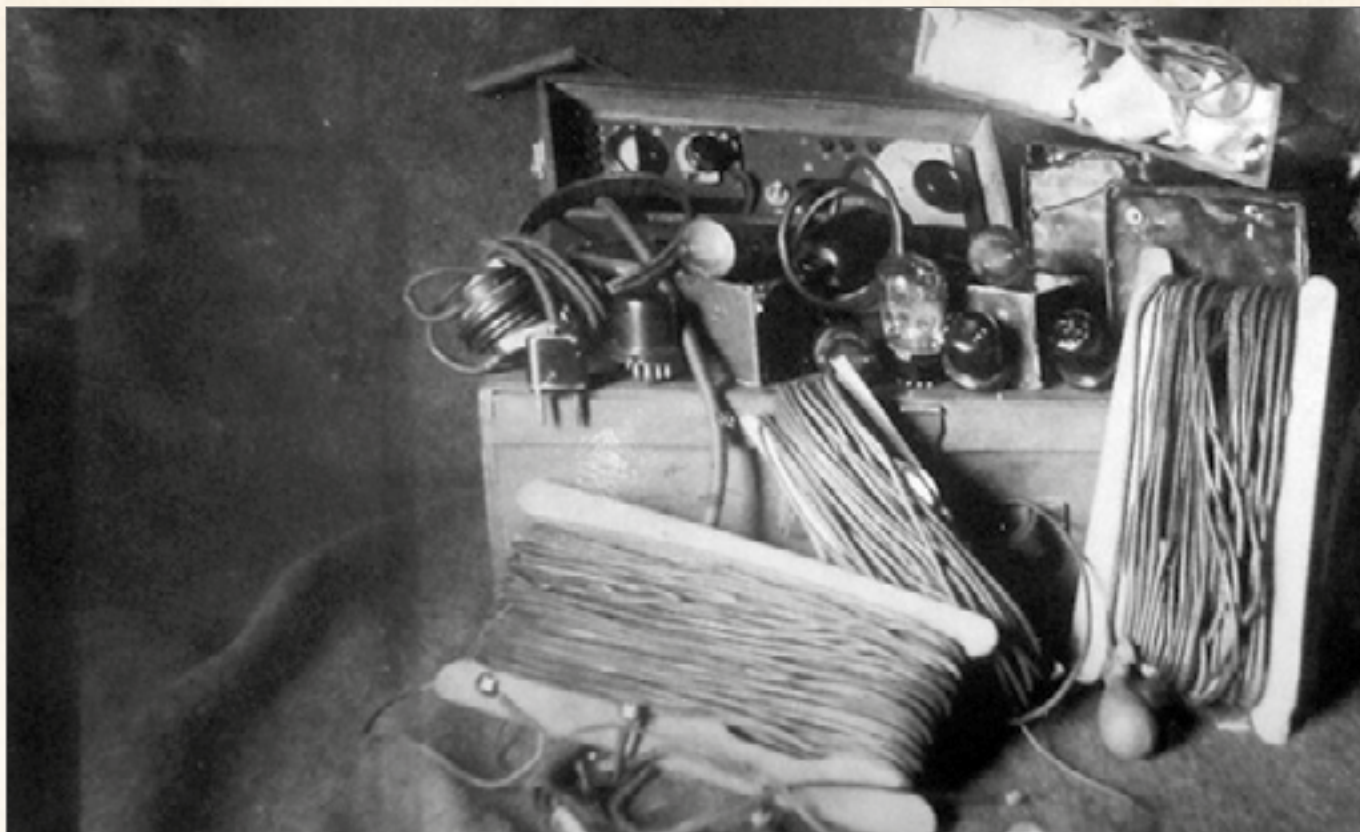
Старший группы пополнения Иван Горбатов от имени «Центрального штаба национальных партизан» 3-го класса, а также передал письмо от одного из руководителей «Советской социалистической партии» с «опознавательным знаком» и явочным адресом для встречи с курьером.

Содержание письма и награждение Базалия орденом свидетельствовали о том, что радиостанция «Янус» пользуется доверием у руководства немецкого разведоргана, которое возлагает большие надежды на диверсантов.

В числе сброшенных на парашютах предметов экипировки оказалось: походная типография; антисоветская литература (10 000 экз.); фиктивные документы, штампы, печати и бланки различных воинских и гражданских учреждений (2 000 экз.); деньги — 103 000 советских рублей; 2 ручных пулемета, 20 винтовок, 4 автомата ППШ, 7 пистолетов, 14 цинков с патронами; взрывчатые вещества общим весом 1 300 кг; различное воинское снаряжение; большое количество продуктов питания.

Однако война близилась к своему концу. Разведцентр противника быстро отдалялся на запад, что делало невозможным поддержание четкой и регулярной связи с группой Базалия. В начале 1945 года об оставшихся в Смоленских лесах агентах немцы стали постепенно «забывать», в связи с чем руководство ГУКР Смерш приняло решение радиоигру «Янус» прекратить.

▲ Портативная радиостанция у агентов радиоигра Хозяин

РАДИОИГРА «ХОЗЯИН»

Так вологодские чекисты называли начальника «Абверкоманды-104» (с лета 1942 года в ней работал советский контрразведчик Мелентий Малышев, внедрившийся в школу под видом перебежчика) подполковника Гемприха (он же Петергоф).

Операция началась в марте 1942 года, когда советские контрразведчики арестовали трех агентов германской разведки: Алексеенко (псевдоним Орлов), Диева (псевдоним Кресцов) и Лихогруда (псевдоним Малиновский). Из них только Алексеенко был признан годным к работе «двойного агента». Остальные не внушали сотрудникам НКГБ доверия, и 25 июня 1942 года по приговору Особого совещания их расстреляли.

Информация, передаваемая Орловым в Центр, была разнообразной и выглядела достоверной. В одной из радиogramм, к примеру, проходит сообщение о мифическом сотрудни-

ке 457-й стрелковой дивизии, старшем лейтенанте Сергее Апполонове — большом болтуне и любителе выпить. В другой — содержится намек на активизацию повстанческого движения: высланные в Вожегодский район украинцы «открыто говорят против советской власти и за возрождение Украины».

Сотрудники «Абверкоманды-104» из оккупированного Пскова активно контактировали с «группой» Алексеенко, давали ей все новые и новые задания. 21 июня 1942 года «ценные» агенты получили сброшенную на парашюте посылку с батареями для радиостанции, оружием, командирским обмундированием и 14 000 рублей. 7 декабря немцы направили к Алексеенко курьера-связника, перебросив последнего через линию фронта на самолете. Курьер вез фиктивные документы, теплые вещи, оружие, 60 000 рублей. По требованию Москвы обезвреженный агент по фамилии Баракшин был срочно этапирован на Лубянку.

К концу 1942 года главная задача — дезинформировать противника о комплектовании и передвижении войск по Северной, Октябрьской и Кировской железным дорогам, перевозке вооружения и т.д. — чекистами была выполнена. Было принято решение завершить операцию.

В немецкий разведцентр ушло сообщение о том, что в Вологде в момент проверки документов члены группы якобы чуть не попались, а один из них получил ранение. Остаться дальше в городе опасно, а потому принято решение уходить на Урал. В дальнейшем «группа» намерена поддерживать связь с «Моршкиным» (по условиям игры — хозяином квартиры, приютившим «Орлова» и его напарников), который мечтает с приходом немцев «стать большим человеком».

Вологодским чекистам удалось достаточно правдоподобно вывести Алексеенко из игры, но не даровать ему обещанную за сотрудничество свободу. С момента задержания

он продолжал находиться в тюрьме, а в июне 1944 года Особым совещанием был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Справедливости ради надо сказать, что начальник НКВД-НКГБ по Вологодской области полковник Лев Федорович Галкин смог добиться пересмотра приговора: срок наказания Алексеенко снизили до трех лет. В 1946 году он проживал в Вологде на улице Кирова... О дальнейшей судьбе этого человека ничего не известно.

В районе железнодорожной станции Рузаевка 30 сентября 1942 года с самолета на парашютах было выброшено трое агентов — выпускников Брайтенфуртской разведшколы. Школа располагалась в 20 км от Вены, до 1943 года специализировалась на предварительной подготовке агентов, основной курс они проходили в Варшавской разведшколе.

Агенты Федоров, Баранов и Бравин должны были выяснить: организацию службы ПВО Свердловска; число аэродромов, типы и количество базирующихся там самолетов, летный состав, наличие американской и английской авиации; местонахождение и профиль работы вновь построенных и эвакуированных из западных областей заводов; наименования и места дислокации воинских частей вновь формирующихся войск; условия работы железнодорожного транспорта.

Игра продолжалась до конца 1943 года и была прекращена из-за утраты интереса противника к сведениям, передаваемым агентурой.

Радиоигра «Фисгармония» имела некоторое подобие предыдущей радиоигры. Одновременно с тремя агентами, участвовавшими в радиоигре на Урале, в районе станции Рузаевка был сброшен еще один агент — Свальский. У него было похожее задание, только в качестве места оседания ему предстояло выбрать один из трех крупных сибирских городов: Красноярск, Омск или Новосибирск. Еще одна особенность — рация, питающаяся от сети, а не от батарей.

Радиоигра шла успешно. Агент регулярно передавал малоценные сведения о промышленных объектах оборонного значения и железнодо-

рожном транспорте, а также сообщил о вербовке двух местных жителей.

Следуя обычной практике, сотрудники «Смерша» решили вызвать курьера. После многомесячных переговоров агент-курьер был сброшен 24 января 1944 года с самолета на парашюте в районе станции Занозная Московско-Киевской железной дороги. Агент Дмитрий Соколов благополучно добрался до Новосибирска и встретился со Свальским. После встречи гостя задержали. Все попытки заставить его сотрудничать с чекистами закончились неудачно. Эту проблему решили необычно. Нашли брата-близнеца Соколова, который после контузии служил в одной из нестроевых частей во Владивостоке.

После непродолжительной подготовки нового курьера в начале июня 1944 года переправили за линию фронта. Его дальнейшая судьба неизвестна. А сама радиоигра закончилась в сентябре 1944 года, когда немцы утратили интерес к оборонной промышленности на Урале.

РАДИОИГРА «ДРУЗЬЯ»

В марте 1943 года в городе Горький начала действовать вторая радиостанция. На ней работали два советских разведчика: Иван Никифорович Коцарев и его напарник Николай Лукич Палладия, выполнявший обязанности радиста. Как и в радиоигре «Семен», противнику шла военная дезинформация, рекомендованная Генеральным Штабом Красной Армии. В первую очередь она касалась сведений о количестве эшелонов, проходящих через Горький, а также о номенклатуре перевозимых ими грузов. Информация, передаваемая двумя разведгруппами отличалась в мелких деталях.

На втором этапе операции было принято решение вызвать курьеров, мотивируя это необходимостью новых батарей для радиостанции. В сентябре 1943 года двух курьеров арестовали советские контрразведчики. Согласно заданию Центра, они должны были вернуться. Вместо них решили послать И. Н. Коцарева.

▲ Радист СМЕРШа

Объяснение было простое — агенты не дождались посылки и решили взять инициативу в свои руки.

Советский разведчик благополучно пересек линию фронта, прошел проверку и был награжден немецкой медалью «За храбрость» — ему присвоили звание лейтенанта РОА (Российская освободительная армия, ею командовал изменник Власов). 1 мая 1944 года Коцарева сбросили на парашюте с самолета на нашу территорию.

Радиоигра продолжалась до начала 1945 года. За эти полгода еще двое курьеров попали в «ловушку», организованную советскими контрразведчиками, а радиоточка продолжала посылать дезинформацию противнику.

РАДИОИГРА «СЕМЕН»

В начатой в мае 1943 года радиоигре принимал участие советский разведчик Семен Антонович Калабалин. В начале Великой Отечественной войны в качестве зафронтowego разведчика он был выведен в тыл наступающей немецкой армии, оказался в плену, затем учеба в Варшавской разведывательной школе по программе разведчика-радиста. После завершения подготовки был сброшен с самолета на парашюте на нашу территорию. Цель задания — организация наблюдения за работой железнодорожного узла в городе Горький, а также добыча разведывательной информации по другим вопросам.

В течение месяца шел интенсивный обмен радиограммами между агентом и Центром. Затем советские контрразведчики решили проверить уровень доверия Берлина к своему агенту и создали ситуацию, когда для дальнейшей связи требовалось прислать курьера (была проведена имитация полной разрядки батарей радиостанции).

Курьеры прибыли 11 июля 1943 года. Их арестовали на квартире, где проживал Семен Калабалин.

Сама радиоигра продолжалась до конца 1944 года, затем из-за пе-

редислокации радиостанции противника в глубь Германии радиосвязь пришлось прекратить.

РАДИОИГРА «ПОДРЫВНИКИ»

Операция началась в ночь с 15 на 16 октября 1943 года, когда была выброшена группа из пяти немецких агентов. Их основное задание — подготовить площадку для десантирования отряда диверсантов. Группу сбросили с парашютами только 1 ноября, правда, не там, где планировалось. 11 ноября 1943 года состоялась выброска трех оставшихся агентов.

Все гости в течение нескольких суток были нейтрализованы контрразведчиками. Если первую и третью команды взяли без единого выстрела, то во второй — только раненого радиста, остальные 13 диверсантов были убиты в бою. Но это ЧП не мешало начать радиоигру.

Радиоигра проводилась на территории Вологодской области в 1943–1944 годах. В результате было выведено на советскую территорию и арестовано 22 немецких агента. Кроме того, по этому каналу в разведцентр противника систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и бое-

вой техники по Северной железной дороге. Учитывая ее тогдашнее стратегическое значение в общем объеме перевозок, эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования.

РАДИОИГРА «КАРЕЛИЯ»

В радиоиграх использовались агенты не только германской, но и финской разведки. Одна из них — операция, проведенная карельскими контрразведчиками в январе-феврале 1943 года. Началась операция 9 февраля 1943 года, после того как были задержаны два вражеских агента.

На первом допросе агенты рассказали начальнику Особого отдела А. Кузнецову и начальнику радиоцентра А. Анисимову, что согласно директиве начальника Петрозаводской разведшколы, они должны были: «Разведать движение на дороге Вытегра — Пудож — Повенец, захватить хорошего пленного. Сведения добывать от встречных, которых затем ликвидировать. Возвращаться спустя неделю через Бесов Нос».

Выяснив задачи группы, район ее действия, расписание работы рации,

воинской части, о наличии в Пудоже стрелкового полка, о движении на Повенец большого числа автомашин с красноармейцами, лыжников и легковушек.

На все переданные радиogramмы было получено подтверждение о приеме, в ответной радиogramме подбадривали, ждали возвращения.

2 февраля финны передали: «Уточните: какие войска и сколько их в Пудоже. После этого возвращайтесь, как было указано». Ответа они так и не получили. Москва уже приняла решение о прекращении игры в связи с завершением дезинформационных мероприятий. По определенным причинам от перевербовки разведчиков и их обратной заброски отказались.

«КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКАЯ» РАДИОИГРА

В начале 1944 года по предложению Генерального Штаба Красной Армии немецко-фашистскому командованию была передана дезинформация. Цель — задержка наступления войск противника через Звенигородку на Корсунь-Шевченковский для соединения с окруженной советскими войсками крупной группировкой немецко-фашистских войск. Чтобы сорвать планы гитлеровского командования, необходимо

время передачи и содержание первой радиogramмы, контрразведчики немедленно проинформировали 2-е Управление НКВД СССР, которое приняло решение начать радиоигру с финнами.

16 января передана первая радиogramма: «Приземлились благополучно. 7-го утром наткнулись на двух охотников, все схоронили и удрали на север глубоко в лес. 15-го разыскали рацию. Скажите, что делать».

Передача прошла хорошо, финны прием подтвердили и 17 января передали: «Если вас преследуют, возвращайтесь обратно. Если нет, начинайте выполнять задание».

Москва по каким-то причинам не торопилась с высылкой материалов по радиоигре. И местным контрразведчикам приходилось самим придумывать дезинформацию. Передавались радиogramмы о передвижении корреспондентов на юг к Пудоже, о разведке в деревне Сарозеро, состоянии дороги на Повенец, просьба прислать продукты, которые финский самолет сбросил 23 января 1943 года.

По легенде разведчики переместили шалаш в окрестности деревни Давыдова Гора, южнее Пудожа и приняли решение: радиogramмы ежедневно не передавать, «экономить» питание рации.

27 января Москва, наконец, предложила передать финнам радиogramму следующего содержания: «Находимся в 30 км от Пудожа. На Повенец прошло до 2 рот красноармейцев в зимней форме. Идут по 4-6 автомашин с грузом».

Очередная телеграмма содержала «нейтральный» текст: «Условия наблюдения трудные. В Пудоже не идем, в его районе патрули. В городе сильный гарнизон, какие войска — выясняем».

30 января финнам переданы две очередные радиogramмы о дислокации в деревне Авдеево штаба

было выиграть время для перегруппировки наших войск и подтягивания резервов.

Военная контрразведка передала вражеским разведывательным органам 5 февраля 1944 года ложные сведения о подготовке к наступлению 1-го и 2-го Украинских фронтов в направлении Вапнярки, чтобы взять в клещи фашистские войска, наступающие на Звенигородку, и что в районе Казатина и к югу от Житомира сосредоточено много танковых и артиллерийских частей. В операции были задействованы 24 агентурные радиостанции.

Получив такую информацию, немецко-фашистское командование, опасаясь окружения группировки своих войск, приостановило наступательные операции в опасном для советских войск направлении. Это позволило Красной Армии ликвидировать немецко-фашистскую группировку в районе Корсунь-Шевченковский.

РАДИОИГРА «ТРОСТНИКИ»

В начале 1944 года в районе города Гурьев Казахской ССР была сброшена на парашютах группа немецко-фашистских агентов, казахов по национальности. Основными задачами разведывательно-диверсионной группы были: проведение антисоветской агитации среди казахов, сбор и передача разведывательных данных о частях Красной Армии, дислоцированных в этом районе, военной технике и промышленных объектов.

Главной задачей этой радиоигры ставилась парализация разведывательно-диверсионной деятельности немецкой разведки на территории Казахстана.

Одним из традиционных мероприятий в этой радиоигре был также вызов и соответственно задержание агентов-связников. Однако первый «визит гостей» закончился неудачно. Из восьми диверсантов пять, в том числе командир группы и старший радист, оказав сопротивление, были

убиты при задержании ночью с 2 на 3 мая 1944 года.

Во второй раз группу агентов немцы сбросили с самолета на парашютах в ночь с 10 на 11 июня 1944 года. После удачного приземления один из агентов отправился в город Гурьев для установления связи с «подпольщиками». По пути в город его задержал патруль, и агент на допросе во всем сознался. Через несколько часов задержали и двух других агентов.

Радиоигра продолжалась до 28 августа 1944 года, до времени перемещения разведцентра противника в город Дрезден.

РАДИОИГРА «ФИЛИАЛ»

После ухода немецко-фашистских войск из Симферополя в городе начала действовать немецкая разведывательная группа из шести человек. Ее основная задача — сбор разведывательной информации о частях Красной Армии и их дислокации; о наличии аэродромов на Крымском полуострове (с них наша авиация бомбила нефтепромыслы Румынии).

Два члена группы, Оганесян и Толякян, явились с повинной в Управ-

ление Смерш 4-го Украинского фронта и все рассказали контрразведчикам. Благодаря их показаниям удалось задержать всех, кроме одного (сбежал вместе с немцами, не выполнив задания).

Сначала шла «обычная» радиоигра — передача дезинформации по заданию Ставки Верховного Главнокомандующего и Генерального Штаба Красной Армии. Через три месяца удалось вызвать агента-связного и арестовать его.

В феврале 1945 года противник неожиданно запросил точные сведения о погоде (осадки, облачность, температура). По мнению специалистов контрразведчиков, этот интерес был вызван тем, что в тот период в Крыму проходила встреча руководителей трех держав антигитлеровской коалиции и планировался бомбовый удар по Ливадии, где находились в это время высшие руководители. Для пресечения намерений врага в течение всего периода работы Ялтинской конференции немцам передавались сведения об исключительно плохой погоде (сплошная облачность, снег, ветер). Расчет был прост: в такую погоду немецко-фашистское верховное командование не пошлет в район Крымского полуострова бомбардировочную авиацию.

РАДИОИГРА «УГОЛОВНИКИ»

Для организации отрядов сопротивления из дезертиров, скрывавшихся в брянских лесах, 8 марта 1944 года в районе Клинцов немцы сбросили разведывательно-диверсионную группу в составе девяти человек. Ею командовал бывший военнослужащий Красной Армии Грищенко Николай, который дважды успешно выполнял разведывательно-диверсионные задания в нашем тылу.

Группу обнаружили 11 марта и в течение почти пяти суток преследовали отряды милиции, спецназа, воинских частей местного гарнизона. Семь диверсантов было убито, восьмого — радиста — командир группы рассчитывал застрелить последним, но был контужен и, потеряв сознание, вместе с радистом оказался в плену.

Радиоигра продолжалась до мая 1944 года, пока случайно не сбежал Грищенко. Истинная причина его побега непонятна. Двигался он не на запад, а на восток. По дороге он сошелся со случайной подружкой, занимался перепродажей продовольствия. При этом он находился без документов. Когда его останавливал патруль, он начинал кричать, что он фронтовик. Но однажды его арестовал милиционер, не побоявшись угроз «фронтовика». На следствии все стало на свои места. Диверсант был судим и расстрелян.

В мае — июне 1943 года в соответствии с планами советского верховного командования была проведена крупномасштабная и уникальная операция, подробности и детали которой и в наше время продолжают оставаться секретными. Речь идет о сокрытии для противника планирующегося контрнаступления на Курской дуге.

Для передачи дезинформации использовались девять агентурных радиостанций, расположенных в населенных пунктах Ливны, Елец, Щигры, Касторное и Тамбов. Одна из трудностей, с которой столкнулись контрразведчики, — все радиостанции располагались в прифронтовой

полосе (в зоне досягаемости авиации противника), а слабо лесистая и равнинная местность не способствовала маскировке. Это означало, что немцы могли использовать для проверки переданных сведений самолеты или сбросить агентов-парашютистов.

Для нейтрализации этой реальной угрозы были предприняты конкретные меры:

1. В игру были включены все контролируемые органами государственной безопасности германские агентурные группы, выброшенные противником для ведения разведки в районе Курской дуги.
2. После передачи основных радиogramм, в том числе тех, которые подтверждали данные других групп, работа радиоточек под разными предлогами прекращалась, чтобы противник не смог проверить их.
3. Дезинформация передавалась, как правило, задним числом и не систематически, а в выгодное для нас время. Она подтверждалась двумя агентурными радиостанциями в Москве и тремя радиоточками в Саратове и Пензе.

Всего в процессе подготовки Курской битвы было проведено 17 радиоигр.

После Курской битвы стало обычным явлением, что фронтовое коман-

дование Красной Армии обращалось к органам ГУКР Смерш с просьбой создать чекистскими методами условия, необходимые для успешного проведения боевых операций.

Эффективную помощь радиоигры оказывали в деятельности советской контрразведки по розыску агентурных спецслужб фашистской Германии, заброшенной в прифронтовую полосу и глубокий тыл.

Широкомасштабная операция по розыску и ликвидации глубоко законспирированной сети резидентур немецкой и финской разведок, а также буржуазных националистических организаций была начата в Эстонии после захвата и разоблачения 24 сентября 1944 года агентов-радиостанций кенигсбергской разведшколы. В процессе следствия было установлено, что все они должны были обеспечить радиосвязью разведывательно-диверсионные группы и вооруженные националистические банды. По замыслу противника эти оставленные на оседание в республике группы, получив единый для всех радиосигнал, должны организовать мятежи и одновременные подрывные действия по всей Эстонии.

Для выявления созданной абвером подпольной сети органами госбезопасности был успешно исполнен метод «цепочки». Его суть состояла в создании во главе с сотрудником

контрразведки легендированной оперативно-розыскной группы, в состав которой входили перевербованные агенты-радисты, не успевшие еще выйти на связь с подпольем. Эта группа «связников», располагая рекомендательными письмами, адресами и паролями, согласно замыслу операции по «цепочке» направлялась на вступление в контакт с резидентами абвера. «Связников» сопровождала на определенном удалении чекистско-войсковая группа, которая по их сигналу производила операцию по захвату агентов противника. Этот метод позволил органам военной контрразведки только на первом этапе операции раскрыть три резидентуры абвера. В последующем более широкое использование данного метода в сочетании с другими агентурно-оперативными и следственными мероприятиями позволило ликвидировать большую сеть резидентур немецкой и финской разведок в Эстонии.

Одновременно оперативная группа отдела контрразведки Смерш Балтийского флота под руководством генерала В.В. Виноградова провела в окрестностях Таллина операцию по захвату нелегальной переправы и аресту более 50 буржуазных националистов и пособников фашистов, намеревавшихся бежать в Швецию и Финляндию.

РАДИОИГРА «ПРИЯТЕЛИ»

С июля 1944 по май 1945 года военная контрразведка Смерш провела оперативную игру на территории Румынии. Ее основная цель — выявить и ликвидировать готовящийся там мятеж против Национально-демократического фронта.

Сотрудники военной контрразведки Смерш, удачно использовав сложившуюся там оперативную обстановку, подставили одному из руководителей реакционного подполья в стране и высокопоставленному сотруднику Главного управления имперской безопасности Германии агента «Хельмута» (здесь речь идет о резиденте германской военной разведки «Твене»). Выработав агенту правильную тактику, своевременно внося в нее соответствующие коррективы в связи с изменением оперативной обстановки, военные контрразведчики с помощью «Хельмута» взяли под контроль почти всю подрывную деятельность германской разведки и реакционного подполья в Румынии, наносили упреждающие удары по противнику, выявляя его агентов и участников подполья, дезинформируя немецкое командование. В результате игры удалось получить ценную информацию о позиции США и Англии в отно-

шении Румынии и других государств Восточной Европы, освобожденных Красной Армией. Эти данные в последующие годы были использованы в борьбе с подрывной деятельностью английской и американской разведок против СССР и народно-демократических государств Восточной Европы.

Вербовка «Твена» советскими контрразведчиками была нетрадиционной для технологии радиоигр. Он работал на германскую разведку с 1940 года, а перед отступлением немецко-фашистских войск из Румынии был оставлен в Бухаресте. Его довольно быстро вычислили сотрудники Смерша.

В ходе следствия выяснилось, что основная причина сотрудничества этого человека с гитлеровцами — материальная заинтересованность. Понимая бесперспективность работы на Берлин, он согласился с предложением Москвы.

Так началась одна из уникальных разведывательных операций. Достаточно сказать, что в ходе проведения радиоигры «Приятеля» удалось выявить и арестовать 179 активных участников движения сопротивления (шпионов, террористов и диверсантов), в том числе 43 представителя руководящего состава, а также захватить самолет с руководителями групп националистического сопротивления.

РАДИОИГРА «ТУМАН»

В половине второго ночи 5 сентября 1944 года начальник Гжатского РО НКВД старший лейтенант милиции Ветров с «точки» службы ВНОС (пост наблюдения системы ПВО) получил сообщение, что на высоте 2 500 метров обнаружен немецкий самолет, летящий в сторону Можайска. Спустя полтора часа стало известно, что самолет, попав в зону обстрела зенитной артиллерии над станцией Кубинка, Московской области, Можайска и Уваровки, развернулся в сторону Смоленска и стал приземляться на территории Кармановского района. Один из двигателей воспламенился. Тотчас туда была

▲ Г. Ф. Григоренко

отправлена оперативно-розыскная группа из пяти человек, установившая путем опроса очевидцев, что самолет действительно приземлился где-то в районе деревень Завражье и Яковлево.

Одновременно с отправкой опергруппы немедленно в готовность были приведены все наличные силы НКВД и НКГБ.

Оперативные работники стали расспрашивать местных жителей, не встречали ли они незнакомых людей. Нет, не встречали. Лишь учительница Алмазова видела двух военных — мужчину и женщину. «Ехали на мотоцикле в Карманово» — уточнила она. В двух километрах от поселка оперативные работники настигли быстро двигавшийся по дороге мотоцикл с коляской. Все приметы, сообщенные учительницей, совпадали: видный мужчина — выше среднего роста, широкоплечий, с благородными привлекательными чертами лица, большим лоснящимся лбом, розовощекий, одет в кожаное пальто с погонами майора. Миловидная женщина была в шинели с погонами младшего лейтенанта.

Остановив мотоцикл и отрекомендовавшись патрулем, старший оперативной группы потребовал

предъявить документы. Майор никак на это не реагировал: пять орденов, золотая звезда Героя Советского Союза, две медали, значок «Гвардия» на его груди — неужели не понятно, с кем имеет дело патруль! На повторное требование он, пожав плечами, не спеша достал из нагрудного кармана удостоверение личности. «Таврин Петр Иванович, заместитель начальника отдела контрразведки Смерш 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта», — прочитал старший оперативной группы.

— А ваши документы? — обратился он к женщине.

Улыбаясь, та протянула удостоверение личности на имя Л.И. Шило, секретаря того же отдела.

— Все в порядке, — сказал старший оперативной группы, возвращая документы. — Но вам, товарищ майор, надо будет все же заскочить в местный гарнизон к дежурному...

— Это еще зачем?! — нахмурился майор. — У меня срочный вызов в Главное управление Смерш, дорога каждая минута!

— Не имею права, товарищ майор, нарушать приказ... Порядок введен не мною, — как бы сочувственно сказал офицер. — Вы потеряете всего несколько минут.

Майору пришлось подчиниться, но внешне он оставался спокойным, вел себя подчеркнуто самоуверенно, так, очевидно, велика была его вера в легенду, надежно подкрепленную, как он считал, документами и другим камуфляжем.

Приехали в комендатуру энской войсковой части. Таврину пришлось предъявить документы, удостоверявшие его личность. Здесь было удостоверение за №1284 от 5 сентября 1944 года со штампом начальника полевой почты 26 224 о командировании майора Таврина П. И. в Москву, в Главное управление НКО Смерш и телеграмма за №01 024 о вызове его в Москву, в Главное управление и такого же содержания командировочное предписание на его имя. При обычном беглом осмотре любой патруль нашел бы документы на имя Таврина в полном порядке.

Последовал диалог. В ответ на вопрос офицера, откуда мотоциклисты держат путь, Таврин назвал селение, отстоявшее от места, где они были остановлены, на 200 километров.

Но вот что бросилось в глаза: почти всю ночь шел дождь, мотоцикл был не менее четырех часов в дороге, а одежда пассажиров оставалась сухой и чистой.

Пока представитель местного гарнизона разговаривал с Тавриным оперработники по телефону связались с Москвой и выяснили, что ни он, ни его спутница в Главное управление Смерш не вызывались и, более того, работающими в системе Смерш не значатся. Их тут же обезоружили, мотоцикл обыскали. В трех чемоданах, кроме принадлежавших Таврину личных вещей и орденских книжек, оказались два охотничьих ружья с множеством патронов к ним, пять гранат, одна мина, специальный аппарат «панцеркнакке» — складное оружие реактивного действия с девятью бронебойно-зажигательными снарядами калибра 30-мм. Были еще магнитная мина с прибором для дистанционного взрыва и семь пистолетов разных систем. 116 штампов

различных печатей и более 400 000 рублей.

...На минуту воцарилась мертвая тишина. Буквально остолбенев, с искаженным от ненависти лицом Таврин стоял перед оперативными работниками. Понимая все последствия своего провала, он тут же, не мешкая, сделал заявление, что заброшен в СССР немецкой разведкой для выполнения специального задания, вместе с ним следует его жена Л. И. Шило, приданная ему в качестве радистки, и что он готов дать подробные показания компетентным органам.

В тот же день диверсанты были доставлены в Москву.

Согласно документам диверсанта, он Таврин Петр Иванович, 1909 года рождения, уроженец села Бобрик Нежинского района Черниговской области УССР, русский, был принят в 1942 году на фронте кандидатом в члены ВКП(б). Образование — не-

законченное высшее. До войны работал начальником Туринской геологоразведочной партии, в Исыковском приискском управлении (прииск «Урал-Золото»). В Красную Армию призван в августе 1941 года. Такова легенда.

В действительности биография «майора» была несколько иной. Настоящая его фамилия — Шило. В 1932 году он жил в Саратове — был привлечен к уголовной ответственности за растрату государственных денег. Изворотливый человек, Шило выпутался из этой истории, бежал из тюрьмы вместе с сокамерником, проделав лаз в стене тюремной бани. Потом еще дважды — в 1934 и 1936 годах — его арестовывали, и снова за растрату, но в обоих случаях ему удавалось освободиться из-под ареста и скрыться. В 1939 году по фиктивным справкам он получил документы на имя Таврина и под этой фамилией был призван в армию.

Отправившись 30 мая 1942 года в разведку в район Ржева, он по заранее обдуманному плану добровольно перешел на сторону врага. На допросе в гестапо Таврин объяснил свой шаг преследованиями со стороны советской власти за то, что его отец полковник царской армии.

Оказавшись в плену, Таврин находился сначала в лагерях на оккупированной советской территории, затем — в Германии. В июне 1943 года произошло событие, круто изменившее его судьбу: ему предложили сотрудничать с немецкой разведкой. Он согласился. После этого в августе 1943 года его переводят в специальный лагерь СД близ города Зандберг и зачисляют в «особую команду», состоявшую из советских военнопленных. В ней насчитывалось около двух десятков человек, отобранных специально для шпионской и диверсионной работы на территории СССР.

30 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА СОВ. СЕКРЕТНО №4126/М

В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Товарищу Сталину И. В., товарищу Молотову В. М.

5 сентября с.г. близ районного центра Смоленской области — с. Карманово сотрудники НКВД-НКГБ задержали показавшегося подозрительным неизвестного в форме майора Красной Армии. Он следовал на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев и предъявил документы на имя Героя Советского Союза Таврина Петра Ивановича. Вместе с ним была задержана женщина, следовавшая в коляске мотоцикла, назвавшаяся женой Таврина — Шиловой Лидией Петровной. При обыске задержанных изъято: а) специальный аппарат «Панцеркнакке» с 9 зарядами. При исследовании установлено, что снаряд «Панцеркнакке» калибра 30-мм, длиной 170 мм, весом 235 граммов является бронебойно-фугасной гранатой кумулятивного действия с бронепробиваемостью 35-40 мм при дальности стрельбы до 300 метров. Аппарат соединен тонким проводом с электрической батареей и приводится в действие нажатием кнопки.

С сентября 1943 года по август 1944 года включительно (Таврин) сначала в Пскове, а затем в Риге и Берлине под руководством начальника Восточного отдела СД Грефе, сотрудника СД (принимавшего участие в похищении Муссолини) Скорцени и начальника рижского СД майора СС Крауса проходил в индивидуальном порядке особую подготовку как террорист для совершения террористических актов против руководителей СССР. Кроме того, обработку Таврина на протяжении длительного времени вел находящийся в Германии изменник Родины — бывший секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) г. Москвы Г. Н. Жиленков.

В ночь с 4 на 5 сентября с.г. он был перебросен через линию фронта с Рижского аэродрома на четырехмоторном транспортном немецком самолете, оборудованном для посадки на непригодных площадках, и высажен вместе с мотоциклом в районе с. Карманово. Переброску организовал германский разведывательный орган СД в Риге, условно именуемый «Цеппелин».

Цель переброски — организовать и осуществить террористический акт против т. Сталина, а при удобном случае также и других членов правительства — Берии, Кагановича и Молотова. Прилагается альбом вещественных доказательств по делу.

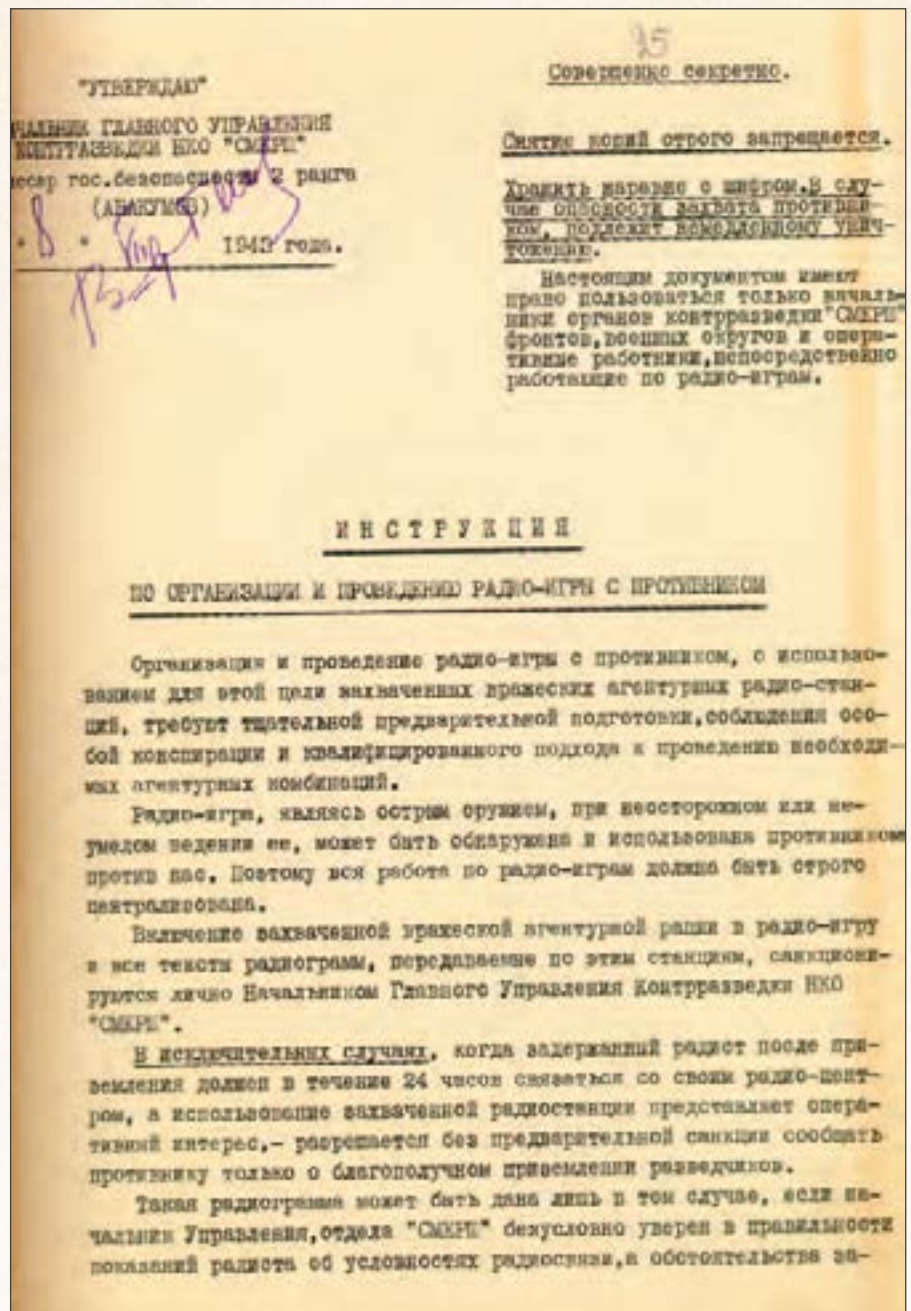
Для выявления дальнейших намерений германской разведки по делу Таврина начата радиоигра с немцами. В качестве радистки используется жена Таврина — Шилова Лидия Яковлевна (арестована), которая прошла у немцев курс радиодола и была выброшена в тыл вместе с Тавриным».

Для поисков экипажа поврежденного немецкого самолета немедленно были сформированы и выброшены в район поисков три оперативные группы: Гжатского РО НКВД (10 человек), Вяземского горотдела НКВД (20 человек) и Кармановского РО НКВД, с членами истребительного батальона (30 человек). Из ОКР Смерш МВО прибыла группа красноармейцев в составе 80 человек. У самолета была выставлена охрана из солдат 7-го полка службы воздушного наблюдения.

В ходе прочесывания леса в семи километрах от места посадки самолета были обнаружены следы и место отдыха экипажа (обертка от шоколада, окурки сигарет). Двигаясь по предполагаемому маршруту, командир поисковой группы устроил засаду на мосту через реку Березайка около деревни Лукьяново Зубовского района и выставил несколько секретных постов. 9 сентября в 22 часа немцы вышли из леса на дорогу к деревне и цепочкой по одному вошли на мост. После того как немцы прошли мост, командир опергруппы скомандовал: «Стой! Руки вверх!». Немцы не подчинились и залегли под откосом дороги. Несмотря на предупредительные выстрелы, немцы сдаваться оказались и вступили в перестрелку. Завязался огневой бой, который продолжался до четырех часов утра. Немцы были зажаты в кольцо подошедшей второй группой. В ходе перестрелки был убит бортмеханик Вилли Браун, три человека обезоружены и задержаны: радист Герхард Хоберехт и два стрелка — Еуген Хеттерих и Герхард Шнейдер. Двоим, командиру экипажа Гельмуту Фирусу и штурману Тидту Герхарду, под покровом темноты удалось скрыться. Их поиски продолжались.

По результатам поисков 13 ноября в Государственный Комитет Обороны была направлена вторая докладная записка, в которой вместе с протоколом допроса* Шило-Таврина сообщалось о судьбе экипажа самолета: «... из состава экипажа германского самолета «Арадо-232»,

▲ Инструкция ГУКР «Смерш» по организации радиоигр с противником, 1943 г.

производившего переброску Таврина через линию фронта, дополнительно разысканы и арестованы командир самолета Фирус и штурман Тидт.

Фирус Эмиль, 1918 года рождения, уроженец местечка Новый Ульм округа Фридберг Неймарской провинции, немец, пилот самолета, обер-фельдфебель немецкой армии. Тидт Герхард, 1920 года ро-

ждения, уроженец Берлина, немец, по профессии слесарь, в 1939 году добровольно вступил в немецкую армию, штурман авиации, фельдфебель немецкой армии. Таким образом, из шести членов экипажа пять человек пойманы и один убит при преследовании. Задержанные германские летчики показали, что они сотрудниками германской разведки специально предупреждались

▲ Отто Скорцени

об особой ответственности, порученной им переброски в советский тыл Таврина.

...Учитывая имеющиеся материалы о заброске немцами специальной агентуры с заданием по террору, НКВД-НКГБ приняты меры к усилению агентурно-оперативной работы по охране правительственных объектов».

Все пилоты входили в состав особой авиагруппы «КГ-200», осуществлявшей по заданиям германской разведки заброску в тыл Советского Союза агентов для шпионажа, совершения диверсионных и террористических актов. По решению Особого совещания при НКВД от августа 1945 г. экипаж самолета был приговорен к высшей мере наказания.

На допросах Шило-Таврин показал весьма обширные знания как германских разведывательных органов, их задач, форм и методов работы, так и их руководителей. Во время нахождения в Зандбергском особом лагере он «познакомился» с первым начальником отдела VI-C (Восточный отдел) разведоргана «Цеппелин» РСХА штурмбанфюрером СС

Вальтером Куреком, в дальнейшем его жизненный путь пересекался с двумя другими руководителями этого подразделения СД — оберштурмбанфюрером СС Хайнцом Грефе и его приемником штурмбанфюрером СС доктором Эрихом Хенгельхауптом. Кроме того, перед отправкой на задание его лично напутствовал начальник отдела VI S РСХА оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени.

Из числа семи пистолетов, изъятых у Шило-Таврина, которого Скорцени лично готовил к покушению на Сталина, был пистолет системы «Веблей-Скотт», снаряженный специальными отравленными разрывными пулями.

При аресте Шило-Таврина и его спутницы в руки контрразведчиков попали шифры, кодировочные таблицы и специально оговоренные на случай провала способы оповещения. Шифровальный «лозунг» радистки — «Привет от дамы». Шилова также была проинструктирована в «Цеппелине»: если они работают под контролем, то в конце радиogramмы будет подпись «Л. Ш.», а при самостоятельной работе — «Л. П.».

Но это были не все меры предосторожности, которые предусмотрели в «Цеппелине».

В ходе следствия удалось установить, что «Цеппелином» разработана еще одна предосторожность на случай провала, о которой знал только Таврин. Перед заброской в советский тыл, Шило-Таврин согласовал с руководителями «Цеппелина» условный сигнал, который он должен был применить в случае своего ареста советской разведкой. Заброшенная с ним радистка не знала о наличии этого условного сигнала.

Принцип шифровки условного сигнала состоял в следующем: берется слово, в котором имеются две одинаковые буквы рядом, например «русский», «коммуна» и т.п. Для подачи сигнала немцам о работе под диктовку Таврин должен был внести в текст радиogramмы два слова, начинающиеся с этих букв, например «милая мама», «сильный снегопад», и вставить их в определенное место радиogramмы. Однако более подробно и конкретно объяснить способ кодировки условного сигнала Таврин на следствии отказался.

После задержания «гостей» следствие по делу оказалось в ведении НКВД-НКГБ, а «радиоигра» с противником — в Главном управлении контрразведки Смерш НКО СССР. Во внутренней переписке смершевцы вначале присвоили радиостанции псевдоним «Семейка», но вскоре изменили на «Туман». Под этим названием «радиоигра» и вошла в историю отечественной контрразведки.

Непосредственное руководство проведением операции осуществлял старший оперуполномоченный 3-го отдела ГУКР Смерш майор Фролов, до 3 января 1945 года, затем — старший оперуполномоченный 3-го отдела ГУКР Смерш майор Григоренко.

Цель «игры» заключалась в вызове на нашу сторону германской агентуры и ее последующем аресте, а также получении явок к другим агентам германской разведки в СССР. План «игры» предусматривал в первой телеграмме правдиво описать обстоятельства аварии самолета и указать на то, что агент не смог воспользоваться мотоциклом и был вынужден, захватив с собой радистку, пробираться пешком. В отношении летчиков сообщить, что они ушли в лес с целью пробиться

за линию фронта, на запад. Сеансы радиосвязи осуществляли путем выезда за город. Тем временем Шило-Таврин и его супруга содержались под стражей во Внутренней тюрьме на Лубянке. Вместо фамилий им для конспирации присвоили номера «35» и «22» соответственно.

Вся «игра» с «Цеппелином» проходила в тесном взаимодействии между соответствующими подразделениями НКВД, НКГБ и Смерш. Так, например, тексты радиограмм в «Цеппелин» готовились начальником 3-го отдела ГУКР Смерш Барышниковым и утверждались лично начальником ГУКР Смерш Абакумовым или его заместителем — генерал-лейтенантом Бабицем. Кроме того, радиограммы «Цеппелину» согласовывались с начальником 2-го управления НКГБ СССР Федотовым и начальником Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Леонтьевым.

Первый выход в эфир состоялся 27 сентября 1944 года. Начиная с этого дня вплоть до 15 октября, радиостанция неоднократно выходила в эфир. Однако связь с «Цеппелином» умышленно не устанавливали. 15 октября вновь вышли в эфир, слы-

шимость была два балла, но создавали видимость, что Центр услышать было невозможно. Наконец 19 октября в Центр радировали вслепую: «Вызывайте дольше и отчетливее. Лида плохо разбирает. Вас слышим редко, почему не регулярно работаете. Привлеките радиста, который ее тренировал. Примите все меры, чтобы связаться».

21 октября пришел ответ из «Цеппелина»: «Были очень обрадованы получить от вас ответ. Вашу телеграмму 230 групп не получили. Повторите, сообщите подробно о вашем положении. Привет». В последующие дни продолжали создавать видимость помех в радиозфире и невозможности принять радиограммы Центра.

Наконец 26 октября связь была установлена и в «Цеппелин» отправили радиограмму: «Очень рад, что, наконец, появилась надежда. Думал, со связью уже ничего не получится. Лида совсем измучилась. Нахожусь в пригороде Москвы, поселок Ленино, Кирпичная ул. д. №25. Сообщите, получили ли мое донесение о высадке — телеграмма 230 групп. Еще раз прошу, чтобы с Лидой работал опытный радист. Передавайте медленно.

▲ В. Я. Барышников, нач. 3 отдела ГУКР СМЕРШ НКО СССР

▲ Леонтьев А.М., нач. отдела по борьбе с бандитизмом НКВД

▲ В.С. Абакумов, начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР

▲ Фиктивный документ Шиловой

◀ Агент фашистской разведки Шилова Л.И.

С нетерпением жду ваших сообщений. Привет всем. Л.П.».

29 октября пришло сразу две радиogramмы: «Прошу сообщить точно, где остался самолет и его экипаж» и «Не давайте ваши телеграммы больше чем 50 групп. Повторяйте каждые имена и числа два раза. Работаю с вами сам. Мы еще сработаемся. Привет... Михель».

В ответ повторно сообщили подробную радиogramму из 280 групп: «В первой телеграмме сообщал, что при посадке самолет врезался в деревья, потерпел аварию, только случайно все остались живы. Летчики оказались малоопытными и растерянными. Кроме того, что не сумели посадить машину, место для посадки почему-то выбирали около деревни. Вскоре после аварии в нашу сторону побежали люди. Я вынужден был действовать быстро и решительно. С трудом вытащил мотоцикл и с Лидой немедленно отъехал от этого места, экипаж ушел на запад. Из-

за плохой дороги мотоцикл отказал, его и все лишнее имущество пришлось уничтожить и двигаться лесом. С трудом добрались до Ржева, где жили 12 дней. Пытались с вами связаться. 28 сентября прибыл в Москву, сейчас живу в пригороде по общему вам адресу. Пока все благополучно, изучаю возможности работы. Сообщите, где семья Лиды. Л.П.».

Завязался регулярный радиобмен с «Цеппелином». 2 ноября Центр радировал в ответ: «Повторите ваш адрес в телеграмме №3. Привет. Михель». Через три дня, 5 ноября, немцам радиовали: «Обстановка изменилась, многих людей нет. Имеющиеся люди не могут обеспечить получение пригласительного билета. Приглашающие билеты (на) торжественное заседание 6 ноября высылают Кремль по организациям специального формата с указанием фамилии. Вопрос (о) демонстрации 7 ноября неизвестен. Л.П.».

дующий день пришел ответ: «Сообщите о положении в Кремле и отношениях Сталина и Тимошенко, и тут нам нужны постоянно донесения. Каждое донесение для нас важно». Из «Цеппелина» запросили повторить адрес, где остановились агенты.

13 ноября в Центр сообщили «оперативные» данные: «Торжественное заседание состоялось в Кремле. Попасть не удалось. Демонстрации и народа не было». Из «Цеппелина» продолжали слать шифровки с требованием повторно сообщить обстоятельства и место крушения самолета. 23 ноября немцам радиовали: «Работать в Москве оказалось гораздо труднее, чем я думал, приходится начинать все заново, подыскиваю людей. Хочу устроиться работать. Сообщите ваше мнение, прошу ответить, что с семьей Лиды. Привет. Л.П.».

Смершевцы продолжали «туманить». Следующую радиogramму отравили 27 ноября: «Все телеграммы

уничтожены. Содержание непонятных вами групп восстановить не могу. В телеграмме №4 после слов «из-за плохой дороги» сообщал, что мотоцикл пришлось уничтожить. После чего прибыли во Ржев, откуда пытались с вами связаться. Л.П.».

7 декабря пришло задание из «Цеппелина»: «Вашей задачей является прочно обосноваться в Москве и подготовить проведение поставленной вам задачи. Кроме того, сообщать о положении в Москве и Кремле». В тот же день в Центр направили тщательно подготовленную шифровку: «Точного места посадки не знаю. После аварии на другой день к вечеру вышли к деревне Баранцево, 20 км южнее станции Князьи Горы, на железной дороге Ржев-Москва. От деревни Баранцево место посадки по моим расчетам не более 30 км на юг. Л.П.».

13 декабря из «Цеппелина» были получены две радиogramмы. Пер-

вая — «Родственники находятся в безопасности, здоровы и работают: что слышно об основании комитета Власова, сумеете ли вы наладить отношения с комитетом «Свободная Германия» под руководством Зайдлица?». И вторая, с запоздалым предостережением — «Почему у вас нет возможности получать сведения из Кремля, что слышно про Сталина. Предупреждаю, что ваш зажигательный аппарат радиомины к концу ноября будет непригоден для пользования».

23 декабря были отправлены в «Цеппелин» три короткие шифровки: «О Власове и русской освободительной армии здесь знают, влияние разное, среди отдельных военных положительное, об основании комитета Власова пока ничего не слышно», комитет «Свободная Германия» активно действует, сужу (по) сообщениям печати, ищу возможности наладить отношения», «Сведений

о Кремле не имею из-за отсутствия нужных людей, продолжаю искать».

Следующий сеанс связи состоялся почти через месяц, 19 января 1945 г., в «Цеппелин» передали: «Выезжал (на) Урал (по) личному вопросу и искал Надю, которая в начале войны эвакуировалась в Свердловск. Безуспешно: мобилизовали в армию. Об отъезде хотел предупредить вас, но Лида не могла связаться. Л.П.».

Ответ пришел в виде трех коротких радиogramм: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожить. По выполнению доложить. Вблизи от вас работают друзья. Хотите ли для взаимной поддержки быть сведены вместе?». «Газетные сообщения о комитете «Свободная Германия» здесь известны, передавать не нужно. Важно установить связь и сообщить о месте жительства членов, насколько они свободны». «Сообщите, соответствует ли курс новых печатных чешских денежных знаков:

▲ Смершевцы у оторвавшегося при посадке двигателя самолета Аг-232

5,5 чешских крон одному рублю. Повторяю 5,5 крон равны одному рублю».

Руководство Смерш считало, что поспешное согласие на соединение с другой группой немецких диверсантов может вызвать у противника подозрение. Кроме того, предполагалось, что члены этой группы «друзей» являются участниками другой нашей же «радиоигры» — «Загадка».

В этой связи 27 января в Центр направили ответы следующего содержания: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожен. Относительно друзей, в зависимости от вашего решения. Если это поможет ускорению выполнения моего задания, я согласен. Но чтобы люди были вами проверены и я их лично знал и им бы доверял». «Ваша телеграмма №3 плохо расшифровывается и мне непонятна. О чешских кронах здесь ничего не слышно. Сообщите яснее, что я должен узнать о них». «Грайфе, ваш радист быстро передает, не соблюдает пауз между группами, Лиде принимать тяжело. Прошу указать радисту (на) необходимость отчетливой работы».

31 января вновь вышли в эфир: «Клаус. В час тяжелых испытаний заверяю в преданности делу. Что бы ни случилось, буду добиваться выполнения поставленных мне задач и жить надеждой победы. Прошу передать приветы и лучшие пожелания всем друзьям по борьбе. Петр». Из Центра радиовали: «Нумерацию ваших телеграмм начинайте каждый месяц с нового номера. Сокращения, употребляемые при сброске груза: сегодня сброски нет — 416; сегодня сброска — 445».

Очередной сеанс — 7 февраля, в «Цеппелин» радиовали: «Последняя ваша радиограмма непонятна. О какой сброске идет речь? Если это касается друзей, которых вы имели в виду, то прошу в начале сообщить, кто они и знаю ли я их лично». Из Центра в тот же день пришли две шифровки: «Петр и Лида, сердечные приветы. Во всяком случае мы победим. Может быть, победа ближе, чем мы думаем. Помогайте

и не забывайте вашу клятву, Петр». «Слушайте радиостанцию «Комитета освобождения народов России» на волне 1339 метра в 12.45, 14.00, 10.15, 19.05, 22.15 и 01.45 по Моск(овскому) времени. Слушать можете только на радиоприемник, но не на вашу рацию».

13 февраля состоялся следующий сеанс связи. В «Цеппелин» была отправлена шифровка: «Благодарим за приветы. Преданности делу не сомневайтесь. Сделаю все, что в моих силах. Петр. Слушать станцию «Комитета освобождения» не могу из-за отсутствия приемника, который был вынужден бросить в пути».

Ответная радиограмма получена 15 февраля, Центр сообщал: «Непонятная вам телеграмма содержит условные обозначения, чтобы скорее известить вас в случае сброски груза». Вероятно, в «Цеппелине» планировали сброс новых спецсредств для осуществления теракта, взамен пришедшего в негодность взрывателя к радиомине.

Для «оживления» игры в «Цеппелин» 27 февраля передали шифровку, которую санкционировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов: «Познакомился (с) врачом — женщиной, имеет знакомых (в) Кремлевской больнице. Обработываю». Вновь вышли в эфир 5 марта и сообщили, что выходить на связь будут только для передачи особо важных сообщений, так как питание батарей на исходе, а приобрести новые нет возможности. В тот же день из «Цеппелина» пришел ответ: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривластическое положение...».

Из-за помех в эфире окончание радиограммы получить не удалось. 9 марта пришла повторная шифровка из Центра: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривластическое положение и шансы для проработки ваших планов. Привет от Нины. Краус». В ответ в «Цеппелин» передали сообщение: «Для лучшей маскировки телеграмм меняйте ключевые группы. Первая ключевая остается на старом месте, как вторая группа в телеграмме. Вто-

рая образуется путем сложения первой ключевой с последней гру...». Из-за сильных помех Центр пропал в эфире, как оказалось, навсегда. В марте-апреле 1945-го радиоточка неоднократно пыталась установить связь, но «Цеппелин» в эфире больше не появлялся.

Тем временем оперативные сотрудники НКВД и НКГБ параллельно продолжали следственные мероприятия.

Последнюю радиограмму Шиловой отправила 9 апреля 1945 года, но ответа не получила.

После войны конспиративную квартиру, где появлялись до этого арестованные диверсанты, сохраняли еще несколько лет, надеясь, что на нее может выйти кто-нибудь из немецких разведчиков. Но никто не появился. Так завершилась радиоигра «Туман».

16 августа 1951 года Шило-Таврину П. И. было предъявлено обвинение в совершенных им преступлениях, по статьям 58-1 пункт «б» и 58-8 УК РСФСР в том, что, являясь военнослужащим Советской Армии, он изменил Родине и добровольно перешел к немцам. Был завербован германской разведкой и в ночь на 5 сентября 1944 года был сброшен на самолете в тыл Советской Армии со специальным заданием по центральному террору. Подсудимый ответил, что признает себя виновным только по ст. 58-1 п. «б», то есть в том, что являясь командиром роты 1196-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта, 30 мая 1942 года в районе города Ржева добровольно перешел на сторону немцев, чем изменил Родине. По статье 58-8 виновным себя не признал, заявив, что «был не намерен выполнять задание немцев по центральному террору».

1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР Шило-Таврин П. И. и Шиловой Л. Я. приговорены к высшей мере наказания. 28 марта Шило-Таврин был расстрелян, а 2 апреля того же года в исполнение приведен приговор в отношении Шиловой.

***ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ТАВРИНА ПЕТРА ИВАНОВИЧА**

Таврин П. И., 1909 г. р., урож. с. Бобрин Нежинского района Черниговской обл. УССР, русский, в 1942 г. на фронте вступил в кандидаты в члены ВКП(б), образование незаконченное высшее, до войны работал нач. Туринской геологоразведочной партии Исыковского приискового управления, прииск «Урал-Золото». В Красную Армию призван 14 августа 1941 г.

Вопрос:

5 сентября с.г. при вашем задержании вы заявили, что являетесь агентом германской разведки. Вы подтверждаете это?

Ответ:

Да, я действительно являюсь агентом германской разведки.

Вопрос:

Когда и при каких обстоятельствах вы были привлечены к сотрудничеству с германской разведкой?

Ответ:

30 мая 1942 г., будучи командиром пулеметной роты 1196-го полка 369-й стрелковой дивизии 30-й армии, действовавшей на Калининском фронте, я был ранен, захвачен немцами в плен, после чего содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне 1943 г. в гор. Вене, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря для военнопленных, меня вызвали офицеры Гестапо Байер и Тельман и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие.

Вопрос:

Когда и каким путем вы были переброшены через линию фронта?

Ответ:

Через линию фронта я был переброшен германской разведкой в ночь с 4 на 5 сентября с.г. с рижского аэродрома на 4-моторном транспортном самолете специальной конструкции. Немецкие летчики должны были высадить меня в районе Ржева и возвратиться в Ригу. Но самолет при посадке погерпел аварию и подняться снова в воздух не смог.

Вопрос:

В чем заключается «специальность» конструкции самолета, на котором вас перебросили?

Ответ:

Этот самолет снабжен каучуковыми гусеницами для приземления на непригодных площадках.

Вопрос:

А разве не была заранее подготовлена площадка

для посадки самолета, на котором вы были переброшены?

Ответ:

Насколько мне известно, площадка никем не была подготовлена, и летчики произвели посадку самолета, выбрав площадку по местности.

Вопрос:

Для какой цели вы имели при себе мотоцикл, отобранный у вас при задержании?

Ответ:

Мотоцикл с коляской был дан мне германской разведкой в Риге и доставлен вместе со мной для того, чтобы я имел возможность быстрее удалиться от места посадки самолета и этим избежать задержания.

Вопрос:

С какими заданиями вы были переброшены германской разведкой через линию фронта?

Ответ:

Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя советского государства И. В. Сталина.

Вопрос:

И вы приняли на себя такое задание?

Ответ:

Да, принял.

Вопрос:

Кто вам дал это задание?

Ответ:

Это задание мне было дано начальником Восточного отдела СД в Берлине подполковником СС Грейфе.

Вопрос:

Кто персонально должен был осуществить террористический акт?

Ответ:

Совершение террористического акта было поручено мне лично. Для этой цели руководителем органа СД в Риге, именуемом «Главной командой «Цепелин-Норд»», майором Краусом Отто я был снабжен отобранными у меня при задержании пистолетами с комплектом отравленных и взрывных пуль, специальным аппаратом под названием «панцеркнакке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему.

Вопрос:

Что это за аппарат?

▲ Самолет Арадо Аг-232

Ответ:

«Панцеркнакке» состоит из небольшого ствола, который при помощи специального кожаного манжета закрепляется на правой руке. Аппарат портативный и может быть замаскирован в рукаве пальто. В ствол помещается реактивный снаряд, который приводится в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба производится бронейно-зажигательными снарядами.

Перед переброской через линию фронта я тренировался в стрельбе из «панцеркнакке», при этом снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм.

Вопрос:

Каким образом вы намеревались использовать это оружие?

Ответ:

Готовивший меня для террора, названный мною выше майор СС Краус Отто, предупредил меня, что машины, в которых ездят члены советского правительства бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами. «Панцеркнакке» я должен был применить в том случае, если бы мне предоставилась возможность совершить террористический акт на улице, во время прохождения правительственной машины.

Вопрос:

А для какой цели предназначались отобранные

у вас при задержании отравленные и разрывные пули?

Ответ:

Этими пулями я должен был стрелять из автоматического пистолета в том случае, если бы очутился на близком расстоянии от И. В. Сталина.

Вопрос:

Расскажите подробно, каким путем вы должны были совершить террористический акт? Какие указания в этой части вы получили от германской разведки?

Ответ:

Майор Краус поручил мне после высадки из самолета проникнуть в Москву и легализоваться. Для этого я был снабжен несколькими комплектами воинских документов, большим количеством чистых бланков, а также множеством штампов и печатей военных учреждений.

Вопрос:

Как вы должны были проникнуть в Москву?

Ответ:

В Москву я должен был проникнуть с документами на имя заместителя начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. По прибытии в Москву я должен был этот документ сменить.

Вопрос:

Почему?

Ответ:

Мне было указано, что документы СМЕРШ абсолютно надежны и что я по ним проникну в Москву, не вызвав никаких подозрений. Но, как объяснил мне Краус, по этому документу находиться длительное время в каком-либо одном месте опасно и что будет значительно надежней, если я по прибытии в Москву изготовлю из имеющихся у меня чистых бланков документ на имя офицера Красной Армии, находящегося в отпуске после ранения. В Москве я должен был подыскать место для жилья на частной квартире и прописаться по этим документам.

Вопрос:

Что вы должны были делать дальше?

Ответ:

Обосновавшись таким образом в Москве, я должен был, расширяя круг своих знакомых, устанавливать личные отношения с техническими работниками Кремля, либо с другими лицами, имеющими отношение к обслуживанию руководителей советского правительства. При этом Краус рекомендовал мне знакомиться с женщинами, в частности, с такой категорией сотрудниц, как стенографистки, машинистки, телефонистки.

Вопрос:

Для какой цели?

Ответ:

Через таких знакомых я должен был выяснить места пребывания советского правительства, маршруты движения правительственных машин, а также установить, когда и где должны происходить торжественные заседания или собрания с участием руководителей советского правительства.

Краус предупреждал меня, что такие сведения получать нелегко и поэтому рекомендовал с нужной мне категорией женщин устанавливать интимные отношения. Он даже снабдил меня специальными препаратами, которые при подмешивании в напитки вызывают у женщин сильное половое возбуждение, что я и должен был использовать в интересах порученного мне дела.

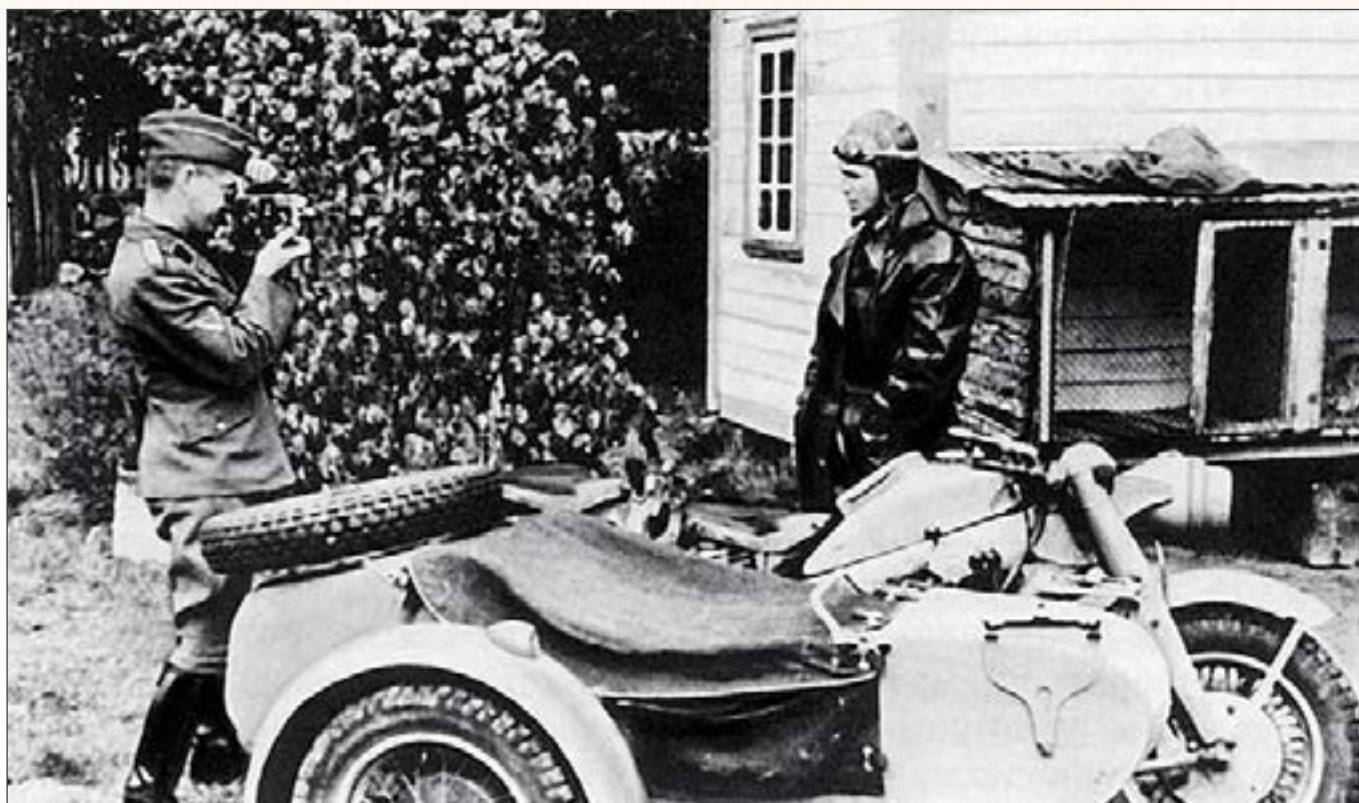
Независимо от степени близости с людьми, сведения о членах правительства мне поручено было выводить в осторожной форме. Для проникновения на торжественные заседания я должен был использовать изготовленные немцами на мое имя документы Героя Советского Союза и соответствующие знаки отличия.

Вопрос:

Какие именно?

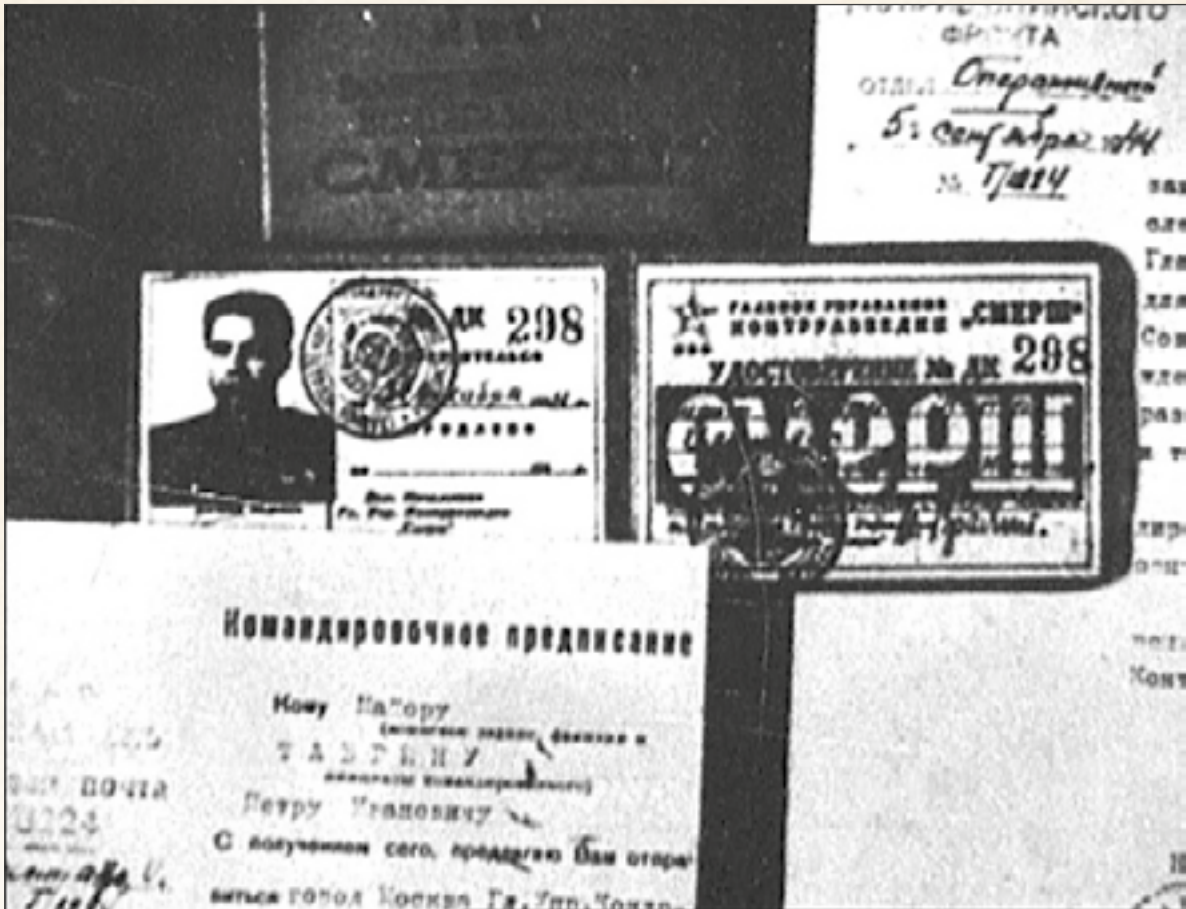
Ответ:

Перед переброской через линию фронта гер-

▲ Перед отправкой Таврина снимают на киноплёнку для истории

▲ Фиктивные документы Таврина

манской разведкой мне были даны: Золотая Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды и две медали «За отвагу», орденские книжки к ним, а также специально сфабрикованные вырезки из советских газет с указами о присвоении мне звания Героя Советского Союза и награждении перечисленными орденами и медалями.

Должен заметить, что германская разведка своих агентов, забрасываемых в СССР, снабжает фабрикуемыми ею же поддельными орденами, но мне были выданы подлинные.

Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к И. В. Сталину и стрелять в него отравленными и разрывными пулями.

Работниками германской разведки, в частности Грейфе и Краусом, мне было также указано, что если представится возможность, я должен совершить террористический акт и против других членов советского правительства.

Вопрос:

Против кого именно?

Ответ:

Против В. М. Молотова, Л. П. Берия, и Л. М. Кагановича. Причем для осуществления террора против них я должен был руководствоваться теми же указаниями, какие были мне даны Грейфе и Краусом в отношении осуществления террористического акта против И. В. Сталина.

Вопрос:

Чем вы заслужили столь большое доверие германской разведки?

Ответ:

Это мне неизвестно.

Вопрос:

Вы говорите неправду. Такое большое доверие германской разведки вы могли заслужить своей активной предательской работой.

Ответ:

Нет, предательской работой я не занимался. Видимо, Грейфе доверил мне это задание потому, что меня соответствующим образом рекомендовал ему Жиленков.

Вопрос:

Кто такой Жиленков?

Ответ:

Жиленков Георгий Николаевич — бывший секретарь райкома ВКП(б) гор. Москвы. Во время войны, будучи членом Военного Совета 24-й армии, попал в плен к немцам. В данное время он ведет активную антисоветскую работу по заданию германской разведки.

Вопрос:

Где и когда вы установили связь с Жиленковым?

Ответ:

С Жиленковым впервые я встретился в июле 1942 г. в Летценской крепости (Восточная Пруссия), где мы вместе содержались. Жиленков рассказал мне тогда, что, попав в плен, он выдал себя за шофера и работал в немецкой воинской части, но затем был опознан и заключен в Летценскую крепость. Уже тогда Жиленков высказывал резкие антисоветские настроения, обрабатывал военнопленных в антисоветском духе и написал антисоветскую клеветническую брошюру под названием «Первый день войны в Кремле». Позже Жиленков вошел в состав так называемого «Русского Кабинета».

Вопрос:

Что это за организация, и кто входит в ее состав?

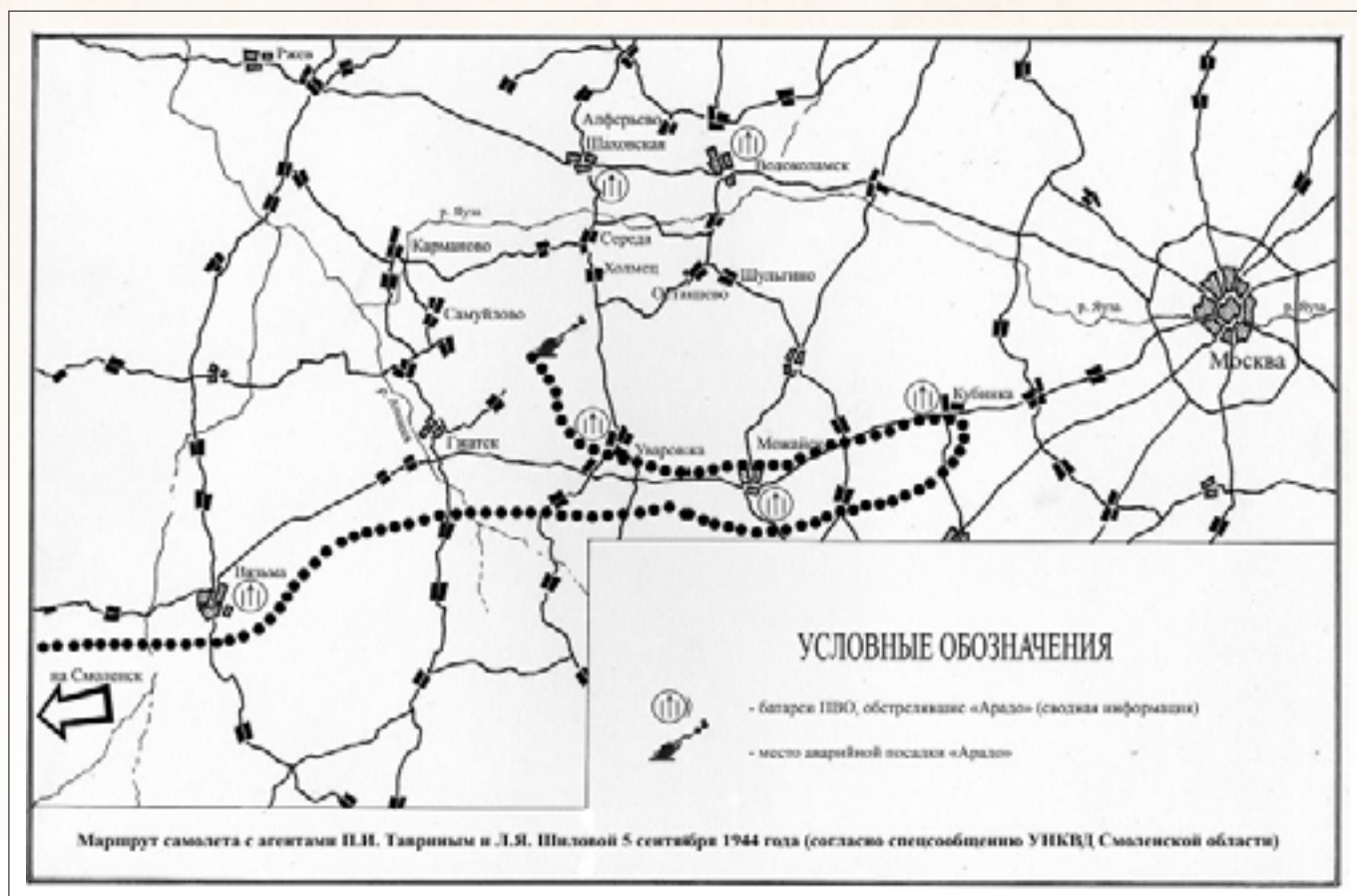
Ответ:

В состав «Русского Кабинета» входят: Власов Андрей Андреевич — бывший генерал Красной Армии, возглавляющий «кабинет», Жиленков — ближайший помощник Власова, Мачинский — бывший профессор Ленинградского университета, Иванов и Сахаров — белоэмигранты, произведенные немцами в генералы, Благовещенский — бывший генерал Красной Армии, Калмыков — доктор технических наук, Дубин — инженер, работавший до войны в Киевском военном округе. Все эти лица тесно сотрудничают с германской разведкой. «Кабинет» называет себя будущим правительством России.

Вопрос:

Об антисоветской работе изменников Родины Власова и других вы будете подробно допрошены ниже.

Сейчас ответьте на вопрос — чем помог вам Жиленков зарекомендовать себя перед германской разведкой?

▲ Маршрут самолета Арадо Аг-232 с агентами 5.09. 1944 г.

▲ Каучуковые печати и штампы Таврина

Ответ:

Это произошло при следующих обстоятельствах. После вербовки меня германской разведкой я в августе 1943 г. был переведен из венской тюрьмы в специальный лагерь СД близ города Замберга и зачислен в «Особую команду».

Вопрос:

Каково назначение «Особой команды»?

Ответ:

«Особая команда» в Замбергском лагере СД состояла из агентов германской разведки, намеченных для активной работы на территории СССР. В составе команды было 23 человека. Пробыв некоторое время в Замберге, я в последних числах августа 1943 г. был доставлен в Берлин к подполковнику СС Грейфе. Последний в разговоре со мной расспрашивал о моих биографических данных, выяснял причины, побудившие меня дать согласие на сотрудничество с германской разведкой, после чего рассказал о заданиях, которые мне могут быть даны для работы на территории СССР.

Вопрос:

Что именно говорил вам Грейфе?

Ответ:

Он мне сказал, что может использовать меня для разведки, диверсии или террора, и предложил подумать — какая отрасль работы меня больше устраивает, что снова вызовет меня из лагеря в Берлин.

Вопрос:

Вызывал ли вас Грейфе снова в Берлин?

Ответ:

Да, вызывал. Этому вызову предшествовало одно обстоятельство, которое определило мое дальнейшее поведение при встрече с Грейфе.

Вопрос:

Какое именно обстоятельство, расскажите о нем.

Ответ:

В первых числах сентября 1943 г. в Замбергский лагерь, где я в то время находился, прибыли Власов и Жиленков для передачи немцам одного из сформированных ими отрядов из русских военнопленных.

Вопрос:

Для какой цели создавались эти отряды?

Ответ:

Как мне впоследствии объяснил Жиленков, Власов сформировал ряд воинских частей из числа советских военнопленных и белогвардейцев и поставил перед немцами вопрос о выделении ему самостоятельного участка фронта, на котором он мог бы воевать против Красной Армии силами созданных им частей. С этим якобы немцы не согласились и предложили передать сформированные части в распоряжение германского командования для направления отдельными подразделениями на различные участки фронта.

Вопрос:

Продолжайте ваши показания.

Ответ:

Выстроив отряд, Власов произнес речь, в которой объявил, что отряд передается в распоряжение германского командования для отправки на Балканы. Затем Жиленков ходил по лагерю и беседовал с военнопленными. Я подошел к нему, и мы разговорились.

Вопрос:

О чем вы говорили?

Ответ:

Я рассказал ему, что согласился работать на гер-

манскую разведку и зачислен в «Особую команду». Жиленков одобрил мое поведение, заявив: «Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно». Затем я сообщил Жиленкову о вызове к Грейфе и о сделанном им предложении о работе в пользу германской разведки в советском тылу.

Вопрос:

Как отнесся к этому Жиленков?

Ответ:

Выслушав меня, он стал в резкой форме высказывать злобу против руководителей советского правительства и доказывать мне, что сейчас самой важной задачей является совершение террористического акта против И.В. Сталина, так как, по заявлению Жиленкова, за этим последует развал Советского государства. В конце нашего разговора Жиленков рекомендовал мне принять задание по террору и заявил, что по возвращении в Берлин он примет необходимые меры к ускорению моей переброски в СССР. Тут же он сделал какие-то заметки в своей записной книжке. И действительно, вскоре после отъезда Власова и Жиленкова я снова был вызван к Грейфе.

Вопрос:

Когда это было?

▲ Панцеркнаке с бронебойно-зажигательными снарядами

Ответ:

Насколько я припоминаю, это было 4 или 5 сентября 1943 г.

Вопрос:

О чем в этот раз с вами говорил Грейфе?

Ответ:

Грейфе интересовался моей жизнью в лагере, а затем спросил, думал ли я над его предложением и какое принял решение.

Вопрос:

Что вы ответили Грейфе?

Ответ:

Я сказал ему, что готов принять задание по террору.

Вопрос:

Вы и ранее выполняли задания германской разведки по убийству советских людей?

Ответ:

Нет, в этот раз я впервые принял на себя задание по террору.

Вопрос:

Вы принимали участие в борьбе немцев против партизан и других советских патриотов?

Ответ:

Нет, я этого не делал. Для этой цели германская разведка меня не использовала.

Вопрос:

Почему же вы тогда по собственной инициативе выбрали для себя задание по террору?

Ответ:

В данном случае я руководствовался указаниями, которые мне дал Жиленков.

Вопрос:

Какое задание вам дал Грейфе по практическому осуществлению террористического акта?

Ответ:

Получив от меня согласие принять задание по террору, Грейфе предложил разработать и представить ему в письменном виде конкретный план совершения террористического акта, а также указать, какие средства мне необходимы для этой цели.

Вопрос:

Вы разработали этот план?

Ответ:

Этот план был разработан Жиленковым, я его лишь переписал.

Вопрос:

Вы показываете неправду, пытаетесь умалить свою роль. Говорите правду.

Ответ:

Я говорю правду. Получив от Грейфе задание составить план совершения террористического акта, я был доставлен одним из сотрудников Грейфе в гостиницу, где меня поселили. В тот же день ко мне приехал Жиленков, которому я рассказал о задании, полученном от Грейфе, а также о трудностях, возникших у меня при попытке написать план совершения террористического акта. Тогда Жиленков предложил мне свою помощь и увез к себе на квартиру. Там он написал этот план, поручив мне переписать его своей рукой и вручить Грейфе.

Вопрос:

Какие мероприятия предусматривались этим планом?

Ответ:

Большая часть плана была посвящена всякого рода клеветническим выпадам против советского правительства и декларативным утверждениям о необходимости совершения террористического акта против И. В. Сталина. Затем было указано, что террористический акт должен быть совершен путем проникновения на какое-либо торжественное заседание. Все это было написано Жиленковым, я лишь дописал о средствах, необходимых для его выполнения.

Вопрос:

Следовательно, вы по своей инициативе потребовали от немцев такие средства, как отравленные разрывные пули и бронебойные снаряды?

Ответ:

Нет, я этого не требовал. Все это мне дали немцы незадолго перед переброской через линию фронта.

В плане я написал лишь о том, что мне необходимо 500 тыс. рублей денег, документы и инструменты.

Вопрос:

Вы передали Грейфе этот план?

Ответ:

Да, я переписал весь план совершения террористического акта своей рукой и на следующий день вручил Грейфе. Он одобрил его и направил меня в распоряжение начальника главной команды «Цепелин-Норд» майора Отто Крауса, под руководством которого я должен был проходить подготовку. Краус в то время постоянно находился в городе Пскове, куда я и прибыл 23 сентября 1943 г.

Вопрос:

В чем заключалась подготовка вас к выполнению террористического задания?

Ответ:

В Пскове я занимался физической подготовкой и тренировался в стрельбе из оружия. 6 ноября 1943 г. я был снова вызван в Берлин.

Вопрос:

Для чего?

Ответ:

Мне это неизвестно, но полагаю, что Грейфе хотел лично проверить, как идет моя подготовка, так как он в беседах со мной интересовался только этим вопросом и дал мне указание ускорить окончание подготовки. Кроме того, в Берлине я имел беседу с прибывшим туда из Пскова майором Краусом. В этой беседе Краус известил меня о том, что принято решение о моем переводе в Ригу, так как по его словам в Пскове много советской агентуры, которая может узнать о подготовке меня к переброске через линию фронта.

В соответствии с этим указанием я в Псков не возвратился, а 2 декабря 1943 г. выехал из Берлина в Ригу, куда прибыл 5 декабря. 20 января 1944 г., в связи с обстановкой на фронте в Ригу была переведена из Пскова вся команда «Цеппелина».

После прибытия «Цеппелина» в Ригу я продолжал дальнейшую подготовку к переброске через линию фронта.

Вопрос:

В чем заключалась ваша подготовка в Риге?

Ответ:

Совместно с переводчиком «Цеппелина» лейтенантом Делле я вплоть до моей переброски через линию фронта подготавливал для себя легенду, соответствующие документы и экипировку.

Вопрос:

Вы показали, что прибыли в Ригу по указанию Крауса 5 декабря 1943 г., а возобновили подготовку к заброске через линию фронта лишь 20 января 1944 г., после прибытия команды «Цеппелина». Что вы делали в Риге с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г.?

Ответ:

Я ничего не делал.

Вопрос:

Почему?

Ответ:

Мне дали возможность отдохнуть.

Вопрос:

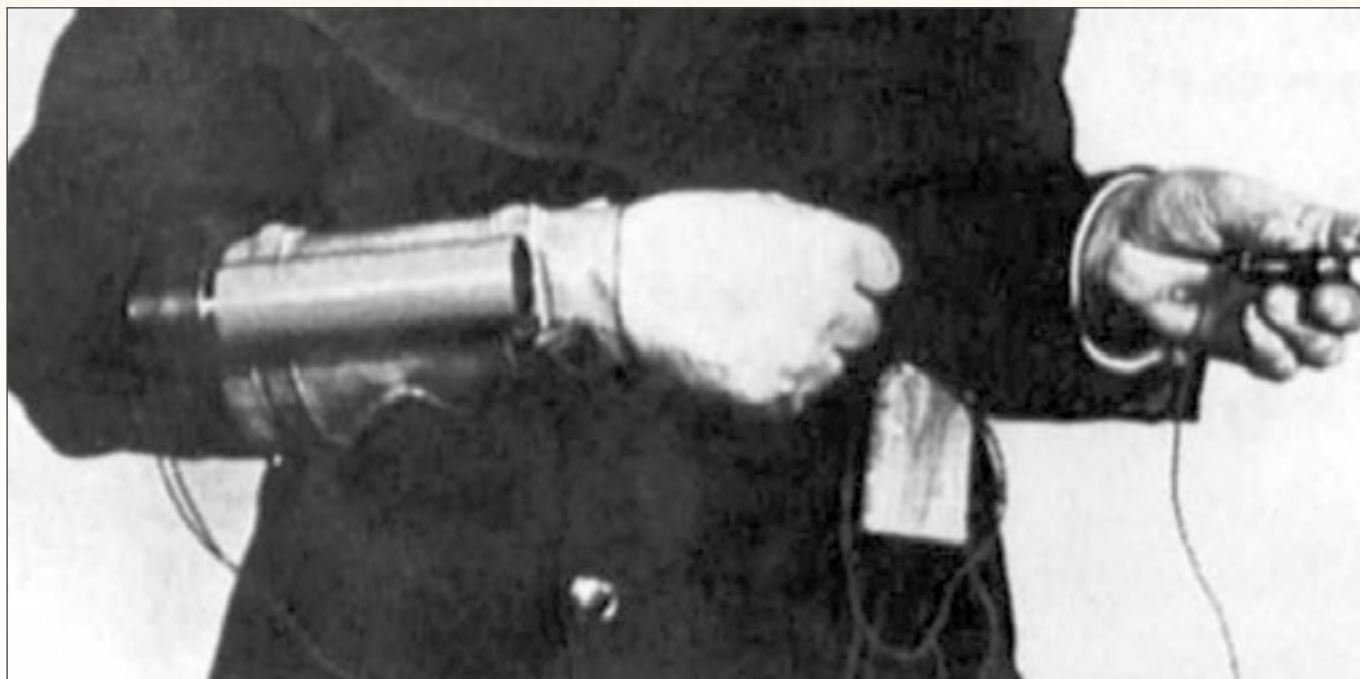
Вы об этом просили немцев?

Ответ:

Нет, не просил.

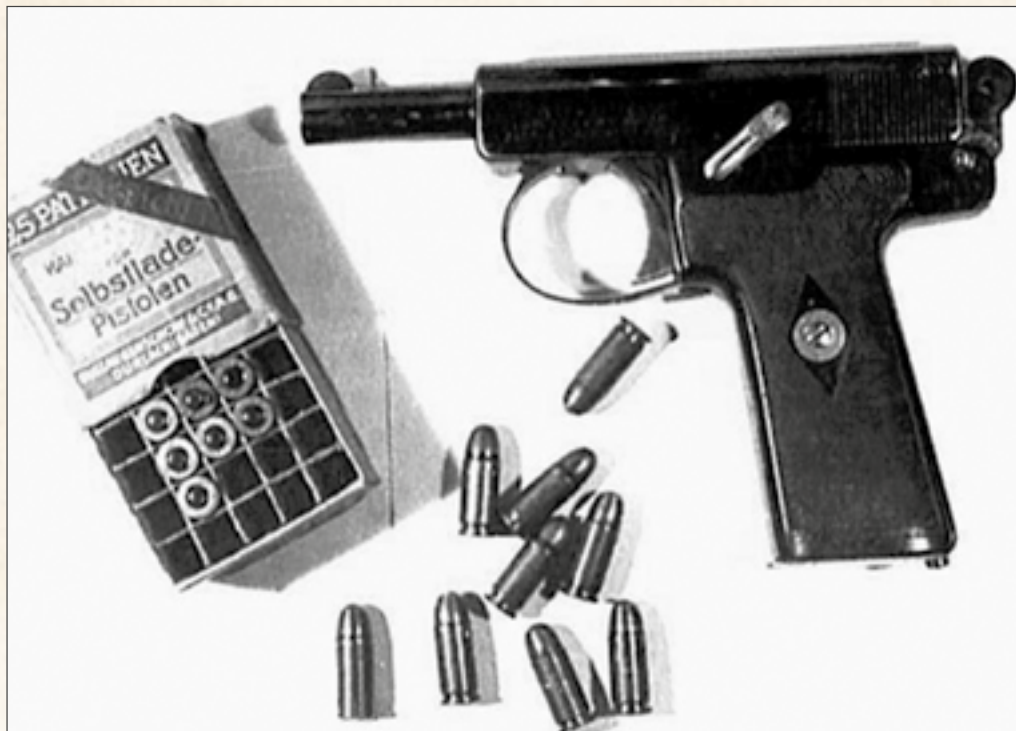
Вопрос:

Выше вы показали, что Грейфе в беседе с вами в Берлине в ноябре 1943 г. дал указание ускорить

▲ Принцип применения панцеркнаке

◀ Один из пистолетов с отравленными пулями агента Таврина

окончание вашей подготовки к переброске через линию фронта, теперь вы показываете, что вам была предоставлена возможность отдохнуть с 5 декабря по 20 января. Мы требуем от вас правдивых показаний, что вы делали в этот период в Риге?

Ответ:

Я показал правду. Грейфе по своей инициативе дал мне возможность отдохнуть. Вообще он проявлял в отношении меня признаки особого внимания. Так, когда я был вызван в Берлин в ноябре 1943 г., для меня по его указанию была куплена хорошая одежда и обувь. Кроме того, по указанию Грейфе, в Берлин была вызвана моя жена Шилова Лидия Яковлевна, которая прожила там со мной 10 дней, затем мы вместе выехали в Ригу.

Вопрос:

Следовательно, задержанная совместно с вами Шилова Лидия Яковлевна является вашей женой?

Ответ:

Да, с ноября 1943 г. она является моей женой.

Вопрос:

Какое участие в совершении террористических актов должна была принять Шилова?

Ответ:

Шилова также является агентом германской разведки и перебросена со мной в помощь мне, но она не посвящена в то, что я имею задание по террору.

Вопрос:

Вы говорите неправду. Агент германской разведки, перебросенный совместно с вами для оказания вам помощи в выполнении задания немцев, не мог не знать об этих заданиях?

Ответ:

Я говорю правду. Шилова не знает о заданиях, которые дали мне немцы, я взял ее с собой, только как радистку.

Вопрос:

Она разве радистка по специальности?

Ответ:

Нет, она по специальности бухгалтер, но была подготовлена рижской командой «Цепелина» в качестве радистки и придана мне.

Вопрос:

Шилова находилась в Риге с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г.?

Ответ:

Да, в это время она также находилась в Риге.

Вопрос:

Выше вы показали, что с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г. отдыхали в Риге и никуда из города не выезжали. Допрошенная нами Шилова показала, что вы выезжали из Риги в декабре 1943 г. Более того, она показала, что вы вернулись в Ригу раненым. Куда вы ездили?

Ответ:

Должен признать, что я скрыл от следствия следующий факт: подготавливая меня к переброске через линию фронта, Краус несколько раз ставил передо мною вопрос о том, что я должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи Краус требовал от меня, чтобы я согласился на хирургическую операцию, в результате которой стану хромым. С тем, чтобы уговорить меня, он связал меня с немецкими врачами, которые доказывали мне, что после войны мне сделают еще одну операцию, в результате которой нога будет нормальной. Я категорически отказался от этого. Тогда Краус предложил мне хирургическим путем сделать на теле следы ранений. Я и от этого отказывался, но, под давлением Крауса, все же был вынужден на это согласиться.

Вопрос:

Какая же операция была произведена над вами немцами?

Ответ:

В рижском военном госпитале мне под наркозом сделали большую рану на правой части живота и две небольших раны на руках. Я пролежал в госпитале 14 дней, после чего у меня на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами. Для того чтобы скрыть этот факт от Шиловой, я, по указанию Крауса, сообщил ей, что уезжаю в командировку на фронт, а по возвращении из госпиталя домой рассказал, что был ранен. Именно в этой связи я и не мог в декабре 1943 г. заниматься подготовкой к переброске через линию фронта.

Вопрос:

Медицинским осмотром вас установлено, что кроме «ранений», о которых вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, ваши показания о том, что вы захвачены в плен немцами, будучи раненым, ложны?

Ответ:

Да, я должен это признать.

Вопрос:

При каких же обстоятельствах вы в действительности очутились у немцев?

Ответ:

30 мая 1942 г., находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону немцев.

Вопрос:

Почему вы изменили Родине?

Ответ:

Я должен признать, что скрыл от следствия еще один факт.

Вопрос:

Какой именно?

Ответ:

В 1932 г., работая в гор. Саратове, я был арестован за растрату 1300 рублей государственных денег.

В связи с тем, что меня должны были предать суду, по закону от 7 августа 1932 г., я, боясь строгой ответственности, бежал из тюрьмы, проломав с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 годы я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих этих случаях совершал побег. В 1939 г. я по фиктивным справкам получил документы на имя Таврина и под этой фамилией был призван в Красную Армию.

Находясь на Калининском фронте, 29 мая 1942 г. я был вызван к уполномоченному Особого отдела капитану Васильеву, который интересовался, почему я переименовал фамилию Шило на Таврина.

Поняв, что Особому отделу стали известны мои преступления, я, боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев.

Вопрос:

Непонятно, почему вы, боясь ответственности за совершенные ранее уголовные преступления, решились на новое, тягчайшее преступление — измену Родине?

Ответ:

Я полагал, что это не станет известным советским властям, а я до конца войны останусь у немцев на положении военнопленного.

Вопрос:

Вас допрашивали немцы о мотивах перехода на их сторону?

Ответ:

Да, допрашивали. Я не хотел говорить, что совершил уголовное преступление, поэтому сообщил им ложную версию о том, что являюсь сыном полковника царской армии, преследовался органами Советской власти, в связи с чем и был вынужден перейти на сторону немцев.

304

Вопрос:

А об обстоятельствах вашей вербовки германской разведкой вы показали правду?

Ответ:

Да, я показал правду. После того как я перешел на сторону немцев, ко мне отнеслись как к обычному военнопленному, и все, что я показал выше о моем пребывании в лагерях и обстоятельствах вербовки, соответствует действительности.

▲ В таком виде Таврин и Шилова должны были появиться в Москве осенью 1944 г.

▲ Таврин с Делле

Вопрос:

Кто вас практически готовил на роль террориста кроме Крауса?

Ответ:

Практически кроме Крауса меня никто не подготавливал, если не считать трех бесед со Скорцени.

Вопрос:

Кто такой Скорцени и для чего вам были организованы встречи с ним?

Ответ:

Скорцени был известен мне из газет как руководитель и личный участник похищения из Италии Муссолини, после того как он был взят в плен англичанами. В первой беседе со мной в ноябре 1943 г. в Берлине Скорцени расспрашивал меня о моем прошлом, и беседа носила больше характер ознакомления с моей личностью. Цель этого свидания стала для меня ясна несколько позже, после второй встречи со Скорцени.

Вопрос:

Расскажите об этой встрече подробно.

Ответ:

В январе 1944 г., находясь в Риге, я получил приказ Крауса выехать в Берлин. Сопровождал меня переводчик СД Делле. По прибытии в Берлин я узнал от Делле, что полковник Грейфе погиб в начале января 1944 г. во время автомобильной катастрофы и что вместо него назначен майор СС Хенгельгаупт. Делле мне сообщил, что Хенгельгаупт вызвал меня для личного знакомства, но придется подождать некоторое время, так как он занят и не может меня принять. Через два-три дня мне была организована встреча со Скорцени.

Вопрос:

Где происходила эта встреча?

Ответ:

Делле привез меня в служебный кабинет Скорцени на Потсдамерштрассе, № 28. Кроме Скорцени в кабинете находились еще два неизвестных мне работника СД.

В беседе Скорцени объяснял мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он рассказывал о деталях орга-

низованного им похищения Муссолини. Скорцени заявил мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить. Скорцени рассказал, как во время похищения Муссолини он перепрыгнул через ограду замка, очутился в 2 шагах от стоявшего на посту карабинера. «Если бы я тогда хоть на секунду замешкался, — заявил Скорцени, — то погиб бы, но я без колебаний прикончил карабинера и, как видите, выполнил задание и остался жив».

Весь этот разговор сводился к тому, чтобы доказать мне, что осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуется только личная храбрость и решительность и что при этом человек, участвующий в операции, может остаться живым и стать «таким же героем», каким стал он — Скорцени.

Вопрос:

Вы рассказали только о двух встречах со Скорцени. Когда же состоялась ваша третья встреча?

Ответ:

Третья встреча со Скорцени состоялась так же в январе 1944 г. в Берлине.

Вопрос:

О чем вы говорили в этот раз?

Ответ:

Скорцени в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах и под конец прямо поставил передо мной вопрос — возможно ли осуществление в СССР такой операции, какую он провел в Италии? Я ответил, что затрудняюсь судить об этом, но, по моему мнению, проведение такой операции в СССР значительно сложнее, чем похищение Муссолини из Италии.

Вопрос:

Почему Скорцени интересовался вашим мнением по этому вопросу?

Ответ:

У меня создалось впечатление, что Скорцени разрабатывает план похищения кого-то из руководителей советского правительства.

Вопрос:

А что вам достоверно известно о планах германской разведки?

Ответ:

Мне известно, что главная команда «Цеппелин-Норд» в Риге готовит выброску через линию фронта нескольких групп агентов с задачей совершения крупных диверсионных актов.

Вопрос:

От кого это вам стало известно?

Ответ:

Об этом мне лично говорил начальник команды «Цеппелина» Краус Отто.

Вопрос:

Почему Краус посвящал вас в дела, являющиеся служебной тайной?

Ответ:

Краус относился ко мне с большим доверием, так как видел тот значительный интерес, который проявляло ко мне руководство восточным отделом СД в Берлине, в частности, Грейфе, а после него Хенгельгаупт, поэтому, очевидно, он и посвящал меня в свои дела.

Должен вместе с тем заметить, что постановка конспирации в команде «Цеппелин» в Риге такова, что подобные факты становились известными многим агентам.

Вопрос:

Каким образом?

Ответ:

Краус периодически организовывал так называемые «камрадабенд» — товарищеские ужины, на которые приглашалась доверенная агентура, в том числе и я. На этих ужинах происходили обсуждения очередных мероприятий «Цеппелина» и намечались конкретные лица для исполнения заданий. Из разговоров за ужинами, а также из личных бесед с Краусом мне известно, что на протяжении года моего пребывания в «Цеппелине» было заброшено через линию фронта большое количество агентуры, однако переброска производилась мелкими группами, вследствие чего их работа была мало эффективной. Некоторые группы обосновались в Советском Союзе и поддерживают радиосвязь с немцами, но, как жаловался мне Краус, результаты их работы ничтожны.

На одном из таких ужинов, незадолго до моей выброски, ряд агентов, подготовленных и уже длительное время ожидавших переброски через линию фронта, выражали недовольство тем, что «Цеппелину» предоставляется мало транспортных средств, в связи с чем задерживается отправка агентуры. Особенно активно по этому поводу высказывался Филистинский.

Вопрос:

Кто такой Филистинский?

Ответ:

Филистинский уроженец г. Москвы, русский, настоящая фамилия его мне неизвестна, ему 38 лет, в прошлом арестовывался органами Советской власти за антисоветскую работу и содержался

◀ Отто Клаус и агент Таврин

где-то в лагерях. При каких обстоятельствах попал к немцам — не знаю. Филистинский активно используется германской разведкой. В Риге он являлся редактором газеты «Новое Слово», а затем был подготовлен Краусом в качестве редактора подпольной газеты в СССР.

Вопрос:

Такая газета существует?

Ответ:

Насколько мне известно, такой газеты нет, но в Риге подготовлена к выброске в Вологодскую область типография, упакованная в 32 тюка, приспособленных к грузовым парашютам. Краус намерен установить эту типографию в какой-нибудь глухой деревушке и там печатать подпольную газету. Филистинский должен быть выброшен в то же место для редактирования этой газеты.

Вопрос:

Почему немцы намечают выброску типографии именно в Вологодскую область?

Ответ:

Мне известно от Крауса, что в Вологодской области действует группа агентов «Цепелина», поддерживающая систематическую связь с Рижским радиоцентром германской разведки.

Вопрос:

Какие агенты германской разведки находятся на территории Вологодской области и где именно?

Ответ:

Я знаю, что эту группу возглавляет Семенов Гордей, возможно, это его кличка. Другие участники группы мне лично неизвестны. Знаю, что их всего 6–7 человек, так как видел их перед отправкой в советский тыл.

Вопрос:

Вы не ответили, в каком именно месте Вологодской области работает эта группа и куда должна быть сброшена типография?

Ответ:

Это мне неизвестно.

Вопрос:

Выше вы заявили об отсутствии конспирации в работе Крауса, теперь же, когда мы требуем от вас ответа о местах, где находятся агенты германской разведки, вы пытаетесь уклониться от него, ссылаясь на свою неосведомленность. Непонятно, когда вы говорите правду и когда лжете.

Ответ:

Я в обоих случаях показываю правду. Если бы в то время это для меня представляло какой-либо

специальный интерес, то я мог бы узнать об этом от Крауса, но меня это не интересовало.

Вопрос:

Продолжайте ваши показания об известных вам планах германской разведки.

Ответ:

Как я уже показал выше, Филистинский на одном из ужинов заметил, что отсутствие необходимых транспортных средств тормозит работу Рижской команды «Цепелина». На это Краус ответил, что если сейчас не хватает транспортных самолетов, то, видимо, скоро не хватит людей для выброски. Объясняя это, Краус заявил, что германская разведка намерена изменить свою тактику. До последнего времени, говорил Краус, выбрасывались мелкие группы по 3–4 человека, которые в лучшем случае могли повредить рельсы и на некоторое время вывести из строя какой-нибудь железнодорожный перегон. Такая тактика не оправдывает себя. По словам Крауса, немцы намечают теперь выброску крупных групп для диверсионных целей. Краус доказывал, что многочисленная группа в областном или районном центре сумеет перебить местное руководство и совершить крупную диверсию.

Вопрос:

Какие именно группы подготовлены к выброске?

Ответ:

Со слов Крауса мне известно, что к выброске

подготовлен ряд крупных групп, численностью свыше 100 человек каждая. Эти группы намечаются к выброске в районах Волги и Камы с тем, чтобы одновременно взорвать мосты через эти реки и отрезать на некоторое время Урал от фронта. Это, по словам Крауса, должно будет немедленно отразиться на боеспособности действующей Красной Армии, хотя бы на короткий период.

Вопрос:

Перечислите известные вам группы германских агентов, подготовленных к выброске в район Волги и Камы.

Ответ:

Мне известны четыре таких группы. Первая группа во главе с агентом германской разведки Георгием Кравцом готовится к выброске с задачей совершения крупных диверсионных актов в оборонной промышленности г. Молотова.

Вопрос:

Кто такой Кравец?

Ответ:

Кравец — русский, сын генерала царской армии, бывший летчик гражданского воздушного флота СССР. В 1933 г. изменил Родине, перелетев на самолете в Латвию. После этого длительное время проживал в Германии. С начала войны активно используется немцами в разведывательных органах на Восточном фронте.

◀ Таврин на огневой подготовке в Риге

Вопрос:

Назовите состав остальных групп.

Ответ:

Вторая группа в составе свыше 100 человек возглавляется Кином, настоящая фамилия его мне неизвестна. Знаю, что он казак, добровольно перешел на сторону немцев и зарекомендовал себя перед ними многочисленными зверствами над коммунистами и советскими партизанами.

Вопрос:

В какой район должна быть переброшена эта группа?

Ответ:

Точно мне неизвестно. Знаю лишь, что группа Кина также предназначена для выброски в районы Волги и Камы

Третью группу возглавляет Рудченко. Эта группа так же насчитывает свыше 100 человек. Рудченко до войны являлся преподавателем истории одного из ленинградских институтов. Во время войны он под Ленинградом перешел на сторону немцев и с тех пор активно работает в немецких разведывательных органах.

Четвертая группа в составе более 200 человек возглавляется Мартыновским.

Вопрос:

Что вам известно о Мартыновском?

Ответ:

Это бывший капитан Красной Армии. Попав в плен к немцам, стал сотрудничать с германской разведкой и вел активную борьбу с советскими партизанами. Германская разведка с большим доверием относится к Мартыновскому, он награжден тремя Железными крестами. Группа Мартыновского готовится к переброске в район Астрахани.

Со слов Крауса мне также известно, что для руководства всеми перечисленными группами после их приземления в районе Волги и Камы туда должен быть переброшен бывший полковник Красной Армии Леман. Лемана я знаю лично, он немец Поволжья, во время войны перешел на сторону немецких войск, в Замбергском лагере он возглавлял «Особую команду» германских разведчиков, о которой я показывал выше.

Вопрос:

Какие известные вам группы германских разведчиков подготавливаются для переброски в советский тыл?

Ответ:

Я назвал все известные мне группы. По ряду фактов я могу сделать вывод о том, что немцы готовят много таких групп для переброски через линию фронта.

Вопрос:

О каких фактах вы говорите?

Ответ:

За последнее время в Риге в портняжные мастерские СД доставлено большое количество материала для пошивки красноармейского обмундирования и погон. Судя по количеству этого материала, можно на глаз определить, что он предназначен для пошивки многих сотен комплектов обмундирования военнослужащих Красной Армии. Кроме того, со слов бывшего командира Красной Армии, ныне офицера СС Якушева, занимающегося в рижской команде «Цепелина» изготовлением фиктивных советских документов, мне известно, что такие документы изготавливаются в последнее время в очень большом количестве.

Вопрос:

Каким образом Якушев стал офицером СС?

Ответ:

Со слов Якушева мне известно, что весной 1944 г., будучи на командной должности на Западном фронте, он добровольно перешел на сторону немцев, после чего был принят на работу в СД...

ДОПРОСИЛИ: Начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом -

Комиссар Госбезопасности 3-го ранга (Леонтьев)

Зам. начальника 2-го управления НКГБ СССР

Комиссар Госбезопасности (Райхман)

Начальник отдела ГУКР СМЕРШ НКО СССР

Полковник (Барышников)

БОРЬБА С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ В 1939-1941 ГГ.

Среди событий отечественной истории XX века в последние годы стали актуальными проблемы, связанные с националистическими вооруженными формированиями на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике.

В последние годы усилиями политиков и средств массовой информации ряда стран история этих событий была кардинальным образом искажена. Бандиты стали героями, а героев пытаются посадить на скамью подсудимых.

Националистические организации на Западной Украине и в При-

балтике организовались при содействии иностранных спецслужб в конце XIX—начале XX века. В ходе I мировой войны на их базе возникли вооруженные националистические формирования, боровшиеся в основном против стран Антанты. Революция в России способствовала укреплению этих формирований, поскольку они стали всемерно поддерживаться ведущими европейскими державами с целью использования их против Советской власти. В межвоенный период националистические формирования в этих регионах перешли под контроль нацистских спецслужб, стремившихся исполь-

зовать их в борьбе против Польши, Чехословакии и СССР.

Наибольший размах деятельность вооруженных националистических формирований приобрела с началом II мировой войны.

С воссоединением Западной Украины, Западной Белоруссии и Северной Буковины и вхождением Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР опиравшаяся на помощь немецкой разведки бывшая политическая элита не собиралась отдавать власть. К имевшимся ранее националистическим формированиям присоединились польские вооруженные отряды. В ходе проведения на присоединен-

ных территориях национализации и аграрной реформы националистические формирования путем террора и запугивания пытались сорвать эти мероприятия. Разгул бандитизма принял такие размеры, что накануне Великой Отечественной войны советские власти провели выселение с территорий Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики активных деятелей бандформирований и националистического подполья, лиц, антисоветски настроенных, из числа представителей имущих классов населения.

В мае-июне 1941 г. из Западной Украины было выселено 11 тысяч человек, из Западной Белоруссии — около 21 тысячи. Из Литвы около 13 тысяч человек было направлено в ссылку и 4,6 тысячи — в лагеря, из Латвии — соответственно 10 и 5,5 тысячи, из Эстонии — 6 и 3,6 тысячи.

Война, прокатившаяся по территории Прибалтики, Белоруссии, Украины, и немецкий оккупационный режим заново создали, вооружили и укрепили вооруженные формирования националистов. При помощи оккупационных властей они прев-

ратились в хорошо вооруженные и многочисленные подразделения пособников фашистов. Среди членов этих формирований были и вступившие в эти формирования совершенно сознательно, и мобилизованные, и скомпрометированные перед Советской властью, и просто дезертиры, мародеры, люди, научившиеся воевать и не желающие возвращаться к мирной жизни. Если на 1 июня 1941 г. органами НКВД по Западной Украине было учтено 94 вооруженных формирования националистов с 476 участниками в них и 1171 нелегал, а по Западной Белоруссии — 17 формирований с 90 участниками и 106 нелегалов, то в 1945 г. на Западной Украине ликвидировано 890 вооруженных групп, при этом убито 44 тысячи и арестовано свыше 17 тысяч участников, в Западной Белоруссии ликвидировано 256 групп, убито 1335 участников и арестован 2701 человек.

О напряженности борьбы с националистическим подпольем свидетельствует число докладов, поступивших из НКВД-МВД СССР на имя руководителя страны И. В. Сталина. В марте-декабре 1944 г. таких докла-

дов было 52, в 1945 г. — 105, в 1946 г. — 52.

В советской историографии эта тема не пользовалась вниманием. Ей занимались лишь историки спецслужб, органов внутренних дел и внутренних войск. Причиной такого положения являлась засекреченность советских источников по данной теме.

Изменение ситуации принесло массовое рассекречивание ранее недоступных документов, проводившееся в начале 1990-х годов, как в России, так и в других республиках бывшего СССР. Однако большое количество материалов до сих пор продолжает оставаться на закрытом хранении. Отчасти это связано с объективными обстоятельствами — в условиях, когда Россия вновь ведет борьбу с незаконными вооруженными формированиями, раскрывать методы оперативной работы органов государственной безопасности преждевременно. Процесс предоставления гражданам нашей страны доступа к ретроспективной информации тормозят и субъективные факторы — Закон «О государственной тайне» хотя и ввел 30-летний срок закрытого хранения документов, но не предусмотрел механизма, обеспечивающего соблюдение этого срока.

После освобождения Западной Украины, Западной Белоруссии и Республик Прибалтики от гитлеровской оккупации на их территории развернулась широкомасштабная вооруженная борьба. Особенно значительными были формирования националистов на западе Украины и в Литве. Однако они не имели никаких шансов на победу в открытом столкновении с военной мощью СССР. Заметим, что советское руководство очень редко использовало в боях с националистами части Красной Армии. Обычно в операциях использовались внутренние и пограничные войска, а также истребительные батальоны НКВД-МВД СССР.

Надежды националистов были связаны, в первую очередь, с возможным, как им казалось, началом войны США и Великобритании против СССР. Но, хотя отношения между недавни-

ми союзниками по антигитлеровской коалиции стремительно ухудшались и вскоре приняли характер затяжной «холодной войны», вступить в войну «горячую» ни США, ни Великобритания не были настроены (после появления в СССР ядерного оружия).

Партизанская война националистов не могла привести их к военной победе, но могла бы продолжаться достаточно долго, не будь в арсенале властей СССР метода выселения лиц, являвшихся пособниками и питательной средой вооруженных националистических формирований. После проведенных выселений родственников и пособников националистическому подполью его участники лишались снабжения продовольствием, информации о мероприятиях властей, а также притока новых кадров. В 1944–1946 гг. выселения оформлялись решениями Особого совещания при НКВД-МВД СССР. Затем в 1947–1951 гг. был принят ряд постановлений Совета Министров СССР о выселении с территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии членов семей националистов либо просто зажиточного крестьянства, состав-

лявшего классовую базу националистического движения. В результате к 1953 г. на нелегальном положении остались только одиночные боевики.

«В Республиках Прибалтики только в 1941–1950 гг. формированиями националистов было совершено 3 426 вооруженных нападений, в ходе которых погибли 5 155 советских активистов. Органами госбезопасности и войсками было ликвидировано 878 вооруженных групп. В противоповстанческих операциях части внутренних войск НКВД потеряли 533 чел. убитыми и 784 ранеными, потери подразделений Красной Армии составили 42 чел. убитыми и 94 ранеными. Всего внутренние войска НКВД и подразделения Красной Армии потеряли убитыми 575 и ранеными 878 военнослужащих».]

«Всего за 1945–1953 гг. на территории западных областей Украины повстанцы совершили 14 424 диверсионно-террористических акта. За 10 лет (1945–1955 гг.) ими было убито 17 тыс. советских граждан. Только в течение 1948–1955 гг. погибли 329 председателей сельских советов, 231 председатель колхоза, 436 работников райкомов партии,

служащих районных организаций и активистов, а также 50 священников. Всего политические бандиты УПА уничтожили от 30 до 40 тыс. чел.

За весь период борьбы (1940–1956 гг.) с националистическим повстанческим движением в Прибалтике и на территориях присоединенных западных областей Украины внутренние войска НКВД СССР и части Красной Армии безвозвратно потеряли 6 223 чел. (в том числе 5 635 чел. убитыми, 588 чел. пропавшими без вести) и 8 612 чел. ранеными (причем это данные без Белоруссии и без потерь органов НКВД-МВД-НКГБ-МГБ.)

После воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии и вхождения Прибалтики в состав СССР, в результате деятельности поддерживаемых немецкой разведкой националистических элементов, в этих регионах сложилась сложная общественно-политическая и криминальная обстановка. В каждой республике она отличалась значительным своеобразием, что было связано с различными, в том числе и историческими, факторами. Наиболее сложной была обстановка на Западной Украине.

Украина

В IX — начале XII века именно на территории современной Украины располагалось ядро Древнерусского государства. После его распада различные регионы его территории на протяжении длительного времени принадлежали разным государствам. Большая часть этой территории оказалась в подчинении Речи Посполитой. Однако интеграции местного населения в Речи Посполитой не произошло. Социальное расслоение шло, прежде всего, по этническому принципу: с одной стороны, малороссийское крестьянство, с другой — польские земельные магнаты и шляхта. Также сохранялось и конфессиональное разделение между малоруссами, хранившими в массе верность православию, и поляками — католиками. Созданная в 1596 г. Униатская церковь (которая подчинялась папе римскому и признавала основные догматы католической церкви при сохранении православных обрядов) не решила проблемы консолидации. В ходе ос-

вободительной войны 1648–1654 гг. по решению Переяславской рады 1654 г. Левобережная Украина вошла в состав Русского государства.

Длительное раздельное существование восточных славян вызвало определенные различия в социальной психологии и способствовало их этнической дифференциации. Во второй половине XVIII в. Гетманство и казацкие войска были упразднены, официальный статус как крестьян, так и помещиков Левобережной Украины и Великороссии уравнился. В это же время в результате трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) в состав Российской империи вошла и значительная часть Правобережной Украины, получившая официальное название «Юго-Западного края».

В результате тех же разделов Польши часть Западной Украины — Галиция вошла в состав Австрийской империи. Именно в Галиции наиболее интенсивно шло формирование украинского самосознания.

Февральская революция в России способствовала подъему националь-

ного движения на ее окраинах. 4(17) марта 1917 г. в Киеве была создана Центральная Рада. В своем первом универсале 10(23) июня 1917 г. Рада провозгласила автономию Украины, а 16(29) июня создала исполнительный орган — Генеральный секретариат. Однако вскоре Рада пошла на сговор с Временным правительством и во втором универсале 3(16) июля отложила осуществление автономии до созыва Всероссийского учредительного собрания. После Октябрьской революции 7(20) ноября Рада объявила себя верховным органом Украинской Народной Республики в составе России. И только 11(24) января 1918 г. была провозглашена независимость Украины. 27 января (9 февраля) 1918 г. Рада заключила договор с австро-германским блоком, однако германские войска, заняв Украину, 29 апреля разогнали Раду и заменили ее «правительством» гетмана П. П. Скоропадского.

Власть гетмана держалась только на немецких штыках и с поражением Германии в Первой мировой войне

▲ УПА

рухнула. 14 ноября 1918 г. сторонники независимости Украины создали Директорию в составе: председатель В. К. Винниченко (до февраля 1919 г.), головной атаман С. В. Петлюра (с 10 февраля 1919 г. он же стал председателем), П... Андриевский, А. Макаренко, Ф. Швец. В январе-апреле 1919 г. вооруженные силы Директории были разгромлены советскими войсками, а их остатки и сама Директория укрылись в Восточной Галиции и Польше. После заключения 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора между Советской Россией, Советской Украиной и Польшей к последней отошли западные районы Украины. Общая площадь украинских земель, вошедших в состав Польши, составила 162 тыс. квадратных километров, население — 11 млн. человек. В этих районах, главным образом, и развертывалось движение украинских националистов.

Руководили украинскими националистами четыре центра: Украинская военная организация (УВО) в Берлине, Гетманский центр также размещался в Берлине, Петлюровский — в Варшаве, Львове и Луцке, Эсеровско-эсдековский находился в Праге.

Наиболее активна была УВО, однако под влиянием внутренних противоречий она распалась в 1928 г. Уже в 1929 г. бывшие деятели УВО, а также «Украинской националистической молодежи», «Легиона украинских националистов» и «Ассоциации украинской националистической молодежи» образовали Организацию украинских националистов (ОУН).

Борьба украинских националистов против польского господства на Западной Украине велась не только путем пропаганды, но и при помощи террора. Наиболее громким террористическим актом стало убийство в 1934 г. министра внутренних дел Польши Б. Перацкого, который был инициатором создания в стране концлагерей и сторонником решительных мер против украинских националистов. Этот акт был организован Степаном Бандерой, который

▲ У схрона

в 1936 г. вместе с непосредственными исполнителями был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением.

Во главе ОУН стоял бывший командир корпуса «Сичевых стрелцов» Евгений Коновалец. После его убийства в 1938 г. сотрудником НКВД П. А. Судоплатовым ОУН возглавил Андрей Мельник. Его соперником в борьбе за руководство национальным движением стал освободившийся из брестской тюрьмы (после оккупации Польши германскими войсками) Степан Бандера. В результате ОУН раскололась на ОУН-М (во главе с Мельником) и ОУН-Б (во главе с Бандерой), которая называлась также ОУН-Р (ОУН-революционеры).

Неожиданные перемены в судьбу Западной Украины внес советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. В секретном приложении к этому документу (называемому также «пактом Молотова-Риббентропа» по фамилиям подписавших его руководителей внешнеполитических ведомств) предусматривалась передача Восточной Галиции в сферу интересов Советского Союза. 17 сентября 1939 г. части Красной Армии вступили

ли на территорию Польши и через несколько дней дошли до «линии Керзона» — линии, которая была в декабре 1919 г. рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял решение о включении Западной Украины в состав СССР, с воссоединением ее с УССР, а 6 ноября были организованы Управления НКВД по Львовской, Луцкой, Станиславской и Тернопольской областям.

В 1940 г. от Румынии к СССР отошли Северная Буковина и Бессарабия. Северная Буковина была присоединена к Украинской ССР под названием Черновицкая область, а из южной части Бессарабии была образована Аккерманская область УССР (7 декабря переименованная в Измаильскую. Остальная часть Бессарабии вместе с выделенной из Украинской ССР Молдавской АССР составили Молдавскую ССР.

Казалось, мечты украинских националистов о соборности их родины сбываются. Но установленный в этих областях советский строй был враждебен целям ОУН, и она надеялась устранить его с помощью Германии. В Берлине считали ОУН единственным официальным политическим представителем

украинской эмиграции в Германии, и каждый, считавший себя украинцем, должен был зарегистрироваться именно в этой организации.

Количество вооруженных выступлений оуновцев в конце 1939 — начале 1941 г. было относительно невелико. По Волынской области за 1940 г. зарегистрировано 55 «бандпроявлений», при этом убито и ранено 5 работников милиции и 11 человек из советско-партийного актива. Ликвидировано 5 групп с количеством участников 26 человек и 12 отдельных оуновцев. По Львовской области на 29 мая 1940 г. значилось 4 политические банды (численностью 30 человек) и 4 уголовно-политические (27 человек), в Ровенской области политических банд на учете не было (только уголовные), в Тарнопольской 3 уголовно-политические (численностью 10 человек). В Станиславской области с апреля по декабрь 1940 г. ликвидировано 17 вооруженных групп, из них 5 политических (оуновских) и 12 уголовных. За этот период националисты совершили 8 террористических актов над советским активом из местного населения. Начальник

УНКВД по Станиславской области А. Н. Михайлов докладывал: «Действующих вооруженных банд на территории области — нет».

Однако перед началом войны оуновцы активизировались. В апреле 1941 г. было зарегистрировано 47 террористических актов, убито: 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правления колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного советского аппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов. В мае учтено 58 террористических актов, в результате которых убито 57 и ранено 27 человек: председателей и секретарей сельсоветов — 10, председателей колхозов и колхозных активистов — 30, партийно-комсомольских работников — 2, школьно-клубных работников — 9, работников советского аппарата — 7, работников милиции — 4, военнослужащих — 2, членов семей сельского актива —. На 1 мая 1941 г., по данным ОББ ГУМ НКВД СССР, в республике значилось всего 22 бандгруппы с числом участников 105 человек, на 1 июня — 61 с 307 участниками, на 15 июня — 74 и 346 участников. Для борьбы

с ними органы НКВД-НКГБ предлагали использовать политику кнута и пряника. С одной стороны, нарком государственной безопасности УССР П. Я. Мешик просил репрессировать семьи нелегалов, конфисковать имущество, выселить в отдаленные места СССР семьи арестованных оуновцев, а также кулаков, с другой стороны, в директиве УНКВД и УНКГБ УССР по Ровенской области от 28 апреля 1941 г. предписывалось «впредь подвергать аресту только руководящий состав и актив оуновцев. Низовку не арестовывать, так как они в своем большинстве являются бедняками» и давались обещания не преследовать явившихся с повинной и добровольно сдавших оружие.

14 мая 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР», согласно которому члены семей — участников украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение или были осуждены к высшей мере наказания, подлежали аресту и направлению в ссылку на посе-

ление в отдаленные районы СССР сроком на 20 лет с конфискацией имущества. Операция была закончена 22 мая. Нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов докладывал И. В. Сталину и В. М. Молотову, что в ряде случаев было оказано вооруженное сопротивление, в ходе которого было убито 7 и ранено 5 нелегалов, всего по семи областям Западной Украины было депортировано 3073 семьи в составе 11329 человек.

Белоруссия

Так же как и Украина, Белоруссия на протяжении нескольких веков находилась под властью Великого княжества Литовского, а затем — Речи Посполитой. В результате разделов Польши 1772, 1793 и 1795 годов ее территория вошла в состав Российской империи.

В феврале 1918 г. немецкие войска захватили большую часть территории Белоруссии. С разрешения оккупантов буржуазно-националистическая Белорусская рада создала «правительство Белорусской республики» во главе с помещиком Скир-

мунтом и в марте 1918 г. объявила об отделении Белоруссии от России, о разрыве с РСФСР и аннулировании декретов Советской власти.

В ноябре — декабре 1918 г. частями Красной Армии при содействии партизан Белоруссия была освобождена от немецких оккупантов. 1 января 1919 г. была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика. Руководство белорусских националистов укрылось в Польше. В 1919 г. они образовали белорусское правительство в изгнании и стали формировать «Белорусскую национальную армию». В 1920–1921 гг. белорусские националистические вооруженные формирования под руководством С. Н. Булак-Балаховича вели активную борьбу с советской властью в Белоруссии.

По Рижскому мирному договору 18 марта 1921 г. Западная Белоруссия с территорией 113 тыс. квадратных километров и населением около 4,6 млн. человек отошла к Польше. Лишь в сентябре 1939 г. Западная Белоруссия была воссоединена с БССР. Приказами НКВД СССР от 2 и 29 ноября 1939 г. были организо-

ваны Управления НКВД по Белостокской, Новогрудской, Пинской, Вилейской и Брест-Литовской областям. Главную угрозу для новой власти представляли польские переселенцы — так называемые «осадники». Органами НКВД в Западной Белоруссии было учтено 3998 семейств осадников, а по Западной Украине — 9436 семейств. Согласно Постановлению СНК СССР от 29 декабря 1939 г. № 2122-617сс они выселялись в отдаленные местности СССР и должны были работать в лесной промышленности.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 2 марта 1940 г. с рассветом 13 апреля 1940 г. в западных областях Белорусской ССР органы НКВД приступили к операции по выселению членов семей лиц, содержащихся в лагерях для военнопленных, в тюрьмах, бежавших в разное время за границу, скрывающихся и разыскиваемых — бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, бывших помещиков, фабрикантов, крупных чиновников и участников «контрреволюционных повстанческих и шпионских организаций». Всего подлежало выселению 8639 семей, с общим числом членов 29699, по данным НКВД БССР, репрессировано 8055 семей, общим количеством 26777 человек.

Численность перешедших на нелегальное положение была невелика, а террористические акты носили характер самообороны или мести конкретным лицам. При этом в донесениях НКВД говорится о сочувствии местного кулацкого населения нелегалам. По данным ОББ ГУМ НКВД СССР, на 1 мая 1941 г. в Белоруссии значилась только 1 бандгруппа, на 15 июня — 13, с 67 участниками.

Накануне войны в западных областях Белоруссии было проведено изъятие активных участников и членов семей националистических организаций. В основном проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР по этому вопросу повторял аналогичный документ по Западной Украине. Но имелись и некоторые отличия.

Во-первых, речь шла только о польских националистах, хотя органы государственной безопасности выявили и разрабатывали немало белорусских националистических организаций. Впрочем, как видно из спецсообщения наркома внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавы секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко, арестованы были руководители и члены «различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских контрреволюционных организаций».

Во-вторых, речь шла не только о семьях перешедших на нелегальное положение и осужденных к ВМН националистов, но и бывших польских офицеров, жандармов, полицейских, охранников и чиновников, бежавших за границу. Итоги этой операции были представлены наркомом государственной безопасности БССР Л.Ф. Цанавой 21 июня 1941 г.:

Впрочем, не всех выселенных и погруженных в эшелоны удалось вывезти. В связи с начавшейся войной и быстрым продвижением немецких войск 5 эшелонов не успели выехать в глубь СССР: из трех эше-

лонов спецпереселенцы были выпущены конвоем после немецких бомбардировок и разрушения путей, судьба двух эшелонов осталась неизвестной. Полученная по эшелонным данным, оценка от 20397 до 21 тыс. человек представляется более достоверной, нежели приводимая по учетам мест расселения (24266 человек).

Литва

В 1240 г. образовалось раннефеодальное государство — Великое княжество Литовское. На протяжении свыше 200 лет ему пришлось вести упорную борьбу с агрессивией немецких рыцарей, которым удалось в 1230–1283 гг. захватить земли пруссов и западных литовцев. Однако разгром рыцарей-крестоносцев в 1236 г. под Сауле (Шяуляем) и в 1260 г. при озере Дурбе приостановил захваты литовских земель.

В то же время, используя феодальную раздробленность и ослабление русских княжеств после монголо-татарских завоеваний, литовские князья стали присоединять белорусские, украинские и рус-

ские земли. В условиях внутренней борьбы и войны с крестоносцами между Литвой и Польшей в 1385 г. была заключена Кревская уния, а в 1387 г. Литва (за исключением Жемайтии) приняла католичество. В 1413 г. католичество распространилось и на Жемайтию. Объединенные силы Литвы и Польши 15 июля 1410 г. разбили рыцарей Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве, после чего орден был вынужден прекратить агрессию против литовских земель (однако сохранил под своей властью Клайпедский край). В 1435 г. при Свенте (Швянтойи) были разбиты и войска Ливонского ордена.

С возникновением централизованного Русского государства русские земли, захваченные Литвой, стали тяготеть к Москве. Попытки литовских феодалов удержать эти земли и завоевать новые привели к неудачным войнам с Россией в конце XV-начале XVI в., в результате которых территория Великого княжества Литовского значительно сократилась. В 1558–1583 гг. Литва втянулась в неудачную войну с Русским государст-

вом за Ливонию. В ходе ее литовские феодалы склонились к необходимости более тесного объединения с Польшей. В 1569 г. была заключена Люблинская уния, по которой Польша и Литва соединились в единое государство — Речь Посполитую. Литва сохранила значительную автономию: особое законодательство и суды, высшие административные должности, государственную казну и войско, однако ее суверенитет был сильно ограничен.

Вследствие трех разделов Речи Посполитой большая часть этнографической территории Литвы вошла в состав Российской империи.

В ходе Первой мировой войны территория Литвы была оккупирована германскими войсками. Созданный под их контролем в сентябре 1917 г. Литовский совет (Тариба) 11(24) декабря 1917 г. выступил с декларацией, в которой высказывался «за вечную, прочную связь с Германской империей; эта связь должна осуществляться на основе военной конвенции, общих путей сообщения

и на основе общей таможенной и валютной систем»

8 декабря 1918 г. в Вильнюсе было создано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с В.С. Мицкявичюсом-Капсукасом. 18–20 февраля 1919 г. в Вильнюсе состоялся 1-й съезд Советов Литвы, который признал необходимым объединение Литвы и Белоруссии в единую Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Формально она просуществовала до июля 1920 г., но уже к августу 1919 г. юго-восточные районы Литвы были оккупированы польскими войсками, а на остальной территории установилась власть буржуазных националистов. В течение 1919–1920 гг. между польскими и литовскими войсками неоднократно происходили военные столкновения. Главным предметом спора был Вильнюсский край, где проживало много поляков. В итоге эта территория была официально включена в состав Польши, что привело к разрыву дипломатических

и экономических отношений между Польшей и Литвой. Не удивительно, что Литва активно поддерживала все антипольские национальные движения, в частности украинскую националистическую организацию Е. Коновальца.

В мае 1920 г. в Каунасе был созван Учредительный сейм, который принял конституцию, объявившую Литву парламентарной республикой. 17 декабря 1926 г. лидер партии «Таутининкай саюнга» (Союз националистов) А. Сметона совершил военный переворот. Сейм был распущен, фактически вся власть сосредоточилась в руках президента. Правда, в 1936 г. был избран новый сейм, но при этом были запрещены все партии, кроме правительственной. В лице военизированной организации «Шаулю саюнга» («Союз стрелков») правительство Сметоны обладало не только политической, но и вооруженной поддержкой.

В марте 1939 г. фашистская Германия захватила порт Клайпеду и Клайпедский край. Согласно под-

▲ Литовские лесные братья и сестры

писанному 23 августа пакту Молотова-Риббентропа Литва отошла в сферу влияния Германии. Но по договору от 28 сентября того же года Германия и СССР произвели уточнение сфер влияния, теперь Литва (кроме Клайпеды) оказалась в советской сфере.

10 октября 1939 г. был подписан советско-литовский договор. С одной стороны, по нему Литве был передан Вильнюсский край, освобожденный Красной Армией в сентябре от польской оккупации, с другой стороны — в Литве были размещены гарнизоны советских войск.

14 июня 1940 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов передал литовскому министру иностранных дел Ю. Урбшису заявление советского правительства, в котором, после обвинений литовского правительства в нару-

шении Договора о взаимопомощи (в том числе в похищении советских военнослужащих), выдвигались следующие требования:

«1. Чтобы немедленно были преданы суду министр внутренних дел г. Скучас и начальник департамента политической полиции г. Повилайтис, как прямые виновники провокационных действий против советского гарнизона в Литве.

2. Чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

3. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы...».

15 июня в страну были введены дополнительные контингенты советских войск. А. Сметона бежал в Германию. 17 июня было образовано «Народное правительство».

Собравшийся 21 июля новый, Народный сейм, провозгласил Литву советской социалистической республикой и обратился к Верховному Совету СССР с просьбой о принятии Литвы в состав Советского Союза. Осенью этого же года в Литве начались глубокие социально-экономические преобразования — экспроприация капиталистической частной собственности, сокращение крупных земельных владений и передача излишков земли батракам и мало-земельным крестьянам. 31 августа 1940 г. был образован народный комиссариат внутренних дел Литовской ССР.

Таутиники и другие националисты ушли в глубокое подполье. Первое время число их вооруженных выступлений было невелико. Однако накануне войны количество антисоветских групп и вооруженных выступлений значительно возросло, советские власти наметили очистить территорию Литвы (как и другие недавно вошедшие в состав СССР земли) от всех, кого они считали своими врагами.

В докладной записке НКГБ Литовской ССР от 12 мая 1941 г. говорилось: «...За последние месяцы в республике значительно растет активная враждебная деятельность. Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов...»

В силу этого считали бы необходимым приступить к аресту и принудительному выселению из Литовской ССР наиболее активных категорий лиц:

— Государственный буржуазный аппарат: чиновники государственной безопасности и криминальной полиции; командный состав полиции; административный персонал тюрем; работники судов и прокуратуры, проявившие себя в борьбе с революционным движением; офицеры 2-го Отдела Генштаба Литовской армии;

видные государственные чиновники; уездные начальники и коменданты.

— Контрреволюционные партии: троцкисты; активные эсеры; активные меньшевики; провокаторы охраны (по данным литовской охраны, по этим категориям числится 963 человека).

— Литовская националистическая контрреволюция: (считаем необходимым подвергнуть аресту только руководящий состав наиболее реакционных фашиствующих партий и организаций) таутиников; яуноилиетува (молодые таутиники); вольдемаристы (фашистская организация германской ориентации — всех); руководящий состав „Шаулю Саюнга“ (от командиров взводов и выше) (по статистическим данным, бывшей литовской буржуазной прессы руководящего состава насчитывается более 10 тысяч человек).

— Фабриканты и купцы Литвы: фабриканты, годовой доход коих свыше 150 тыс. лит; крупные домовладельцы, недвижимость коих оценивалась более 200 тыс. лит; купцы,

годовой оборот коих свыше 150 тыс. лит; банкиры, акционеры, биржевики (по данным бывшего Министерства финансов Литвы, по таким категориям числится 1094 человека).

— Русские белоэмигрантские формирования: Российский фашистский союз; Российский общевойсковой союз; младороссы; все офицеры белых армий, контрразведок и карательных органов (по учетам литовской охраны по этим категориям числится 387 человек).

— Лица, подозрительные по шпионажу: уголовный и бандитский элемент — более 1 тысячи человек; проститутки и притоносодержатели — более 500 человек».

В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г. в Литве была проведена операция по изъятию «антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Вначале она планировалась на 12 июня, но так как в этот день в Литве отмечается большой религиозный праздник, операцию провели 13–14 июня. Было арестова-

но 5664 и выселено 10187 человек, в том числе: активные члены националистических и белогвардейских организаций и члены их семей: арестовано — 1877, выселено — 4277; бывшие охранники, жандармы, руководящий состав полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имелись компрометирующие материалы, и члены их семей: арестовано — 617, выселено — 1266; бывшие крупные помещики, фабриканты и чиновники государственного аппарата и члены их семей: арестовано — 1122, выселено 2560; бывшие офицеры литовской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы, и члены их семей: арестовано — 104, выселено 176; члены семей участников контрреволюционных организаций, которые были осуждены к ВМН: арестовано — 27, выселено — 64; лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, записавшиеся на репатриацию в Германию и не уехавшие по различным

▲ Лесные братья

причинам, в отношении которых имелись компрометирующие материалы: арестовано — 66, выселено — 99; беженцы из Польши: арестовано — 337, выселено — 1330; военнослужащие армейских территориальных корпусов: арестовано — 285; проститутки: выселено — 395; уголовный элемент: арестовано — 1229.

Однако «эшелонные» данные существенно отличаются от этих цифр. Согласно им в ссылку было направлено 12838 человек, в лагеря военнопленных — 3425, непосредственно в ИТЛ — 1238 (уголовники).

Латвия

В конце XII–XIII веках Прибалтика стала объектом Крестовых походов немецкого рыцарства и немецких купцов при поддержке католической церкви. В результате территория Латвии и Эстонии до конца XVI века попала под власть Ливонского ордена. Латышей и немцев в Ливонии разделяли как социальные, так и политические барьеры. Помещиками были потомки рыцарей-кре-

стоносцев, а большинство латышского населения, крестьяне, к концу XVI века превратились в крепостных. В городах латыши также принадлежали к низшим слоям населения, их не принимали в гильдии, они не имели права создавать ремесленные цехи и приобретать недвижимость.

В 1558 г. русский царь Иван Грозный вторгся на территорию Ливонии, пытаясь заполучить выход к Балтийскому морю. Ливонский орден был разгромлен, однако его магистр и рыцарство, а также Рижский архиепископ предпочли подчиниться не русскому, а польскому королю. В итоге образовались Курляндское и Пардаугавское герцогства, находившиеся в вассальной зависимости от Речи Посполитой. В борьбу за господство на восточном побережье Балтийского моря включилась также Швеция, которая после войны с Польшей овладела в 1629 г. всей Видземе.

Новую попытку обеспечить для России выход к Балтийскому морю предпринял Петр I. После долгой и упорной Северной войны, в результате Ништадтского мира 1721 г.

часть современной Латвии вошла в состав России. После первого раздела Польши в 1772 г. к России была присоединена Латгале, а после раздела 1795 г. — и Курляндия.

В феврале 1918 г. вся территория Латвии была захвачена германскими войсками. После поражения Германии, 18 ноября 1918 г., было сформировано временное буржуазное правительство во главе с К. Улманисом (в российской историографии его фамилию обычно транскрибируют как Ульманис).

Правительство Советской России воспользовалось поражением Германии и аннулировало 13 ноября 1918 г. Брестский договор. 4 декабря 1918 г. было образовано советское правительство Латвии (председатель — П.И. Стучка). 3 января 1919 г. его войска вошли в Ригу, а к концу января они заняли всю территорию Латвии, кроме Лиепаи с окрестностями. Помощь временному правительству Улманиса оказывала Германия. Из Берлина в Курземе была передислоцирована 1-я гвардейская дивизия, командование Балтийским ландесвером (сформированным

в основном из балтийских немцев) и «железной дивизией» (составленной из бывших солдат германской армии) приняли немецкие офицеры. Главнокомандующим всеми немецкими вооруженными силами в Курземе и Северной Литве, а также губернатором Лиепаи в начале февраля был назначен «политический генерал» Рюдигер фон дер Гольц, которому удалось стабилизировать ситуацию и перейти в успешное наступление. Причем главная роль в военных действиях принадлежала регулярным немецким частям. В январе 1920 г. при поддержке Польши части Красной Армии были вытеснены из Латгале. Еще во время последних боев начались мирные переговоры между Советской Россией и Латвией, которые завершились 30 января подписанием мирного договора. Советская власть в Латвии была ликвидирована.

В мае 1934 г. К Улманис установил в стране режим диктатуры. Ее вооруженную опору представляли отряды айзсаргов — фактически 40-тысячная территориальная армия, составленная из зажиточных крестьян и городской буржуазии.

В обстановке начавшейся Второй мировой войны и состоявшегося раздела «сфер влияния» между Германией и СССР правительство Улманиса вынуждено было 5 октября 1939 г. подписать пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией. По этому договору Советский Союз получил право иметь в Лиепае и Вентспилсе базу военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации, а также соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилс и Питрагс. На отведенных под аэродромы и базы участках размещались гарнизоны общей численностью до двадцати пяти тысяч человек.

16 июня В. М. Молотов вызвал латвийского посланника Ф. Коциньша и огласил заявление советского правительства. В отличие от заявления, переданного накануне правительству Литвы, в нем не говорилось о похищении советских военнослужащих. Единственным «не только недопу-

стимым и нетерпимым, но и глубоко опасным, угрожающим безопасности границ СССР» поступком правительства Латвии считалось то, что оно не только не ликвидировало созданный еще до заключения советско-латвийского Пакта о взаимопомощи военный союз с Эстонией, но и расширило его, пригласив в этот союз Литву. Не содержал этот документ и требований предания суду конкретных лиц, но главные требования были аналогичны — формирование нового правительства и допуск в Латвию дополнительных советских воинских частей. Беседа Молотова с Коциньшем продолжалась с 14 часов до 14 часов 23 минут, а ответ латвийское правительство должно было дать уже к 11 часам ночи того же дня! Впрочем, оно успело сообщить о своей отставке уже в 22 часа 40 минут.

На смену ему пришло Народное правительство во главе с профессором А. Кирхенштейном.

21 июля 1940 г. на своем первом заседании Народный сейм Латвии принял декларацию о восстановлении советской власти и обратился в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии Советской Латвии в СССР. Просьба, естественно, была удовлетворена. 29 августа был организован Народный комиссариат внутренних дел Латвийской ССР.

Накануне войны с целью очистки Латвии от враждебного и антисоветского элемента, 14 июня 1941 г. советские власти провели его выселение. Согласно докладу НКГБ СССР В. Н. Меркулова И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берия было арестовано 5625 и выселено 9546 человек (док. №15). «Эшелонная» оценка дает несколько большие цифры: 10396 ссыльнопоселенцев, 5921 человек направлен в лагеря военнопленных и 583 — в исправительно-трудовые лагеря.

Эстония

В 1238 г. северная эстонская земля Рявала, слившаяся с Харьюмаа и Вирумаа, была захвачена Данией, а остальная территория — Ливон-

ским орденом. Некоторые представители зарождающейся эстонской феодальной знати были уничтожены, другие попали в вассалы и вскоре онемечились. Крестьянство неоднократно восставало против захватчиков, но эти восстания были подавлены.

В 1346 г. король Дании продал Харьюмаа и Вирумаа Тевтонскому ордену, а тот, в свою очередь, через год перепродал эти земли Ливонскому ордену. В 1558 г. Русское государство начало Ливонскую войну и скоро заняло Восточную Эстонию. Немецкие феодалы искали военной помощи у Дании, Швеции и Речи Посполитой. В результате Ливонский орден в 1562 г. прекратил существование, а территория Эстонии была к 1583 г. разделена между 3 государствами: Северная Эстония отошла к Швеции, Южная — к Речи Посполитой, о. Сааремаа — к Дании. После изнурительных польско-шведских войн 1600–1611 и 1617–1629 г. Швеция завоевала всю материковую Эстонию. Войны, эпидемии и голод сократили население Эстонии примерно на 65 % (до Ливонской войны оно составляло 250–280 тыс., в 1625 г. — ок. 100 тыс.). В 1645 г. к Швеции отошел и о. Сааремаа.

В ходе Северной войны 1700–1721 гг. между Россией и Швецией территория Эстонии стала районом военных действий. К 1710 г. вся Эстония была освобождена от шведских войск, а по Ништадтскому мирному договору 1721 г. официально вошла в состав Российской империи. При этом царские власти сохранили привилегии немецкого дворянства, в руках которого сосредоточилась административная, судебная и полицейская власть.

В феврале-марте 1918 г. территория Эстонии была оккупирована немецкими войсками. В обстановке военного поражения Германии 11 ноября 1918 г. возникло буржуазное временное правительство Эстонии (премьер К. Пяте). 29 ноября в Нарве была провозглашена Эстонская Советская Республика, названная Эстляндской трудовой коммуной. Однако ее существование оказалось

▲ Ликвидированные политические бандиты

кратковременным. Уже к февралю 1919 г. части Красной Армии были вытеснены с территории Эстонии.

19 мая Учредительное собрание провозгласило создание буржуазной Эстонской республики. Ее власти активно поддерживали русских белогвардейцев, Северный корпус которых в декабре 1918 — мае 1919 гг. находился в подчинении главнокомандующего вооруженными силами Эстонии. В свою очередь, правительство Северо-Западной области России, созданное 11 августа 1919 г. в Ревеле (Таллине), признало независимость Эстонии. Впрочем, само это правительство полностью зависело от поддержки стран Антанты и Эстонии, на территории которой размещалось. К концу 1919 г. белые войска генерала Н. Н. Юденича были разгромлены Красной Армией, и 2 февраля 1920 г. Эстония первой из буржуазных государств подписала мирный договор с РСФСР.

12 марта 1934 г. лидеры Объединения аграриев К. Пяте и И. Лайдонер осуществили государственный переворот и захватили власть. Осенью 1934 г. был распущен парламент, а в 1935 г. — все политические партии. Вместо них создана партия «Измаа-лийт» («Отечественный союз»). В апреле 1938 г. К. Пяте был избран президентом.

Во второй половине 30-х гг. в Эстонии возросло влияние фашистской Германии. Германия вышла на 1-е место во внешней торговле Эстонии, германские концерны установили контроль над сланцевой, целлюлозной и фосфоритной промышленностью. Однако по советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. Эстония попала в сферу влияния СССР. По пакту о взаимопомощи между СССР и Эстонией от 28 сентября 1939 г. Советский Союз получил право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов. Согласно конфиденциальному протоколу численность советских гарнизонов могла достигать 25 тысяч человек.

16 июня 1940 г. Председатель Совета Народных Комиссаров и одновременно нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов вызвал в 14 часов 30 минут эстонского посланника Рея и вручил ему заявление советского правительства, полностью аналогичное тому, которое он несколькими минутами ранее передал посланнику Латвии. От Эстонии требовалось до 12 часов ночи дать согласие на формирование нового правительства и пропуск на свою территорию дополнительных со-

ветских воинских частей. Рей что-то хотел спросить и уже начал со слов «нельзя ли...», но Молотов прервал заявлением, что нет, нет.

Было сформировано Народное правительство во главе с И. Варесом. Избранная 14–15 июля новая Государственная дума приняла 21 июля декларацию о восстановлении советской власти и провозглашении Эстонии Советской Социалистической Республикой, 22 июля — о вступлении Эстонии в состав СССР. 29 августа 1940 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел Эстонской ССР.

После установления Советской власти многие члены буржуазно-националистической организации «Кайтселиит» (Союз обороны) скрылись в лесах, на отдаленных и глухих хуторах. С течением времени из этих лиц сформировались отряды «Метсавеннад» («Лесные братья»), начавшие вооруженную борьбу с Советской властью.

В результате операции по ликвидации «антисоветских элементов» в июне 1941 г. в Эстонии согласно докладу НКГБ СССР было арестовано 3173 и выселено 5978 человек. По «эшелонным» данным, число ссыльнопоселенцев достигало 6328 человек, а направленных в лагерь военнопленных — 3688. ■

БОЕВОЙ ШТУРМАН

Отечественная военная история показывает, что укрепление обороноспособности государства находится в тесной взаимосвязи с реализацией обоснованной военно-кадровой политики, повышением уровня боевой готовности и боеспособности нашей Армии и нашего Военно-Морского Флота.

Изучение истории формирования офицерского корпуса, деятельного служения его выдающихся представителей позволит современным военным руководителям в определенной степени избежать повторения ошибок прошлого и уверенно идти проторенными путями, проложенными нашими предками.

Объективный системный анализ кадровых составляющих военной политики государства на различных этапах исторического развития ак-

туально значим не только в оценке прошлого, но и для определения перспектив развития Вооруженных сил Российской Федерации.

В силу специфики своей деятельности кадровые органы никогда не были на виду. Скромно и незаметно они занимались очень важной для войск деятельностью, поэтому и мнение о них сложилось как о структурах, выполняющих канцелярскую работу, связанную преимущественно с подготовкой различных документов. Истине это соответствует лишь отчасти, поскольку главное в кадровой работе — люди.

Кадровая работа в силу своей специфики относится к числу приоритетных аспектов военного управления. Именно кадровые органы помогают командирам и начальникам в принятии оптимальных решений

по подбору и расстановке военнослужащих на различные воинские должности. Какой человек будет занимать тот или иной пост в войсках, зависит боевая готовность, обученность личного состава, воинская дисциплина, состояние вооружения и военной техники, решение хозяйственных, жилищных и иных вопросов. Вот почему кадровый вопрос всегда остается в ряду наиважнейших. Именно военные профессионалы являются носителями военных знаний, боевого опыта, воинских традиций и обычаев — словом, духа армии.

Специалистов кадровых органов всегда отличало оперативное, тщательное и всестороннее рассмотрение профессиональной компетенции, когда выполнение служебных задач с неизменно высоким результатом является делом чести для каждого.

▲ Г.А. Немчиков

Одним из таких специалистов, офицеров — кадровиков, отличающимся высоким профессионализмом, обязательностью, пунктуальностью в работе, внимательностью, высокой работоспособностью, цепкой памятью, личной скромностью является Г. А. Немчиков. Генерал-майор авиации, военный штурман 1-го класса, кандидат военных наук, доцент кафедры

управления войсками Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина, участник боевых действий, проведенный в огненном небе Афганистана и на его земле девять лет с 1979 по 1989 год. Как ответственный сотрудник главного кадрового органа Вооруженных сил России Г. А. Немчиков находился в служебных командировках в Германии в 1993 году, в Малайзии в 1999 году,

в Индии в 2000 году. За заслуги перед Отечеством Г. А. Немчиков награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, орденом «Звезда» республики Афганистан и восемнадцатью медалями.

Мы, без ложной скромности, отметим, что «через его кадровые руки» прошла очень большая когорта советских, российских военных авиаторов, занявших высокие посты в соединениях и объединениях Военно-воздушных сил, вплоть до главнокомандующего.

Родился Геннадий Алексеевич 10 июня 1947 года в городе Наро-Фоминск Московской области. Молодой Геннадий Немчиков тянулся к знаниям. В 1970 году закончил Московский лесотехнический институт, получив гражданскую специальность инженера по автоматизации химико-технологических процессов.

В 1974 году закончил Ворошиловградское военное авиационное училище штурманов. В 1982 году закончил Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина. Ему была присвоена военная специальность — командно-штабная, оперативно-тактическая (разведка).

Г. А. Немчиков обладает очень большим опытом командно-штабной работы. С 1970 по 1975 годы он служил в должностях — штурман, штурман экипажа отдельной разведывательной эскадрильи в Белорусском и Туркестанском военных округах. С 1975 по 1978 годы он — начальник штаба — заместитель командира авиационной эскадрильи, старший штурман отдельного разведывательного авиационного полка Туркестанского военного округа (ТуркВО). С 1978 по 1980 годы — старший штурман отдельного вертолетного полка авиации ТуркВО. С 1980 по 1981 годы — начальник штаба — первый заместитель командира отдельного вертолетного полка военно-воздушных сил 40 армии в республике Афганистан. С 1981 по 1985 годы — начальник связи и РТО — старший штурман, на-

чальник штаба — первый заместитель командира отдельного разведывательного авиационного полка ВВС Туркестанского военного округа. С 1985 по 1992 годы Г. А. Немчиков начальник отдела кадров ВВС Туркестанского военного округа, 73 воздушной армии ТуркВО.

В июле 1992 года Г. А. Немчиков назначен начальником отдела кадров ВВС Главного Управления кадров Министерства обороны Российской Федерации. С октября 1992 года по июль 1994 года — заместитель начальника направления ВВС и ПВО Главного Управления подготовки и распределения кадров МО РФ. С июля 1994 по 1996 год — заместитель начальника направления подбора и расстановки кадров ВВС и ПВО Главного Управления кадров и военного образования МО РФ.

В 1996-1998 годах — заместитель начальника Управления кадров ВВС. В 1998-2002 годах — первый заместитель начальника Управления кадров и военного образования ВВС.

В июле 2002 года Г. А. Немчиков уволен из Вооруженных сил РФ в запас по возрасту.

Выйдя на заслуженный отдых, Геннадий Алексеевич сразу же включился в активную работу на оборонных предприятиях. Он заместитель Генерального директора ОАО АМНТК «Союз» по персоналу и по совместительству — доцент кафедры управления войсками Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина; заместитель Генерального директора ОАО «Балашихинский литейно-механический завод» по кадрам, режиму и общим вопросам; заместитель директора

НТЦ им. А. Люльки ОАО «НПО «Сатурн» по развитию персонала; заместитель Генерального директора аудиторско-консультационной группы «РБС развитие бизнес систем» — человеческие ресурсы; заместитель директора по персоналу ОАО «Сатурн — Газовые турбины».

Г. А. Немчиков занимает активную жизненную позицию. Он член Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», член Комитета воинов-интернационалистов СНГ, вице-президент Регионального благотворительного общественного фонда социальной защиты и помощи военнослужащим «Резерв», член Комитета по содействию профессиональному и бизнес-образованию Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. ■

А.Е. ГОЛОВАНОВ,, Главный маршал авиации, командующий Дальней бомбардировочной авиацией в годы Великой Отечественной войны

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ

▲ Голованов А.Е. справа командир 212 отдельного полка дальнебомбардировочной авиации

Хотя я и заснул с твердым убеждением в правильности мыслей, высказанных Смушкевичем, хотя и пришел к заключению, что откладывать такие вопросы в долгий ящик не следует, но нередко ведь бывает и так, что, лежа в постели и размышляя в ночной тишине, думаешь решить тот или иной вопрос по одному, и все кажется ясно и просто, а проснувшись и вспомнив свои ночные бдения, приходишь к выво-

ду, что мечтать, лежа в постели, куда проще, чем осуществлять эти мечты. Так случилось и со мной.

Честно говоря, ни наутро после той новогодней ночи, ни на другой день я ничего И.В. Сталину не написал. Более того, разговор с Яковом Владимировичем стал как-то забываться. Однако еще через день мне позвонили от Смушкевича и спросили, готова ли записка. Смутившись, я стал говорить что-то маловразумительное.

— Когда будет готова ваша записка? — спросил настойчивый голос.

Поколебавшись, я ответил, что записка будет готова завтра.

— Дайте ваш адрес, завтра мы пришлем к вам за ней.

Я назвал свой адрес, повесил трубку и мысленно задал себе вопрос: правильно ли я все это делаю? Ведь я еще не приступил к работе, даже еще не задумывался над содержанием этой, как тогда думал,

▲ Смушкевич Яков Владимирович

злополучной записки. И вот, пожалуйста, обещаю, что завтра она будет готова. Я крепко ругал себя за то, что сразу же категорически не отказался. Однако слово есть слово, завтра есть завтра, оно настанет именно завтра,

а не позже. А слово — это лицо человека, которое в свое время было, как известно, дороже и ценнее любого векселя. Что касается лично меня, то я не помню в своей жизни случая, когда бы не сдержал данного слова, хотя не раз бывало, что, выполняя то или иное обещание, я искренне об этом жалел. Так и на этот раз. Отложив все свои дела, я взял лист бумаги, карандаш, сел за письменный стол и быстро, уверенно, впервые в жизни написал: «Товарищ Сталин!»

И это было все. Оказалось, что дальше писать мне нечего, к составлению столь ответственного документа я был совершенно не подготовлен.

Написать записку так, как говорил мне Смушкевич, я не имел никакого права, ибо не знал, да и не мог знать истинного положения вещей. Сослаться на Смушкевича и предложить свои услуги было глупо. Шли часы, а на листе бумаги передо мной по-прежнему были только два слова: «Товарищ Сталин» — и восклицательный знак. Бесчисленное множе-

ство различных вариантов мелькало в моей голове, но все они тотчас отбрасывались, браковались, даже не попадая на бумагу. Все же чем больше я думал над самой сутью вопроса, тем все увереннее приходил к заключению, что Смушкевич прав. Но как изложить все, чтобы, с одной стороны, сказать сущую правду, а с другой — не очернить напрасно людей, которые на этом деле стоят? Как предложить свои знания и некоторый опыт, чтобы не прослыть болтуном и пустомелей? Мои размышления прервал телефонный звонок. Сообщили, что завтра утром нужно вылететь в Урумчи, в Западный Синьцзян, везти туда вновь назначенного председателя Советско-китайского авиационного общества А.С. Горюнова, помощника начальника Аэрофлота. Мысль заработала быстрее: времени оставалось совсем немного.

Просидев у письменного стола всю ночь, много раз черкая и перечеркивая слова и целые фразы, я, в конце концов, написал следующее:

«Товарищ Сталин! С каждым днем диктуется все большая необходимость иметь такую авиацию, которая могла бы работать почти в любых условиях погоды и времени суток и точно прилетать и бомбить те цели, которые ей указаны.»

Настоящая европейская война показывает, какую огромную роль играет авиация и натренированность и подготовленность личного состава, умеющего пользоваться всеми новейшими средствами навигации. Радионавигация, слепой полет, ночной полет и слепая посадка обязаны стать основами военной авиации. Наш военно-воздушный флот располагает огромным количеством самолетов и личного состава. Операции как в Монголии, так и против белофиннов показали явное боевое преимущество нашего летного состава как по личным качествам, так и по количеству материальной части и скорости ее приспособляемости. Но в то время ни в первом, ни во втором случае нам не приходилось заниматься дальними бомбардировочными полетами в глубь территории противника. В предстоящей войне от полетов дальних бомбардировщиков в глубокие тылы противника и их успешной деятельности по дезорганизации этих тылов путем разрушения объектов промышленности, транспорта, стратегических дорог, боепитания и т. д. и т. п. будут в большой степени зависеть успехи операций на передней линии фронта и разгром противника. Совершенно естественно, что рассчитывать на хорошую погоду во время таких полетов нельзя, а ставить успех этих полетов от метеорологических условий невозможно. И здесь во всю ширь встанет вопрос о подготовленности летного состава летать вслепую, ночью и умение пользоваться радионавигацией. От этого по существу и будет зависеть успех полета. Надо прямо сказать, что радионавигация имеет весьма слабое развитие у нас в ВВС, а без нее и без ночных и слепых полетов нельзя рассчитывать на обеспеченный успех. Еще в начале войны с белофиннами, когда стояла большой промежуток времени плохая погода, мной была выдвинута идея полетов в тылы белофиннов для разбрасывания листовок и лидирования бомбардировщиков к целям, намеченным для бомбардировки, используя радионавигацию. Этот план докладывался Вам, и после Вашего одобрения мы приступили к его выполнению. Так как наш самолет не имел никакого вооружения, летали мы только в плохую погоду, пользуясь исключительно радионавигацией и вслепую. Много полетов было проведено нами по тылам белофиннов вплоть до Ботнического залива как днем, так и ночью. Много тонн листовок, а также и десанты выбрасывались нами в точно намеченных местах, несмотря на то что полеты к целям проводились вне видимости земли. Радионавигация блестяще

себя оправдала. Будучи на приеме у тов. Жданова я просил, чтобы нам были приданы бомбардировщики для вождения на цели. Тов. Жданов дал задание проработать этот вопрос, но он так и остался нерешенным, и вторая часть задачи осталась невыполненной, а серьезная возможность неиспользованной. Я здесь хочу подчеркнуть, что полеты англичан в Берлин, Бремен и другие города Германии не являются каким-то особым новшеством, так как подобные же полеты мы проделывали в Финляндии несколько раньше их, пользуясь такими же средствами радионавигации. Мне совершенно ясно, что кадры дальних бомбардировщиков должны быть хорошо подготовлены и оттренированы, а своевременность этого мероприятия будет решать и успех работы этого вида авиации. Имея достаточный опыт и навыки в этих вопросах, я могу предложить свои знания и взяться за организацию специального соединения в 100–150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым к авиации, и которое летало бы лучше англичан и немцев вместе взятых. Кроме того, это соединение явилось бы источником кадров для дальнейшего увеличения количества подобных соединений. Дело это серьезное и ответственное, но продумав все как следует, я пришел

▲ Голованов Александр Евгеньевич

к твердому убеждению в том, что если мне помогут и дадут полную возможность в организации такого соединения, то создать его можно.

Считая этот вопрос весьма важным для обороны нашего Союза, я решил, товарищ Сталин, обратиться лично к Вам.

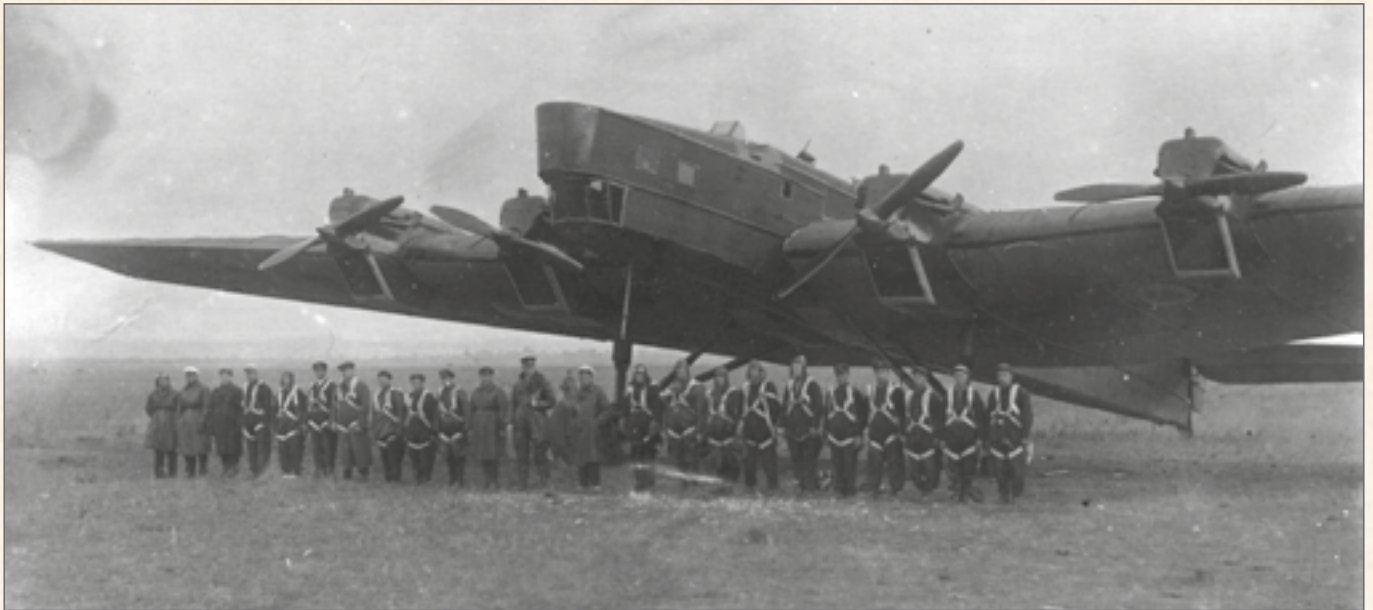
Летчик Голованов. Место работы Аэрофлот. Адрес: Колхозная пл., 1-й Каптельский пер. д.9, кв. 57, тел. И 1-03-48. 2-вм, 15.1.41 г.»

Перечитав несколько раз записку, сложил ее, запечатал в конверт и, не подписав его, оставил на столе. Было пять часов утра. В семь за мной должны были заехать по пути на аэродром. Нужно немного отдохнуть...

Перед отъездом я сказал жене, что, если приедут от Смушкевича за пакетом, пакет на письменном столе.

Ночевали мы в этот день в Актюбинске. Настроение у меня было отличное, оттого что выполнил свою, как я думал, тяжелую обязанность — написал записку, которая к Сталину, конечно, не попадет, а если и попадет, то вряд ли на нее обратят внимание. Поэтому даже своему экипажу — второму пилоту Мише Вагапову и бортмеханику Константину Михайловичу Тамплону, с которыми мы давно вместе летали, — ничего не сказал, хотя все летные дела мы обсуждали и решали сообща. Я был уверен, что с моей запиской все на этом и кончилось, и, прилетев в Алма-Ату, совершенно не придал значения распоряжению началь-

▲ тб-3

ства прервать дальнейший полет и немедленно вернуться в Москву. Такое случалось не раз. Распрощавшись с Горюновым, мы отправились в обратный путь и всю дорогу гадали, строя разные предположения, куда нас занесет судьба на этот раз.

Нужно сказать, что моя работа шеф-пилота Аэрофлота была очень интересной. Это не однообразная жизнь линейного пилота, летающего по одной и той же, как говорят, до единого кустика знакомой и изученной трассе. Неожиданные полеты в разных направлениях, во все концы нашего государства интересны не только в смысле пополнения географических и исторических знаний, но и своей внезапностью, сложностью, резкой сменой климатических и метеорологических условий. Поэтому у нас под рукой всегда были все карты и все маршруты.

Погода от Куйбышева до Москвы была неважная — вторжение теплых воздушных масс, сильное обледенение. Самолеты на трассах не летали.

В Москву прибыли в пять часов вечера. Как обычно, договорились созвониться друг с другом завтра, так как в аэропорту для нас никаких указаний или распоряжений оставлено не было.

Дома я узнал от жены, что днем несколько раз мне звонили от како-

го-то товарища Маленкова и спрашивали, как она думает, прилетим мы сегодня или нет. Жена ответила, что обычно ей, когда мы возвращаемся в Москву, звонят и сообщают, но сейчас она не знает, где мы. Тогда ей сказали, что мы вылетели из Алма-Аты в Москву, но что погода плохая и вряд ли мы прилетим. «Вот большое вам спасибо, — обрадовалась жена, — сейчас буду готовить обед». Ей опять сказали, что торопиться не следует, так как погода плохая. «Ничего, — ответила она, — если уж вылетели, то обязательно будут. Вы позванивайте мне, если муж вам очень нужен. Мне обязательно сообщат, как только он прилетит».

— Вот и сейчас, минут пять назад, был звонок. Оставили номер телефона и сказали, чтобы ты сейчас же позвонил. Говорил со мной Суханов. Что это за товарищи, я никогда не слышала этих фамилий...

По правде сказать, я и сам не знал, что это за товарищи. Решил, что это, видимо, звонят те, которых мы должны куда-то везти. Так и сказал жене.

— Но нам твои пассажиры никогда не звонили!

Новый телефонный звонок решил все наши сомнения.

— Да, да, только что вошел, сейчас возьмет трубку, — ответила жена.

— Товарищ Голованов, говорят из ЦК, помощник товарища Маленкова — Суханов. С вами хотели бы здесь поговорить. Вы можете сейчас приехать?

— Могу. А как мне вас найти?

— Знаете что, вы пока быстро поешьте, а я вызову машину, за вами заедут.

— Хорошо, — ответил я. — Все-го хорошего. И на вопросительный взгляд жены объяснил:

— Ну, теперь все ясно! Не успел сказать тебе, что нас срочно вернули из Алма-Аты. Мы все гадали, куда и с кем лететь. Зря-то с дороги не возвращают. Вот удивится наш экипаж! Ведь Маленков — это секретарь ЦК. Наверно, куда-то собрался лететь.

— Ох уж мне эти полеты, — вздохнула жена. — Свернешь ты когда-нибудь на них шею. Ведь ты не один сейчас. Нужно думать и о семье!

Который раз я слышал эти слова и во время Халхин-Гола, и в финскую, но всегда знал, что Тамара, хоть и много переживает, в душе и сама радуется за меня, за мой экипаж. Всю финскую войну проработала она в госпиталях с ранеными и очень гордилась, когда кто-нибудь из них спрашивал: «А не жена ли вы того летчика Голованова, что вывез

▲ Сталин Иосиф Виссарионович

меня на „Дугласе“?»

Наскоро пообедав, я стал одеваться. И тут же раздался звонок у входной двери: это пришла за мной машина.

По пути в ЦК я размышлял о том, куда придется завтра лететь. Много нам с экипажем пришлось возить ответственных товарищей, и в разные места. Но с секретарями ЦК сталкиваться не доводилось... Обычно наши пассажиры приезжали на аэродром, и никогда мне не приходилось предварительно куда-либо являться. Видимо, предстоит какой-то особо важный полет, и меня вызывают на инструктаж. С этими мыслями вошел я в подъезд, предъявил документы, и мне показали, куда нужно пройти.

Встретившись в приемной с Сухановым, я, не успев даже спросить о цели моего вызова, был проведен в довольно большой кабинет, где за столом, наклонив голову, сидел довольно грузный человек и что-то писал. Горела одна настольная лампа. Суханов зажег свет. В углу кабинета стояли большие часы. Время было 18 часов 30 минут.

— Вот и товарищ Голованов, — сказал Суханов.

— Будем знакомы — Маленков. — Встав из-за стола, он протянул мне руку. — А мы были уверены, что вы сегодня не прилетите! Как погода?

— Погода неважная, — ответил я.

— Ну а как же вы летаете?

— У нас самолет хороший, имеются противообледенители, пользу-

емся радионавигацией, так что в видимости земли для ориентировки не нуждаемся. Если полетим и погода будет плохая, сами убедитесь.

— А у вас все так летают?

— К сожалению, пока нет, но есть товарищи, которые летают и не хуже нас.

— Ну что же, — сказал Маленков, — поедemте. Оденьтесь и заходите ко мне.

Я решил, что, видимо, полетит целая комиссия или большая группа, которой Маленков даст инструктаж перед отлетом, и искренне пожалел, что не придется полетать с секретарем ЦК.

Когда я вернулся, Маленков был уже одет. Лифт спустил нас вниз, мы пересели в машину и поехали. На улицах было темно, я не следил, куда мы едем, завязался разговор о летной работе. Не прошло и пяти минут, как машина остановилась, и я увидел небольшой подъезд, освещенный электрической лампочкой. Мы поднялись на второй этаж, вошли в комнату, где сидели два незнакомых человека. Маленков предложил мне раздеться, разделся сам, сказал мне, чтобы я немного подождал, и пошел в открытую дверь. Бритый наголо, невысокого роста плотный товарищ поинтересовался, не я ли Голованов, тоже спросил, как мы долетели в такую погоду, но тут раздался звонок и он быстро ушел в ту же дверь, затем сразу вернулся и сказал:

— Проходите, пожалуйста.

Я прошел через небольшую комнату и увидел перед собой огромную дубовую дверь. Открыл ее и оказался в кабинете, где слева стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол со многими стульями по обе стороны. Несколько человек сидели, некоторые стояли. На стене висели два больших портрета — Маркса и Энгельса. Впереди у дальней стены стоял дубовый старинный стол, а справа от него — столик с большим количеством телефонов — это все, что я успел заметить, ибо от дальнего стола ко мне шел человек, в котором я сразу узнал Сталина. Сходство с портретами было удивительное, особенно с тем, на котором он был

▲ Берия Лаврентий Павлович

▲ Маленков Георгий
Максимилианович

▲ Молотов Вячеслав Михайлович

изображен в серой тужурке и того же цвета брюках, заправленных в сапоги. В этом костюме он был и сейчас. Только в жизни он оказался несколько худее и меньше ростом.

— Здравствуйте, — сказал Сталин с характерным грузинским акцентом, подходя ко мне и протягивая руку. — Мы видим, что вы действительно настоящий летчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь, — он обвел присутствующих рукой, — ознакомились с вашей запиской, навели о вас справки, что вы за человек. Предложение ваше считаем заслуживающим внимания, а вас считаем подходящим человеком для его выполнения.

Я молчал. Эта совершенно неожиданная встреча всего лишь через несколько считанных дней после того, как я написал записку, ошеломила меня. Конечно, я знал, что на всякое обращение должен быть какой-то ответ, но такой быстрой реакции, да еще лично самого адресата, даже представить не мог. Впоследствии оказалось, что такому стилю работы следовали все руководящие товарищи.

— Ну, что вы скажете?

Сказать мне было нечего. Я совершенно не был готов не только для разговора на эту тему со Сталиным,

но довольно смутно представлял себе и саму организацию дела. Что нужно делать, я, конечно, знал, а вот как все организовать, абсолютно не представлял себе.

Сталин, не торопясь, зашагал по ковру. Возвращаясь назад и поравнявшись со мной, он остановился и спокойно сказал:

— У нас нет, товарищ Голованов, соединений в сто или сто пятьдесят самолетов. У нас есть эскадрильи, полки, дивизии, корпуса, армии. Это называется на военном языке организацией войск. И никакой другой организации придумывать, кажется, не следует.

Говорил Сталин негромко, но четко и ясно, помолчав, опять зашагал по кабинету, о чем-то думая. Я огляделся и увидел за столом ряд известных мне по портретам лиц, среди которых были Молотов, Микоян, Берия, Маршал Советского Союза Тимошенко, которого я знал по финской кампании как военачальника, успешно завершившего боевые действия и ставшего после этого наркомом обороны. Были здесь также маршалы Буденный, Кулик и еще несколько человек, которых я не знал. Видимо, шло обсуждение каких-то военных вопросов. Маршал Тимошенко был в мундире. Не дождавись от меня

ответа, Сталин, обращаясь к присутствующим, спросил:

— Ну, как будем решать вопрос?

Не помню точно, кто именно из присутствовавших предложил организовать армию, другой товарищ внес предложение начинать дело с корпуса. Сталин внимательно слушал и продолжал ходить. Наконец, подойдя ко мне, он спросил:

— Вы гордый человек?

Не поняв смысла вопроса, я ответил, что в обиду себя не дам. Это были первые слова, которые я, в конце концов, произнес.

— Я не об этом вас спрашиваю, — улыбнулся Сталин. — Армия или корпус, — сказал он, обращаясь к присутствовавшим, — задавят человека портянками и всякими видами обеспечения и снабжения, а нам нужны люди, организованные в части и соединения, способные летать в любых условиях. И сразу армию или корпус не создашь. Видимо, было бы целесообразнее начинать с малого, например с полка, но не отдавать его на откуп в состав округа или дивизии. Его нужно непосредственно подчинить центру, внимательно следить за его деятельностью и помогать ему.

Я с удивлением и радостью слушал, что говорит Сталин. Он выска-

▲ Буденный Семен Михайлович

▲ Кулик Григорий Иванович

▲ Тимошенко Семен Константинович

зал и предложил то лучшее, до чего я сам, может быть, не додумался бы, а если бы и додумался, то едва ли высказал, потому что это были действительно особые условия, претендовать на которые я бы никогда не посмел.

Поглядев на меня, Сталин опять улыбнулся: мой явно радостный вид, который я не мог скрыть, говорил сам за себя.

— В этом полку нужно сосредоточить хорошие кадры и примерно через полгода развернуть его в дивизию, а через год — в корпус, через два — в армию. Ну а вы как, согласны с этим? — подходя ко мне, спросил Сталин.

— Полностью, товарищ Сталин!

— Ну, вот вы и заговорили, — он опять улыбнулся. — Кончайте ваше вольное казачество, бросайте ваши полеты, займитесь организацией, дайте нам ваши предложения, и побыстрее. Мы вас скоро вызовем. До свидания.

Ушел я от Сталина как во сне. Все решилось так быстро и так просто.

Выйдя из здания и оглядевшись, я увидел прямо перед собой историческую Кремлевскую стену. Не сразу сориентировался, пришлось спросить, где Спасские ворота. Пошел

домой пешком. На Красной площади услышал бой кремлевских курантов на Спасской башне. Пробило восемь. Прошло три часа с момента прилета в Москву. Всего три часа, а какой поворот в жизни! И, независимо от моей воли, поплыли перед глазами годы — вся жизнь, то счастливая и удачная, то оскалившаяся как хищный голодный волк, готовый проглотить тебя и твою семью...

В сознании мелькали эпизоды прошлого и только что увиденного в Кремле. Я пытался разобраться в своих противоречивых чувствах к Сталину. В моем воображении он был воистину стальным человеком, без души и сердца, который, не останавливаясь ни перед чем, проводил политику индустриализации и коллективизации. И меня окрыляло радостное чувство, что наша страна скоро догонит и перегонит передовые капиталистические страны по техническому оснащению и производству многих видов продукции. Вместе с тем мне казалось, что, сметая с нашего пути все мешающее и сопротивляющееся, Сталин не замечает, как при этом страдает много и таких людей, в верности которых нельзя было сомневаться. Ведь почти не было такой семьи, где не было бы арестованных

или исключенных из партии среди родственников или близких знакомых.

Вспомнилась и моя единственная сестра... Ее муж был оклеветан и расстрелян как «враг народа». Сестра с детьми влачила жалкое существование... Вспомнился и покосившийся на всю жизнь рот моей жены, которую допрашивали в «органах»...

Сам я, как говорят, верой и правдой служил своему народу, и вся моя жизнь была на виду. Уже в 1919 году, мальчишкой, воевал. В 20-е годы был активным работником Нижегородского горкома комсомола, участвовал в борьбе с контрреволюцией и саботажем. Был в частях особого назначения — ЧОНе, затем в известной дивизии им. Дзержинского. Боролся с басмачеством в Средней Азии. В 30-е годы упорно учился летать. Потом работа в Московском управлении ГВФ; учеба в высшей школе летной подготовки в Батайске; выполнение правительственного задания в Каракумах на ТБ-3.

Затем меня назначили в Иркутск начальником Восточно-Сибирского управления ГВФ. Работа шла хорошо; как передовика ГВФ меня по решению ЦК партии послали во Францию знакомиться с системой слепых посадок. Через месяц, возвратившись

с ценным опытом, я начал внедрять его в практику.

Это был 1937 год... Нашлись люди, которые и меня обвинили в связях с «врагами народа». Особенно больно было вспоминать, как в Иркутске меня вызвали на бюро крайкома партии и отобрали партийный билет. Я вынужден был подать жалобу в Центральную контрольную комиссию (ЦКК) нашей партии.

Пока ждал ответа, пережил немало разных тягот и неприятностей. Работы не давали, жили мы впроголодь, и, чтобы содержать семью, пришлось продавать все, что можно было продать.

Лишь благодаря своевременному предупреждению моих товарищей из НКВД, с которыми мне довелось работать в 1925–1930 годах, мне удалось, в прямом смысле этого слова, бежать из Иркутска в Москву и избежать ареста. Общаться со мной в то время избегали. Многие знакомые, встретившись со мной

на улице, заходя переходили на другую сторону.

В конце концов, меня назначили в 27-й отряд тяжелых кораблей, базирующийся в Москве, но подчиненный и входящий в состав Актюбинского управления ГВФ. Начальником этого управления был назначен мой бывший заместитель по Восточно-Сибирскому управлению ГВФ — Чусов, который ряд лет, до самого последнего времени, работал вместе со мной. Получив это назначение, я был уверен, что, в связи с тем, что Чусов меня хорошо знает, мытарства мои закончились. Однако мой оптимизм оказался преждевременным, так как, явившись к командиру отряда Василию Ивановичу Чулкову (кстати, беспартийному товарищу), я узнал от него, что меня, пилота первого класса, назначили к нему в отряд вторым пилотом, чем он был, конечно, удивлен, а на его вопрос: почему так делается, — ему сказали, что я могу улететь за границу. Не веря

этому и хорошо зная меня, он тут же мне обо всем рассказал.

Лишь коллектив летного и технического состава отряда, а в дальнейшем Московского управления ГВФ, куда я был переведен по ходатайству начальника этого управления П. Е. Тимашева, зная меня много лет, оказывал мне моральную поддержку, в которой я тогда так нуждался. Шли месяцы, а запрос ЦКК, посланный в Иркутск, оставался без ответа.

Наконец, уже на повторные запросы пришел ответ, что бюро крайкома исключило меня из партии за то, что начальник одного из аэропортов на реке Лене пьянствовал, растратил какую-то сумму денег и бежал. Здесь же, в ЦКК, оказывается, находились и материалы руководства ГВФ, согласованные с Иркутским крайкомом партии, о представлении меня к ордену Ленина за работу Восточно-Сибирского управления ГВФ... Вот такая неразбериха была в то время. Да я ли один находился в то

▲ Заправка топливом тяжелого бомбардировщика

время в таком положении?! Поистине 37-й год был годом бедствий и несчастий для советского народа.

Все документы мне, конечно, были возвращены, а в постановлении ЦКК в адрес Иркутского крайкома было записано о несерьезном отношении бюро крайкома к судьбам коммунистов.

От предложенной мне тогда руководящей работы я отказался и стал опять рядовым летчиком. Эта профессия, а в моем понимании — искусство, всегда влекла и довлекла надо мной, и где бы я ни находился, никогда не переставал летать. У каждого человека бывает своя страсть!

Довольно быстро я занял свое место в среде ведущего летного состава, стал летать на больших по тому времени пассажирских машинах, потом Халхин-Гол, далее финская и, наконец, шеф-пилотство в Аэрофлоте.

Нити всех бед, как я тогда считал, тянулись к Сталину... Сейчас же я увидел человека, который совсем не соответствовал моему представлению о нем. Наоборот, мне показалось, что это человек, с которым можно говорить, который интересуется твоим мнением, а главное, думает о том же, о чем думаешь и ты, и сам помогает некоторым, вроде меня, выйти из, казалось бы, безвыходного положения, сам подсказывает тебе мысли, которые ты ищешь и не можешь найти. Больше всего меня поразила его осведомленность в вопросах авиации. Понял я и то, что мысли его сосредоточены на неминуемой грядущей войне с фашистской Германией, что пакт пактом, а мы готовимся к обороне... Все это было для меня открытием.

От бушевавшей во мне бури совершенно противоречивых чувств я очнулся только около двери своей квартиры. Привыкшая ко всяким превратностям судьбы и неожиданностям в нашей жизни, жена встретила меня вопрошающе-тревожным взглядом. Не зная, с чего начать, я молча разделся и прошел в комнату. Жена последовала за мной.

— Ну что? Рассказывай, — попросила она.

— Был у Сталина, — тихо сказал я.

— Что?!

Жена, схватившись руками за голову, села, глядя на меня испуганными глазами.

Лишь выслушав подробный рассказ, как меня приняли, что работой моей довольны — хотя взять в армию на серьезное дело — и что Сталин сказал мне: хватит, мол, заниматься вольным казачеством, — жена не знала, то ли ей плакать, то ли радоваться. Высказывала недалекие от истины предположения, что не мог же сам Сталин узнать о каком-то Голованове, что, видимо, и у меня, как говорится, «рыльце в пуху», пускалась на всякие, свойственные женщинам уловки и хитрости, чтобы выведать правду. Но я был нем как рыба и твердил одно: мол, сам страшно удивлен, что вызвали к Сталину, и это была истинная правда.

Потом жена начала взвешивать все «за» и «против» (конечно, со своей, женской, точки зрения) и тоже пришла к выводу, что пора кончать беспокойную жизнь летчика и заняться более фундаментальной, серьезной работой. Этим ее выводом я был очень доволен, потому что она успокоилась и домашняя жизнь как бы вошла в свою обычную колею. Но некоторое время спустя жена вдруг задает мне вопрос:

— А как же твой экипаж? Ты о нем подумал?

ФОРМИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНОГО 212-го

Начинал свою историю Отдельный 212-й дальнебомбардировочный полк.

Обдумав все возможные и невозможные варианты, я пришел к выводу, что сформировать его следует из наиболее опытных летчиков гражданской авиации, то есть уже владеющих методами слепого полета по приборам. Я исходил из того, что если взять военных летчиков, не владеющих этим методом, то подготовить их за полгода к полетам в сложных условиях с использованием всех средств радионавигации вряд ли возможно. Если к тому же учесть, что

через шесть месяцев они должны занять командные должности в будущей дивизии и сами обучать новое пополнение премудростям слепого полета и радионавигации, то это уже совсем исключено.

Через день меня вызвали в Кремль.

— Ну, что надумали? — спросил Сталин, подходя и здороваясь.

Я кратко изложил свои мысли, сказав, что полк нужно формировать из летчиков Гражданского воздушного флота, хорошо владеющих элементами слепого полета, так как срок шесть месяцев весьма мал, а удлинять его, как я понял, не следует.

— Эта мысль неплохая, — заметил Сталин. — Ну а кто же, по-вашему, будет заниматься прокладкой маршрута, бомбометанием, связью?

Я понял, что веду разговор с человеком, который прекрасно разбирается в летных делах и знает, что к чему.

— Ну, хорошо, — продолжал Сталин, — летчик, конечно, основа — главное лицо в экипаже, но ведь один он летать на дальние цели не может! Значит, ему нужны помощники. Есть у вас в Аэрофлоте штурманы? Нет! Есть у вас стрелки-радисты? Тоже нет. Ну, что вы скажете?

Было очевидно, что вопрос о формировании полка мной до конца не продуман. Увлечшись одной, как мне думалось, главной стороной организации полка, совсем забыл о других, не менее важных.

Простота обращения Сталина еще к концу первой встречи с ним сняла у меня внутреннее напряжение. И сейчас тон его разговора не был тоном наставника, который знает больше тебя. Он как бы вслух высказывал свои мысли и советовался со мной.

— Верно, товарищ Сталин, — ответил я. — Я об этом как-то не подумал. А что, если штурманов и радистов взять из ВВС, а летчиков — из ГВФ? Неплохо будет?

— А если командиров эскадрилий и штаб укомплектовать военными товарищами, будет еще лучше, — улыбаясь, добавил Сталин. — Да и заместителя вам нужно взять военного. Вам нужно вплотную заниматься

▲ Поскребышев Александр Николаевич

главным, основным, для чего мы все это затеваем. Остальными делами пусть занимаются ваши помощники.

Слушая Сталина, я понял, что он высказывает мысли, возникшие у него не только что, а значительно раньше нашего разговора.

— Ну, так как? Договорились?

— Договорились, товарищ Сталин, — ответил я, стараясь сохранить серьезность, сдержать улыбку.

— Ну, вот и хорошо! Сейчас мы попросим товарищей из ВВС и ГВФ, посоветуемся с ними и решим этот вопрос.

Он нажал кнопку — вошел А. Н. Поскребышев, как я узнал позже, один из преданнейших Сталину людей.

— Попросите, пожалуйста, приехать Молокова и Рычагова.

Через несколько минут вошли начальник Главного управления ВВС генерал П. В. Рычагов и начальник ГВФ В. С. Молоков. Очень кратко, буквально в нескольких словах (это мог делать только Сталин), он объяснил им причину их вызова. В заключение сказал:

— Встретьтесь с Головановым, обсудите все подробно и дайте совместные предложения. Мы вас скоро вызовем.

▲ Молоков Василий Сергеевич

Когда мы вышли в приемную, генерал Рычагов повернулся ко мне и с сердцем выпалил:

— Много вас тут шляется со всякими предложениями! То Коккинаки, то Голованов, обязательно еще кто-нибудь появится. Откажитесь, пока не поздно, от вашей дурацкой затеи. Все равно у вас ничего не выйдет.

Я понял, что Рычагов хорошо знаком с моей запиской, не согласен с ней, но своего мнения у Сталина не высказал. Почему? Может быть, он и прав. Ему, начальнику Главного управления Военно-Воздушных Сил страны, виднее, что возможно и что невозможно. Но почему он решил сорвать зло на человеке, которого не знает, и в то же время ничего не говорит об этом Сталину?! К сожалению, как мне пришлось убедиться в дальнейшем, Рычагов был не единственным человеком, который, имея свое мнение, может быть и правильное, молчал и согласно кивал головой или даже говорил «правильно». А сам был в корне не согласен... Почему?

Но об этом в свое время.

После этого посещения Кремля закипела практическая работа по формированию полка. Из ВВС были выделены товарищи для отбора шестидесяти летчиков гражданской авиации.

▲ Рычагов Павел Васильевич

Меня принял заместитель начальника Главного управления ВВС генерал И. И. Проскуров, который был уже в курсе всех дел. К моему удивлению, он искренне одобрил мою записку, но сказал, что мне придется довольно трудно с организацией такой части, на особую поддержку рассчитывать нечего — только на свою энергию.

Генерал Проскуров оказался человеком высокообразованным не только в техническом отношении, но в самом широком смысле этого слова. И он прямо высказывал свое мнение по каждому обсуждаемому вопросу, хотя оно могло и не соответствовать мнению вышестоящих начальников. Это был первый человек, который высказывал свое мнение у Сталина в моем присутствии. За несколько встреч Проскуров детально ввел меня в курс дел и жизни дальнебомбардировочной авиации, рассказал о ее структуре и боевой подготовке, дал характеристику всех командиров корпусов, из которых выделил как лучшего организатора и методиста полковника Н. С. Скрипко, ныне маршала авиации. А как наиболее слабого — полковника В. А. Судец, ныне также маршала авиации.

▲ Проскуров Иван Иосифович

Мне предложили ознакомиться с программами ночных и слепых полетов, слепой посадки и дать по ним свое заключение. Оказалось, что программы были составлены хорошо и вполне соответствовали вводу в строй летного состава. Но на том дело практически и кончалось. Введенный в строй по этим программам летчик не имел систематических тренировок в слепых полетах и, естественно, терял приобретенные качества. Без тренировок, при перерыве хотя бы в месяц, утрачивали навык слепых полетов и посадок даже весьма опытные летчики. Для тех же, кто имел за плечами всего двадцать часов полетов вслепую, вопрос систематических тренировок приобретал особо важное значение, в противном случае возникала прямая опасность как для них самих, так и для самолетов. Что же касается радионавигации, то ее включили в программу как предмет второстепенный, попутный. Это нужно было исправить, и поскорей.

В своем письменном заключении по этим вопросам, переданном генералу Проскурову, я отметил в качестве основных два момента: необходимость систематических тренировок в слепых полетах и выделения в спе-

▲ Скрипко Николай Семенович

циальный раздел программы радионавигации, без которой немислимы дальние полеты и, которая в конечном счете будет решать их успех.

«Дальнебомбардировочная авиация, — подчеркнул я, — есть особая авиация, в подготовке летного состава имеющая мало схожего с другими видами авиации. Сказать точнее, в знании летного дела летчик ДБА должен быть на голову выше летчиков других видов авиации.

Дальнебомбардировочная авиация в некоторых государствах выделена даже в совершенно самостоятельную авиацию».

Я упомянул об этом лишь для того, чтобы подкрепить свои предложения о введении тренировок как в слепых и ночных полетах, так и по всем средствам радионавигации для летчиков дальнебомбардировочной авиации.

«Тренировка, по всем средствам радионавигации обязательно совмещенная со слепыми и ночными полетами, должна занять в этой программе как отдельный раздел 25—30 часов», — так закончил я свое заключение.

Вскоре нас опять вызвали в Кремль, где руководство ВВС докладывало о ходе организации

▲ Судец Владимир Александрович

и формирования полка. Здесь же было определено место дислокации полка — Смоленск. Я должен был слетать на место, утрясти все и вернуться с докладом в Москву.

Говорили мы довольно долго. В заключение Сталин спросил, есть ли у меня какие-либо замечания или вопросы. Вопросов не было, и на другой день наш экипаж улетел в Смоленск. Затем, уже в Москве, я получил распоряжение руководства ГВФ больше не летать на этом самолете и экипаж не беспокоить. Это значило, что, хотя никаких официальных документов на меня еще не было, моя служба в Аэрофлоте фактически кончилась. Мой экипаж в полном составе пожелал продолжать службу вместе со мной в ВВС, то есть в полку.

Прилетев из Смоленска, я сразу же отправился с докладом к генералу Проскурову. обстоятельно доложив все вопросы, я поинтересовался, что мне делать дальше. Генерал сказал, что на подпись наркому уже подготовлен приказ, где полку, которым мне предстояло командовать, присваивается наименование Отдельного 212-го дальнебомбардировочного, и этим приказом я назначался его командиром. Задер-

жка происходит с присвоением мне воинского звания: летчики сейчас вместо званий среднего командного состава получают звания младшего командного состава и живут на казарменном положении. В связи с этим новым положением и мне звание выше капитана не положено: будут докладывать наркому обороны.

Вот уж о чем я не думал и что меня меньше всего волновало! Я так и сказал генералу Проскурову, что звание меня мало интересует. Положено быть капитаном — буду капитаном, дело, в конце концов, не в звании, а в предстоящей работе.

Проскуров разъяснил, что этот вопрос сложнее, чем я думаю, так как я в то же время назначаюсь начальником гарнизона, а начальник гарнизона должен быть старшим не только по должности, но и по званию.

Спустя короткое время меня снова вызвали в Кремль. Сталин интересовался, как идут дела с формированием полка. Я доложил о полете и о том, что полк сейчас передислоцируется в Смоленск.

— А как у вас решается вопрос с начальником штаба и с вашим заместителем?

На должность начальника штаба намечался товарищ с академическим образованием — майор Жильцов, но он приезжал ко мне домой, рассказал, что его должны назначить начальником штаба бригады, и просил отказаться от его кандидатуры: не мешать его продвижению по службе. Я с ним согласился. Начальником штаба был недавно в этот полк назначен майор Богданов Владимир Карпович. Он уже слышал, что сюда намечается кто-то другой, и очень об этом сожалел.

Коротко ознакомившись с его прохождением службы, которую он начал с рядового и, поднимаясь по должностной лестнице, не пропустил ни одной ступени, я решил, что лучшего начальника штаба мне не найти. Службу он знает досконально, а я буду заниматься летными делами. Предложил ему остаться в занимаемой должности — он согласился, и мы оба остались довольны таким исходом нашего разговора.

— Товарищ Сталин, начальник штаба на месте, человек вполне подходит. Заместителя пока нет, но его подыскивают, из-за этого дело стоять не будет. Мне кажется, все идет как нужно. Поскорее бы мне только быть в полку.

— Это верно. Вопросы у вас ко мне есть?

— Есть, товарищ Сталин.

— Ну? — произнес он несколько удивленно. — Что же вам еще мешает?

— Я хотел бы вас просить, товарищ Сталин, передать в состав полка самолет и экипаж, с которым я долго летал. Экипаж и я хотим и дальше вместе продолжать службу.

— И это все? — спросил Сталин. — Ну как, передадим? — обратился он к присутствующим.

— Передать... Передать! — послышалось несколько голосов.

— Ну вот, видите! Можете забирать и самолет, и экипаж, мы договоримся с руководством ГВФ.

Я облегченно вздохнул.

— А теперь у меня к вам вопрос, — подойдя, сказал Сталин. — Сколько жалованья вы получаете?

— Постановлением Совнаркома мне, как шеф-пилоту Аэрофлота, определено четыре тысячи рублей в месяц, — несколько озадаченно ответил я.

— А сколько получает командир авиационного полка? — спросил Сталин, обращаясь к наркому обороны Маршалу Советского Союза Тимошенко.

— У нас такого оклада и нарком не получает. Командир полка получает у нас тысячу шестьсот рублей, — ответил маршал Тимошенко.

Стало тихо.

— А сколько же вы вообще зарабатываете? — спросил Сталин. Разговор принимал неприятный для меня оборот.

— Товарищ Сталин, я за деньгами не гонялся и не гонюсь. Положено тысячу шестьсот рублей — буду получать такой оклад.

— А все-таки, сколько вы зарабатываете?

— Много, — ответил я несколько повышенным тоном и умолк.

Мне было неприятно и обидно,

что столь хорошо начавшийся разговор об организации полка вдруг переключился на меркантильные, второстепенные, как я считал, вопросы.

Я почувствовал, что мой ответ воспринят присутствующими неблагоприятно. Сталин ходил молча, покуривая трубку. Поравнявшись со мной, он остановился и спокойно сказал:

— Ну, вот что, вы, как командир полка, будете находиться на казенных харчах, вас будут задаром обустраивать и одевать, у вас будет казенная квартира. При всем этом, видимо, целесообразно оставить вам получаемое жалованье. Зачем обижать человека, если он идет на ответственную, серьезную работу? Как, товарищи? — обратился он к присутствующим.

Послышались голоса: «Правильно, правильно!»

— Вы удовлетворены? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Конечно, вполне удовлетворен, товарищ Сталин.

— Ну, вот и хорошо. Пора уже вам одеваться в военную форму и приступать к работе. Форму вам шьют?

— Наверное, скоро сошьют, — ответил я.

Приказа о моем назначении и присвоении мне воинского звания еще не было, поэтому и формы не было, но говорить об этом Сталину я постеснялся. К тому же я испытывал естественное чувство неловкости от такого внимания ко мне. Позже я узнал, что дело было не во мне, что у Сталина было в обычае не только спрашивать с людей, но и заботиться о них. Мне, например, пришлось быть свидетелем такого случая. В 1942 году промышленность перебазировалась на восток, но не все ладилось в ее организации. Плохо шли дела с программой на одном из танковых заводов. Обсуждался вопрос: что делать? Кто-то из товарищей предложил послать туда директором завода одного из замнаркомов, сильного организатора, который сумеет выправить положение.

Сталин спросил:

— Сколько получает директор завода?

▲ Эмблема ГВФ

Ему назвали сумму.

— А замнаркома?

Оказалось, намного больше.

— Семья у него есть?

Последовал утвердительный ответ.

— Как же вы его будете посылать директором завода и снижать его зарплату, если он хороший работник?

— Он коммунист и обязан выполнять решения.

— Мы все не эсеры, — заметил Сталин. — А со своей должностью он здесь справляется?

— Вполне.

— А вы говорили ему, что хотите рекомендовать его на должность директора завода?

— Нет.

Наступила длительная пауза. Наконец Сталин заговорил:

— Вот у нас есть некоторые господа коммунисты, которые решают вопросы так: раз ты коммунист, куда бы тебя ни посылали, что бы с тобой ни делали, кричи «ура» и голосуй за Советскую власть. Конечно, каждый коммунист выполнит любое решение партии и пойдет туда, куда его посылают. Но и партия должна поступать разумно. Вряд ли тот или иной комму-

нист будет кричать «ура», если вы бросите его на прорыв и за это сократите ему жалование в два раза, хотя вам он об этом, возможно, ничего и не скажет. Откуда вы взяли, что мы имеем право так поступать с людьми? Видимо, если мы действительно хотим поправить дело, целесообразно все блага, которые он получает здесь, оставить его семье, а его послать на завод, и пусть там работает на жалование директора завода. Поставит завод на ноги — вернется обратно. Думается, при таком решении и дело двинется, и энергии у человека будет больше.

Но вернемся к эпизоду, связанному с моим назначением.

— Разрешите идти? — спросил я Сталина, полагая, что все уже выяснено.

— Подождите.

Спустя некоторое время большинство присутствующих разошлось. Осталось несколько человек, в том числе Молотов, Маленков, Микоян.

Немного похаживая, Сталин остановился возле меня и сказал:

— Вам, как и всякому военному, нужно твердо знать, для чего, для каких операций вы будете готовить кадры, поэтому я хочу кое-что вам сказать.

Он подошел к карте. Я последовал за ним.

— Вот видите, сколько тут наших противников, — указывая на западную часть карты, сказал Сталин. — Но нужно знать, кто из них на сегодня опаснее и с кем нам в первую очередь придется воевать. Обстановка такова, что ни Франция, ни Англия с нами сейчас воевать не будут. С нами будет воевать Германия, и это нужно твердо помнить. Поэтому всю подготовку вам следует сосредоточить на изучении военно-промышленных объектов и крупных баз, расположенных в Германии, — это будут главные объекты для вас. Это основная задача, которая сейчас перед вами ставится.

Уверенный, спокойный тон Сталина как бы подчеркивал, что будет именно так, а не иначе. О договоре, заключенном с Германией, не было сказано ни слова.

— Все ли вам ясно?

— Абсолютно все, товарищ Сталин.

— Ну, желаю вам успеха. До свидания!

Ушел я в приподнятом настроении. Этому были две причины. Первая та, что, видимо, завтра я получу приказ о формировании полка и смогу, наконец, улететь и приступить к выполнению намеченного плана боевой подготовки. Вторая — более важная: за несколько посещений Кремля я увидел, какая огромная и интенсивная работа ведется партией и правительством по перевооружению нашей армии под прямым и непосредственным руководством Сталина и с какой быстротой претворяются в жизни все решения Кремля.

На другой день я получил приказ о формировании полка и присвоении мне воинского звания «подполковник». Я просил разрешения сразу вылететь в Смоленск, но был вынужден задержаться на сутки, так как появляться командиром полка в штатской одежде мне было запрещено.

Без всякого сожаления мы с экипажем покидали Москву: столько было планов, столько предстояло забот и хлопот, что буквально каждый день был дорог.

Г. П. КОЧЕРГИН
генерал-майор авиации,
заслуженный военный летчик России

ЛЕТЧИК

ЛЕТЧИКАМ РОССИИ

*Я встаю на рассвете,
И такой не один,
Ведь нельзя жить на свете
Без небес и турбин.*

*Без посадок и взлетов
И волнения в крови,
Без рискованных полетов
И без верной любви.*

*В гарнизоне дом отчий
И родная земля.
Я – потомственный летчик,
Командир корабля.*

*У отцовской могилы
И звезда, и винты.
Здесь я черпаю силы
Для своей высоты.*

*Эшелон набираю
С разворотом на курс,
Я здоровье сжигаю,
Сберегая ресурс.*

*Два просвета в погонах
Со звездой ношу,
На маршрутах и в зонах
Стратосферой дышу.*

*Улетаю неблизко
По тревоге и без,
Не умею без риска,
Без турбин и небес.*

*Возвращусь, и с волнением
Сын прижмется к плечу..
Не останусь в забвенье,
Если не прилечу.*

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

МНЕ КРЫЛЬЯ ЗАХОТЕЛОСЬ ОБРЕСТИ

*Мне крылья захотелось обрести,
Стать аистом, отправиться в полет
И над Полесьем время провести,
Где Родина, где предков дух живёт.*

*Лесов и пашен насладиться видом,
И чистых рек, и малых ручейков
И самому себе быть любопытно гидом,
Лететь свободным от любых оков.*

*Парить в безоблачном высоком поднебесье,
Где солнце, жаворонка трели, облака
-Ну, здравствуй, милое моё Полесье,
Когда ещё тебя увижу свысока?*

*А как хотел бы после стольких лет
В речушке искупаться за деревней
Пройтись по лесу, где знал каждый след
И посетить погост - хранитель духа древний.*

*Там много поколений обрели покой
Среди дубов, которым сотни лет.
Иду я узкой между них тропой
В тот уголок, где мать и бабка, и мой дед.*

*Потом бы вновь поднялся на крыло
И с высоты окинул все окрест,
Где детство бедно пусть, но счастливо текло,
С небес спустился б и понёс свой крест.*

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

ТЕАТР КУКОЛ

*Коньяк, фанфары, конфетти,
Расцветен купол,
Мы ночь решили провести
В Театре кукол.*

*Кругом витрины, стеллажи,
На них застыли
Кого мы помним с детских лет,
Кого любили.*

*Воспоминаний легких рой
Вокруг летает.
Я поражен был их игрой
Кто ж их не знает.*

*Теперь они как инвентарь
С пришитой биркой.
Как там, в Кунсткамере, стоят
В большой пробирке.*

*Я скромным был и молодым
Чуть-чуть неловким,
Но я любил их как театр
Их постановки.*

*Я повзрослел, увидел жизнь
И понял фразу:*

*«Весь мир театр, ты в нем актер»
Хотя не сразу.*

*Теперь мы чатимся в сети
Повсюду Гугл.
Но ведь никто не отменял
Театр кукол.*

*Смешны политики порой
Важны и пухлы,
Они завясят от других –
Живые куклы.*

*И на Охотном кукловод
Совсем не редкость,
Там все на ниточках висят –
Марионетки.*

*И лишь с друзьями хорошо
И все спокойно,
Но что случилось? Кто меня
За нитку дернул?*

*Закончен бал и во дворце
Погасли свечи.
Я благодарен вам, друзья
За этот вечер.*

ИВАН ПУППО

ЭСКАДРИЛЬЯ МОЯ

*Пожелтевшее фото –
Эскадрилья моя.
Только что из полета
Возвратились друзья.
Грозовая эпоха
Дышит в лица бедой.
Молодой Скоморохов.
Кожедуб молодой..
Вновь ракета взорвется,
И из огненных трасс,
Может быть, не вернется
Нынче кто-то из нас.
Будет спать этот кто-то
Под фанерной звездой,
А на стареньком фото
Он такой молодой!..*

*Полчаса передышки
Шлемофоны в траве.
Лейтенанты-мальчишки
Соколиных кровей!..
О погибших — ни вздоха,
Только складки у губ..
Молодой Скоморохов,
Молодой Кожедуб..
Что так грустно молчишь ты,
Седовласый мой друг?
Лейтенанты-мальчишки
В сердце ожили вдруг.
Годы в огненной дымке
Встали горной грядой.
А на стареньком снимке
Ты — такой молодой!..*

▲ Командир эскадрильи М.Н. Скоморохов ставит задачу летчикам Б.С. Горькову, В.В. Кирилюку и В.И. Калашонку

